

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

4

2018

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ДАНИЛОВ А. Н.** – доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: a.danilov@tut.by

Заместители главного редактора **ГРИЩЕНКО Ж. М.** – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zhanna0607@mail.ru

РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: dgrotman@rambler.ru

Ответственный секретарь **КОБЯК О. В.** – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: aleh.kabiak@mail.ru

- Бабосов Е. М.** Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Бакиров В. С. Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Бурова С. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Вятр Е. Европейская высшая школа права и управления, Варшава, Польша.
Галлиев Г. Т. Институт непрерывного и дополнительного образования, Уфа, Россия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Головаха Е. И. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Горшков М. К. Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия.
Инглхарт Р. Ф. Мичиганский университет, Анн-Арбор, США.
Кечина Е. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кизима С. А. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Клингеман Х.-Д. Берлинский центр социальных наук, Берлин, Германия.
Коростелева Е. А. Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Курилович Н. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кучко Е. Е. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Лихачёв Н. Е. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Матулионис А. Институт социологии Литвы, Вильнюс, Литва.
Рубанов А. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Рудь В. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь (зав. редакцией).
Симхович В. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Соколова Г. Н. Центр политической и экономической социологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Стёпин В. С. Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Херпфер К. Венский университет, Вена, Австрия.
Черняк Ю. Г. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Чурилов Н. Н. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Шавель С. А. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Щелкова Т. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	DANILOV A. N. , doctor of science (sociology), full professor, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: a.danilov@tut.by
Deputy editors-in-chief	GRISHCHENKO Zh. M. , PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: zhanna0607@mail.ru ROTMAN D. G. , doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Executive secretary	KABIAK A. V. , doctor of science (sociology), docent; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: aleh.kabiak@mail.ru
Babosov Y. M.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Bakirov V. S.	Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Burova S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vyatr J.	European School of Law and Administration, Warsaw, Poland.
Galliyev G. T.	Institute of Continuous and Additional Education, Ufa, Russia.
Hihin V. F.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Golovakha E. I.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Gorshkov M. K.	Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Inglehart R. F.	University of Michigan, Ann Arbor, USA.
Kechina E. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kizima S. A.	Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Klingemann H.-D.	Berlin Social Science Center, Berlin, Germany.
Korosteleva E. A.	University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
Kurilovich N. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kuchko E. E.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V.	Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Likhachyov N. E.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Matulionis A.	Institute of Sociology of Lithuania, Vilnius, Lithuania.
Rubanau A. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rud V. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus (head of the editorial staff).
Simkhovich V. A.	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Sokolova G. N.	Centre for Political and Economic Sociology of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Stepin V. S.	Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Titarenko L. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T.	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Filinskaya L. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Herpfer K.	University of Vienna, Vienna, Austria.
Chernyak Y. G.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Churilov N. N.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Shavel S. A.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Shchyolkova T. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 33:004(100)

ПОСТРОЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В ГОСУДАРСТВАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ МИРОВОГО ОПЫТА

С. Г. ГОЛУБЕВ¹⁾

¹⁾Институт экономики Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются глобальные тренды научно-технологического развития. Отмечено, что информационно-коммуникационные технологии – ключевой фактор становления шестого технологического уклада. Анализируется развитие систем искусственного интеллекта, выступающих фундаментальной составляющей информационно-коммуникационных технологий. Затрагиваются вопросы комплексной цифровизации экономик постсоветского пространства как важнейшего элемента повышения их конкурентоспособности.

Ключевые слова: глобальные тренды; цифровая экономика; технологический уклад; искусственный интеллект; информационно-коммуникационные технологии.

BUILDING A DIGITAL ECONOMY IN THE POST-SOVIET STATES THROUGH THE PRISM OF INTERNATIONAL EXPERIENCE

S. G. GOLUBEV^a

^aInstitute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The report discusses the global trends of scientific and technological development; information and communication technologies as a key factor in the development of the sixth technological order; development of artificial intelligence sys-

Образец цитирования:

Голубев С.Г. Построение цифровой экономики в государствах постсоветского пространства сквозь призму мирового опыта. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:4–14.

For citation:

Golubev SG. Building a digital economy in the post-Soviet states through the prism of international experience. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4: 4–14. Russian.

Автор:

Сергей Григорьевич Голубев – доктор экономических наук, профессор; заведующий сектором аналитического обеспечения деятельности Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству.

Author:

Sergey G. Golubev, doctor of science (economics), full professor; head of the analytical support sector of the Belarusian-Chinese Intergovernmental Committee for Cooperation.
golubev_sergei@tut.by

tems, acting as a fundamental component of information and communication technologies; issues of complex digitalization of post-Soviet economies as the most important element of improving their competitiveness.

Key words: global trends; digital economy; technological structure; artificial intelligence; information and communication technology.

Результаты анализа глобальных трендов научно-технологического развития свидетельствуют о доминировании в современной мировой экономике пятого технологического уклада, ядро которого формируют электронная промышленность, вычислительная и оптоволоконная техника, роботостроение, телекоммуникации, программное обеспечение и услуги по обслуживанию вычислительной техники. Одновременно происходит становление шестого технологического уклада, который на ближайшие несколько десятилетий определит уровень мирового экономического развития, место каждой страны в глобальном разделении труда и перераспределит финансовые потоки. Страны, освоившие технологии шестого технологического уклада, организуют долгосрочный высокодоходный базис для встраивания в международные цепочки создания стоимости и обеспечат высокую норму доходности от использования экономических ресурсов.

Ядро шестого технологического уклада формируют нано-, био-, инфотехнологии, когнитивные технологии и их конвергенция. Ключевым фактором становления данного уклада является поступательное развитие информационных технологий. IT-отрасль уже сегодня характеризуется крайне высокими темпами роста в мировой экономике. Она непосредственно определяет формирование экономики нового типа, основанной на знаниях, использовании информации и продуктов интеллектуального труда человека. По сути, мы являемся свидетелями последнего этапа трансформации экономик различных государств мира в направлении от индустриальной модели, приоритетом которой было производство и потребление материальных благ, к информационной, предпочтение в которой отдается производству и потреблению знаний и различных информационных ценностей.

Основной характеристикой новых технологий в этих условиях выступает «информационность» наряду с традиционными понятиями энерго-, материало- и капиталоемкости. Наибольшее значение приобретает накопление не вещественных элементов производства, а знаний и вообще полезной информации, и так как их носителем выступает человек, то накопление «человеческого капитала» по своей значимости для национального благосостояния начинает оттеснять на задний план традиционное финансовое накопление, опосредующее приобретение вещественных ценностей. Кроме того, проявляется все большая весомость организационных инноваций, позволяющих учесть

социальный фактор производства, т. е. интересы многопланово развивающегося работника, и, следовательно, раскрыть и полностью использовать весь объем информации (знаний, умений, навыков), аккумулированный в современном работнике.

В создавшихся условиях важнейшим фактором повышения конкурентоспособности экономик стран постсоветского пространства является их комплексная цифровизация, широкое внедрение как в базовых отраслях, так и в новых секторах народного хозяйства информационно-коммуникационных технологий (ИК-технологий).

По определению Всемирного банка цифровая экономика представляет собой систему экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых ИК-технологий. Предполагается, что доход мировой экономики от цифровизации к 2025 г. превысит 30 трлн долл. США [1].

В 2009 г. в США была принята программа «Облачная стратегия», главной целью которой является снижение издержек производства и повышение эффективности управления в государственном и частном секторах. В 2010 г. Европейский союз утвердил программу «Цифровая Европа – 2020» (заявленная цель – оцифровка промышленности), а Германия в 2011 г. – программу «Индустрия 4.0» в целях полного перехода к 2030 г. на «интернетизированное производство».

В июле 2015 г. в Китайской Народной Республике была принята программа «Интернет плюс» по развитию цифровой экономики и формированию нового информационного общества. В рамках общей программы выделяют следующие ее направления: «Интернет плюс обрабатывающая промышленность», «Интернет плюс агропромышленный комплекс», «Интернет плюс финансы», «Интернет плюс торговля», «Интернет плюс логистика», «Интернет плюс медицина», «Интернет плюс туризм», «Интернет плюс правительство». По сути, программа «Интернет плюс» – это совмещение интернета и традиционных отраслей народного хозяйства через онлайн-платформы и ИК-технологии. Предполагается интегрировать мобильный интернет (*mobile Internet*), облачные вычисления (*cloud computing*), большие данные (*big data*) и интернет вещей (*Internet of things*) с современным промышленным производством, способствовать здоровому развитию электронной коммерции, промышленных сетей и банковских онлайн-услуг (интернет-

банкинга) и стимулировать китайские интернет-компании к расширению операций за рубежом. Поставлена задача к 2025 г. превратить концепцию «Интернет плюс» в новую модель экономического роста – важную движущую силу инновационного развития экономики и главный стимул социального развития китайского общества. Ожидается, что выполнение поставленных задач и оперативное включение инновационных информационно-коммуникационных решений в производственный процесс способны в течение ближайших лет поднять рост производительности труда на 22 % и добавить к 2025 г. не менее 2,3 трлн долл. США в ВВП Китая [2].

Справочно. Искусственный интеллект представляет собой научное направление, в рамках которого ставятся и решаются задачи моделирования некоторых видов человеческой деятельности, традиционно считавшихся прерогативой человека (творческая деятельность). С технологической точки зрения искусственный интеллект объединяет совокупность технологий, таких как машинное обучение, глубокое обучение, обработка естественного языка, компьютерное зрение и распознавание образов, машинное рассуждение (*machine reasoning*), когда через алгебраическое манипулирование ранее накопленными массивами данных, трансформированных в машинные знания, формулируются ответы на новые вопросы, наконец, самоидентифицирование, когда искусственный суперинтеллект (*artificial superintelligence*) приобретает способность самостоятельно совершенствоваться.

Системы ИИ находятся в фокусе внимания передовых технологических держав, поскольку эти технологии способны выступить новой движущей силой экономического развития и промышленных преобразований, открыть принципиально новые возможности по дальнейшей социализации общества и обеспечению национальной безопасности.

У руководителей ведущих государств мира есть четкое понимание того, что искусственный интеллект – это «будущее всего человечества», а «тот, кто станет лидером в этой сфере, будет властелином мира»¹.

Рассмотрим на примере Китая актуальные вопросы развития сферы ИИ. Прежде всего подчеркнем, что руководство этой страны к числу факторов, призванных обеспечить в перспективе достижение ее глобального лидерства и дальнейшего динамичное развитие, относит в первую очередь внедрение информационных технологий во все сферы деятельности государства и общества. Причем особое значение в этом направлении придается исследованиям и разработкам решений, связанным именно с ИИ.

Экспертной группой Массачусетского технологического института (США) проведен комплексный анализ состояния сферы искусственного интеллекта ИТ-отрасли Китая. Результаты этого анализа показывают следующее:

- одна из самых быстрорастущих сфер ИТ-индустрии Китая – технологии ИИ. Китай стал мировым лидером по росту количества патентов в сфе-

Фундаментальной составляющей развития информационных технологий в контексте становления шестого технологического уклада являются системы искусственного интеллекта (ИИ) (англ. *artificial intelligence, AI*). На их основе новый импульс развития получают гибкая автоматизация производства, космические технологии, производство конструкционных материалов с заданными свойствами и атомная промышленность. Прогресс в технологиях обработки информации искусственным интеллектом повлечет за собой новый виток глобализации экономики и взаимозависимое укрупнение единого мирового рынка товаров, капитала, труда.

ре ИИ за последние пять лет с показателем роста 190 %;

- ни одна другая страна мира не в состоянии генерировать такой объем данных, как Китай, что при отсутствии серьезных ограничений со стороны правительственных органов в доступе к ним позволяет быстрее выявлять определенные закономерности практически в любых сферах – от технологических процессов в различных отраслях промышленности до поведенческих мотивов личности – для построения на их основе соответствующих математических алгоритмов, применяемых при машинном обучении;

- скорость работы исследователей в Китае гораздо выше, чем в Кремниевой долине и в остальном мире, поэтому китайские компании продвигаются гораздо быстрее. Китайские ученые имеют доступ ко всем китайским и международным исследованиям, поскольку они, как правило, знают английский язык. При этом англоговорящие ученые не могут изучить исследования на китайском языке, что дает китайской отрасли определенное преимущество;

- в результате многолетнего непрерывного накопления знаний Китай достиг значительных успехов в определенных областях ключевых технологий – обработке больших массивов информации, интеллектуальном мониторинге, биометрической идентификации, робототехнике. Китайские разработчики добились мирового лидерства в области распознавания голоса, технологий визуального

¹Об этом заявил В. Путин 1 сентября 2017 г. (см.: <https://tass.ru/obschestvo/4524746>).

распознавания, что влечет за собой скачкообразное развитие систем адаптивного машинного обучения и гибридного интеллекта;

- Китай обладает крупнейшим в мире рынком электронной торговли и становится важной силой по формированию структуры глобальной информатизации. Доля Китая в глобальном объеме электронной торговли составляет свыше 40 %, причем еще десять лет назад этот показатель был менее 1 %. Объем сделок в электронном сегменте торговли Китая уже превысил аналогичные показатели пяти стран – Великобритании, США, Японии, Франции и Германии. Объем сделок, проведенных посредством мобильных платежей и связанных с индивидуальным потреблением, в Китае в 11 раз больше, чем в США;

- открытый подход китайского правительства к IT-компаниям и организациям позволяет государству стать активным катализатором цифрового развития при сохранении своей постоянно возрастающей руководящей роли, опирающейся на механизмы регулирования рынка. Значительные целевые инвестиции центрального правительства служат сигналом к оказанию поддержки развития ИИ для местных органов власти и компаний по всей стране [3].

Принимая во внимание всю значимость и перспективность работ в области создания ИИ, руководство Китая в марте 2017 г. добавило эту сферу в отчет о работе правительства Китая, представляемый премьером Государственного совета КНР Ли Кэцяном. Кроме того, в июле 2017 г. на высоком

уровне был принят официальный документ «План развития искусственного интеллекта следующего поколения» (далее – План) [4].

План включает такие положения:

- к 2020 г. Китай должен достигнуть уровня развития технологий ИИ ведущих стран мира и создать индустрию стоимостью около 22 млрд долл. США (150 млрд юаней)²;

- к 2025 г. планируется сформировать законодательную базу, регламентирующую вопросы внедрения научно-технических разработок, в основе которых лежат технологии ИИ, сделать прорывные открытия в данной области и стать крупнейшим центром ИИ-инноваций в мире;

- к 2030 г. Китай должен стать мировым лидером в области теории, технологий и приложений ИИ, а связанные с ним области экономики будут вносить в валовой национальный продукт до 150 млрд долл. США ежегодно. По некоторым данным, объем ИИ-индустрии к этому времени может составить около 1 трлн юаней (151,5 млрд долл. США), а размеры финансирования разработок в смежных областях знаний превысят 10 трлн юаней (1,5 трлн долл. США).

Планируется также поддерживать исследования в области робототехники, интернета вещей, квантовой физики, ускорить реализацию планов модернизации в промышленном производстве, сельском хозяйстве, медицине и логистике. Ожидается, что через 10 лет по объемам внедрения разработок на основе технологий ИИ Китай начнет опережать США, что увеличит ВВП КНР на 26 % к 2030 г.

Справочно. В сентябре 2017 г. правительство г. Тяньцзинь и Инженерная академия Китая подписали соглашение о сотрудничестве, согласно которому сторонами будет совместно создан Китайский НИИ стратегий развития искусственного интеллекта нового поколения. Целями исследований НИИ определены развитие научно-технической индустрии в области ИИ нового поколения, разработка общей стратегии и поэтапных планов, прогнозирование тенденций развития передовых технологий и производств будущего в связанных с ИИ областях науки и техники. На основе анализа международных тенденций и текущего состояния китайской науки, техники и производства НИИ будет определять потребность в стоящих на повестке дня научно-технических вопросах в области ИИ, а также в ожидаемых научно-технических результатах, создаст международную и национальную систему оценки степени полезности тех или иных технологий в сфере ИИ.

В октябре 2017 г. Инновационный центр квантовой информации и квантовой физики Китайской академии наук (Шанхай) и компания «Aliyun», дочернее предприятие китайского интернет-гиганта «Alibaba», специализирующееся в сфере облачных вычислений, совместно запустили облачную платформу квантовых вычислений. Платформа предоставит клиентам среду для разработок и тестирования облачных квантовых алгоритмов, при этом скорость вычислений в десятки тысяч раз выше, чем при использовании обычных технологий.

Кроме того, Планом предписываются следующие направления работы:

- создание широкой сети исследовательских центров при научно-исследовательских и образовательных структурах; стимулирование дея-

тельности по защите магистерских и докторских диссертационных исследований и устранение излишних административных проволочек в этих процессах; поощрение учреждений высшего образования, осуществляющих подготовку специали-

²В 2016 г. рост масштаба индустрии ИИ в Китае составил 43,3 % и превысил 10 млрд юаней. По итогам 2017 г. он достиг 15,21 млрд юаней (2,3 млрд долл. США).

стов для работы в сферах, связанных с созданием и внедрением технологий ИИ; разработка новой модели междисциплинарного профессионального обучения $AI + X$, сочетающей в себе подготовку как по дисциплинам ИИ, так и по математике, информатике, физике, биологии, психологии, социологии, праву и другим наукам; улучшение координации в рамках национальной инициативы «Тысячи талантов»;

- совершенствование вертикально интегрированной системы управления, способной функционировать по стандартам $AI+$ на основе глубокой конвергенции ИИ в процессы управления экономикой, общественными отношениями и экологией;

- ускоренное создание передового программного обеспечения, аппаратных средств, операционных систем и систем управления базами данных, работающих в средах, формируемых технологиями ИИ; создание технологий, призванных совершить прорыв в обработке графических данных, распознавании голосовой информации и визуальных образов, машинном переводе, системах поддержки принятия решений и моделирования различных технологических и социальных процессов;

- развитие робототехники, результатом которого должно стать создание и крупномасштабное внедрение интеллектуальных промышленных роботов, роботизированных аппаратов для исследований космоса и мирового океана; формирование национальной законодательной базы, норм безопасности и стандартов применения роботизированных систем; агрессивное продвижение роботов китайского производства на мировой рынок товаров и услуг³;

- разработка и производство различных по функциональному предназначению автономных беспилотных комплексов, не наносящих ущерба окружающей среде, для их интеграции в транспортно-логистическую сеть страны; создание интеллектуальных систем управления трафиком наземного, воздушного и морского транспорта;

- достижение прорыва в ключевых ИТ-технологиях с фокусом усилий на создании высокопроизводительного программного обеспечения для моделирования разнообразных процессов, на анализе гетерогенного контента и генерировании отчетов, построении виртуальной и дополненной реальности, разработке новых алгоритмов взаимодействия в среде человек – машина; исследования в соответствующих областях для создания виртуальных устройств отображения, трехмерных дисплеев высокого разрешения и других аналогичных продуктов, а также технологических сред автоматизированного трехмерного проектирования;

формирование стандартов и систем оценки технологий виртуальной и дополненной реальности, программных продуктов и специальных сервисов для их эффективной интеграции в различные сектора экономики и сферы общественной жизни;

- разработка и производство высокочувствительных интеллектуальных сенсорных устройств и чипов, поддерживающих ИТ-технологии нового поколения, достижение значительного прогресса в основных технологиях интернета вещей – автоматическая идентификация объектов (*RFID*), ближняя межмашинная связь, низкоэнергетические процессоры.

Для внедрения технологий, создаваемых на основе ИИ, План определяет такие приоритетные сектора экономики, как машиностроение, сельское хозяйство и перерабатывающая промышленность, логистика, финансы и торговля. В машиностроении предписывается сосредоточить усилия на разработке и создании новых станков и инструментов, внедрении интеллектуальных технологических процессов, методов дистанционной диагностики и сервисного обслуживания с широким использованием платформ облачных вычислений; в сельском хозяйстве – обратить внимание на создание различных по назначению систем мониторинга космического, воздушного и наземного базирования, алгоритмов моделирования отраслевых процессов, интеллектуальных сельскохозяйственных машин и оборудования, автоматизации процессов возделывания культур и выращивания животных, на строительстве и вводе в эксплуатацию мультипроцессинговых перерабатывающих комплексов. В Плане указано, что в логистике наряду с совершенствованием общей функциональности всех звеньев логистических цепочек необходимы разработки и внедрения интегрированных информационно-управляющих платформ, автоматизированных систем определения местоположения, идентификации, контроля качества и состояния обрабатываемых товаров. В сфере финансов и торговли акцент сделан на усовершенствовании работы процессинговых центров через применение технологий обработки больших данных, внедрении новых видов финансовых услуг и бизнес-моделей, разработке интеллектуальной системы предотвращения финансовых рисков, развертывании активной популяризации новых коммерческих и торговых услуг, разработанных на основе технологий ИИ.

Создание зон инновационного развития, индустриальных парков, бизнес-инкубаторов и кластеров ИИ-индустрии, интегрирующих в себе высокотехнологичные производства и исследовательские институты, определено Планом в качестве дей-

³Китай последние пять лет является крупнейшим рынком промышленных роботов в мире, на его долю приходится свыше 30 % объема глобального рынка.

ственного механизма достижения перечисленных целей. На районы размещения таких зон предписано распространить разрабатываемые соответ-

ствующими структурами правила так называемого общенационального инновационного эксперимента в сфере ИИ.

Справочно. В 2016 г. в г. Ханчжоу (провинция Чжэцзян) на востоке страны открылся первый город искусственного интеллекта, где представлены около 15 различных платформ ИИ и 90 инновационных проектов. Городок станет своеобразной стартовой платформой для талантливых разработчиков в сфере технологий виртуальной и расширенной реальности.

В июне 2017 г. в г. Фучжоу (провинция Фуцзянь) проведена первая в мире Международная научно-практическая конференция по проблеме использования больших данных в здравоохранении и медицине. Конференция была организована при поддержке властей города и провинции венчурным фондом «Sequoia Capital» совместно с International Business Machines Corporation и Lenovo Group Ltd.

Значительное внимание в Плане уделено вопросам интеграции ИИ-технологий в социальную сферу. Предписано ускорить внедрение ИИ в образование, здравоохранение, систему пенсионного обеспечения. В системе образования планируется создание интеллектуальных студенческих городков, трехмерных интегрированных обучающих моделей, базирующихся на технологиях обработки больших данных, дистанционного обучения и интеллектуальных образовательных платформах, внедрение комплексной системы анализа эффективности образовательных процессов. Также предусмотрено создание единого обучающего информационного пространства. Фокус трансформации системы здравоохранения сосредоточен на следующих направлениях: внедрении новых моделей

и методик оказания медицинской помощи, основу которых должны составить интеллектуальные медицинские системы; развитии медицинских роботов, биологически совместимых систем физиологического мониторинга, клинической диагностики, комплекса мер по раннему выявлению патологий и разработке новых протоколов лечения; проведении исследований на основе технологий ИИ в области генома человека, протеомики, метаболизма, разработки новых лекарственных средств, улучшении системы эпидемиологического мониторинга. Кроме того, Планом предусмотрено совершенствование системы социального обеспечения людей преклонного возраста через реализацию комплекса мер, повышающих качество их жизни.

Справочно. Китайским национальным центром супервычислений в университете г. Чанши (провинция Хунань) создана система, в которой содержатся данные десятков миллионов историй болезней. В настоящее время система с помощью разработанной математической модели может диагностировать более 30 заболеваний с минимальным процентом ошибочных диагнозов (2 %). Система анализирует симптомы пациента и автоматически выносит медицинское заключение, после чего предлагает оптимальный способ лечения. ИИ медицинской системы тратит на постановку диагноза 100 больным 4,8 с. По результатам проведенных в крупных больницах испытаний точность вынесенных системой диагнозов на 20 % выше, чем при традиционном диагностировании.

Существенное место в Плане отведено вопросам интеллектуализации системы социального управления. Предусмотрено широкое внедрение технологий, созданных на основе ИИ, в различные аспекты управленческой деятельности (администрирование на различных уровнях, судебная система, защита окружающей среды). В сфере администрирования предусмотрено создание и внедрение платформ, использующих технологии ИИ для поддержки таких процессов принятия управленческих решений в административных органах различного уровня, как изучение социальных проблем, оценка эффективности проводимой соци-

альной политики, управление рисками и др. Также предполагается дальнейшая интеграция информационных ресурсов правительства, совершенствование методик прогнозирования социального поведения общества, создание новых доступных коммуникационных каналов между правительством и обществом. В судебной системе предусмотрена интеграция в единую информационную платформу сегментов, включающих базы данных по предварительным расследованиям, персональной информации, результатам судебных разбирательств и мониторингу криминогенной обстановки.

Справочно. Юридический стартап «AI.Law» поставил перед собой задачу «разработать армию роботов-юристов». Машины заменят живых юристов в рутинных делах, таких как регистрация брака, въезд иностранцев, их оформление в стране и т. д. Реализация проекта значительно повысит доступность юридических услуг для населения.

Важнейшими признаны направления работы по имплементации разработок в области создания ИИ в сфере общественной безопасности. Предусма-

тривается дальнейшее совершенствование систем интеллектуального мониторинга, превентивного обнаружения и контроля состояния общественной

безопасности с помощью комплексов различных сенсоров и анализа видеоинформации, новых высокотехнологичных средств идентификации личности, в том числе дистанционного опознавания и биометрической идентификации; создание интеллектуальных платформ, обеспечивающих ком-

плексное воздействие на формирование поведенческих мотивов общества, мониторинг и управление этим процессом, противодействие терроризму и криминальной активности; разработка эффективной системы мониторинга и предотвращения ущерба от техногенных и природных катастроф [5].

Справочно. В 2015 г. правительство КНР заявило о создании общенациональной базы данных, содержащей информацию практически о каждом жителе страны. Эти записи включают данные о состоянии здоровья, личностных пристрастиях гражданина и т. д. На основе информации, содержащейся в базе, гражданам будут назначать «социальные баллы», показывающие степень их лояльности. Также руководство КНР поручило одному из крупнейших государственных оборонных подрядчиков – China Electronics Technology Group Corporation – разработать программное обеспечение, которое способно прогнозировать поведение людей, анализируя множество данных. Целью создания этого решения китайские власти называют антитеррористические меры и повышение безопасности.

Финансовое и ресурсное обеспечение Плана предусматривает широкое привлечение средств государственных и частных институтов, отечественных и иностранных компаний и венчурных фондов, а также введение в действие механизмов коммерциализации результатов разработок в сфере ИИ. Государственным органам предписывается способствовать созданию иностранными корпорациями и научными институтами, специализирующимися на разработках в области ИИ, центров исследований и разработок на территории Китая, в рамках концепции «Один пояс – один путь» содействовать развитию международной кооперации в сфере разработок и практического применения ИИ через создание совместных исследовательских центров; обеспечить ускоренное применение технологий ИИ в странах, включенных в инициативу

«Один пояс – один путь». Субъектам хозяйствования государств постсоветского пространства следует обратить особое внимание на данное положение, поскольку оно открывает дополнительные возможности не только для научной сферы, но и для инновационного развития различных отраслей народного хозяйства.

План предусматривает реализацию мер по стимулированию компаний различных форм собственности, внедряющих в производственные и организационные процессы решения, полученные на основе внедрения технологий ИИ. К таким мерам отнесены льготы по налогообложению, введение механизма возврата государством денежных средств, затраченных на создание технологий в сфере ИИ, если таковые отвечают критериям, предусмотренным в Плане.

Справочно. В сентябре 2017 г. исполнительный директор компании «Lenovo Group Ltd.» Ян Юаньцин заявил о планах по инвестированию 1 млрд долл. США (6,6 млрд юаней) в проекты по разработке и внедрению технологий ИИ в течение следующих трех лет.

Планом вводятся в действие новые дополнительные механизмы защиты прав интеллектуальной собственности на результаты, полученные в ходе разработки технологий ИИ, а также меры защиты интересов национальной безопасности и порядок ограничения распространения информации, касающейся исследований в этой сфере.

В Плане также указываются детальные положения по построению национальной инновационной системы исследований по проблемам ИИ. Для решения этой задачи предполагается не только формирование соответствующей инновационной научно-технической базы, но и усиление элементов системы государственного управления, на которые возлагается вся полнота ответственности за реализацию положений программного документа.

Высшими партийными органами и Госсоветом КНР принято решение о создании малой группы по структурным реформам национальной науки и инновациям, на которую будут возложены функции координации работы по реализации Плана, контроля за работой по данному направлению.

Также в структуре Министерства по науке и технологиям КНР создается бюро по выполнению мероприятий Плана развития искусственного интеллекта следующего поколения, которое будет нести персональную ответственность за результаты работы. Еще одним органом, призванным содействовать безусловной реализации положений Плана, станет вновь создаваемый консультативный совет по стратегии развития искусственного интеллекта, который будет изучать содержание долгосрочных стратегий развития этой сферы и вырабатывать рекомендации для принятия обоснованных решений высшим политическим руководством страны. Предписывается создание широкой сети «мозговых центров» и иных аналитических структур, сосредоточивающих внимание на проблемах создания и применения ИИ.

Ведущим объединением экспертов в сфере ИИ, осуществляющим координацию научных исследований и разработок, является Китайская ассоциация искусственного интеллекта (Chinese Association for Artificial Intelligence, CAAI) [6]. Ассоциация была

создана в 1981 г. Национальным фондом естественных наук Китая. В настоящее время в составе ассоциации работают эксперты ведущих мировых и китайских исследовательских центров, осуществляющих разработки в сфере ИИ, среди них – лондонская лаборатория ИИ *DeepMind* (дочерняя компания *Google*), *Horizon Robotics*, Национальный университет оборонных технологий (*National University for Defense Technology, NUDT*), телекоммуникационная корпорация *ZTE*, группа IT-компаний *BAT* (*Baidu, Alibaba and Tencent*). В целях использования передового опыта в области разработки и внедрения в народное хозяйство технологий искусственного интеллекта IT-компаниям на пост-

советском пространстве целесообразно обратить пристальное внимание на деятельность данной ассоциации, принять меры по установлению прямых контактов и последующему присоединению к ней.

План также предусматривает развертывание широкой пропагандистско-агитационной кампании, призванной сформировать всестороннюю поддержку работ по развитию ИИ со стороны населения. Технологии искусственного интеллекта уже сейчас активно применяются для формирования информационных полей требуемой направленности, что создает условия для манипулирования общественным сознанием.

Справочно. Китайский новостной агрегатор «Toutiao» (www.toutiao.com) использует технологии ИИ для анализа новостных заголовков и предпочтений пользователей, составления на основе полученных данных ленты новостей. Приложение используют более 78 млн человек каждый день, зарегистрировано около 600 млн аккаунтов.

В развитие принятого в 2017 г. Госсоветом КНР Плана Министерство промышленности и информационных технологий КНР в январе 2018 г. опубликовало Трехлетний план действий по стимулированию развития индустрии искусственного интеллекта следующего поколения (2018–2020), направленный на масштабное развитие основных продуктов ИИ, усиление ключевых способностей ИИ, глубокое развитие интеллектуального производства, строительство вспомогательной системы индустрии ИИ.

Новым трехлетним планом предусмотрено создание в Китае команды по развитию ИИ на базе отобранных Министерством науки и техники КНР компаний из тройки *BAT* и *iFlyTek* (работает в области голосовых технологий). Предположительно компания *Baidu* будет специализироваться на развитии беспилотных автомобилей, *Alibaba* – на работах по созданию «умных городов» и улучшению инфраструктуры и городского транспорта, *Tencent* – на компьютеризации медицинских технологий, *iFlyTek* продолжит деятельность в своей отрасли.

В январе 2018 г. было объявлено о начале строительства технопарка для разработок и проектов в сфере ИИ в пекинском пригороде Мэньтоугоу. Технопарк построят в течение 5 лет, объем инвестиций составит 13,8 млрд юаней (более 2 млрд долл. США).

Также ожидается, что в 2018 г. *Google* откроет научно-исследовательский центр искусственного интеллекта в китайской столице. Это будет первый объект компании в Азии, помимо уже существующих центров в Нью-Йорке, Торонто, Лондоне и Цюрихе.

Обозначенные направления по развитию информационно-коммуникационных технологий нового поколения и цифровых управляемых машин, искусственного интеллекта, облач-

ных технологий, промышленного интернета вещей, внедрению роботизированных систем представляются важными с позиции формирования новых перспективных драйверов роста экономик государств постсоветского пространства. Перед этими странами стоят следующие задачи:

- определить круг национальных исследователей, специализирующихся на разработках ИК-технологий нового поколения, а также в сфере ИИ, в том числе работающих в зарубежных научных центрах и профильных компаниях, для формирования из них экспертного совета по развитию и внедрению технологий ИИ (на этот совет целесообразно возложить подготовку предложений для принятия управленческих решений по обозначенной проблематике, в том числе по совершенствованию законодательной базы, созданию фискальных преференций для отечественных разработчиков и организаций, внедряющих технологии ИИ, инициированию направлений и тематики совместных с иностранными партнерами разработок);

- провести инвентаризацию разработок в сфере ИК-технологий нового поколения в целом и искусственного интеллекта в частности, осуществляемых в рамках различных отечественных исследовательских и прикладных проектов под эгидой национальных академий наук и иных структур, в том числе негосударственной формы собственности, в целях определения наиболее перспективных из них для практического внедрения и реализации в рамках совместных проектов, распространения на них дополнительных преференций и мер стимулирования;

- провести анализ учебных программ в профильных учреждениях образования стран постсоветского пространства с целью проверить их соответствие современному уровню знаний об

ИК-технологиях нового поколения и ИИ, придать им прикладную направленность и способствовать формированию опережающего потенциала знаний у обучаемых, обеспечивая тем самым их готовность к деятельности в рамках следующего технологического уклада. Предстоит усовершенствовать существующую информационную систему управления образованием, включая развитие вариативности и гибкости учебных планов, ее оперативного отклика на потребности рынка труда и достижения в области научно-технического развития. Необходимо разработка и внедрение в учебный процесс онлайн-лекций и электронных средств обучения (электронные учебники, контрольно-измерительные материалы, учебные фильмы, анимационные модели), размещение в интернете методических информационных ресурсов и мультимедийных библиотек [7];

- разработать комплекс мер по дополнительному финансированию фундаментальных исследований в области ИК-технологий нового поколения и искусственного интеллекта за счет перераспределения средств с последующим их выделением в отдельно финансируемое научное направление;

- приступить к разработке и согласованию с заинтересованными ведомствами стран постсоветского пространства специализированной **долгосрочной программы развития информационно-коммуникационных технологий нового поколения и освоения технологий искусственного интеллекта** (далее – программа). Ключевой составляющей программы может выступить конкретное описание последовательности создания, освоения и внедрения цифровых технологий, образующих технологическое ядро цифровой экономики: мощных централизованных и распределенных вычислительных ресурсов (суперкомпьютеров и квантовых компьютеров, облачных и периферийных вычислений), соответствующего программного обеспечения, сетевых ресурсов нового поколения, объединяющих большие данные с использованием принципов построения нейросетей.

Выполнение программы потребует создания правовых условий, способствующих реализации поставленных задач, а также законодательного закрепления институтов и механизмов их осуществления. Для этого важно обеспечить своевременность актуализации нормативной правовой базы с учетом направлений развития ИК-технологий нового поколения, а также соответствующих этому изменений в институциональной среде. Особое внимание следует уделить созданию правовой среды (включая вопросы льготного налогообложения, защиты интеллектуальной собственности и привлечения инвестиций, движения капитала), максимально благоприятной для развития ИК-

технологий нового поколения и технологий ИИ. В денежно-кредитной сфере ключевыми должны стать нормативно-правовые акты, определяющие приоритетность кредитования программы развития ИК-технологий нового поколения в странах постсоветского пространства. Обновленная нормативная правовая база будет стимулировать создание условий для концентрации разработчиков ИК-технологий нового поколения и искусственного интеллекта в постсоветских странах и для ускоренного внедрения этих технологий на отечественных предприятиях различной отраслевой принадлежности, в том числе посредством создания совместных высокотехнологичных предприятий.

Кадровое обеспечение программы целесообразно строить на основе социального заказа по подготовке системой высшего образования нового поколения выпускников по специальностям, связанным с разработкой и внедрением технологий ИИ.

Важно также обратить внимание на разработку программ возвращения из-за рубежа высококвалифицированных ИТ-специалистов стран постсоветского пространства, специализирующихся на разработке технологий ИИ, а также трансферта ИИ-технологий и имеющихся научно-технологических наработок в этой области профильным постсоветским НИИ.

Учитывая прорывной характер ИК-технологий нового поколения и технологий ИИ, которые способны заложить принципиально новый базис производственных процессов, перспективными направлениями практического применения соответствующих разработок в государствах постсоветского пространства являются следующие:

- в сфере промышленности – удаленное управление производством, внедрение автоматизированных систем управления технологическими процессами и систем, предусматривающих взаимодействие людей, машин и механизмов («умная фабрика»), распределенное энергообеспечение, что предполагает новый уровень применения таких технологий, как робототехника, цифровое моделирование и проектирование, инновационная элементная база и др.;

- в сельском хозяйстве – точное земледелие, основанное на широком использовании данных спутниковых систем навигации и дистанционного зондирования Земли, автоматизированных систем сбора информации и управления процессами;

- в сфере жилищно-коммунального хозяйства – автоматизированный учет и регулирование потребления топливно-энергетических ресурсов, контроль за техническим состоянием объектов инфраструктуры, а также полнотой и правильностью начисления и оплаты жилищно-коммунальных услуг;

- в сфере транспортных услуг – автоматизированный мониторинг и управление состоянием транспортной инфраструктуры, разработка автономных транспортных комплексов различного назначения, внедрение интеллектуальных комплексов регулирования транспортных потоков, систем учета топливных ресурсов;

- в сфере здравоохранения – интеллектуальные системы диагностики, в основе которых лежат алгоритмы накопления и обработки данных клинических исследований, описания симптомов заболеваний и протоколов лечения; разработки в области формирования искусственных иммунных систем (это позволило бы добиться значимого прорыва в фармакологии и развитии биотехнологий);

- в социальной сфере – интеллектуальные системы мониторинга социально-экономической ситуации, функционирующие на основе новых алгоритмов сбора, накопления и обработки больших данных;

- в сфере безопасности – интеллектуальные системы мониторинга общественно-политической ситуации и криминогенной обстановки, создание автоматизированных боевых комплексов различного класса и назначения.

Реализация инициативы по ускоренному освоению технологий ИИ и цифровой индустриализации потребует эффективного комплексного научного сопровождения, что предполагает необходимость принятия новых программ научных исследований в области ИК-технологий нового поколения и искусственного интеллекта.

Целесообразно также развивать двустороннее взаимовыгодное сотрудничество в данной сфере между ведущими мировыми, в том числе китайскими, субъектами хозяйствования и субъектами хо-

зяйствования стран постсоветского пространства. При этом двустороннее взаимодействие в сфере информационно-коммуникационных технологий нового поколения и искусственного интеллекта возможно по следующим направлениям:

- создание совместных научно-исследовательских структур и внедренческих центров на территории государств постсоветского пространства, в том числе осуществляющих аналитическое сопровождение подготовки и реализации совместных проектов;

- проведение конференций, симпозиумов и конгрессов высокого уровня по тематике ИК-технологий нового поколения и искусственного интеллекта на территории постсоветских стран, издание сборников научных статей (это позволит наряду с упрощением доступа отечественных ученых к результатам передовых исследований сформировать благоприятные условия для установления прямых контактов с ведущими мировыми, в том числе китайскими, специалистами).

Взаимодействие стран постсоветского пространства с передовыми технологическими державами (в том числе с Китаем) в данных областях позволит придать импульс дальнейшему развитию информатизации и их информационно-коммуникационной инфраструктуры.

В качестве ключевого направления двустороннего сотрудничества в информационно-коммуникационной сфере для стран постсоветского пространства может выступать развитие промышленных кластеров и формирование производственных (промышленных) кооперационных цепочек с передовыми технологическими державами в целях продвижения совместно произведенной продукции на мировые рынки.

Библиографические ссылки

1. Ефимушкин ВА. *Инфокоммуникационное технологическое пространство цифровой экономики* [Интернет]. 2016 [процитировано 14 декабря 2017 г.]. Доступно по: <https://bi.hse.ru/data/2017/03/30/1168539176/KC28.03%20-%20Владимир%20Ефимушкин.pdf>.
2. Шульцева ВК. Обогнать на вираже – китайская стратегия цифровой экономики. *Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН* [Интернет]. 6 августа 2015 г. [процитировано 14 декабря 2017 г.]. Доступно по: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1809&ret=527.
3. Artificial Intelligence: Implications for China. *McKinsey Global Institute* [Internet]. 2017 [cited 2017 December 13]. Available from: www.mckinsey.com/mgi.
4. 国务院关于印发 新一代人工智能发展规划的通知 = State Council Notice: «A next generation artificial intelligence development plan» [Internet]. 2017 July 8 [cited 2017 December 7]. Available from: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm.
5. China's security chief calls for greater use of AI to predict terrorism, social unrest. *South China Morning Post* [Internet]. 2017 September 21 [cited 2018 January 8]. Available from: <http://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2112203/china-security-chief-calls-greater-use-ai-predict>.
6. China racing for AI military superiority over US. *South China Morning Post* [Internet]. 2017 November 28 [cited 2018 January 8]. Available from: <http://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2121923/china-racing-ai-military-superiority-over-us-says>.
7. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Интернет]. 15 декабря 2016 г. [процитировано 8 января 2018 г.]. Доступно по: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/Programma-2020.pdf>.

References

1. Efimushkin VA. Infocommunication technological space of digital economy [Internet]. 2016 [cited 2017 December 14]. Available from: <https://bi.hse.ru/data/2017/03/30/1168539176/KC28.03%20-%20Владимир%20Ефимушкин.pdf>. Russian.
2. Shultseva VK. To overtake on a bend – the Chinese strategy for the digital economy. *Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations* [Internet]. 2015 August 6 [cited 2017 December 14]. Available from: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1809&ret=527. Russian.
3. Artificial Intelligence: Implications for China. *McKinsey Global Institute* [Internet]. 2017 [cited 2017 December 13]. Available from: www.mckinsey.com/mgi.
4. State Council Notice: «A next generation artificial intelligence development plan» [Internet]. 2017 July 8 [cited 2017 December 7]. Available from: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm.
5. China's security chief calls for greater use of AI to predict terrorism, social unrest. *South China Morning Post* [Internet]. 2017 September 21 [cited 2018 January 8]. Available from: <http://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2112203/china-security-chief-calls-greater-use-ai-predict>.
6. China racing for AI military superiority over US. *South China Morning Post* [Internet]. 2017 November 28 [cited 2018 January 8]. Available from: <http://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2121923/china-racing-ai-military-superiority-over-us-says>.
7. Program of social and economic development of the Republic of Belarus for 2016–2020 [Internet]. 2016 December 15 [cited 2018 January 8]. Available from: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/Programma-2020.pdf>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 29.06.2018.
Received by editorial board 29.06.2018.

СТРУКТУРА НЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ЦЕЛОСТНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

С. А. ШАВЕЛЬ¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассмотрена апофатическая природа неэкономических факторов, их атрибутивные характеристики и практическая включенность в хозяйственную жизнь. Структура неэкономических факторов раскрывается через такие понятия, как ожидание, доверие, архетипы, консенсус и т. д.

Ключевые слова: апофатическая природа; неэкономические факторы; атрибутивность; консенсус; архетип; экстракции; бессознательное; доверие.

STRUCTURE OF NON-ECONOMIC FACTORS OF ECONOMIC GROWTH AND COMPLEX DEVELOPMENT OF SOCIETY

S. A. SHAVEL^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The apophatic nature of non-economic factors, their attributive characteristics and practical involvement in economic life are considered. It is revealed through such factors as expectation, trust, archetypes, consensus, etc.

Key words: apophatic nature; non-economic factors; attributiveness; consensus; archetype; extractions; unconscious; trust.

Апофатическая природа неэкономических факторов

В первой нашей статье, посвященной неэкономическим факторам [1], рассматривались вопросы методологии их исследования и роли в системном развитии общества как единого целого на уровне отдельной страны. Подчеркивалась необходимость современной реактуализации данной проблематики как в области экономической теории, так и в других сферах общественной жизни. Обсуждались также предложенные российскими учеными – социологом М. К. Горшковым, экономистом П. Л. Ипатовым – схемы классификации неэкономических факторов. Сегодня целесообразно добавить несколько контекстуальных предпосылок положений, исходя, в частности, из известного

суждения В. С. Швырева, который писал: «Методологически центральную роль в формировании теории играет лежащий в ее основе идеализированный объект – теоретическая модель существенных связей реальности, представленных с помощью определенных гипотетических допущений и идеализаций. <...> Этот объект, таким образом, выступает не только как теоретическая модель реальности, он вместе с тем неявно содержит в себе определенную программу исследования, которая реализуется в построении теории. Соотношение элементов идеализированного объекта – как исходных, так и выводных – представляет собой теоретические законы, которые, в отличие от эмпирических зако-

Образец цитирования:

Шавель СА. Структура неэкономических факторов экономического роста и целостного развития общества. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018;4:15–28.

For citation:

Shavel SA. Structure of non-economic factors of economic growth and complex development of society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:15–28. Russian.

Автор:

Сергей Александрович Шавель – доктор социологических наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Sergei A. Shavel, doctor of science (sociology), full professor; chief researcher.
d-v-nazarova@yandex.by

нов, формируются не непосредственно на основе полученных опытных данных, а путем определенных мыслительных действий с идеализированным объектом» [2, с. 677–678].

Из этого следует, что выводы, полученные при анализе идеализированного объекта, т. е. в рамках теории, должны соответствующим образом конкретизироваться при их применении к изучению реальной действительности. Приведенные положения, сформулированные В. С. Швыревым еще в 1980-х гг., сохраняют свое эвристическое значение и сегодня. Действительно, идеализированный объект представляет собой центральное теоретико-методологическое звено в процессе познания как модель существенных связей изучаемого явления. Он образуется в процессе идеализации, т. е. мысленного конструирования результатов научного воображения, с учетом реальных прообразов, существующих в действительности. Благодаря этому создано большое число общенаучных понятий, таких как *точка* (объект, лишенный метрики, т. е. не имеющий измерений), *прямая линия*, *окружность*, *абсолютно черное тело*, *идеальный газ* (в контексте его молекулярно-кинетической модели) и др. Аналогично образованы и многие социологические понятия: *социализация*, *ценность*, *мобильность*, *маргинальность*, *аномия*, *социальный порядок* и др.

Рассмотрим, какие возможности предоставляет предложенный методологический подход для концептуализации атрибутивных характеристик неэкономических факторов. Прежде всего отметим, что с этимологической точки зрения выражение «неэкономические факторы» можно считать определением через отрицание. Использование подобных определений предполагало понятие, которое вошло в философский словарь еще в Средние века, – *теология апофатическая* (от греч. *apofatikos* – отрицательный). Ее сторонники стремились выразить абсолютную трансцендентность Бога путем отрицания всех его атрибутов и обозначений, устраняя все относящиеся к нему представления и понятия (ибо Бог находится по ту сторону бытия). Позже это течение дополнилось катафатической теорией, делавшей ставку на синтез позитивных атрибутов, по аналогии с миром, который сотворил Бог, что являлось одним из принципов католической схоластики. Определения через отрицание (как и по аналогии) достаточно часто используются в научном обороте: например, широко известно понятие *агностицизм* (от греч. *a* – частица отрицания, *gnosis* – познание) – непознаваемость; в социологии применяется дюркгеймовский термин *аномия* (от греч. *nomos* – норма, закон, стандарт, правило, ценность) – ненормативность поведения, отклонение от принятых правил, стандартов и др. При этом необходимо учитывать, что такие определения не раскрывают сущность изучаемого явления (денотат), а лишь указывают на то, что по некоторым

признакам оно не входит в предметное поле исходного понятия (гlossы). Семантику термина с отрицательной частицей *не* или *вне* следует искать в соотносительном базовом понятии. Так, смысл термина *агностицизм* как учения о непознаваемости мира «вещей в себе» (ноуменов) можно понять в соответствии с понятием *гностицизм*, учитывая его этимологию, т. е. происхождение от слов *знание*, *знающий*, *познающий*. Также и сущность аномии мы поймем, познав смысл терминов *норма*, *стандарт*, *закон*.

Аналогично ни один из неэкономических факторов не может быть прямо включен в классическую триаду основных экономических факторов (*земля*, *труд*, *капитал*), а также в перечень вновь введенных экономических факторов, таких как *управление*, *технологии*, *институты*, *коммуникации*, *информация* и т. д. Это связано прежде всего с тем, что неэкономические факторы не являются непосредственными ресурсами, т. е. эндогенными (внутренними) факторами.

Общепринято положение о том, что экономическая теория изучает хозяйственную деятельность людей. О феноменологии хозяйства писал еще в 1912 г. известный русский философ, экономист и социолог Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944): «Хозяйство в своей феноменологии, т. е. в непосредственной эмпирической данности, существует для нас как добровольно или недобровольно принимаемая необходимость, которая налагается на нас извне. <...> Поэтому хозяйственная деятельность имеет характер борьбы за жизнь, и, в частности, именно за данный, определенный уровень жизни» [3, с. 268–269].

Академик Академии гуманитарных наук, доктор экономических наук, профессор Г. П. Журавлева отмечала: «Хозяйственная деятельность людей представляет собой очень сложный и запутанный комплекс разнообразных явлений и процессов, в котором экономическая теория выделяет *четыре стадии: собственно производство, распределение, обмен и потребление*» [4, с. 29]. Нетрудно заметить, что неэкономических факторов не может быть ни в одной из четырех стадий в прямом естественном значении, как и в классических ресурсах экономики. По своей природе они являются продуктами других сфер общества – политики, духовно-культурной жизни и социальной сферы, только благодаря взаимодействию которых эти факторы могут переноситься и грамотно использоваться в экономике по логике обмена *вход – выход*.

Этимологически термин *неэкономические факторы*, в отличие от собственно экономических ресурсов, можно понимать как экзогенные (внешние) факторы, независимые от их наименования и той роли, которую они играют в хозяйственной деятельности и экономическом росте. Этим, как правило, объясняют индуцирование неоклассиче-

ских методологических идей обоснования путей развития экономической науки, выдвинутых маржинализмом (от англ. *marginal* – предельный). Родоначальник данного направления, австрийский экономист Карл Менгер (1840–1921) утверждал, что «как минимум в теории мы должны объяснять все внешние экономические явления в терминах внутренней экономической ориентации индивидов. Иными словами, экономическая деятельность, такая как акты производства, сбережения и потребления, должна анализироваться как результат рационального выбора агентов относительно получения или отсрочки удовольствия. Согласно этой логике все другие мотивы или факторы, которые могут лежать в основе экономической деятельности или влиять на нее, нерелевантны для экономики» (цит. по [5, с. 52–53]), т. е. не соответствуют ее целям. Из этого следует, что никакие мотивы, кроме удовольствия (с точки зрения рационального выбора, пользы), или другие факторы, кроме эндогенных, в экономическом анализе учитываться не должны. Карл Менгер вошел в историю своей теорией предельной полезности, согласно которой, например, в анализе ценообразования акцент делается не на издержки (себестоимость), а на изменение эффективности потребления при добавлении единицы оцениваемого продукта, т. е. изменение предела. Маржинализм – это теория, характеризующая не сущность явлений, а их изменения при переходе так называемых пределов.

По словам Ш. Бегельсдайка и Р. Маселанда, «позиция Менгера постепенно сделалась главенствующей в экономической науке» [5, с. 58]. Стремление синтезировать маржинализм с классической политэкономией привело к созданию нового направления в экономической науке, названного неоклассикой. Оно возникло не столько в силу теоретико-методологических предпосылок, сколько как идеологическая реакция на теорию К. Маркса, превратившаяся вскоре в лобовую атаку на марксизм. Западные исследователи эту проблему обычно скромно обходят, как и критику экономического неоклассицизма со стороны исторической школы экономики (М. Жобе, Ф. Бродель), кейнсианства (Д. Кейнс, Дж. Робинсон), институционализма (Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт) и др.

Одним из первых скептически отзывался о теории К. Менгера Макс Вебер. Он с долей иронии писал: «Вопрос о том, например, до каких пределов следует разрабатывать современную “абстрактную теорию”, является по существу вопросом экономии в научной работе, направленной также на решение и других проблем. Ведь и “теория предельной полезности” подвластна “закону предельной полезности» [6, с. 389]. Нетрудно понять, что Вебер имеет в виду изменение объяснительных возможностей данной теории при добавлении новых смысловых единиц, т. е. концептуальных компонентов. По ло-

гике закона предельной полезности она является одним из вариантов объяснения среди многих, т. е. сама эта теория содержит основания для расслоения и плюрализации.

Современные представления о неэкономических факторах часто неявно сближаются со старой концепцией *духа хозяйства* и используют некоторые ее идеи. Так, С. Н. Булгаков, рассматривая хозяйство как творчество, явление духовной жизни, писал: «*Дух хозяйства* (например, “дух капитализма”, о котором теперь много пишут, и притом такие выдающиеся представители экономической науки, как Зомбарт и Макс Вебер) есть опять-таки не фикция, не образ, но историческая реальность. Всякая хозяйственная эпоха имеет свой дух и, в свою очередь, является порождением этого духа, каждая экономическая эпоха имеет свой особый тип “экономического человека”, порожденный духом хозяйства, и объявляет его “рефлексом” данных экономических отношений... <...> Понимание хозяйства как явления духовной жизни открывает глаза на психологию хозяйственных эпох и значение смены хозяйственных мировоззрений. Им выдвигается также чрезвычайно важная проблема не только научного, но и практического характера – именно о значении личности в хозяйстве» [3, с. 237].

Одним из первых ученых, которые исследовали роль личности в хозяйстве, был М. Вебер. В работе «Протестантская этика и дух капитализма» (1904) он рассматривал, как повлияли новые, отличные от католических канонов и ритуалов идеи религиозно-этического характера на становление современного капитализма. В числе таких идей особенно выделялись мирской аскетизм, призвание и служение профессиональному долгу, рационализация и ее осуществление и др. Предметом анализа М. Вебера стало выявление связи между этими новыми идеями и формами экономической деятельности. Характерно, однако, что сам ученый не ограничивается религиозно-этическими принципами протестантизма, он отмечал: «Наше исследование могло бы послужить скромным вкладом для пояснения того, в какой форме “идеи” вообще оказывают воздействие на ход исторического развития» [6, с. 105]. Как видим, Вебер полагал, что его анализ роли идей, привнесенных Реформацией, может быть полезен для науки тем, что позволит выяснить, когда, какие и в какой форме любые идеи, т. е. идеи вообще, могут становиться ценностными и структурными детерминантами развития общества, иными словами, когда идеи могут выполнять роль факторов перспективного изменения общества: способствовать экономическому росту, инновационно-креативному поиску, совершенствованию инфраструктуры и т. д.

О соотношении идей и вещей В. С. Стёпин пишет: «В деятельности человека, которая представ-

ляет собой преобразование объектов в соответствии с поставленной целью, ценностно-целевые структуры не являются вторичными по отношению к результатам преобразующей деятельности. Скорее, наоборот, цель как идея, как образ возможного результата предшествует результату (состоянию объекта, возникающему как продукт деятельности). Идея реактивного самолета, выраженная в чертежах и расчетах, первична по отношению к каждому конкретному самолету, построенному по этим расчетам и чертежам. И если бы вдруг из памяти современного человека исчезла эта идея, то можно гарантировать, что исчезли бы и все реактивные самолеты, они просто разрушились бы со временем. Но если допустить обратное, что вследствие некоторого катаклизма вдруг были бы уничтожены все самолеты, однако в культуре сохранились бы их идея и соответствующие разработки, то можно не сомневаться, что самолеты были бы построены. Выходит, что идеи, которые программируют деятельность, вовсе не вторичны, а первичны по отношению к создаваемым в деятельности вещам. Значит, совсем не глупые мысли развивали Платон и Гегель, когда говорили, что мир идей предшествует миру вещей, что вещи есть опредмеченные идеи. Это справедливо по отношению ко всей созданной человеком искусственной природной среде (неорганическому телу цивилизации), которая возникает только благодаря деятельности людей, как продукт этой деятельности» [7, с. 429].

Обращение М. Вебера к проблематике воздействия идей на ход исторического развития общества вызывалось не только пониманием (предвидением) научной значимости такого анализа, но во многом и стремлением дополнить историю экономической мысли, которая складывалась в самостоятельную науку с XVI по начало XX в. В различных ее направлениях, таких как меркантилизм (У. Стаффорд (1554–1612), утилитаризм (Й. Бентам, 1748–1832), физиократия (Ф. Кенэ, 1694–1774), классическая политэкономия (А. Смит, 1723–1780), марксизм (К. Маркс, 1818–1883), маржинализм (К. Менгер, 1840–1921), экономикс (А. Маршалл, 1842–1924), в качестве основных детерминант рассматривались материальные факторы (интересы). Многие вебероведы считают, что полемический пафос автора был направлен специально против марксизма – его учения об экономическом детерминизме.

Вообще, классики марксизма не употребляли термин *детерминизм* (в лапласовском смысле) применительно к историческому развитию общества. Они только утверждали определяющую роль производства. Абсолютизация этой идеи некоторыми их последователями позволяла интерпретировать марксизм как экономический детерминизм. Неслучайно позже Ф. Энгельс в письмах Й. Блоху пояснял: «Маркс и я отчасти сами виноваты, что

молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии» [8, с. 397]. Как видно, это психологическое объяснение ситуации, но Ф. Энгельс затрагивает и содержательную сторону. Он отмечал: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в *конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали» [8, с. 394]. Очевидно, что «воспроизводство действительной жизни» никак не сводится к экономике. Прежде всего это демографический процесс, рождение детей. Воспроизводство жизни включает также воспитание, образование, социализацию, здравоохранение, гражданскую идентичность и др. В реальном процессе они выступают как относительно независимые переменные. Приведенные слова Ф. Энгельса могли бы если не снять, то смягчить критику и дать новое направление дальнейшей разработке теорий.

Что касается специальной борьбы Вебера против марксизма, то такую направленность пытались придать его творчеству те ангажированные интерпретаторы, которые поддерживали истерию маккартизма внутри США, раздували очаги холодной войны, – советологи, антимарксисты и т. п.

На самом деле М. Вебер не был ни материалистом, ни идеалистом. Если он обратился к изучению роли идей, то вовсе не потому, что отрицал или недооценивал значение материального фактора. Согласно его концепции адекватное объяснение развития общества невозможно без учета обоих факторов. Однако ему приходилось констатировать, что экономическая наука его времени – не без влияния учения Маркса – как раз игнорировала идейно-духовный фактор, названный им *духом капитализма*. Пытаясь раскрыть содержание данного понятия, Вебер отмечал, что «оно не может быть определено по принципу *genus proximum, differentia specifica* (через ближайший род и видовые отличия. – С. III.), оно должно быть постепенно скомпоновано из отдельных составных частей, взятых из исторической действительности» [6, с. 70]. Позже такое формообразование понятий Вебер назвал идеальным типом.

Исходя из этого, он выделял прежде всего те компоненты *духа капитализма*, которые обнаружил в работах Б. Франклина (1708–1790). Здесь немало таких суждений, которые стали афоризмами: «Время – деньги. Тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать десять шиллингов, но полдня гуляет или лентяйничает, выбросил пять шиллингов»; «Деньги по природе своей плодородны и способны прино-

сильные новые деньги»; «Аккуратность, пунктуальность и честность увеличивают твои возможности кредита»; «Остерегайся считать своей собственностью все, что не имеешь, и жить сообразно с этим» и др.

Вебер подчеркивал, что эти строки пропитаны именно *духом капитализма*: «Суть дела заключается в том, что здесь проповедуются не просто правила житейского поведения, а излагается своеобразная “этика”, отступление от которой рассматривается не только как глупость, но и как своего рода нарушение долга. Речь идет не только о “практической мудрости” (это было бы не ново), но о выражении некоего *этоса*, а именно в таком аспекте данная философия нас и интересует» [6, с. 73–74]. Термин *этос* Вебер не расшифровывает, используя его в общеупотребительном (словарном) смысле – как отличительные особенности жизненного мира, мышления, бытового уклада, поведения тех или иных человеческих общностей (групп, слоев, когорт и т. д.). Вслед за Вебером этот термин категоризовала Мария Оссовская (1896–1974), известный польский философ и социолог. В работе, посвященной анализу *этосов* рыцарей и буржуа, она писала: «В публицистике *этос* часто смешивают со словом “этика”, но этика – это теоретическая дисциплина, которая ставит своей целью определить, что следует и чего не следует делать. А *этос* – это стиль жизни какой-то общественной группы, общая (как

полагают некоторые авторы) ориентация какой-то культуры, принятая в ней иерархия ценностей, которая либо выражена *explicite* (ясно. – С. III.), либо может быть выделена из поведения людей. <...> Мы занимаемся *этосом* какой-либо группы, когда констатируем, например, что ее членам присуща склонность решать конфликты мирным путем (такая склонность белорусов получила название *памяркоўнасць* – слово, неперебиваемое на другие языки. – С. III.) или, напротив, постоянно утверждать свое превосходство с оружием в руках. Мы интересуемся *этосом* данной группы, пытаемся выяснить, что предпочтительнее для ее членов: вести праздную жизнь или же больше работать и больше зарабатывать. Термин “*этос*” применяется к группам, а не к индивидам. <...> Это один из основных терминов социологии культуры» [9, с. 26]. Рассматривая перспективы техногенной цивилизации, В. С. Стёпин полагает, что «эта система ценностей должна трансформироваться. Очевидно, что придется изменить наше *отношение* к природе, выработать иное понимание целей человеческой деятельности, чем то, которое представлено фундаментальными мировоззренческими установками техногенной культуры. Не исключено, что человечеству предстоит духовная революция, сопоставимая с той, которая была в эпоху Возрождения и Реформации» [7, с. 735].

Иррациональные факторы бессознательного

Впервые термин *бессознательное* дефинировал Лейбниц в работе «Монадология» (1720), назвав его низшей формой душевной деятельности, лежащей «за» или «под» порогом ясного осознания. В последующем идея порога послужила эвристическим толчком для разработки ряда так называемых пороговых теорий. Из них наиболее известна пороговая теория Фехнера, изложенная автором в труде «Элементы психофизики» (1860), сохранившая свое значение (при некоторых уточнениях) и использующаяся до настоящего времени. Густав Фехнер определил порог как критическую точку, выше которой раздражение вызывает у человека ощущение, а ниже – не вызывает. Особое значение в последнее время приобрели для теории и практики подпороговые восприятия. Ими называют те воздействия на организм человека, которые субъективно не осознаются, протекают как бы под порогом сознания [10, с. 261]. К таким воздействиям относятся, например, ультра- и инфразвук, многие тактильные, запаховые, электрические и другие раздражители, лежащие ниже порога ощущений, и особенно радиация, не имеющая для человека каких-либо заметных сигнальных признаков, даже при высоких дозах облучения. Понятно, что если такие подпороговые воздействия не осознаются, но все-таки организмом воспринимаются, то их можно отнести к бессознательному.

Долгое время в мировой общественной мысли шли горячие дискуссии по вопросу о реальности бессознательного. Одни участники обсуждения отвергали самостоятельный онтологический статус данного феномена, вслед за Декартом и Лейбницем отводя ему место на периферии сознания, на том краю, где все психические акты темны и, как правило, недоступны осознанию. Логика их подхода очевидна. Если человек – *Homo sapiens*, существо разумное, способное к абстрактному мышлению, логическим умозаключениям и выводам, то иррациональные элементы в его психике, даже если они и существуют, не играют сколь-нибудь существенного значения в его жизнедеятельности и повседневном поведении. Эпоха Просвещения, а позже гегелевская философия с ее панлогизмом культивировали разум, а значит, и человека как абсолютно рационального субъекта действия, активности.

В свою очередь, сторонники актуальной реальности бессознательного исходили из идеи холизма (целостности) человека, согласно которой целое состоит из относительно самостоятельных, но не изолированных, а взаимодействующих друг с другом и с окружением частей, но функционирующих так, чтобы сохранять, поддерживать и развивать целостность. Соответственно, бессознательное, с их точки зрения, реально *ipso facto*, т. е. в силу самого факта его выделения и наименования. Сегодня тер-

мин *холизм* употребляется все реже, его вытесняет кибернетическое понятие системы и его производные, хотя их тождественность сомнительна. Холизм противостоит атомизму, который рассматривает целое как аддитивное множество: целое равно сумме своих частей. Относительно такого подхода в науке Абрахам Маслоу (1908–1970) однажды заявил: «В последнее время я все больше склоняюсь к мысли о том, что атомистический способ мышления следует рассматривать как мягкую форму психопатологии или, по крайней мере, как одну из составляющих синдрома когнитивной незрелости» [11, с. 13].

Однако самый радикальный подход к проблеме бессознательного разработал австрийский психолог и психиатр Зигмунд Фрейд (1856–1939) в теории, названной им психоанализом. В отличие от многих предшествующих учений – философии (особенно эпохи Просвещения), психологии, зародившейся в середине XIX в., развивающейся антропологии и других наук, которые ставили в центр психической жизни сознание, рассматривали человека как существо разумное и осознающее свое поведение, – в теории Фрейда ведущее место занимало бессознательное. Характеризуя ее, Л. Хьелл и Д. Зиглер обращали внимание на следующие положения Фрейда: «Люди находятся в состоянии непрерывного конфликта, истоки которого лежат в другой, более обширной сфере психической жизни – в неосознаваемых *сексуальных* и агрессивных побуждениях... Согласно Фрейду, не только наши поступки часто являются иррациональными, но также само значение и причины нашего поведения редко бывают доступными осознанию» [12, с. 105–106].

Далее Л. Хьелл и Д. Зиглер отмечали: «Примерами того, что может быть обнаружено в бессознательном, служат забытые травмы детства, скрытые враждебные чувства к родителю и подавленные сексуальные желания, которые вы не осознаете» [12, с. 111]. Здесь, на наш взгляд, есть алогизм: ведь у взрослого человека самые трудные переживания – это потеря родных и близких, но они почему-то не вытесняются в бессознательное, а существуют в «доступной памяти», т. е. в области подсознательного как своего рода мнемического архива, и регулярно извлекаются, например в дни поминания, на Радоницу и в других ситуациях. По Фрейду, неосознанные переживания, в отличие от подсознательных, полностью недоступны для осознания, но они могут выражаться в *замаскированной* или *символической* форме, «подобно тому как неосознаваемые инстинктивные побуждения косвенно находят удовлетворение в снах, фантазиях, игре и работе. Эту догадку Фрейд использовал в своей работе с больными» [12, с. 112]. Например, его медико-клиническим кредо был принцип *исцеление через осознание*, о котором положительно отзывался еще И. П. Павлов, считая это заслугой Фрейда. Павлов подчеркивал: «Когда очень за-

прятан ущемленный пункт, то его надо привести в связь с остальными полушариями, и тогда раз полушария функционируют правильно, то наводят порядок и там» [13, с. 296]. Рассмотрим некоторые формы бессознательного.

Рефлексы (от лат. *reflexus* – отражение, обращение) – ответные реакции организма на воздействия внешнего мира, в том числе идущие от общества, его структур и отдельных индивидов, и внутренней среды. Еще Рене Декарт (1596–1650) – французский философ, математик, физик и физиолог, родоначальник учения о рефлексах – относил к данным реакциям глотание, дыхание, ходьбу, мигание, икоту, зевоту и т. п. Традиционно рефлексы разделяют на безусловные и условные. *Безусловными* являются прирожденные акты реагирования на те или иные раздражители, которые совершаются, можно сказать, автоматически, например мигание глаза при попадании в него пыли или соринки. *Условными* называют рефлексы, вырабатываемые в процессе индивидуальной жизни на базе одного из безусловных рефлексов – пищевого, оборонительного и т. п. – путем одно- или многократного сочетания с ним некоторого биологически несущественного раздражителя (звонок как сигнал приема пищи в опытах И. П. Павлова). Безусловные рефлексы практически независимы от воли и сознания (скажем, актеру крайне сложно искусственно пустить слезу, покраснеть, вызвать зевоту или икоту). У людей и большинство «отработанных», усвоенных с детства или путем тренировок рефлексов также являются неосознаваемыми.

Ученый И. М. Сеченов, названный отцом русской физиологии, утверждал: «Все акты сознательной и бессознательной жизни по способу происхождения суть рефлексы» (цит. по [14, с. 9]). В отличие от Фрейда Сеченов не разделяет, а соединяет сознание и бессознательное через рефлексы, исходя из того, что происхождение не только «бессознательной жизни», но и сознания было бы невозможно без ответных реакций организма на внешние и внутренние раздражители.

Эта же идея присутствует у М. Вебера, когда он подчеркивает: «Граница между осмысленным действием и поведением чисто реактивным (назовем его так), не связанным с субъективно предполагаемым смыслом, не может быть точно проведена» [6, с. 603]. Чисто реактивное поведение, когда, например, человек укрывается от неожиданного дождя под деревом или кустом, есть акт рефлекторный, но ведь человек понимает, зачем он это делает, поэтому между ним и осмысленным действием не может быть демаркационной границы. Значительная часть социологически релевантных действий находится на границе того и другого.

Еще одной формой бессознательного являются **инстинкты**. Термин *инстинкт* (от лат. *instinctus* – побуждение) широко используется как в научной литературе, так и в повседневной жизни, напри-

мер когда говорят «инстинктивно обернулся», «отклонился», имея в виду, что движение или действие совершено спонтанно, без подготовки, не проходя через сознание. В науке общепринятой является точка зрения, согласно которой инстинкты входят в состав бессознательного; споры идут главным образом о том, какова психологическая модальность тех или иных инстинктов, как они соотносятся с сознанием (разумом), какое влияние оказывают на поведение и всю жизнедеятельность человека.

Маслоу решительно выступал против традиционной дихотомии *инстинкт – разум* как перманентной внутренней конфликтогенности, которая якобы и продуцирует антагонизм между человеком и обществом, личным и общественным интересом. По его мнению, они не антагонистичны, а *синергичны*: «Здоровый разум и здоровый импульс устремлены к одной и той же цели: у здорового человека они ни в коем случае не противоречат друг другу (но у больного они могут быть противоположны, оппозиционны друг другу)... Слабый инстинкт может обнаружиться, выразиться и получить удовлетворение только в том случае, если условия, предопределяемые культурой, благоприятствуют ему, плохие же условия подавляют, разрушают инстинкт» [11, с. 139].

Приведем слова Моцарта из его письма другу: «А теперь я подхожу к самому трудному вопросу в Вашем письме, ответ на который я совсем бы исключил, поскольку недостаточно владею пером. Но я хочу все-таки попробовать, пусть это заставит Вас немного посмеяться. Каков мой способ писать и отрабатывать крупные и еще сырые произведения?»

Я действительно не могу сказать об этом больше, чем скажу далее, потому что я сам не знаю ничего больше и не могу узнать.

Если я себя хорошо чувствую и нахожусь в хорошем настроении, как бывает нередко во время поездки, или когда гуляешь в хорошем настроении, или ночью, когда не хочется спать, то мысли приходят ко мне часто наплывом. Откуда и как, этого я не знаю и не могу ничего сделать, чтобы узнать. Те из них, которые мне нравятся, я удерживаю в памяти и тихонько напеваю их про себя, как мне, по крайней мере, говорят другие. Если я их удерживаю прочно, то мне скоро приходит в голову, как можно использовать такой-то отрывок, чтобы приготовить из него какое-то блюдо в соответствии с контрапунктом, со звучанием различных инструментов и т. д.

Этот процесс меня глубоко волнует, если только мне при этом не мешают. Переживание все растет, я его развиваю и делаю более ясным, так что оно складывается у меня в голове почти в готовом виде, даже если приобретает большие размеры. Я могу его потом мысленно сразу обозреть, как прекрасную картину или красивого человека, и не последовательно, по частям, как это будет в дальнейшем, когда его воспроизводишь мысленно, а как единое целое, сразу. Вот это настоящий пир! Все это находишь и ТВОРИШЬ как в чудесном сновидении. Восприятие всего музыкального произведения как целого – это самое прекрасное. То, что создано таким образом, я нелегко забываю, и это, возможно, лучший дар, который я получил от Господа. Когда я потом перехожу к письму, то я извлекаю из кладовой моего мозга то, что было ранее, как я описал, в нее вложено. Поэтому все довольно быстро изливается на бумагу. Произведение, повторяю, уже, собственно говоря, готово и редко отличается от того, каким оно сложилось в голове. Поэтому мне могут, когда я пишу, мешать, ходить вокруг меня – я все равно буду писать. Но каким образом мои произведения приобретают именно моцартовские образ и характер, а не выполняются в манере кого-нибудь другого? Да так же точно, как мой нос стал большим и ВЫГНУТЫМ, приобретая моцартовскую форму, а не такую, как у ДРУГИХ людей. Потому что я не связываю это с какими-то особенностями, я и свои-то не смог бы подробно описать. Хотя, с другой стороны, вполне естественно, что люди, которые имеют определенный облик, различаются между собой как внешне, так и внутренне. По крайней мере, я знаю, что я также мало придал себе первое, как и второе.

На этом Вы меня освободите, дорогой друг, навсегда и навечно и верьте мне, что я обрываю ни по какой иной причине, кроме той, что я больше ничего не знаю. Вы, ученый, не представляете себе, до чего мне все это трудно» (цит. по [15, с. 201–202]).

Как отмечал Ф. В. Бассин, «в этом отрывке очень ярко отражена неосознаваемость значительной, по-видимому, части той работы, которую мозг совершает, создавая новые музыкальные образы. Возможно, что мы имеем при этом дело с процессом, который отличается в определенных отношениях от неосознаваемой *логической* переработки информации (Г. В. Воронин), но в любом случае здесь отчетливо выступает тот фундаментальный факт, что *осознаваемые* мыслительные процессы оказываются неизменно сдвинутыми к завершающим фазам мыслительной деятельности» [15, с. 202].

Архетипы как неэкономические факторы

Термин *архетип* (от греч. *arche* – начало, *typos* – образ), т. е. прообраз, прототип, первоначальная форма, исходная идея, был введен древнегречески-

ми философами для обозначения начала сущности (*вода – начало всего* у Фалеса), исходных принципов познания (*познай самого себя*, по Сократу) и др.

Позже его стали использовать в биологии для выделения маточных форм или мутовок (по Шардену), в лингвистике – при анализе таксонов, например однокоренных слов или языковых групп и т. п. В методологии науки к таким исходным прообразам часто относят аподиктические императивы (целостность (холизм), верифицируемость и др.), а также парадигмы как образцы мышления, аксиомы, постулаты и др.; в религии – кредо как символ веры и каноны. В социологии к архетипическому по своему построению и смыслу можно отнести центральный кластер понятий, образованных от лат. *socialis* – общий, общностный, таких как *социальное равенство*, *социальная мобильность*, *социальная сфера* и др. (всего более 200 понятий).

Но особую интерпретацию термину *архетип* придал К. Юнг (1875–1961), включив его в свою аналитическую психологию. В отличие от Фрейда Юнг помимо индивидуального бессознательного выделил в структуре личности и коллективное бессознательное, что стало, как отметили Л. Хьелл и Д. Зиглер, основной причиной расхождений между ними. Фрейд с его полустихийной ориентацией на методологический атомизм не мог ни понять, ни поверить, что нечто психологическое может находиться вне отдельного человека – индивида. Юнг же утверждал, что в бессознательной жизни своих пациентов, а также в собственной жизни путем самоанализа (интроспекции) он обнаружил изначальные образы. Эти образы являлись общими у разных людей и совпадали с повторяющимися мотивами. Это и было коллективное бессознательное, представляющее, по Юнгу, хранилище латентных следов памяти не одного индивида, а всех членов коллектива: мысли и чувства, общие для всех, в силу их общего эмоционального прошлого. Юнг писал: «В коллективном бессознательном содержится все духовное наследие человеческой эволюции, возродившееся в структуре мозга каждого индивидуума» [12, с. 200]. Состоит оно из архетипов, т. е. первичных моделей как структурирующих образцов психической деятельности, связанных с инстинктами, а значит, врожденных и побуждающих людей воспринимать, переживать и реагировать на события определенным образом: «Основные черты таких образов – нуминозность, бессознательность и автономность... Юнг ввел термин “архетип” во избежание любых предположений, будто основным является само содержание психических явлений, а не их бессознательная и непредставимая схема или образец» [16, с. 42]. Заметим, что понятие *нуминозность*, по словам авторов «Словаря аналитической психологии К. Юнга», «не поддается удовлетворительному объяснению» [16, с. 150], но поскольку Юнг связывает его с религиозным опытом, а религия (любая), как известно, имеет три опоры – чудо, тайну и авторитет [17, с. 7], – то это понятие

можно, на наш взгляд, переводить как таинственность и чудотворность. Важно также не упускать из виду связь архетипов с инстинктами, что специально отметил К. Юнг.

С социологической точки зрения повышенное внимание к теории архетипов – не только в науке, но и в искусстве, литературе, обыденном сознании широкой публики, образовании и воспитании – можно объяснить ее тесной связью с давней проблемой соотношения врожденного и приобретенного, или, в нашей терминологии, биологического и социального. Так, сторонники теории научения считают, что все добродетели человек приобретает через образование и воспитание, а пороки возникают из-за недостатка усилий или просчетов родителей, учителей, общества в целом. Их противники (социобиологи и др.) справедливо отмечают, что далеко не все качества и способности можно сформировать у любого человека, поскольку и некоторые люди, и те занятия, которые они хотели бы выбрать, часто не поддаются тренировке. Этот спор, как иронично заметил А. Маслоу, «чем дальше, тем больше начинает напоминать спор между партией остроконечников и тупоконечников. Я уверен, что мы, зная об этой дихотомии, сумеем избежать ее» [11, с. 135]. Но для этого необходимо как можно лучше и полнее знать обе стороны дихотомии, особенно содержание того, что входит в состав *врожденного, или биологического*.

Архетипы побуждают к ретроспективному анализу, возврату в историю самых далеких пращуров – архантропов и палеоантропов. Если верно, что коллективное бессознательное fasciniрует (по Канту – пробуждает, усиливает) воображение, то можно попытаться представить, например, чем был первый огонь для далеких предков, какое влияние он оказал на их мозг и психику и почему нас так гипнотизирует ночной костер в лесу. Как нам понять и оценить, какие следы в их мнемонике (искусстве запоминания) и интеллекте оставили преодоление таких явлений, как антропофагия (каннибализм), промискуитет, берсеркизм (приступ агрессии), или введение экзогамии как «главной социальной инновации верхнего палеолита» [18, с. 179], линейного родства, тотема и табу, запрета на инцест, регуляция брака, появление рода и семьи и т. д.? Такие события не могли не запечатлеваться (импринтинг), не сохраняться и не транслироваться как некоторые образы-символы. Не будь этого, трудно представить единство и целостность глобального социального общества (человечества), сохраняющегося столь длительное время, несмотря на множество природных катаклизмов, гибель многих государств, войны и революции, кризисы и депрессии и иные перипетии.

В состав бессознательного входят и такие компоненты, как стереотипы и установки, которые

требуют отдельного рассмотрения. На наш взгляд, приведенный материал показывает, что помимо инстинктивных актов у человека есть и ряд неосознаваемых психологических реакций, которые

находят свое выражение в символической форме, а значит, требуют раскрытия своего кода для теоретических исследований и практического применения в экономике и общественной жизни.

Атрибутивные характеристики неэкономических факторов

В обосновании проекта «Новое экономическое мышление», представленного как совместная разработка факультета свободных искусств и наук СПбГУ и Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара, подчеркивается: «Актуальная парадигма современной экономической науки остро нуждается в пересмотре. <...> В особенности это справедливо для тех областей, где экономическая логика встроена в социальный, политический и культурный контекст. Дело даже не столько в усовершенствовании уже имеющегося методологического аппарата, сколько во включении в предметную область экономической науки тех сюжетов, которые *традиционно недооценивались (а то и вовсе игнорировались) профессиональными экономистами...*» (выделено нами. – С. Ш.) [5, с. 5]. Как видим, здесь не употребляется категория «неэкономические факторы». Авторы презентируемой работы имеют в виду практическое применение культурных детерминант в экономической сфере, называя их экзогенными (внешними) условиями. Но вполне очевидно, что подразумеваются именно неэкономические факторы. Во-первых, недооценивалась и игнорировалась не только культура (со времени утверждения маржинализма в качестве ведущего направления в экономической теории), но и все те сферы, которые по генезису и содержанию находились вне экономики, например экологические, этические, архетипические, социальные, амитологические (термин П. Сорокина, обозначающий любовь, дружбу и т. д.), коллективистские факторы и др. Неслучайно обоснование проекта завершается словами: «Хочется верить, что привлечение внимания к этим текстам послужит импульсом к превращению экономической науки в подлинно гуманитарную дисциплину, трактующую хозяйственную жизнь человека в неразрывной связи с миром социальных институтов и культурных ценностей» [5, с. 5].

Атрибутивными характеристиками любого фактора являются те неотъемлемые его свойства (признаки, параметры), которые существенны для него в протекании процесса и выступают его детерминантами.

Консенсус как неэкономический фактор, конституирующий образ устойчивого социума

Как известно, О. Конт был первым, кто обычному житейскому термину *консенсус* (от лат. *consensum* – соглашаться, согласовывать) придал категориаль-

Так, поскольку факторы производства, по экономической теории, оказывают решающее воздействие на возможность и результативность данного процесса, то атрибутами его факторов являются эффективность, прибыльность, рентабельность, сбережение энергии, материалов, труда, транзакционных затрат и др.

Неэкономические факторы зарождались и имели возможность автономного функционирования в социуме вне экономики. Но по известной схеме системного взаимодействия (*вход – выход*) они при необходимости включаются в хозяйственную деятельность и ассимилируются в ней, получая полезные для себя продукты. Для обозначения неэкономических факторов М. Вебер ввел понятие *дух капитализма*. Анализируя историю происхождения современного капитализма, он отмечал: «*Auvi sacra fames* (“к злату проклятая страсть”) стара как мир и известна всей истории человечества. Мы увидим, однако, что *отнюдь* не те люди, которые полностью отдавались этой склонности, что не они были представителями того образа мыслей, из которого возник специфически современный “дух” капитализма как *массовое явление*» [6, с. 79]. Этот дух зародился и окреп благодаря новым религиозно-этическим идеям, выдвинутым протестантизмом (Лютер, Кальвин и др.), и сформировал соответствующий этос. Тем самым была поставлена проблема чрезвычайной важности (не только научная, но и практическая) о значении личности в хозяйстве, а вместе с тем и о роли неэкономических факторов в экономическом росте и богатстве общества, а также тех идей, на которых эти факторы базируются.

Заметим, что в России после церковного раскола в 1656 г. возник нелегальный этос старообрядцев, раскольников. Характеризуя его, Виктор Криворотов писал: «Раскольники – эти своеобразные русские протестанты – выработали, подобно их западным братьям, демократические структуры самоуправления, религиозные идеологические установки, в рамках которых основной ценностью был труд» [19, с. 142]. К сожалению, этот этос всемерно преследовался царской властью и официальной церковью, а в советское время оценить его плюсы помешал атеизм.

ный статус и сделал его центральным понятием своей социологии. Консенсус, по Конту, – это механизм поддержания целостности любых организмов

(в том числе и общества как социального организма) путем передачи энергетических, информационных и других импульсов от одной части другим и координации их усилий, соучастия в обеспечении сохранности и развития целого. Таков объективный смысл данной категории. Ее субъективный смысл возникает на рефлексивном уровне: консенсус – понимание необходимости и готовности к поиску согласия в преодолении конфронтации, конфликтности в малой группе, трудовом коллективе, обществе в целом.

Такое согласие, если оно есть, проявляется феноменологически в следующих формах:

- толерантность – терпимость к иным взглядам, верованиям, традициям, вкусам, обычаям и т. д.;
- лояльность – соблюдение общих правил и норм совместной деятельности, стремление не вредить, не ухудшать положение других ради собственной выгоды;
- солидарность – доверие, эмпатия, поддержка, взаимовыручка;
- гармония – полная согласованность взаимных ожиданий (двух индивидов, личности и коллектива, личности и социального института, общества в целом) на основе принципа дополнительности, единства ценностей и экспрессивных символов.

Нетрудно заметить, что все эти идеи Конта через некоторое время подтолкнули научные разработки в области теории систем, тектологии (А. Богданов), социальной синергетики, а также в других учениях и со временем были ассимилированы ими. Возможно, поэтому объективный смысл понятия *консенсус* к настоящему времени потерян, точнее заменен другими терминами, такими как, например, *гомеостазис*, *синергетический эффект* и др. Что касается субъективного понимания категории консенсуса, то оно все еще недооценивается. Позитивизм относит его к метафизике по причинам затрудненности операционализации и измерения, скажем, той же гармонии; некоторые психологи усматривают в этом проявления конформизма, группового давления и т. д. Известный немецкий социолог К. Оффе в интервью В. Л. Иноземцеву отметил: «В качестве примера консенсуса можно привести положение из Целей тысячелетия ООН (так назывался один из фундаментальных документов ООН. – С. III.), согласно которому каждая развитая страна должна выделять 0,7 % своего ВВП на нужды развития третьего мира. Это некое общечеловеческое единение, распространяющееся по миру. У нас нет однозначного понимания, на чем основано это чувство долга, но оно существует» [20, с. 11].

С научной социологической точки зрения консенсус является центральной категорией социального взаимодействия. По определению М. Вебера, «социальным действием следует называть такое, которое по своему смыслу, подразумеваемому дей-

ствующим лицом (или действующими лицами), отнесено к поведению других и этим ориентировано в своем протекании» [6, с. 13]. Следовательно, социальным называется действие, которое ориентировано на *Другого*. Вместе с тем для каждого из двух субъектов, вступающих во взаимодействие, их партнер является *Другим*.

Подводя итоги рассмотрения возможностей консенсуса как образа устойчивого социума можно сделать ряд выводов.

1. Термин *консенсус*, имевший широкое распространение в 1980-х гг., к настоящему времени практически вышел из употребления. Его смысл остался «нераспредмеченным». Политики, как правило, фиксируют результат метода консенсуса, т. е. согласие, а не процедурную сторону, направленную на согласование. Причина заключается в том, что механическое употребление термина привело к его отрыву от того, что и составляет суть данного понятия, – от консенсуального голосования как способа достижения согласия.

2. Главное достоинство консенсуального голосования состоит в том, что оно допускает альтернативность, поощряя тем самым внесение любых конструктивных предложений. Это создает уверенность в том, что мнение меньшинства или даже одного лица не будет отвергнуто, а получит оценку с помощью предпочтения. Тем самым активность рядовых участников голосования существенно повышается.

3. Эффективность решений, принятых методом консенсуса, заведомо выше тех, которые принимаются традиционным голосованием или единолично. Это следует из того, что такие решения лучше согласованы и в их исполнении заинтересованы не отдельные лица или группы, а большинство сообщества.

4. Консенсуальное голосование в наибольшей степени отражает психологию индивидуального выбора и природу общественного мнения. Относительно индивидуального выбора установлено, что в повседневных житейских ситуациях большинство людей не склонны действовать по принципу *все или ничего*, а тщательно взвешивают имеющиеся варианты и классифицируют их по степени предпочтительности, с тем чтобы перейти ко второму варианту, если первый по каким-то причинам неосуществим. Так, например, проходит выбор профессии, учреждения образования, товаров и т. д. Нет оснований полагать, что при голосовании психология выбора меняется.

5. В отношении общественного мнения важно учитывать, что оно представляет собой определенное состояние массового сознания. В ходе опросов социологи изучают (замеряют) общественное мнение как усредненное оценочное суждение всего населения или отдельных его категорий. И как бы

ни расходились индивидуальные оценки (мнения) при достаточном числе альтернатив, всегда найдется вариант, приемлемый для всех или для подавляющего большинства. Так, при несомненном различии позиций сторонников демократических рыночных реформ и социалистической ориентации их мнения во время республиканского опроса в феврале – марте 1994 г. совпали по таким предложениям, как введение президентской формы правления, подписание акта согласия на период выхода из кризиса, прямые выборы руководителей местной власти, конфискация теневого капитала и «приватизированной» собственности, поддержка

фермерского движения в Беларуси, приватизация жилья. Этот блок согласованных вариантов решений общественно-политических проблем (а он мог бы быть расширен при увеличении перечня альтернатив) и составляет центр общественного мнения. Далее интересы расходятся, но важен сам факт определения направлений, против которых никто не выступает. Понятно, что их реализация не только будет опираться на общественное мнение, но и постепенно расширит зону согласия, сблизит многие позиции или, по крайней мере, снимет конфронтационную доминанту – нежелание слушать и понимать друг друга.

Социальные ожидания перспектив экономического роста и развития социума

Ожидания в научном смысле слова – это предполагаемая ответная реакция партнера. Иначе говоря, индивид считает, что если он совершает определенное действие, то он вправе ждать соответствующего и адекватного ответа от своего партнера по взаимодействию.

Сочетание утилитарно-потребительских и личностных ожиданий образует категорию экспектаций. *Эспектации* (от англ. *expectancy* – ожидание, *expectation* – ожидания) представляют собой относительно устойчивый ситуативный комплекс индивидуальных ожиданий утилитарно-потребительского плана, обусловленный статусно-ролевыми возможностями, личностными диспозициями и культурой, нормативно-ценностными характеристиками общества. В исследовании удельный вес экспектаций в общем массиве ожиданий может быть определен по таблицам сопряженности как число респондентов, которые выразили одновременно ориентацию на себя и вещи (услуги).

Социальными называются ожидания относительно других людей. По своему содержанию социальные ожидания являются антиципацией (предвосхищение, прогнозирование) вероятных реакций другого участника (других участников) взаимодействия в ответ на действия субъекта. Через формулу ролевых ожиданий общество «указывает», какое действие считается социально приемлемым и инструментально эффективным.

Социальные ожидания можно классифицировать по разным основаниям. Так, по уровню настоятельности выделяются две группы: а) императивные – предписывающие, обязательные; б) рекомендательные – содержащие советы, предложения,

пожелания, выполнение которых остается на усмотрении участников.

По направленности целесообразно выделить следующие типы ожиданий: а) ценностные – ожидания справедливости, толерантности, истины и т. д.; б) инновационные – ожидания, направленные на новое качество, изменение, обновление; в) амелиористские – ориентированные на улучшение существующего (процессов, отношений, технологий); г) кумулятивно-преемственные – ожидания, связанные с накоплением достижений, преимуществ и их передачей следующим поколениям.

Социология вынуждена ассимилировать и придать научно-категориальный статус большому числу слов из повседневного обихода, таких как *семья, институт, богатство, бедность, занятость, перемещение, роль, положение* (общественное), *ожидания, настроения* и др. Важно учитывать, что широкое использование в науке «житейских терминов» вовсе не говорит о ее «слабости» или «отставании», как иногда утверждается. Их применение обусловлено спецификой объекта исследования и связанной с ней необходимостью сохранять коммуникативные связи с существующим (эмпирическим) массовым сознанием, а значит, и практикой повседневной жизни. С другой стороны, терминологическая неопределенность может отрицательно сказаться на принятии важных решений на государственном уровне. Так, некоторые случаи необоснованного раскулачивания в 1930-х гг. были связаны с тем, что понятие *зажиточность* не было введено в состав научных категорий социологии и экономической науки.

Доверие – фундамент согласованности социальных ожиданий

Первым законом социальных процессов Толкотт Парсонс назвал «поддержание взаимных ролевых ожиданий, которые однажды уже установились» [21, с. 307]. Этот закон выражает тенденцию

процесса взаимодействия к самосохранению независимо от возможных изменений внешних условий, ресурсных факторов и личностных диспозиций акторов или даже вопреки им. Действи-

тельно, если разрушаются взаимные ожидания, то аннигилируется (исчезает, растворяется) и система отношений. Вероятность отрицательных последствий подобного исхода весьма велика. Конечно, бывают случаи, когда, например, разрыв делового контракта стимулирует поиск новых вариантов, и они оказываются более эффективными, или расторжение брака создает условия для заключения двух новых прочных союзов и т. д. Такие примеры заслуживают внимания уже потому, что они дали основания для разработки в конфликтологии нового направления, называемого теорией управляемого конфликта. Но во-первых, статистическая представленность позитивных последствий крайне мала. Скажем, по субъективным оценкам разводов и объективным данным о послеразводных браках, негативные последствия многократно превышают позитивные результаты. Во-вторых, существуют не только прямые финансовые и прочие потери от любой конфликтной реструктуризации, но и латентные издержки психологического и морального плана, которые трудно учесть. В-третьих, нарушается логика процессов на более высоком уровне, снижается управляемость, контроль и т. д. И чем выше статусы участвующих сторон, тем выше такая опасность: личностный конфликт директора с главным бухгалтером может парализовать работу коллектива.

С точки зрения стабильности и устойчивого развития общество заинтересовано прежде всего в том, чтобы уже существующие ролевые ожидания на всех уровнях и во всех сферах поддерживались и воспроизводились. На напрашивающийся вопрос о том, не приведет ли это к их «окаменеению», можно ответить так: чтобы улучшать, совершенствовать ролевые ожидания, они должны быть в наличии, существовать реально, а не в воображении (в семье – ожидания супругов и их родителей, детей, родственников; партнерские отношения в бизнесе, осуществляемые на основе «игры по правилам»; грамотное делегирование полномочий в системе *руководитель – подчиненный*; определенность ожиданий между покупателем и продавцом, учителем и учениками, учреждениями и гражданами и т. д.). Там, где такие ожидания отсутствуют или приобрели превращенную форму, их необходимо вначале воссоздать.

Внутренним ресурсом поддержания ролевых ожиданий и сохранения взаимодействия является их согласование. Парсонс ввел понятие комплементарности ожиданий. Имелось в виду, что ролевые ожидания каждого из акторов дополняются соответствующими санкциями. Данное положение можно проинтерпретировать на основе следующего примера. Ожидания покупателя по отношению к продавцу состоят в быстром и качественном обслуживании. Это и есть стандарт поведения, известный обеим сторонам. При нарушении

стандарта покупатель может прибегнуть к негативным санкциям – подать жалобу, отказаться от услуги и др. В свою очередь, и продавец вправе рассчитывать на вежливость, отсутствие у покупателя kleptomании или намерений испортить выбираемый товар и др. Продавец тоже может использовать санкции вплоть до обращения в соответствующую службу. Очевидно, что в приведенном Парсонсом значении дополнительность не эквивалентна согласованности, более того, акцентирование негативных санкций способно спровоцировать конфликт. Покупатель может выдвигать притязания, а продавец изобретать благовидные способы отказа от обслуживания, завышения цен или продажи некачественного товара.

Согласованность ожиданий возможна на основе презумпции доверия, включающей установку на уважение и готовность к эмпатии. Доверие – как чувство и установка – чаще всего ситуационно и конкретно относительно своего объекта, т. е. понимания, кому и чему доверять. Еще Гегель – известный защитник государственности – обратил внимание на особое место доверия в политическом сознании: «Человеку оказывают доверие, когда уверены в его готовности заниматься с чистой совестью *моим делом как своим*, прилагая к этому все свое знание» (курсив наш. – С. III.) [22, с. 348]. Имея в виду депутатов, Гегель подчеркивал, что крайне важно, чтобы тот, кому оказано доверие, «обладал характером, пониманием и волей, соответствующими его задаче быть привлеченным к рассмотрению всеобщих дел» [22, с. 348].

Рассматривая патриотизм как политическое умонастроение, Гегель утверждал: «Это *умонастроение* есть вообще *доверие* – сознание, что мой субстанциальный (т. е. общий. – С. III.) и особенный интерес сохранен и содержится в интересе и цели другого (здесь – государства) как находящегося в отношении ко мне как единичному, вследствие чего этот другой непосредственно не есть для меня другой, и я в этом сознании свободен (т. е. определен добровольно, без принуждения. – С. III.)» [22, с. 292]. Следовательно, по Гегелю, патриотизм есть доверие к государству, поскольку оно олицетворяет как всеобщие (защита границ, обеспечение безопасности, поддержание порядка и др.), так и особенные интересы индивида (получить хорошую работу, дать образование детям, обустроить жилье, купить автомобиль, провести интересно отпуск и т. д.). На основе доверия формируется готовность к чрезвычайному, если это необходимо, напряжению, жертвам и поступкам. Раз человек доверяет государству как самому себе, то снимается оппозиция *Я – Другой* и заменяется системной целостностью: *Я – член государства и это мое государство*. Эти мысли Гегеля актуальны сами по себе, но их можно рассматривать и как методологические предпосылки для обоснования феномена согласованности ожиданий.

Заметим, что в диаде как исходной модели социального взаимодействия о согласованности ожиданий можно говорить не тогда, когда оба партнера под угрозой возможных негативных санкций стараются не выходить далеко за пределы установленных нормативных стандартов поведения, которые в их ролевых ожиданиях представлены как обязанности по отношению друг к другу и к той деятельности (жизнедеятельности), в которую они включены. Если нет доверия (уважения, эмпатии), то каждый будет подозревать другого в «перетягивании одеяла» на себя и включать в свое сознание и действия соответствующую поправку.

По определению Френсиса Фукуямы, «доверие – это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами. Кое-какие из этих норм относятся к сфере “фундаментальных ценностей” (например, к пониманию Бога или справедливости), однако в их число входят и такие вполне светские вещи, как профессиональные стандарты и корпоративные кодексы поведения» [23, с. 52]. Безусловно, доверие тесно связано с ожиданиями. Важно, однако, акцентировать, что это особая форма отношений, основанная на уверенности в том, что *мое* ожидание *Другой* – будь то индивидуальный партнер, коллектив, социальный институт, властная инстанция – не проигнорирует, а выполнит с полной ответственностью, как и я, соответственно, в отношении к его ожиданиям. Эта надежность (го-

тов *пойти в разведку*) и делает доверие ключевой характеристикой «здорового общества», по Фромму. Успех самореализации такого общества зависит не столько от рыночных принципов и соблюдения традиции, сколько от уровня его социального капитала. По определению Ф. Фукуямы, «социальный капитал – это определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат доверия между его членами. Он может быть воплощен и в мельчайшем базовом социальном коллективе – семье, и в самом большом коллективе из возможных – нации, и во всех коллективах, существующих в промежутке между ними» [23, с. 52]. Особенность его состоит в том, что он создается и передается с помощью таких механизмов, как религия, идеология, культурные традиции и ритуалы повседневной жизни.

В заключение отметим, что мы выделили лишь некоторые из многочисленных неэкономических факторов. Все они способны входить в зависимость от человеческой активности в хозяйственную жизнь и оказывать на нее заметное влияние через такие неэкономические факторы, как консенсус, доверие, согласованность ожиданий, иррациональные факторы бессознательного, архетипы и др. Безусловно, разработку данной проблемы необходимо продолжать в рамках эмпирико-социологических исследований с выделением таких тем, как личностные качества (смекалка, предприимчивость, готовность к риску и др.), феномен призвания, аттитюды (установки), паттерны и многие другие факторы.

Библиографические ссылки

1. Шавель СА. Методологические основания исследования роли неэкономических факторов в системном развитии общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;2:4–10.
2. Швырев ВС. Теория. В: Ильичев ЛФ, редактор. *Философский энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия; 1983.
3. Булгаков СН. *Философия хозяйства*. Москва: Институт русской цивилизации; 2008.
4. Журавлева ГП. Общая характеристика хозяйственной деятельности и экономической среды жизнедеятельности человека. В: Журавлева ГП, редактор. *Экономическая теория (политэкономика)*. Москва: Инфра-М; 1999.
5. Бегельсдайт Ш, Маселанд Р. *Культура в экономической науке*. Москва: Издательство Института Гайдара; 2016.
6. Вебер М. *Избранные произведения*. Москва: Прогресс; 1999.
7. Стёпин ВС. *Человек. Деятельность. Культура*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУП; 2018.
8. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 37*. Москва: Издательство политической литературы; 1965.
9. Оссовская М. *Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали*. Душенко КВ, переводчик; Гусейнов АА, редактор. Москва: Прогресс; 1987.
10. Подпороговое восприятие. В: Давыдов ВВ, Запорожец АВ, Ломов ВФ, редакторы. *Психологический словарь*. Москва: Педагогика; 1983.
11. Маслоу А. *Мотивация и личность*. Санкт-Петербург: Евразия; 2001.
12. Хьелл Л, Зиглер Д. *Теории личности*. Минск: БНП – Институт правоведения; 2001.
13. Быков КМ, редактор. *Павловские клинические среды. Том 2. 1934. Стенограммы заседаний в нервной и психиатрической клиниках*. Москва, Ленинград: АН СССР; 1955.
14. Шостак ВИ. *Природа наших ощущений*. Москва: Просвещение; 1983.
15. Бассин ФВ. *Проблема «бессознательного» (о неосознаваемых формах высшей нервной деятельности)*. Москва: Медицина; 1968.
16. Сэмьюэлз Э, Шортер Б, Плот Ф. *Словарь аналитической психологии К. Г. Юнга*. Санкт-Петербург: Азбука – классика; 2009.
17. Лапшин ИИ. *Философия изобретения и изобретение в философии*. Москва: Республика; 1999.
18. Шкуратов ВА. *Историческая психология*. Москва: Смысл; 1997.

19. Криворотов В. Русский путь. *Знамя*. 1990;8:140–164.
20. Оффе К. Права человека обходятся недешево. *Свободная мысль*. 2009;4:5–16.
21. Парсонс Т. *О социальных системах*. Москва: Академический проект; 2002.
22. Гегель ГВФ. *Философия права*. Москва: Мысль; 1990.
23. Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. Москва: АСТ; 2004.

References

1. Shavel SA. Methodological basis for the study of the role of non-economic factors in the systemic development of society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;2:4–10. Russian.
2. Shvyryov VS. Theory. In: Ilyichyov LF, editor. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1983. Russian.
3. Bulgakov SN. *Filosofiya khozyaistva* [The philosophy of the economy]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii; 2008. Russian.
4. Zhuravleva GP. [General description of the economic activity and economic environment of human life]. In: Zhuravleva GP, editor. *Economic theory (political economy)* [Ekonomicheskaya teoriya (politekonomiya)]. Moscow: Infra-M; 1999. Russian.
5. Begelsdayk Sh, Maseland R. *Kul'tura v ekonomicheskoi nauke*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2016. Russian.
6. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress; 1999. Russian.
7. Stepin VS. *Chelovek. Deyatel'nost'. Kul'tura* [Man. Activity. Culture]. Saint Petersburg: Publishing House of University of the Humanities and Social Sciences; 2018. Russian.
8. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 37* [Compilation of works. Volume 37]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1965. Russian.
9. Ossowska M. *Rytsar' i burzhua. Issledovaniya po istorii morali* [Knight and the bourgeoisie. Studies on the history of morality]. Dushenko KV, translator; Guseynov AA, editor. Moscow: Progress; 1987. Russian.
10. [Subception perception]. In: Davydov VV, Zaporozhets AV, Lomov VF, editors. *Psikhologicheskii slovar'* [Psychological dictionary]. Moscow: Pedagogika; 1983. Russian.
11. Maslow A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Saint Petersburg: Evraziya; 2001. Russian.
12. Kjell L, Zigler D. *Teorii lichnosti* [Theories of personality]. Minsk: BNP – Institut pravovedeniya; 2001. Russian.
13. Bykov KM, editor. *Pavlovskie klinicheskie sredy. Tom 2. 1934. Stenogrammy zasedanii v nervnoi i psikiatricheskoi klinikakh* [Pavlovsk clinical wednesdays. Volume 2. 1934. Transcripts of meetings in the nervous and psychiatric clinics]. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of SSSR; 1955. Russian.
14. Shostak VI. *Priroda nashikh oshchushchenii* [The nature of our sensations]. Moscow: Prosveshchenie; 1983. Russian.
15. Bassin FV. *Problema «bessoznatel'nogo» (o neosoznavaemykh formakh vysshei nervnoi deyatel'nosti)* [The Problem of the «Unconscious» (about unconscious forms of higher nervous activity)]. Moscow: Meditsina; 1968. Russian.
16. Samuels E, Shorter B, Plot F. *Slovar' analiticheskoi psikhologii K. G. Yunga* [A critical dictionary of jungian analysis]. Saint Petersburg: Azbuka – klassika; 2009. Russian.
17. Lapshin II. *Filosofiya izobreteniya i izobretenie v filosofii* [Philosophy of invention and invention in philosophy]. Moscow: Respublika; 1999. Russian.
18. Shkuratov VA. *Istoricheskaya psikhologiya* [Historical psychology]. Moscow: Smysl; 1997. Russian.
19. Krivorotov V. [The Russian way]. *Znamya*. 1990;8:140–164. Russian.
20. Offe K. [Human rights are expensive]. *Svobodnaya mysl'*. 2009;4:5–16. Russian.
21. Parsons T. *O sotsial'nykh sistemakh* [On social systems]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2002. Russian.
22. Hegel GVF. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow: Mysl'; 1990. Russian.
23. Fukuyama F. *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: social virtues and the path to prosperity]. Moscow: AST; 2004. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.11.2018.
Received by editorial board 12.11.2018.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА НА РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Р. А. СМЕРНОВА¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматривается эволюция регулирующего воздействия государства в Беларуси на развитие предпринимательства как социального института и вида экономической деятельности. Объясняются причины смены основных трендов, обусловленных трансформацией экономической, политической и культурной жизни страны. Раскрываются основные механизмы регулирующего воздействия государства на развитие предпринимательства, в частности использование института социологической оценки регулирующего воздействия, основанного на диалоге государства, бизнеса и экспертного сообщества, согласовании интересов разных социальных групп с общенациональными задачами.

Ключевые слова: регулирующее воздействие государства; институт оценки регулирующего воздействия; предпринимательство; общественное мнение; добровольное и вынужденное предпринимательство; институциональная среда; социальный статус; самоидентификация; экономические стимулы; деловая активность.

SOCIOLOGICAL ASSESSMENT OF THE REGULATORY INFLUENCE OF THE STATE ON THE DEVELOPMENT OF ENTREPRENEURSHIP

R. A. SMIRNOVA^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The evolution of the regulatory impact of the state in Belarus on entrepreneurs and entrepreneurship as a social institution and type of economic activity is considered. The reasons for the change of its main trends due to the transformation of the economic, political and cultural life of the country are explained. The main mechanisms of regulatory impact on the development of entrepreneurship are revealed, in particular, the need to use the institution of regulatory impact assessment based on the dialogue of the state, business and the expert community, coordination of the interests of different social groups with national objectives.

Key words: regulatory impact of the state; institution of regulatory impact assessment; entrepreneurship; public opinion; voluntary and forced entrepreneurship; institutional environment; social status; self-identification; economic incentives; business activity.

Сегодня никто не сомневается в значимости регулирующего воздействия государства на процесс развития предпринимательства. Вопрос заключается в том, каковы возможности и границы данной функции государства. Его деятельность может как

способствовать развитию бизнеса, так и тормозить его, чему есть немало примеров в истории предпринимательства не только на постсоветском пространстве, но и в развитых странах. Еще в 1960-х гг. исследователи европейских рынков отметили вы-

Образец цитирования:

Смирнова РА. Социологическая оценка регулирующего воздействия государства на развитие предпринимательства. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:29–38.

For citation:

Smirnova RA. Sociological assessment of the regulatory influence of the state on the development of entrepreneurship. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:29–38. Russian.

Автор:

Розалия Андреевна Смирнова – доктор философских наук; главный научный сотрудник.

Author:

Rosalia A. Smirnova, doctor of science (philosophy); chief researcher.
smirnovasoc@yandex.ru

сокую чувствительность среднего и малого бизнеса к ошибкам в госрегулировании. Анализ причин ряда локальных отраслевых кризисов в развитых странах показал, что даже внешне очевидные решения по изменению регулирования условий предпринимательской деятельности могут иметь неочевидные негативные последствия. Одновременно с этим росло понимание важности развития социально ориентированной экономики, базирующейся на широком по размерам и видам деятельности спектре предприятий. Новые представления о путях развития экономики потребовали новых подходов к государственному регулированию [1].

В этой связи нужно отметить, что малое предпринимательство является не только значимой сферой приложения труда во всех экономически развитых странах. Оно также составляет существенную долю ВВП и обеспечивает стабильность экономики и гражданского общества. Особенностью малых предприятий является то, что они занимают свою нишу на рынке, удовлетворяя локальный спрос или специфические потребности в специализированной продукции и услугах, в том числе в инновационной сфере. Тем не менее белорусское государство серьезно обратилось лицом к предпринимательству лишь 10–15 лет назад. С тех пор был принят ряд программ по поддержке и развитию малого предпринимательства, в ходе реализации которых оттачивались и корректировались решения и мероприятия, призванные способствовать их выполнению. При этом институциональное воздействие государства на сферу малого предпринимательства с самого начала осуществлялось преимущественно посредством трех каналов: законодательного обеспечения функционирования малого предпринимательства; государственных программ поддержки малого предпринимательства; деятельности государственных органов, занимающихся выработкой и осуществлением политики в отношении малых предприятий.

Однако, несмотря на продуманность и кажущуюся четкость законов, регламентирующих деятельность субъектов малого предпринимательства, принятие программ поддержки предпринимательства и проведение многих других мероприятий, реальная практика ведения бизнеса постоянно вносит свои коррективы, в результате чего в системе государственного регулирования появляются белые пятна, требующие дальнейшей разработки. Это, в частности, проблемы с выполнением программ по развитию предпринимательства, в которых устанавливаются, но, как правило, не достигаются в полной мере целевые параметры (по количеству малых предприятий, числу занятых на них лиц и т. д.). К подобным проблемам можно также отнести эффективность деятельности государственных органов в разработке стратегии раз-

вития предпринимательства в части учета мнения бизнес-сообщества, научного и экспертного сообщества. Отсутствие четких критериев результативности программ делает их слабо контролируемыми и, соответственно, не очень эффективными с точки зрения расходования средств. В главе 6 государственной программы «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2016–2020 гг. описывается методика оценки эффективности ее реализации, однако эта методика рассчитана исключительно на оперирование статистическими данными и строится по количественно-затратному критерию. Более того, зачастую программы дублируют одни и те же мероприятия. При оценке результативности реализации программ, как правило, не отмечаются мероприятия, которые не были выполнены в предыдущих программах. Отчеты строятся по принципу «столько-то создано новых малых предприятий, возросло на столько, выделено столько-то, поддержано столько-то» и т. п. Разработка некоторых программ осуществляется назначенными чиновниками, без привлечения широкого круга экспертного сообщества. Складывается парадоксальная ситуация, когда ответственное ведомство само разрабатывает программу, распределяет финансовые ресурсы на поддержку предпринимательства, само же оценивает результативность реализации программы, т. е. итоги своей деятельности. В сложившейся ситуации определить, есть ли экономический эффект реализации программ и каков он, весьма затруднительно.

Справедливости ради необходимо отметить, что абсолютная рациональность в принятии политических решений недостижима, так как предугадать и учесть все факторы и трудности заранее в принципе невозможно. В науке выделяются три проблемы, ограничивающие рациональность и однозначность принятия решений: 1) проблема целей (их много, они взаимосвязаны и противоречивы, цели нижних уровней не являются формальной детализацией целей верхнего уровня, существует множество неформализуемых целей, следовательно, в реальной жизни реализуется не объективная, а субъективная рациональность); 2) проблема управленцев, руководителей и чиновников ведомств и министерств (ограниченность времени на принятие решений, недостаток знаний и способностей, необходимость принятия решений в условиях отсутствия и неточности информации, преобладание тенденции к избеганию риска); 3) проблема объекта управления, в частности предпринимательства как социального института и профессиональной деятельности (его изменение в процессе разработки и принятия решений, квазира разрешение предыдущих конфликтов, наличие назревающих конфликтов). На основании этого можно сделать вывод, что абсолютно точный алгоритм государственного регулирования

развития предпринимательства в принципе невозможен, поэтому неверная идентификация той или иной проблемы может привести к большим потерям. Кроме того, в некоторых ситуациях с течением времени принятые управленческие решения могут стать неэффективными или даже ошибочными. В связи с этим задача системы регулирующего воздействия государства должна быть направлена не на поиск окончательных, единственно верных решений, а на минимизацию тех объективных и субъективных помех, которые влияют на принятие управленческих решений в сфере развития предпринимательства.

Эффективным механизмом решения сложностей и проблем в развитии предпринимательства и повышения деловой активности в стране выступает институт оценки регулирующего воздействия государства на стадии формирования проектов реформ в сфере развития предпринимательства. По самому общему определению целью оценки регулирующего воздействия нормативных актов является прогнозирование поведения субъектов экономической деятельности и населения при принятии того или иного нормативного акта путем анализа выгод, издержек и рисков с обязательным изучением потенциальных альтернатив государственного вмешательства, а также формирование заключения о соответствии целей разработки такого акта и предложенного актом содержания на основании проведенного анализа. Оценка регулирующего воздействия позволяет прогнозировать и неочевидные возможности поведения населения и предпринимателей [1]. Опыт развитых стран показал эффективность государственного регулирования посредством указанного института, так как он представляет собой деятельность, в рамках которой определяются основные проблемы и цели регулирования, намечаются механизмы достижения данных целей, а также анализируются достоинства и недостатки каждого из них. Особенностью оценки регулирующего воздействия государства является то, что, во-первых, она проводится на предпроектном этапе подготовки комплектов документов, которые могут определить контуры программ содействия развитию предпринимательства, и, во-вторых, осуществляется в процессе и на основе диалога государства, бизнеса и экспертного сообщества, согласования интересов разных социальных групп с общенациональными задачами [2].

Одним из существенных проблемных моментов оценки регулирующего воздействия государства на развитие предпринимательства является сведение его исключительно к вопросам экономической эффективности, в то время как не менее, а в некоторых случаях даже более важной является социальная, гуманитарная эффективность. В этом

отношении чрезвычайно актуальной становится необходимость социологической оценки регулирующего воздействия государства на развитие малого и среднего предпринимательства. В отличие от оценки регулирующего воздействия социологическая оценка осуществляется не до, а после проведения реформы и в процессе ее реализации в практике предпринимательской деятельности, что позволяет на основе полученных данных скорректировать некоторые положения принятого документа. Социологическая оценка регулирующего воздействия государства направлена на выявление общественного мнения бизнес-сообщества в разрезе реальных оценок экономических последствий, к которым привела та или иная инновация в правилах предпринимательской деятельности. Почему так важна социологическая оценка регулирующего воздействия? Дело в том, что изменения в законодательстве, принимаемых программах и мероприятиях не только приводят к новым правилам коммерческой деятельности, но и изменяют социальное положение некоторых групп предпринимателей, их место в межгрупповом взаимодействии, влияют на отношения с местным бизнес-сообществом, государственными структурами, населением, что иногда сказывается как на самом факте существования предприятия и социальном статусе предпринимателя, так и на экономике в целом. Это может породить социальную напряженность в обществе, чувство социальной несправедливости, неуверенность в завтрашнем дне, недоверие не только к бизнес-сообществу, но и к власти. Кроме того, сужение мотивационной основы предпринимательской деятельности исключительно до удовлетворения потребности в повышении дохода может негативно сказаться на кадровом составе предпринимателей, превратив их из добровольных в вынужденных представителей малого бизнеса, что, как правило, становится тормозом для развития инновационного и творческого отношения к делу.

В этом смысле социологическая оценка регулирующего воздействия государства на развитие бизнеса заключается в выявлении проблем и ограничений в социально-экономических возможностях и перспективах предпринимательской деятельности, связанных с изменениями правил и механизмов реализации законодательства и программ государственного регулирования. Социологическая оценка регулирующего воздействия государства предназначена для получения из первых уст информации о социально-экономических последствиях новых правил экономического поведения и хозяйственной деятельности; об отношении предпринимателей к основным положениям реформы и отдельным ее мероприятиям и программам; о понимании целей, результатов

и оценки способов их реализации; о статусе, функциях и перспективах развития бизнеса, выраженных в системе оценок, ценностей, мотиваций, социального самочувствия, социальных рисков, страхов и угроз, уверенности и доверия разных социальных (отраслевых, возрастных, гендерных, территориальных и др.) групп предпринимателей. В связи с этим представляет научный интерес эволюция формирования механизмов регулирующего воздействия государства на развитие предпринимательства и их социологическая оценка с момента появления первых кооперативов до наших дней.

Сравнительный анализ этапов развития предпринимательства с его становления на постсоветском пространстве в начале 1990-х гг. по настоящее время позволяет выявить основные тренды социодинамики данного процесса. За три десятилетия становления рыночной экономики государственное регулирование эволюционировало по мере развития самого предпринимательства, что весьма обстоятельно описывалось в работах российских и белорусских ученых (Т. И. Заславская, З. Т. Голенкова, А. И. Лученок, И. А. Андрос и др.). Социологическая оценка регулирующего воздействия осуществлялась, как правило, стихийно, по инициативе самих социологов и не была оформлена в особый вид деятельности и социальный институт. Уровень развития предпринимательства в последние годы существования СССР был невысок. Например, по состоянию на 1 июля 1991 г. в промышленности России работали 3 тыс. негосударственных предприятий, доля которых в общем объеме промышленного производства составляла 9 %. В розничной торговле на условиях аренды работали 1300 предприятий, в системе общественного питания – 800. Кроме того, действовали более 150 тыс. кооперативов, более 700 совместных предприятий [3, с. 6]. В этот период развития предпринимательства большая часть населения относилась к кооператорам отрицательно: 49 % опрошенных не желали заниматься предпринимательством, а 29 % были не против им заниматься. Однако, несмотря на то что доля частных фирм была в то время незначительной по сравнению с предприятиями государственной формы собственности, предпринимательство развивалось быстрыми темпами. В мае 1992 г., по данным центра «Социо-Экспресс» Института социологии РАН (выборка – 2 тыс. человек), 2,2 % всех опрошенных уже открыли свое дело и еще 9,5 % собирались это сделать.

Развернутое представление о тенденциях развития предпринимательства в России было получено в опросе 1991 г., цель которого состояла в социальной экспертизе республиканской программы развития предпринимательства, в ходе которого были опрошены 1175 человек из 25 городов и 252 эксперта из 5 регионов России [4]. Уже тогда количество экспертов, считающих, что предприятия рознич-

ной торговли в большинстве своем должны перейти к частному бизнесу, составило 70 %. Около 80 % опрошенных посчитали, что сфера общественного питания и служба быта должны перейти к частному бизнесу, а 2/3 экспертов подобное мнение высказали и относительно строительства индивидуальных домов и дач. Хотя население в целом высказало более осторожную позицию (сторонников частного бизнеса среди опрошенных, не являющихся экспертами, – от 1/4 до 2/5), в это время уровень доверия к предпринимательским структурам все же начал постепенно повышаться (в некоторых случаях оно стало даже выше, чем по отношению к государственным предприятиям).

В Беларуси предпринимательство на начальном этапе также было связано с кооперативами, в 1991 г. зарегистрировали 6 тыс. таких организаций. В связи со слабостью правового и ценового регулирования, высокой доходностью торгово-посреднической деятельности и оптимизмом бизнесменов в отношении перспектив их деятельности уже к 1992 г. число малых предприятий удвоилось. При этом даже высокие ставки налогообложения (до 70 %) не останавливали рост предпринимательства, так как большинство бизнесменов позволяли себе использовать различные серые схемы теневой экономики в хозяйственной деятельности. Белорусский экономист А. И. Лученок, анализируя систему государственного регулирования на разных этапах развития предпринимательства в постсоветской Беларуси, писал: «Достаточно благоприятное экономическое положение республики в сочетании с предоставлением предпринимательским структурам большого числа льгот обеспечивало быстрое накопление капиталов и значительную оплату труда наемных работников, размер которой в несколько раз превышал заработную плату в государственном секторе. Особенно большие доходы приносила перепродажа импортных компьютеров, а также посредническая деятельность. Уже на начало 1991 года в Беларуси действовало более 6 тыс. предпринимательских структур, однако только примерно 800 из них занимались производством товаров народного потребления. Их доля в общем объеме производства товаров народного потребления составляла 1,1 %, а по бытовым услугам – 2,5 %. В то же время удельный вес фонда заработной платы работников предприятий указанного профиля составлял 4,1 %» [5, с. 47]. Так как устранить практику получения сверхдоходов на основе ценовой разницы можно было только благодаря переходу на свободные цены, государство вынужденно пошло на этот шаг. Однако государственная политика либерализации цен, ужесточения налогового бремени привела к высоким темпам инфляции, обесценению денег и падению платежеспособного спроса населения. Тем не менее предпринимательство продолжало развиваться высокими темпами.

В частности, как отмечал А. И. Лученок, на 1 июля 1993 г. в стране функционировали 168 тыс. субъектов хозяйствования, из них 67,5 тыс. являлись юридическими лицами, 100,5 тыс. – индивидуальными предпринимателями [5, с. 50]. Несмотря на рост количества предпринимательских структур, 60 % из них были заняты в высокодоходных отраслях – торговле и посреднической деятельности. Однако со временем рост числа новых предприятий стал замедляться, многие из них разорялись, что свидетельствовало о необходимости серьезных изменений в регулировании предпринимательской деятельности, вылившихся в конечном счете в усиление централизованного регулирования. Как показал опрос предпринимателей в 1998 г., успешно шли дела только у трети респондентов (33,4 %), менее половины (47,6 %) оценивали свой бизнес как удовлетворительный, 11,3 % – как неудовлетворительный, а каждый 15-й респондент считал, что находится на грани краха. Немного более четверти опрошенных (28,6 %) думали лишь о выживании [5, с. 57].

Группа экономистов в 1997–1999 гг. провела специальное исследование «Вклад малых предприятий в региональное экономическое развитие в Украине, Беларуси и Молдове». Исследователи отмечали: «Очень низкие темпы приватизации в сочетании с усилением регулирования деятельности малых предприятий после 1996 года вынудили многие малые фирмы свернуть свою работу, а часть из них перенести свою деятельность за рубеж: в Польшу, Россию, Чешскую Республику, Литву, Латвию или в Украину» [6, с. 45]. В результате к 1997 г. деятельность более половины (54 %) зарегистрированных фирм ушли в тень. Авторы указывали, что развитию предпринимательства не способствовала и сложившаяся на постсоветском пространстве экономическая обстановка в целом: множественность валютных курсов, ограниченность операций импорта и экспорта, труднодоступность кредитов и кризис, вызванный коллапсом российского рубля. Отсутствие поддержки государства, слабый платежеспособный спрос, неразвитость рыночной инфраструктуры и институциональной среды в Беларуси привели к ослаблению малого предпринимательства, в результате чего оно, по подсчетам исследователей, составляло всего около 4 % общего объема выпуска промышленной продукции.

В ходе выполнения в 1998 г. проекта «Развитие предпринимательства в г. Минске: опыт, тенденции, проблемы, прогноз» (руководитель – А. И. Лученок) выяснилось, что в это время менее трети респондентов считали, что предпринимательский сектор уже занял свое место в экономике и представляет достаточно ощутимую экономическую силу. В то же время половина респондентов придерживались противоположного мнения. Четверть

опрошенных утверждали, что предпринимательство в республике не имеет будущего, еще четверть участников опроса не определились в своем мнении, а примерно половина респондентов при этом сказали, что они надеются на развитие предпринимательского сектора [5, с. 61]. Несмотря на то что в предпринимательство в тот период шли преимущественно люди с высшим образованием (о чем позволяет сделать вывод следующая статистика: в 1990-х гг. специалисты с дипломами о высшем образовании составляли около 80 % предпринимателей, с ученой степенью – 10 %), настороженное отношение населения к предпринимателям и предпринимательству имело объективные основания в реальной практике формирования и развития бизнеса, замешанного на теневой экономике. Соответственно, среди населения сформировалось устойчивое общественное мнение о частных малых предприятиях как о полукриминальных структурах, созданных для получения нетрудовых доходов, владельцы которых укрываются от налогов, нарушают законы и порядок в обществе. Согласно данным социологического опроса жителей Минска, проведенного Независимым институтом социально-экономических и политических исследований в июле 1996 г., сложившееся в общественном мнении представление о белорусских предпринимателях носило двойственный характер: с одной стороны, респонденты отмечали низкий уровень морального облика бизнесменов, с другой – давали высокую оценку их деловым качествам и обращали внимание на возможность получать у них более высокую зарплату, чем в государственных структурах. К тому же сказывалось негативное отношение высшей власти к предпринимательству, пропагандируемое в СМИ. Социологические опросы Института социологии НАН Беларуси тех лет (1988–1999) показывали, что, хотя заняться бизнесом хотели бы около 15 % опрошенных, реально решалась на это лишь небольшая часть (2,5–3,0 %). Останавливали людей главным образом отсутствие гарантий права собственности, давление разного рода государственных органов, боязнь коррупции со стороны чиновников, связанные с ней трудности с оформлением предприятия и нежелание вступать на путь криминала.

В Украине рост количества малых предприятий также начался с 1980-х гг.: оно увеличилось с 0,9 предприятий на 1 тыс. жителей в 1991 г. до 3,0 предприятий к 1999 г. [6, с. 44]. И хотя в 1997 г. был принят ряд программ, направленных на развитие предпринимательства, неразвитость рыночной инфраструктуры и настороженное отношение власти, как и в Беларуси, не способствовали его развитию.

Объективные причины роста предпринимательской активности части населения Беларуси, так же как России и Украины, в тот период очевид-

ны, поскольку они были связаны прежде всего с повышением уровня безработицы и снижением доходов населения, вынудивших людей самостоятельно решать свои проблемы, находить иные, новые для них виды деятельности, такие как торговля, извоз, ремесленничество, производство товаров и услуг, т. е. те, которые впоследствии стали многозначительно называться бизнесом, своим делом, предпринимательством. Являясь своего рода вынужденным способом поддержания благополучия, эти виды трудовой деятельности и получения дохода создавали ощущение широких возможностей и деловой свободы, отвлекали внимание от кризисной ситуации в экономике и краха основных устоев собственной жизни, вселяли надежды на быстрый социальный и экономический подъем, что, собственно, реально снижало уровень напряженности как в обществе, так и в самоощущении конкретных людей.

Подъем предпринимательской активности был также в большой степени обусловлен высоким спросом на товары и услуги широкого потребления, отсутствующие на рынке из-за неспособности властей наладить экономику своих стран после слома советской системы хозяйствования. Именно спрос, связанный с удовлетворением потребностей населения в товарах, которые производили первые кооператоры и предприниматели, возможность для них повысить уровень своего благосостояния и социальный статус в целом, слабость государственного регулирующего воздействия на развитие бизнес-структур пробуждали оптимизм по поводу будущего предпринимательской деятельности. Одновременно, несмотря на внутреннее идейное неприятие самостоятельности новых бизнесменов, власть не сопротивлялась этим процессам, не в силах найти решения выхода из кризисной экономической ситуации. Более того, власть, прикрываясь демагогическими лозунгами о свободе, священном праве собственности, личной ответственности и демократии, по существу снимала с себя ответственность за сложившуюся ситуацию, переносила ее на население, а с другой стороны, осуществляла с помощью своих близких и доверенных лиц приватизацию государственной, а в то время общенародной собственности. Многие представители научной и творческой интеллигенции, СМИ, как всегда, активно принялись обосновывать необходимость новой либеральной экономической мифологии, взяв за образцы идеалы и нормы капиталистического общества, идеологию индивидуальной свободы и самостоятельности, этики успеха и так называемой креативности. В этот период вырос престиж предпринимателя, основанный на всеобщей уверенности в том, что именно он является

основным экономическим субъектом, способным вывести страну из кризиса.

В начале XXI в., буквально через 7 лет после первых социологических замеров, обнаружилось, что эйфория по поводу предпринимательства стала утихать (в России несколько раньше, чем в Беларуси). Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, по состоянию на июль – август 2009 г. число россиян, не планирующих лично заниматься бизнесом, выросло за 2008–2009 гг. с 44 до 55 %; 82 % россиян никогда не пытались организовать свой бизнес, половина опрошенных не планировали это делать. Даже среди безработных всего 8 % хотели бы открыть свое дело. Подобные результаты наблюдались и в других исследованиях. Та же тенденция проявилась и в опросе 2013 г.¹, в ходе которого выяснилось, что более половины респондентов не хотят заниматься бизнесом. За 10 прошедших лет количество респондентов, имеющих бизнес, увеличилось незначительно, а число желающих его иметь осталось неизменным. Согласно статистическим данным за 2001 г., в Беларуси в сфере малого бизнеса работали 7,6 % всех занятых в экономике, а объем произведенной малыми предприятиями продукции составлял 6,5 % всего объема ВВП. Однако по состоянию на начало 2009 г. объем произведенных ими работ и услуг увеличился лишь до 9,3 % общего ВВП [7].

Причин спада деловой активности много. Одной из них стало то, что в условиях более или менее устойчивой экономики и роста влияния в мире финансовых структур и ТНК идеология и мифология значимости малого предпринимательства и свободы предпринимательской деятельности несколько потускнели, потерялся смысл призывов ко всему населению заняться бизнесом, поскольку реально как в кризисные, так и в благополучные периоды развития в основе экономического роста лежала и лежит крупная промышленность, ТНК, финансовые структуры, т. е. сфера, несколько отличающаяся от малого бизнеса. Поэтому, как замечают российские и белорусские ученые, в периоды стабилизации экономики наблюдается постепенное снижение предпринимательской активности, численность мелких предпринимателей постепенно сокращается. Так, в Беларуси и России в 2000-х гг. на фоне стабилизации социально-экономической ситуации в странах произошло резкое снижение темпов развития предпринимательства. В частности, в России в это время уменьшилось число малых предприятий, однако повысился рост добровольного предпринимательства по отношению к вынужденному. При этом характерно, что 60 % предпринимателей, добровольно пришед-

¹По заказу ИнФОМ: «О предпринимательстве и условиях бизнеса в России». Источник данных: ФОМнибус – опрос граждан Российской Федерации от 18 лет и старше, июнь 2013 г. Всего опрошено 1500 респондентов.

ших в бизнес, были ориентированы не столько на получение экономических благ, сколько на реализацию внутренней predisposedности к предпринимательству, идей и ценностей (стремление к независимости и т. п.). С ростом позитивной мотивации предпринимательской активности растет и качество предпринимательского потенциала, так как добровольные предприниматели, как правило, отличаются более высоким уровнем образования, способностью привлекать необходимые ресурсы, а также творческим подходом к бизнесу. В стабильных социально-экономических условиях, как принято считать, позитивной мотивацией к предпринимательской деятельности и возможностью ее реализовать обладает лишь 4–6 % трудоспособного населения. В условиях экономического благополучия не только снижается объективная потребность общества в подобного рода новаторах, но и значительную часть функций по управлению и поддержанию экономического роста берут на себя институционализированные структуры.

Кроме того, необходимо помнить, что бурное начало формирования предпринимательства как социального института и повышенная активность населения в качестве потенциального субъекта этого нового вида деятельности происходили в атмосфере вольности и правовой неразберихи, связанной с государственной неурегулированностью данного процесса, отсутствием нормативной базы в налоговой и кредитной системах и многими другими факторами, что повлекло за собой рост противоправной деятельности, а также быстрого обогащения с помощью нелегальных (серых) схем ведения бизнеса. Развал государства и относительная экономическая вольница приводили, с одной стороны, к количественному росту предпринимательских структур, с другой – к их криминализации. С усилением государственной власти в Беларуси и других постсоветских странах, с выработкой четких правил в налоговой, лицензионной и кредитной системах у части предпринимателей наступило отрезвление и разочарование, особенно в связи с тем, что прибыль от их деятельности в результате таких мер уменьшилась в разы. Поэтому после введения нормативных ограничений и падения платежеспособного спроса населения в странах постсоветского пространства со всей очевидностью происходило сужение круга малых предприятий (закрывались точки в торговых центрах и др.). Это говорит о том, что должны были пройти десятилетия, прежде чем государственная политика привела данный вид деятельности в правовое русло, в результате чего началось «отстраивание» легальных способов ведения бизнеса, формирование добровольного предпринимательства, социального оптимизма и регулирование экономических отношений в соответствии с вновь сформированной институциональной средой.

С началом мирового финансового кризиса и по настоящее время наблюдается относительный рост предпринимательской активности, свидетельствующий не только об общей сложной ситуации в финансово-экономической сфере в Беларуси (как и во всех постсоветских государствах), но и об улучшившейся институциональной среде ведения бизнеса. В частности, за период с 2008 по 2014 г. в Беларуси на фоне значительного роста малого и среднего предпринимательства удельный вес малых и средних предприятий в ВВП страны составил 23,6 %: число субъектов малого предпринимательства увеличилось с 62,7 тыс. единиц в 2008 г. до 114,2 тыс. в 2014 г. В то же время количество субъектов среднего бизнеса существенно сократилось, что обусловлено отсутствием стимулов для перехода субъектов малого бизнеса в категорию субъектов среднего бизнеса.

В 2015 г. в России уже 20 % населения работало в малом и среднем бизнесе; количество субъектов малого и среднего предпринимательства в стране составляло 5,54 млн единиц, численность работников малых и микропредприятий в Российской Федерации – 11,74 млн человек; 20 % объема ВВП производилось малым и средним бизнесом. Соответственно данным процессам в экономике изменилось и общественное мнение населения о предпринимательстве и предпринимателях. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, в 2016 г. в сравнении со временами позднего СССР россияне уже более определенно отвечали на вопрос о том, хотели бы они открыть свое дело или нет: не желали становиться бизнесменами 60 % опрошенных (49 % в 1991 г.), выражали такое стремление 34 % респондентов (29 % в 1991 г.), в молодежной среде готовы к этому 60 %, среди людей пенсионного возраста – 6 %. Доля затруднившихся с ответом заметно сократилась (с 20 до 3 %) [8]. Респонденты, не желающие открывать свое дело, и те, кто пока для этого ничего не делал, объясняли свое отношение отсутствием необходимых материальных средств (37 %), плохим здоровьем и возрастом (30 %), отсутствием интереса к бизнесу (20 %) и др. За 25 лет вдвое вырос уровень оптимизма относительно успеха бизнес-карьеры: 71 % потенциальных предпринимателей (планирующих начать свое дело или уже осуществляющих для этого какие-то действия) не сомневались в том, что задуманное ими удастся совершить (ранее так говорили только 35 %). Среди всех опрошенных наиболее распространено мнение о том, что для успеха в бизнесе прежде всего нужны деньги (34 %), 27 % опрошенных отмечали значимость личных качеств, 23 % – роль связей и знакомств. Как видно из данных опроса, по сравнению с 1992 г. в 2016 г. у респондентов появилось трезвое и рациональное отношение к бизнесу как сложному рискованному предприятию, требующему напряже-

ния, высокой степени ответственности, душевных и физических сил, на что способен не каждый, тем более что вести бизнес со временем не стало легче. На вопрос: «Как вы думаете, сейчас предпринимателям в вашем регионе легче вести свой бизнес, чем несколько лет назад, сложнее или в этом плане ничего не изменилось?» – только 17 % респондентов ответили «легче», 22 % – «ничего не изменилось», 32 % – «стало сложнее», 28 % опрошенных не определились. И тем не менее каждый пятый трудоспособный гражданин Российской Федерации сегодня задействован в малом и среднем бизнесе, в частности в сферах оптовой и розничной торговли (38,8 %), операций с недвижимостью, аренды и предоставления услуг (20,4 %), обрабатывающего производства (9,5 %), строительства (11,9 %), ресторанного и гостиничного бизнеса (3 %), транспорта и связи (6,8 %).

Что касается Беларуси, то в 2015 г. произошло сокращение количества субъектов малого и среднего бизнеса: количество микро-, малых и средних предприятий уменьшилось на 6,8 тыс. по сравнению с 2014 г. Динамика макроэкономических показателей сектора малого и среднего предпринимательства свидетельствовала о снижении его роли за счет укрепления экономики в целом. Уменьшилось также число занятых в этой сфере, однако выросло количество лиц, задействованных в качестве наемных работников, чему способствовали послабления в законодательстве, касающиеся их допустимого числа. Низкий уровень вклада сектора малого и среднего предпринимательства в промышленное производство объясняется не только невысоким уровнем деловой среды, но главным образом проблемами доступа к финансовым, материальным и трудовым ресурсам, новым технологиям и оборудованию, поскольку промышленное производство требует гораздо больше затрат и вложений. Снижение в 2015 г. доли малого и среднего бизнеса в розничном товарообороте было также обусловлено ужесточением законодательства в сфере розничной торговли и активным развитием крупных торговых сетей. Кроме того, на эти процессы повлияло требование наличия документов, подтверждающих источник приобретения и качество реализуемых товаров.

К настоящему времени в Беларуси созданы организационные и нормативно-правовые основы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства, направленной на оказание финансовой, имущественной и информационной помощи, формирование и развитие соответствующей инфраструктуры, защиту прав и законных интересов субъектов малого и среднего предпринимательства, создание эффективной национальной

системы делового образования. Проведенный коллективом социологов сектора развития предпринимательства Института экономики НАН Беларуси в сентябре 2017 г. опрос общественного мнения снова показал рост деловой активности и высокую оценку населением роли предпринимательства в развитии экономики. В частности, большинство населения считает, что основная роль предпринимателей заключается в том, что они платят налоги и пополняют бюджет (69 %), создают новые рабочие места (70 %), а также удовлетворяют спрос на разнообразные товары и услуги (65,6 %). Не менее важным является, по мнению 19,6 % респондентов, участие предпринимателей в социально значимых проектах. Более того, по сравнению с 2016 г. в 2017 г. замечен рост ориентации населения на предпринимательскую деятельность. В частности, если в 2016 г., по данным Института социологии НАН Беларуси², предпринимательской деятельностью хотели бы заниматься 23,3 % опрошенных, то в 2017 г., по данным Института экономики НАН Беларуси, – 31 %; в 2016 г. о нежелании заниматься предпринимательством заявили 55,5 % респондентов, в 2017 г. – 48,9 %. Результаты опросов позволяют говорить о том, что ориентации на предпринимательскую деятельность в Беларуси, так же как и в России, стали более осмысленными и определенными: если в 2016 г. 16,5 % респондентов затруднялись ответить на вопрос, хотят ли они заняться предпринимательской деятельностью, открыть свое дело, то в 2017 г. неопределившихся стало намного меньше – 11,6 %.

Таким образом, совершенствование механизмов регулирующего воздействия государства, формирование институциональной среды и повышение деловой активности бизнес-сообщества менялись по мере изменения ситуации в экономике страны в целом, влияя на социальный статус и роль предпринимательства в обществе, общественное мнение о нем, структуру трудовых ресурсов страны. Политика регулирующего воздействия государства в отношении малого предпринимательства не всегда находила поддержку в бизнес-сообществе, но в конечном счете путем коррекции и снятия противоречий утверждалась, пробивая себе путь в деловую среду. В частности, за последнее десятилетие в Республике Беларусь был реализован целый ряд мер по раскрепощению деловой инициативы и оптимизации механизмов государственного регулирования предпринимательства, среди них – Указ Президента Республики Беларусь от 21 мая 2009 г. № 255 «О некоторых мерах государственной поддержки малого предпринимательства», новая редакция Закона Республики Беларусь «О поддержке малого и среднего предпринимательства» (2010), Декрет Президента Республики Беларусь от 7 мая

²По данным республиканского социологического мониторинга ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» 2016 г.

2012 г. № 6 «О стимулировании предпринимательской деятельности на территории средних, малых городских поселений, сельской местности», государственная программа «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2016–2020 гг. и др. В 2017 г. был принят пакет нормативных правовых актов, направленных на улучшение бизнес-климата, стимулирование предпринимательской инициативы и деловой активности граждан, среди которых знаковым является Декрет Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства», предусматривающий упразднение административных барьеров и снижение издержек, связанных с необходимостью предоставления отчетности, получения справок и согласований, прохождения контрольных процедур. Однако, как показывает эволюция предпринимательства в постсоветский период, принятие хороших законов не решает автоматически многих проблем, возникающих в ходе его развития. Приходит понимание того, что необходимо постоянное отслеживание процесса реализации принятых постановлений на институциональном уровне, что возможно лишь при условии принятия во внимание результатов социологической оценки государственного регулирования развитием предпринимательства и адекватного реагирования на возникающие проблемы.

В отличие от стихийно и спорадически проводимых в течение прошлых лет социологических опросов предпринимателей (как правило, по инициативе самих социологов) социологическая оценка регулирующего воздействия государства на развитие предпринимательства предполагает соблюдение особого подхода, методики и методологии, направленных на выявление не только осознания, понимания и мнения собственников малых предприятий о существующих проблемах, но и объективной информации об экономическом положении дел на конкретном предприятии, социально-психологическом климате в коллективе. Такое исследование должно быть направлено на получение информации о показателях, включающих следующие индикаторы:

- понимание предпринимателем цели преобразований (для чего осуществляется реформа; была ли в ней необходимость; на кого направлено воздействие; что было бы, если бы никакие действия не предпринимались);
- представление респондентов о желаемых моделях регулирующего воздействия, основанных на сравнении с моделями регулирующего воздействия в других странах постсоветского пространства;

- осознание предпринимателями социально-экономических последствий инноваций в правилах и нормах ведения бизнеса (транзакционные издержки, отношение населения к предпринимательству);

- социально-психологическое самочувствие (страхи, угрозы), уровень доверия как в бизнес-сообществе, так и в обществе в целом, а также по отношению к принимаемым государственным решениям;

- изменения в социальном статусе предпринимателей (вынужденное/добровольное предпринимательство, повышение/понижение статуса);

- осознание социальных рисков, реальные и надуманные угрозы.

Социологическая оценка регулирующего воздействия государства на развитие предпринимательства позволит решить следующие задачи:

- выявить характер и спектр ожидаемых социально-экономических результатов оценки регулирующего воздействия государства на развитие предпринимательства;

- учесть предложения респондентов по устранению или модификации регулирования с объяснением его неэффективности, т. е. обстоятельств, которые являются основанием для постановки вопроса о возможных изменениях в соответствующей сфере;

- предложить варианты достижения поставленных целей посредством описания альтернативных мероприятий;

- выявить выгоды, издержки и риски использования каждого варианта для общества в целом;

- определить социальные группы, экономические сектора или регионы, которые будут затронуты возможными изменениями;

- выяснить ожидаемые негативные и позитивные воздействия новых правил и норм;

- установить, каковы перспективы (в кратко-, средне- или долгосрочном периодах) развития предприятия;

- определить результаты, риски и ограничения деятельности предприятий, связанные с использованием новых правил;

- определить необходимые организационные и иные меры, позволяющие максимизировать позитивные и минимизировать негативные последствия (издержки и риски) применения тех или иных нововведений;

- дать социологическое обоснование возможности для регулирующего органа изменять действующую систему в соответствии с социально-экономическими обстоятельствами.

Библиографические ссылки

1. Филатов ВВ, Рукина ИМ. Оценка регулирующего влияния – как эффективный механизм развития инновационного предпринимательства. *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент* [Интернет]. 2014 [прочитано 5 июля 2018 г.]. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-reguliruyuschego-vliyaniya-kak-effektivnyy-mehanizm-razvitiya-innovatsionnogo-predprinimatelstva>.

2. Крючкова ПВ, Шаститко АЕ. Оценка регулирующего воздействия и модернизация системы государственного регулирования. *Общественные науки и современность*. 2006;4:21–31.
3. Абалкин Л. Предпринимательство: его природа и роль в обновлении общества. *Экономика и жизнь*. 1991;29:6.
4. Червяков ВВ, Чередниченко ВА, Шапиро ВД. Россияне о предпринимательстве и предпринимателях. *Прикладные исследования* [Интернет]. 1992 [процитировано 10 июля 2018 г.]. Доступно по: <http://ecsocman.hse.ru/data/404/669/1216/008.CHERVIAKOV.pdf>.
5. Лученок АИ. *Государственное регулирование предпринимательской деятельности в Республике Беларусь*. Минск: Право и экономика; 1999.
6. Смолбоун Д, Слонимский АА, Исакова НБ, Вельтер Ф. Региональные различия в развитии малых и средних предприятий в центре и на периферии Украины и Беларуси. *Социология*. 2001;3:43–55.
7. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Интернет]. 2010 [процитировано 15 апреля 2010 г.]. Доступно по: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/main.php>.
8. Свой бизнес: сегодня и 25 лет назад [Интернет]. 30 мая 2016 г. [процитировано 20 июля 2018 г.]. Доступно по: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115707>.

References

1. Filatov VV, Rukina IM. Innovations in public administration. *Nauchnyi zhurnal NIUITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskii menedzhment* [Internet]. 2014 [cited 2018 July 5]. Available from: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/otsenka-reguliruyushchego-vliyaniya-kak-effektivnyy-mehanizm-razvitiya-innovatsionnogo-predprinimatelstva>. Russian.
2. Kryuchkova PV, Shastitko AE. Regulatory impact assessment and modernization of the system of state regulation. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2006;4:21–31. Russian.
3. Abalkin L. [Entrepreneurship: its nature and role in the renewal of society]. *Ekonomika i zhizn'*. 1991;29:6. Russian.
4. Chervyakov VV, Cherednichenko VA, Shapiro VD. [Russians on entrepreneurship and entrepreneurs]. *Prikladnye issledovaniya* [Internet]. 1992 [cited 2018 July 10]. Available from: <http://ecsocman.hse.ru/data/404/669/1216/008.CHERVIAKOV.pdf>. Russian.
5. Luchenok AI. *Gosudarstvennoe regulirovanie predprinimatel'skoi deyatel'nosti v Respublike Belarus'* [State regulation of business activity in the Republic of Belarus]. Minsk: Pravo i ekonomika; 1999. Russian.
6. Smolboun D, Slonimskii AA, Isakova NB, Vel'ter F. [Regional differences in the development of small and medium enterprises in the center and on the periphery of Ukraine and Belarus]. *Sotsiologiya* [Sociology]. 2001;3:43–55. Russian.
7. National statistical Committee of the Republic of Belarus [Internet]. 2010 [cited 2010 April 15]. Available from: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/main.php>. Russian.
8. Business: today and 25 years ago [Internet]. 2016 May 30 [cited 2018 July 20]. Available from: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115707>. Russian.

Статья поступила в редакцию 25.07.2018.
Received by editorial board 25.07.2018.

Статьи и доклады

ARTICLES AND REPORTS

УДК 327.57

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ КАК УСЛОВИЕ ГЛОБАЛЬНОГО НЕРАВНОВЕСИЯ

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Институт социально-политических исследований Российской академии наук,
ул. Фотиевой, 6, корп. 1, 119333, г. Москва, Россия

Отмечено, что современный кризис в панатлантическом сообществе лидеры западного мира и средства массовой информации объясняют односторонними действиями президента Трампа. На основе изучения геополитической стратегии США XX–XXI вв. сделан вывод о том, что в этот период внешняя политика страны характеризуется постоянством: в ее основу положены формула президента Вильсона *сделать мир безопасным для демократии* и его стратегический принцип, согласно которому национальный интерес США адекватен интересам мирового сообщества (вильсонизм). Указано, что данная стратегия служит геополитической ориентацией элит влияния и власти на протяжении всего периода после Первой мировой войны до настоящего времени. Президент Трамп пытается реализовать эту стратегию в условиях экономического ослабления США и военных поражений. Это вынуждает его прибегать к шантажу, политическому давлению, военным авантюрам. Он объявляет врагами всех, кто бросает вызов американскому лидерству, в первую очередь Китаю и России. Утверждается, что данная стратегия становится источником нестабильности миропорядка.

Ключевые слова: современный кризис; панатлантическое сообщество; геополитическая стратегия; вильсонизм; миропорядок; национальная безопасность.

Образец цитирования:

Антонович ИИ. Историческая традиция внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов Америки как условие глобального неравновесия. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4: 39–47.

For citation:

Antonovich II. Historical tradition of foreign policy strategy of the United States of America as a condition for global imbalance. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:39–47. Russian.

Автор:

Иван Иванович Антонович – доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Ivan I. Antonovich, doctor of science (philosophy), full professor; chief researcher.
iantonovich@mail.ru

HISTORICAL TRADITION OF FOREIGN POLICY STRATEGY OF THE UNITED STATES OF AMERICA AS A CONDITION FOR GLOBAL IMBALANCE

I. I. ANTONOVICH^a

^a*Institution of Socio-Political Researches, Russian Academy of Sciences,
6 Fotievoi Street, 1 building, Moscow 119333, Russia*

Contemporary crisis of the Panatlantic community is explained by the Western leaders and the mass media by unilateral actions of the President Trump. On the basis of the research of the geopolitical strategy of the United States of America in the XX–XXI centuries we come to the conclusion that basically US foreign policy and strategy during this period is characterized by a certain constancy. It is guided by President Wilson's formula *to make the world safe for democracy* and his basic geostrategic conclusion that US national interest is basically adequate to the goals and interests of the international community. This approach to the world has been called wilsonianism and has guided the international behavior of the american elites of power and influence for the length of the historical period after the First World War up to the present time. President Trump relies on this strategy under conditions of the economic weakening and military defeats of the United States. This compels him to use political pressure, open humbug and military aggression. President Trump declares the enemies of the United States other countries who challenge US supremacy, mostly China and Russia. This strategy is a constant source of the volatility of the world order.

Key words: current crisis; Panatlantic community; geopolitical strategy; wilsonianism; world order; national security.

В 1935 г., накануне Второй мировой войны и за два года до своей смерти, выдающийся австрийский философ Эдмунд Гуссерль провел серию конференций в Вене и Праге, посвященных, по его определению, «кризису европейского человечества». Еще до разрушительных действий фашизма в мировом масштабе мыслителя беспокоило то, что своеобразная духовная общность, именуемая европейской, которая объединяла всех тех, кто причислял себя к интеллектуальным наследникам греческой философии, истолковывающей мир как единое целое и как общую философскую проблему, была нарушена.

Гуссерль видел кризис европейской духовности столь всеохватывающим, что даже не был уверен, выживет ли Европа как интеллектуальное и культурное целое. Его удивляло и беспокоило, что в XIX в. несколько европейских стран подчинили своим интересам весь мир с удивительной легкостью. Гуссерль говорил о «расширении Запада» как об общемировой тенденции. Сегодня обеспокоенность судьбой Запада разделяет политические элиты, элиты влияния и власти, науки. Эта обеспокоенность, по их мнению, свидетельствует о том, что вместо «расширения Запада» сегодня фиксируется «сужение западной сферы влияния» – тенденция, которую английский исследователь Стивен Кинг выразил в одной формуле: «Запад теряет контроль» (см. [1, с. 3–29]). Волны оптимизма и пессимизма в оценке будущего Запада поднимаются и падают в зависимости от мировых локальных войн, экономических кризисов и прочих факторов в течение всего XX в. Вестернизация стала главной социально-экономической и политической моделью, на которую ориентируются страны, идущие по пути модерна, имитируя политические институты демо-

кратии, пытаясь реализовать программы догоняющего развития. Ни одной из стран, вступивших на этот путь в конце XX и начале XXI в., не удалось встать вровень с группой государств, с которыми ассоциируется понятие модернизации (США, Германия, Великобритания, Италия, Япония).

Если источниками пессимизма в оценке западной перспективы являлись процессы глобализации, ввергающие мировое развитие то в кризис, то в войну, источником оптимизма стала мощная экономическая, социально-политическая и культурная гегемония Соединенных Штатов Америки, осуществлявших мировое лидерство на протяжении XX в. Страны западного мира знали, что рано или поздно их выручат США, которые, однако, никогда не оказывали помощь даром.

Сегодня можно сказать, что в основных параметрах Соединенным Штатам Америки в течение всего XX в. удавалось сохранить свои стратегические позиции управления миром за счет навязывания ему своих стандартов в экономике, политике, морали. Однако в XXI в. все вдруг стало заметно усложняться. Дело даже не в том, что экономические возможности влияния США на мир ослабли. Военные действия, предпринимаемые этой страной везде для реализации силового варианта единоцентризма, оказались недейственными, а капитал морального влияния мирового лидерства был истрачен. Глобализация стала неумолимо и объективно формировать структуру многополярного мира, где одному региону, объединяемому условно под названием «страны Запада», не удержат под своим контролем регионы Востока, Юга и Севера.

Сложной проблемой стал конфликт внутри структур панатлантического сообщества. О нем мы писали в предыдущих статьях. Однако сейчас этот

конфликт принял особо зримые формы ввиду обнаружившейся фактической непримиримости интересов США, пытающихся решать свои внутриэкономические и политические проблемы не только за счет эксплуатации развивающихся регионов мира, как раньше, но и путем давления на своих союзников. Западноевропейские массмедиа объявляют скандальными и провокационными позиции Дональда Трампа по введению экспортных пошлин на товары, поступающие на американские рынки из западноевропейских стран, по навязыванию торгово-экономических договоров и условий, очевидно невыгодных союзникам, а главное, ту авторитарную, не терпящую возражений манеру, с которой американский президент решает свои геополитические задачи, пытаясь найти ответ на возникшие проблемы. Западноевропейские средства массовой информации, ведущие политики Европейского союза и Японии ищут причины в характере Трампа, непредсказуемости его действий, эмоциональной мотивации многих поступков и даже себялюбии. Во всегда корректном и сдержанном в оценке действий США влиятельном немецком журнале *Der Spiegel* была опубликована редакционная статья, в которой указано: «Взгляд Трампа на мир лишен моральной составляющей, у него не хватает знаний, понимания прошлого. Его внешняя политика осуществляется без правил, осуществляется в ручном управлении. Есть только выигравшие и проигравшие. Каждый за себя. Все против всех»¹ [2, S. 77]. Как бы испугавшись столь резкой оценки, авторы приводят фразу высокопоставленного чиновника Белого дома (фамилию, правда, не называют): «Это тебе Америка, сукин сын». И заключают: «Мы – Америка и делаем то, что нам нравится. Это и есть доктрина Трампа» [2, S. 78].

Это упрощенное истолкование геополитического поведения США в современных условиях, конечно же, не раскрывает сути проблемы. Дело в том, что американская внешнеполитическая стратегия была и остается консистентна и устойчива на протяжении XX–XXI вв. Политическая система устроена таким образом, что ни один избранный президент не осмелится полностью и однозначно опровергнуть решения, принятые его предшественником. Он может критиковать, подвергать сомнению многие политические поступки и поведение прежних президентов, но их действия всегда легитимны, закреплены конгрессом США, и осуществить программу обратного воздействия на историю в США сегодня практически невозможно.

С этой точки зрения президент Трамп, как бы парадоксально ни звучал этот вывод на фоне дискурса западных средств массовой информации, продолжает политическую стратегию, разрабо-

танную его предшественниками – президентами Джорджем Бушем – младшим и Бараком Обамой. Достаточно вспомнить одну из стратегических установок Буша-младшего, объявленную им сразу после избрания (кстати, таким же ущербным путем, как и президента Трампа, когда за их противников высказались большинство избирателей, а они победили только благодаря тому, что им отдали голоса большинство выборщиков): президент Буш-младший заявил, что главной стратегической задачей Соединенных Штатов Америки является забота о национальной безопасности страны, а не верность новым договорам. Сигнал прозвучал устрашающе для системы международного права. Это означало, что все важнейшие договоры по ограничению гонки вооружений, роста опасности новой термоядерной войны, заключенные между СССР и США как двумя равными партнерами, контролирующими биполярный мир, США отменяют. Расчистив таким образом правовое поле, США, как мы помним, осуществили военную агрессию в Ираке в расчете на то, что им удастся организовать новую, альтернативную ООН международную структуру *Coalition of the Willing* (коалиция желающих), которая станет правовой, а главное, силовой структурой однополярного мира, контролируемого США.

События развивались иначе. Даже союзники США по НАТО – Германия, Франция и Италия – отказались принимать участие в этой авантюре, которая окончилась поражением. Военные действия США на Ближнем Востоке встретили сопротивление мировой общественности и вызвали раскол в общественном мнении внутри США. Президент Буш-младший уходил со своего поста по истечении срока как один из самых непопулярных президентов в истории Америки. Барак Обама в значительной степени обеспечил себе электоральную поддержку обещанием вывести войска из Ирака, что он и сделал. Он осуществил это со спокойным сердцем, хотя оставлял позади не демократически преобразованный Ирак, способный стать полноценным субъектом геополитических действий и решений на Ближнем Востоке, а страну, расколотую на три части (курды, сунниты и шииты). Противоборствующие стороны вели между собой отчаянную борьбу за влияние и доступ к энергоресурсам, составляющим пятую часть энергоресурсов Ближнего Востока. Контроль над энергоресурсами и нефтедобычей полностью находился в руках «семи сестер» – ведущих нефтедобывающих компаний США и Великобритании. Поддержка Англией военной стратегии закончилась политическим поражением премьер-министра Тони Блэра, до сих пор не избавившегося от клички Пудель

¹Здесь и далее перевод наш. – И. А.

Буша, но это не изменило главной стратегической задачи Англии – выступать союзником США во всех их попытках установления однополярного мира.

Президенту Обаме стало ясно, что военными усилиями желанной цели – американского гегемонизма и однополярного мира – достичь не удастся, поэтому он продолжил политику ослабления ООН и зашел с другой стороны, сделав попытку организовать союзные структуры стран Запада и Востока, контролируемые большую часть мирового ВВП, полностью подчиненные США. Этой цели служило создание Транстихоокеанского партнерства (ТТП), которое уже подписали 12 стран Азии и Латинской Америки (без Китайской Народной Республики и России), а также реализация панатлантической системы торгового сотрудничества и партнерства.

Последняя, однако, натолкнулась на сопротивление ведущих европейских стран, не желающих терять значительную часть суверенитета. Замысел Обамы был ясен: ослабив ООН и его региональные международные структуры, США нацеливались лишить полномочий Всемирную торговую организацию (ВТО), объединяющую основные государства мира, где диктовать цели и задачи, отвечающие сугубо национальным интересам США, было бы трудно. США благодаря указанным торгово-экономическим договорам рассчитывали участвовать в работе ВТО, держа в своих руках пакет большинства голосов ведущих стран мира и, таким образом, полностью подчиняя авторитетную международную организацию своему влиянию. Китай и Россия в результате могли оказаться отстраненными от процесса принятия решений в ВТО.

Трудности, обнаружившиеся при заключении указанных договоров, подсказали президенту Трампу, что решение задач американской гегемонии в новых условиях через создание региональных объединений и структур – трудоемкая задача. Он провозгласил лозунг *America first* (*Америка превыше всего*), в соответствии с которым авторитарным силовым путем стал навязывать своим союзникам, даже сильнее, чем противникам, условия внешнеэкономической и политической игры, максимально выгодные США. Действуя безостановочно на этом пути, Трамп в значительной степени сумел преодолеть противодействие внутренних политических сил в США и упрочить свои позиции настолько, что заговорил уже о возможности выдвижения на второй срок.

Дело в том, что стратегия американского гегемонизма, давшая желаемые этой стране результаты в XX в., является стратегической целью, которую разделяют большинство американцев и в XXI в. С учетом того что сегодня в окружении президента находятся ястребы, известные своими крайне неуступчивыми позициями в международных отношениях и неспособностью идти на компромисс, стратегия США означает действие напролом, ис-

пользование силовых приемов с тем, чтобы заставить другие страны подчиняться своим стратегическим целям. В матрице этих целей неизменно присутствует возможность военных акций.

Дело в том, что сейчас Соединенные Штаты Америки – ведущая военная держава мира, которая содержит более 600 военных баз и инсталляций на Земле. Это, к слову, США владеет единственной на сегодня действенной структурой внешнеполитического влияния и власти, которая вызывает искреннюю обеспокоенность всех народов мира. Шантаж возможностью военного удара стал одной из составляющих американской внешней политики. И дело здесь не только в действиях нынешнего президента Дональда Трампа, но и в устойчивости внешнеполитической стратегии США, сложившейся в XX–XXI вв. и звучащей диссонансом с оптимистическим консенсусом саммита миллениума ООН, когда лидеры большинства государств мира сосредоточились на задачах предотвращения войн, борьбы с мировой бедностью, составления совместных программ действий по защите природной среды и др.

В противовес этим оптимистическим перспективам XXI в. стало свидетельством роста социальной напряженности в ряде ведущих стран мира, региональных противоречий и конфликтов, возникновения новых глобальных угроз. В сложных условиях государства, большие и малые, предпочитают в первую очередь искать решение своих проблем, нередко в ущерб интересам соседей. Большие государства часто не стесняются использовать свои немалые, в том числе военные, ресурсы для оказания давления на более слабые страны. Парадоксальность геополитической ситуации состоит в том, что новый многополюсный миропорядок (некоторые считают его однополюсным, и в этом также состоит одно из опасных геополитических противоречий) нынешнего дня потенциально опаснее периода холодной войны. Тогда две мировые державы, во многом формирующие этот миропорядок, являлись лидерами, действовавшими с учетом опыта союзничества в борьбе с фашизмом, проявляли сдержанность и рациональность, делавшие новый мировой конфликт невозможным. Сегодня многое изменилось, в том числе в мировоззрении мировых лидеров. Именно поэтому в настоящее время так важно проанализировать геополитическую ретроспективу, вспомнить о тех скрепах, которые сохраняли глобальное равновесие даже в периоды смертельных угроз, каковыми явились две мировые войны и бесчисленное количество локальных военных конфликтов, унесших десятки миллионов жизней и ознаменовавшихся такими разрушительными трагедиями, как геноцид армян, холокост, многомиллионная гибель населения в России, Беларуси, Украине и Польше в ходе Второй мировой войны.

Причины далеко искать не придется: в XX в. решающую роль играла внешнеполитическая стратегия Соединенных Штатов Америки, которые на протяжении указанного периода осуществляли мировое лидерство всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Оглядываясь назад, можно сказать, что на протяжении всего XX и в начале XXI в. политическая культура формировалась под влиянием вильсонизма – концепции *сделать мир безопасным для демократии* (*To make the world safe for democracy*), разработанной президентом США Вудро Вильсоном еще до его вступления на эту высокую должность. *Продвижение демократии* – это современная формула, которая однозначно ориентирует на вторжение США (экономическое, военное, моральное) во все страны мира, которые не отвечают западным стандартам «хорошего управления, свободного рынка и демократии».

Идея президента Вильсона поначалу формулировалась намного осторожнее, чем современная формула *продвижения демократии и прав человека*, но тоже была устремлена вовне как стратегия воздействия на мировую ситуацию. Основополагающие тезисы своей теории Вильсон развил еще до своего переселения в Белый дом в фундаментальной работе об идее демократии [3, р. 12–14]. Он подчеркивал, что демократия – это в первую очередь волеизъявление народа, предполагающее избираемое правительство, которое осуществляет задачи постоянного согласования действий правителей и целей управляемых, разъясняя при этом великую формулу, впервые озвученную в Декларации независимости США: народ имеет право избирать своих правителей и отстранять их от власти, когда они перестанут исполнять его волю. Вильсон неустанно подчеркивал, что демократию нельзя «насадить извне», ее нужно выращивать медленно в каждом государстве, с учетом внутренних условий и возможностей [3, р. 28–29].

В другой своей работе «Государство: элементы исторической и практической политики» Вильсон выделял четыре различных, но взаимозависимых элемента, которые составляли сущность его внешней политики, направленной на то, чтобы «сделать мир безопасным для демократии». Такими элементами являлись сотрудничество между демократическими государствами; общее союзничество, основанное на экономической открытости; попытка нахождения компромисса путем установления консенсуса и обнаружения общих интересов через хорошо структурированные международные многосторонние институты, которые способствовали бы экономической интеграции; тесная связь с Америкой, добровольно берущей на себя лидерство в сообществе наций, целью которого является мир и экономическая безопасность [4, р. 96–112]. Вильсон был первым, кто заявил, что национальный интерес США идентичен мировому интересу.

Политик был убежден, что вопросы управления моральны по существу и что не революция, а эволюция – единственный путь формирования демократии. Правда, в условиях, когда Вильсон стал президентом, ему пришлось учитывать реальность современного ему мира. Соединенные Штаты Америки, победив Испанию в испано-американской войне 1898 г., фактически оккупировали Кубу, Гаити и Доминиканскую Республику, присвоили себе Гавайские острова, оккупировали Филиппины. При этом США не стеснялись принуждать народы к повиновению беспощадными бомбардировками городов, массовыми репрессивными акциями против населения. Говорить о демократии в этих странах Вильсону, бывшему лютеранскому пастору и сыну пастора, было неудобно. Выращивать демократию изнутри было не из чего. Исходя из этого, Вильсон запустил во внешнеполитический оборот термин «прогрессивный империализм» [4, р. 117–124], который получил широкое расхождение в мировой академической печати и политическом дискурсе и скрывал за собой обычное силовое воздействие на страны, посредством которого США заставляли их идти в русле своей внешней политики, т. е. это стандартный, «классический» империализм.

Такое прагматичное «уточнение» политической философии Вильсона диктовалось и мировыми соображениями, оно было направлено на строительство мира по североамериканскому образцу и в русле геополитической стратегии США. Вильсон хорошо понимал, что в мировом контексте этой стратегии возникла и важная альтернатива. Победа Великой Октябрьской социалистической революции предложила другой вариант мироустройства – удержание власти рабочими и крестьянами, установление пролетарской диктатуры свободы от эксплуатации человека человеком. В эпоху Вильсона эта идея вызвала весьма горячий отклик во многих странах, в том числе в США. Понятно, что в этих условиях ориентироваться только на «моральные гуманистические идеи» строительства мира, безопасного для демократии, было уже нельзя.

Противостояние глобальных концепций определило судьбы XX в. Результаты известны. Ленинский проект окончился кризисом 1991 г. и распадом СССР. Проект преобразования мира по формуле Вильсона претерпел существенные изменения. Во-первых, с уходом и смертью политика новая республиканская администрация, сменившая администрацию демократа Вильсона, не сумела (или не захотела) защитить этот проект в сенате США, и он был провален. При этом США не отказались от идеи мирового лидерства, просто обязательства, связанные с его сохранением в мировом масштабе и созданием Лиги Наций, сенат США счел необязательными для себя, но обязательными для остального мира. Нам кажется, что именно здесь определилась первая и очень важная особенность внешнеполи-

тической стратегии США. Формулы и принципы управления миром, которые американцы навязывают странам – членам ООН и другим государствам международного сообщества, необязательны для них самих. США их интерпретируют вольно, в тесной зависимости от конкретного национального интереса, пренебрегая международными обязанностями, которые из них следуют. В этом смысле формула Дональда Трампа *America first* действует в русле той же геополитической симфонии: сначала Америка совершает все, что удобно для нее, а уж после этого занимается мировым лидерством. При этом термин Вильсона «прогрессивный империализм» употребляется в ином, более жестком и непритязательном контексте: у США есть право и обязанность навязывать миру свои формулы для сохранения того миропорядка, который наиболее удобен для нее.

В этом смысле мировая ситуация и мировая динамика, по мнению американских исследователей, свидетельствуют о триумфе и безальтернативности вильсонизма. Известный американский исследователь президентства Вильсона и мировой глобальной ситуации Т. Смит писал по этому поводу: «В течение половины столетия, которая началась Пёрл-Харбором в декабре 1941 г. и закончилась имплозией Советского Союза в декабре 1991 г., американский либеральный интернационализм обрел признаки, которые историки и социальные исследователи с полной уверенностью называют “вильсонизм” как относительно устойчивый и логически адекватный подход к той роли, которую наша страна должна играть в мировых делах (даже если сегодня истолкование вильсонизма вызывает некоторые трудности). Мы можем назвать этот период “гегемонический этап либерализма”, так как его цели и интересы разделяются лидерами многих других стран, и они отображаются в многочисленных институтах международного сотрудничества, которые охватывают собой весь спектр международных проблем – от военной безопасности до экономических отношений» [5, p. 9].

Автор подчеркивает, что на современном этапе вильсонизм приобрел определенный «империалистический оттенок», позволяющий прибегать к силе для того, чтобы защитить американские ценности и глобальный миропорядок, отвечающий американским интересам. В связи с этим вильсонизм, по его мнению, должен обрести оттенки неовильсонизма.

Как мы видели, неовильсонизм у Джорджа Буша – младшего преобразовался в принцип продвижения демократии и прав человека, предполагающий силовое воздействие на мир. Характерно, что инструкции по «продвижению демократии» для Ирака разрабатывал командующий оккупационными войсками США генерал Петреус. Эти инструкции были отпечатаны в сотнях тысяч эк-

земпляров и распространялись среди граждан Ирака. Однако последнее, как мы видим в XXI в., не приносит желаемых результатов. И дело не только в военных поражениях США в Ираке, Афганистане, Ливии, но и в расколе панатлантического единства, о котором мы говорили в других статьях. С одной стороны, агрессивные действия США в мире с учетом цены, которую они платят за свое лидерство, не поддаются объяснению. Они иррациональны. С другой стороны, «глубинное государство США» представляет собой средоточие ястребов, которые хорошо понимают, что другого способа воздействия на мир, кроме военного, у американцев уже не осталось, и поэтому они считают возможным прибегать к политическому шантажу, геостратегическому авантюризму, запугиванию и негативизму по отношению к международным организациям.

Первый самый серьезный удар пережил Европейский союз. Чрезвычайно важно отметить, вернувшись к исторической перспективе, что на исходе XX в. Европа показала себя, а возможно и была, единой. В 1990 г. после принятия Парижской хартии для новой Европы все подписавшие ее члены ОБСЕ заявили, что эра конфронтаций и распада закончилась и отныне отношения будут основываться на взаимном уважении и сотрудничестве. Определенное единство продемонстрировали страны Евросоюза и в начале XXI в., когда казалось, что совместное сотрудничество приведет к торжеству идеалов справедливости и свободы для всех стран – членов Евросоюза, когда средние и малые страны Центральной и Восточной Европы, стремившиеся в данное объединение после распада СССР, надеялись одним махом решить свои экономические и социальные проблемы. Однако уже тогда исторически устойчивая традиция американского гегемонизма диктовала свои условия: неизбежной обязанностью для стран Восточной и Центральной Европы, вступающих в Евросоюз, стало членство в НАТО. Более того, тактически оно предшествовало членству в Евросоюзе. Похоже, что сначала в военной организации новые государства тренировались в рамках безусловного подчинения и исполнения приказов, чтобы быть более послушными членами Евросоюза. Послушания в полном объеме не получилось, и для этого есть существенные основания. За исключением, возможно, Польши, списавшей свою немалую задолженность социалистического периода, и Чехии, умело сохранившей основы своей промышленности, ни одно из восточных и центральноевропейских государств не достигло уровня жизни советского периода. Миграционные процессы, экономическая взаимозависимость и нещадное регулирование из Брюсселя лишают эти страны возможности решать собственные проблемы исходя из внутренних возможностей

и потребностей. Ввиду этого авторитет избираемых правительств невысок. Их способность влиять на улучшение ситуации ничтожна.

Однако США, испытавшие серьезные поражения в первое десятилетие XXI в., почувствовали потребность отыскать причины этих поражений во внешнем мире. Активизация русофобских кругов, увидевших в России возможного конкурента и причину неудач, сегодня достигла всех возможных пределов. США переложили вину за отказ союзников – Германии, Франции и Италии – от поддержки агрессии в Ираке на Россию и особый дипломатический талант президента Путина. С учетом того что традиционно американская внешняя политика строилась на идентификации противника, которая помогала им обосновывать самые спорные геополитические акции, сейчас в качестве такового потребовалась Россия.

В 2006 г. на исходе президентства Буша-младшего Принстонский университет, духовное детище президента Вильсона, получил от Белого дома задание разработать перспективный доклад национальной безопасности США. В докладе указывается, что причина многих американских неудач заключается в том, что единой логически консистентной устойчивой стратегии национальной безопасности до сих пор у них не было. Авторы пообещали, что новая стратегия будет приемлема для обеих партий, и главную цель ее сформулировали следующим образом: «Америка должна защищать, искать и обеспечивать мир свободы, устраиваемой по закону». Закон этот должны учредить Соединенные Штаты, советуясь со своими союзниками. Цель его – господство «зрелых либеральных демократий» везде в мире.

Принципом этого нового порядка объявляется демократия как наилучший инструмент формирования «популярных ответственных и эффективных правительств» во всем мире. Строительство либерального порядка предполагает в первую очередь сотрудничество в МВФ, ВТО, НАТО. Условием членства в этих структурах является заверение Соединенных Штатов Америки в том, что вступившие в НАТО страны будут исполнять свою глобальную роль и демонстрировать способность к решению всех проблем (см. [6, p. 8–14]).

Аналогия со «всемирным концертом монархий», расправившихся с бонапартистской угрозой в XIX в., очевидна. США предлагают миру «концерт демократий», имеющий глобальные масштабы, поддержанный «сетевым порядком» международных институтов и военно-политическим блоком НАТО. Главной задачей для США объявляется «осовременивание доктрин сдерживания». В основе сдерживания лежит тезис, согласно которому в случае возникновения угроз свобода и законопорядок могут осуществляться только силой [6, p. 6]. Поэтому важнейшим условием «концерта демо-

кратий» является развитие военных возможностей всех членов НАТО.

Для Китая в этом новом миропорядке определяется роль тесного сотрудничества с США на условиях, которые диктует Америка. Для России предлагается путь демократических преобразований и интеграции в миропорядок на условиях, которые могли бы сделать страну надежным членом «концерта демократий». США не отказываются при этом от существующих международных институтов, но считают, что ООН должна стать «обновленной и более отвечающей интересам мирового сотрудничества» (читай: «концерта демократий»). При этом авторы однозначны: «Соединенные Штаты никогда не соглашались с принципом, в соответствии с которым они должны применять силу только с согласия Совета Безопасности ООН. США и все члены “концерта демократий” обладают внутренне присущим правом на самооборону в случае вооруженной атаки. Эту доктрину можно осовременить с учетом угроз национальной безопасности в нынешних условиях» [6, p. 6]. Такая многозначная и угрожающая формула полностью продемонстрировала себя в военных действиях США и их союзников, которых им удалось привлечь, в Ираке, Ливии, Сирии, Афганистане. Наконец, может быть, самый главный тезис доктрины состоит в следующем: «Соединенные Штаты должны предотвращать появление соперников, равных им по мощи» [6, p. 9]. Этот же тезис был повторен потом в стратегии национальной безопасности США, принятой Джорджем Бушем – младшим, Бараком Обамой и Дональдом Трампом [6, p. 23]. Если авторы принстонского доклада были достаточно осторожны в выделении угроз безопасности США, то в стратегии национальной безопасности Дональда Трампа однозначно указаны государства, представляющие такую угрозу: Китай, Иран и Российская Федерация (см. [7, p. 24–26]).

В первое десятилетие XXI в. американскими стратегами многие положения объявлялись достаточно обтекаемо, к концу этой декады и во вторую декаду XXI в. союзники США, в первую очередь Великобритания, поспешили уточнить целый ряд основополагающих тезисов. Британский Королевский институт международных отношений *Chatham House* в 2015 г. опубликовал доклад, однозначно названный «Российский вызов», в котором формулировалась суть российской угрозы западному миропорядку, при этом она характеризовалась как постоянная в течение последних трех столетий: «Сегодня Русское государство унаследовало культуру влияния, исходящую из царского и советского времени. Она носит отпечаток доктрин, теорий и привычек, приобретенных в течение длительного времени, особенно в ходе соотношений с подчиненными и независимыми государствами. Проблемы, которые сегодня осложняют отношения между

Западом и Россией, не просто следствие холодной войны, а трехсот лет российской истории» [8, р. 45].

Этой поистине иезуитской формулировкой авторы достаточно прозрачно намекают союзникам-американцам, что в течение трехсот лет Англия противостояла как Российской империи, так и СССР, и сейчас ее опыт мог бы быть очень полезным и востребованным. В этом контексте следует рассматривать и последние шаги Великобритании на мировой арене, включая и не совсем доказанные провокационные акции, как, например, «отравление Скрипаля». Так реализуется формула Черчилля, призывавшего в своей фултонской речи 1946 г. союз англоязычных (читай: англосаксонских) народов бороться против коммунизма. Сегодня острие этой стратегии направляется против России, единственной страны в Европе, которая может противостоять американскому гегемонизму.

Противодействие Великобритании многим российским инициативам на международной арене, организации международного футбольного чемпионата в России хорошо известно. Это конкретные шаги по реализации соответствующего геополитического замысла. Стратегам из *Chatham House* очень важно, чтобы противостояние США и Российской Федерации продолжалось как можно дольше, ведь тогда союзнические услуги Англии будут востребованы США, и на этом фоне можно закамуфлировать многочисленные проблемы внутриполитической и внутриэкономической жизни Британии. Авторы доклада *Chatham House* пишут: «Современные траектории указывают, что дальнейшая конфронтация между Россией и Западом неизбежна, поэтому чрезвычайно важно понять весь объем инструментов, которыми располагает Россия, чтобы достичь своих целей. Российские намерения устойчивы в течение длительного периода, но их возможности, особенно в военной области, развиваются очень быстро, что толкает Москву на гораздо большие агрессивные действия для достижения целей своей внешней политики» [8, р. 48].

Авторов доклада больше всего заботит отсутствие единого подхода к России среди западных лидеров, проявившееся в ходе навязывания Российской Федерации санкций и других действий. Аналитики из *Chatham House* советуют внимательно изучать внутриэкономическое и внешнеполитическое положение России, прогнозировать те действия, которые страна может предпринять в защиту своих интересов, и противостоять им всегда и везде, чтобы избежать возможности России занять подобающее ей место в «концерте демократий», которое, британцы вынуждены признать, не может быть иным, кроме как равноправным и свободным [8, р. 51].

В подтверждение высказанных тезисов можно было бы привести положения и многих других

докладов, которые плодятся сегодня в исследовательских и аналитических центрах западных стран, в первую очередь в США и Великобритании. Суть, однако, состоит в том, что, когда Россия предприняла ряд действий по защите своего стратегического интереса, согласившись на вхождение Крыма в состав Российской Федерации, осудив антиконституционный переворот в Украине, оказав поддержку законному правительству Башара Асада, в стратегических установках западных средств массовой информации стала господствовать русофобия. Исследователи и аналитики рисуют множество сценариев якобы неизменной агрессивности России и неизбежности мирового столкновения.

За всеми этими действиями стоит направляющая рука США, а в основе лежит историческая традиция американского гегемонизма, которая составляет суть внешнеполитической стратегии США на протяжении XX–XXI вв. В пылу яростной русофобской полемики западные аналитики доходят до крайности. Так, Дмитрий Тренин, известный исследователь, сотрудничающий с фондом Карнеги за международный мир, в одной из своих публикаций заявил, что Запад намерен нанести России поражение, сопоставимое с поражением, нанесенным Советскому Союзу в 1991 г. [9, с. 1–7].

Для предотвращения такой ситуации, по мнению Тренина, Россия должна выполнить ряд условий, часть которых можно охарактеризовать как ультиматум: прекратить информационную войну, «не эпатировать европейский политический истеблишмент демонстративным сближением с несистемными политическими силами в Европе от французского Национального фронта до немецкой “Альтернативы” для Германии и антииммигрантских или сепаратистских сил в тех или иных странах ЕС, не противодействовать расширению Евросоюза и НАТО, не расшатывать единство Евросоюза» [9].

Скажем прямо, предложения наглые и абсолютно неприемлемые, исключающие возможность договорных отношений или достижения консенсуса по острым международным проблемам. Недавно Джордж Фридман, руководитель частной разведывательно-аналитической организации «Стратфорд», дал интервью газете *Polska Times*, предсказав, что «Россия распадется после 2020 г.» [10, с. 11]. Далеко не все на Западе разделяют сегодня эту русофобскую и отчаянно мрачную перспективу. Наоборот, ряд других исследователей констатируют, что сегодня у стран – членов Евросоюза весьма разное восприятие вызовов и угроз. Национальные интересы многих стран с трудом приводятся к общему знаменателю, и *Brexit* показал многим государствам возможность решить свои проблемы, не очень сообразовываясь с догматичными и упрямыми рекомендациями брюссельской бюрократии.

Наверное, эти противоречия будут и дальше серьезным образом нарушать единство Евросоюза, а обнаружившиеся противоречия между Евросоюзом и США, совершенно очевидно, трудно преодолимы. Многого в отношениях Евросоюза, США, Китая, России и мира можно было бы достичь, если бы США более адекватно реагировали на изменяющийся мир и в условиях потери собственного влияния и веса, резко ограничивающего возможности их лидерства, адаптировали к ним свою стратегию. Однако инициатива во внешнеполитической стратегии США перехвачена сегодня группой ястребов «глубинного государства», которые рассматривают военную силу как главный глобальный ресурс США и используют шантаж этой военной силой для достижения своих национальных целей. Это создает опасность новых мировых конфликтов и даже возможного военного мирового столкновения. Поэтому все страны, сотрудничающие с Соединенными Штатами Америки, вынуждены действовать осмотрительно, не слишком антагонизируя США, но и не потворствуя их гегемоническим амбициям. Надо дать США возможность решить свои про-

блемы собственными внутренними силами, препятствуя тому, чтобы они втягивали в водоворот конфликтов и противоречий весь мир. Это очень трудная задача для всего мирового сообщества, но без ее разрешения неустойчивость миропорядка будет только углубляться.

Устойчивость миропорядка не может быть сохранена с помощью политического давления, экономических санкций, военной агрессии. Обращает на себя внимание концептуальное прогнозирование будущего миропорядка Китаем. Дэвид Госсет, основатель форума «Европа – Китай», писал: «Глобальная взаимозависимость сегодня рассматривается как неизбежная действительность, надо организовать и управлять международным сообществом не только на уровне стран, или на макрорегиональном уровне, но и на самом широком уровне – человечества...» [11, р. 5]. «Общность судьбы для человечества» становится важной чертой восстановления цивилизации, данная идея выдвинута на XVIII съезде КНР. Многим она кажется весьма привлекательной для все большего числа людей в мире.

Библиографические ссылки

1. Кинг С. *Запад теряет контроль. Три модели финансового будущего мира*. Москва: Карьера Пресс; 2015.
2. Die Neue Welt Ordnung. *Der Spiegel*. 2018;25.
3. Wilson W. *The Idea of Democracy*. New York: Harper and Brothers; 1917.
4. Wilson W. *The State: the Elements of Historical and Practical Policies*. Boston, New York, Chicago: D. C. Heath & Co; 1918.
5. Smith T. *Why Wilson Matters*. Princeton: Princeton University Press; 2017.
6. Ikenberry J, Slaughter A-M. *Forging a World of Liberty under Law*. Princeton: The Princeton Project Papers; 2006.
7. The National Security Strategy of the United States of America [Internet]. 2002 November [cited 2018 June 21]. Available from: <https://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf>.
8. Giles K, Hanson Ph, Lyne R, Nixey J, Sherr J, Wood A. *The Russian Challenge. Chatham House. Report*. London: The Royal Institute of International Affairs; 2015.
9. Тренин Д. Россия и Европа: к чему стремиться и что делать? *Центр Карнеги* [Интернет]. 29 марта 2018 г. [процитировано 21 июня 2018 г.]. Доступно по: <https://carnegie.ru/2018/03/29/ru-pub-75938>.
10. Фридман Дж. После 2020 года Россия распадется. *Polska Times*. 2018. 15 июня.
11. Gosset D. From Chinese «Renaissance» to Community of shared Destiny. *Global Times. China Daily*. 2018 June 23–24.

References

1. King S. *Zapad teryayet kontrol'. Tri modeli finansovogo budushchego mira* [Losing control. The Emerging threats to Western prosperity]. Moscow: Kar'era Press; 2015. Russian.
2. Die Neue Welt Ordnung. *Der Spiegel*. 2018;25. German.
3. Wilson W. *The Idea of Democracy*. New York: Harper and Brothers; 1917.
4. Wilson W. *The State: the Elements of Historical and Practical Policies*. Boston, New York, Chicago: D. C. Heath & Co; 1918.
5. Smith T. *Why Wilson Matters*. Princeton: Princeton University Press; 2017.
6. Ikenberry J, Slaughter A-M. *Forging a World of Liberty under Law*. Princeton: The Princeton Project Papers; 2006.
7. The National Security Strategy of the United States of America [Internet]. 2002 November [cited 2018 June 21]. Available from: <https://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf>.
8. Giles K, Hanson Ph, Lyne R, Nixey J, Sherr J, Wood A. *The Russian Challenge. Chatham House. Report*. London: The Royal Institute of International Affairs; 2015.
9. Trenin D. Russia and Europe: what to strive for and what to do? *Tsentr Karnegi* [Internet]. 2018 March 29 [cited 2018 June 21]. Available from: <https://carnegie.ru/2018/03/29/ru-pub-75938>. Russian.
10. Fridman J. [After 2020 Russia will disintegrate]. *Polska Times*. 2018 June 15. Russian.
11. Gosset D. From Chinese «Renaissance» to Community of shared Destiny. *Global Times. China Daily*. 2018 June 23–24.

Статья поступила в редколлегию 07.07.2018.
Received by editorial board 07.07.2018.

УДК 316.334.005

ПРИНЦИП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

В. Ф. БЕРКОВ¹⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

Показано, что принцип деятельности может выступать в качестве логико-методологической основы управления социальными процессами. Содержание этого принципа определяется соотношением категорий цели, средства и результата. На социальном уровне они находят свое продолжение и конкретизацию во множестве понятий, среди которых главная роль принадлежит понятию интереса.

Ключевые слова: управление; социальное управление; принцип деятельности; цель; средство; результат; достаточность средств; необходимость средств; интерес; логика принципа деятельности.

PRINCIPLE OF ACTIVITY AS A LOGICAL AND METHODOLOGICAL BASIS FOR SOCIAL PROCESSES MANAGEMENT

V. F. BERKOV^a

^aNational Institute for Higher Education, 15 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

It is shown that the principle of activity can be a logical and methodological basis for social processes management. The content of this principle is determined by the relationship of goal, means and result. At the social level, they find their continuation and concretization in a variety of concepts, where the main role belongs to the notion of interest.

Key words: management; social management; the principle of activity; goal; means; result; sufficiency of means; necessity of means; interest; logic of the principle of activity.

Каждая наука есть постольку прикладная логика, поскольку она состоит в том, чтобы облекать свой предмет в формы мысли и понятия.

Г. В. Ф. Гегель

Переход на стадию информационного общества актуализирует выявление и осмысление оснований управленческого воздействия. Нередко решение насущных вопросов управления видится лишь в изучении и распространении удачного управленческого опыта. Этот путь, будучи наполнен исключительно эмпирическим содержанием, дает практически ценные результаты, он даже необходим, однако не достаточен. Познание сущности процес-

сов управления требует дополнения эмпирических исследований теоретическими и философскими обобщениями.

В данной статье ставится задача показать, что принцип деятельности может служить логико-методологической основой управления социальными процессами.

В научной литературе термин «управление» употребляется в широком и узком смысле. В широком

Образец цитирования:

Берков ВФ. Принцип деятельности как логико-методологическая основа управления социальными процессами. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2018;4:48–56.

For citation:

Berkov VF. Principle of activity as a logical and methodological basis for social processes management. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2018;4:48–56. Russian.

Автор:

Владимир Федотович Берков – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии университетского образования.

Author:

Vladimir F. Berkov, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of university education.
vlad-berkov@yandex.ru

смысле он обозначает функцию организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических), которая обеспечивает сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию их программ и целей. В содержание понятия управления при этом включаются процессы самоорганизации и саморегуляции, где управление является необходимым внутренним свойством системы. Примерами управления данного рода выступают рыночные процессы в условиях домонополистической стадии капитализма, поддержание температуры тела живого организма, системы автоматического регулирования в технике. Употребление термина «управление» в широком смысле в конечном счете привело к его включению в арсенал философско-методологических категорий.

В узком смысле данный термин применяется лишь по отношению к сознательным процессам управления, означающим воздействие на различные системы в целях их упорядочения, сохранения качественной специфики, совершенствования, развития. Здесь управление оказывается внешним по отношению к системе фактором, который, однако, существенно влияет на ее состояние и поведение. В таком понимании управление предполагает наличие двух систем – управляющей и управляемой. Планирование, организация, регулирование, контролирование происходящих в системе процессов – важнейшие функции управляющей системы. Без их выполнения нельзя управлять движущимся автомобилем; космическим кораблем, выводимым на заданную орбиту для ее стыковки с орбитальной станцией; фирмой, вступающей в конкурентную борьбу за овладение рынком сбыта.

Социальное управление – особый, наиболее сложный вид управления в узком смысле этого термина. Оно представляет собой воздействие на общественные системы. Поскольку форма существования общественной системы – деятельность, то управлять общественной системой – значит осуществлять деятельность над актами деятельности общественной системы. Стало быть, в социальном управлении следует различать прежде всего два уровня – деятельность и метадеятельность (от греч. *meta* – после, за, между).

Под *деятельностью* будем понимать особого рода действительность, основное свойство которой – целенаправленное изменение и преобразование внешнего мира в интересах людей. В процессе деятельности человек (субъект) противостоит объективному миру (объекту) и его фрагменту (предмету) как материалу, из которого непосредственно получается необходимый человеку продукт.

Типы деятельности весьма многообразны. Прежде всего различают практическую и духовную

деятельность. *Практическая деятельность* (практика) – это материальное, чувственно-предметное освоение и преобразование природы или общества. *Духовная деятельность* связана с освоением и преобразованием внешнего мира лишь в сознании человека. Духовную деятельность можно понять только на основе анализа практики, через рассмотрение ее, с одной стороны, как продолжения и результата развития практической деятельности, с другой стороны, – как важнейший регулятор (не всегда надежный) осуществления последней.

В зависимости от доминанты внутренней жизни людей могут быть выделены различные типы духовной деятельности: моральная (акцентирование идеи добра и чувства милосердия), религиозная (вера в идею Бога и чувство смирения), эстетическая (ориентация на идею красоты и эстетический вкус), сциентическая (установка на идею истины и чувство реальности), гуманистическая (признание идеи человека как высшей ценности и чувство содействия), наконец, управленческая деятельность (постановка задач, проблем, разработка программ, принятие решений). Антиподы духовности (как результата духовной деятельности) – нигилизм и цинизм, невежество, отсутствие идеалов, агрессивное поведение, ненависть, нетерпимость и т. д.

Разнообразны типы практической деятельности: производство (процесс создания материальных благ), социальные преобразования (в том числе в сфере управления), идейно-воспитательная работа, опытно-экспериментальная деятельность (в науке) и пр.

Абстрагирование и обобщение самых разнообразных, многократно повторяющихся «фигур» деятельности привело к становлению и принятию *принципа* (от лат. *principium* – основа, первоначало) *деятельности*. Это уже не только продукт отображения внешнего мира, но и предпосылка его дальнейшего исследования и преобразования. Оговоримся: принцип деятельности не является универсальным средством познания, существует ряд других путей усвоения и применения общественного опыта, частично или полностью основанных на подражании (моделирование, действия по образцам, «обучение на ошибках» и пр.).

Отношение деятельности как части объективного мира к своему целому, т. е. к противостоящим ей природе и обществу, является коренным философским вопросом, на котором зиждется основная гносеологическая проблематика. В марксизме (диалектическом материализме) она занимает центральное место. В теории познания марксизма подчеркивается объективная обусловленность человеческой деятельности. Доказывается, что объективные потребности есть в конечном счете идеальный, внутренне побуждающий ее мотив [1, с. 717].

Любая человеческая деятельность находит свое непосредственное выражение в языке. Для описания названных уровней пригодны логические понятия предметного языка и метаязыка. *Предметный язык* – это язык, выражения которого относятся к некоторой области объектов, их свойств и отношений. Например, предметный язык арифметики соотносится с числами и их свойствами, описывает операции сложения, вычитания и пр.; предметный язык классической механики сообщает нечто о механическом движении макротел, взаимодействиях между ними.

Метаязык служит средством описания и исследования свойств предметного языка. В метаязыке формулируются правила построения его выражений, законы их взаимоотношений. К метаязыку обычно предъявляются особые требования: 1) он должен включать в себя предметный язык как свою часть (в том смысле, что выражения предметного языка должны быть переводимы на метаязык, т. е. выражения метаязыка – имена соответствующих выражений предметного языка); 2) в числе выражений метаязыка должны иметься выражения более высоких типов, чем выражения предметного языка. Иначе говоря, чтобы в метаязыке можно было проводить рассуждения о строении выражений предметного языка и его свойствах, метаязык должен быть более богатым по своим выразительным и аналитическим возможностям, чем предметный язык.

Деятельность управляющей системы, как мета-деятельность, выражается в метаязыке, в то время как деятельность управляемой системы – в предметном языке. Поэтому деятельность управляющей системы всегда богаче по своему содержанию, чем деятельность управляемой системы. В частности, С. Н. Князев обращает внимание на то обстоятельство, что «их отношения имеют сознательно-волевое опосредствование. Воля управляющих приоритетна по отношению к воле управляемых. Отсюда властность социального управления, означающая, что субъект управления формирует и реализует “господствующую волю”, а объект подчиняется ей» [2, с. 11]. Вместе с тем наряду с такими функциями, как планирование, организация, регулирование и контроль, социальному управлению принадлежит также функция мотивации, т. е. побуждения себя и других к деятельности ради достижения поставленных целей.

Принцип деятельности невозможно представить без повышенных требований к субъекту социального управления (т. е. к управляющей системе) в плане его специальной, теоретической, общекультурной подготовки, особенно с учетом того, что здесь управляемые системы, или объекты управления, – это, как правило, сложные развивающиеся системы.

В марксизме принцип деятельности трактуется как фундаментальная характеристика человеческого бытия, а потому является исходным пунктом любого исследования человека и общества. Социальная теория, игнорирующая этот принцип, часто скатывается к произвольным умозрительным конструкциям.

В советской «официальной» философской литературе принципу деятельности явно не повезло. Вместе со своим понятийно-терминологическим аппаратом он оказался фактически исключенным из сферы научных исследований, что в конечном счете не могло не сказаться отрицательно на их теоретическом уровне, как и на положении дел в образовании, издательской сфере. Например, этому принципу не нашлось места в «Философской энциклопедии» (1960–1970), он исчез из виду в объемистой книге А. П. Шептулина «Система категорий диалектики» (1967) и даже не был упомянут в учебниках В. Ф. Константинова (руководитель авторского коллектива; 6-е изд.; 1982), А. Г. Спиркина (1988), В. П. Кохановского (ответственный редактор; 1989) и др.

Однако нельзя не отметить, что во второй половине 1950-х гг. положение стало существенно меняться, наметилась тенденция, альтернативная «официальным» установкам. Под воздействием опубликованных тогда на русском языке ранних рукописей К. Маркса были предприняты попытки переосмысления философского наследия марксизма. Исследования сместились в сторону постановки и творческой разработки проблем человека, гуманизма, отчуждения, диалектики абстрактного и конкретного, логического и исторического, анализа и синтеза. В прорывных работах Г. П. Щедровицкого, В. С. Стёпина, И. С. Алексеева, Э. Г. Юдина, В. С. Швырева, В. М. Межуева и других ученых доказывается, что проблема происхождения теоретического знания, принципы и способы его построения могут быть осознаны только с позиций заложенной Марксом фундаментальной идеи о деятельностно-практической природе познавательного процесса. В литературе актуализируется вопрос о создании К. Марксом нового типа онтологии, в центре которой – учение о мире не как об объекте познания, а как о результате «субъективной» практической деятельности людей. Например, В. М. Межуев писал: «...его (К. Маркса. – В. Б.) материализм... практический: вся материальная действительность приравнивается здесь не к природе, а к человеческой практике, отождествляется с практикой» [3, с. 286]. Действительность, пока она не освоена практически, есть «открытый вопрос» [4, с. 43], и опережение практики познанием может носить лишь гипотетический или проблематический характер.

Была проделана большая исследовательская работа по разработке фундаментального тезиса

о том, что знание «в форме объекта» является производным, вторичным, выводным по отношению к знанию о предмете как «сгустку» (К. Маркс) человеческого труда, к знанию «в форме деятельности». Подобно тому как объективные характеристики всякой человеческой деятельности опредмечиваются и «угасают» в свойствах ее продуктов, знание «в форме деятельности» опредмечивается и кристаллизуется в знании «в форме объекта». Представляя собой результат познания, знание «в форме объекта» трактуется не только «старым», но и нынешним созерцательным материализмом как внутренне присущее предмету без какого бы то ни было отношения к породившей его практической деятельности. Однако такая установка созерцательного материализма на «субстанциализацию» отдельных вещей является познавательно ограниченной и потому лишь по видимости объективной.

Фактически к середине XX в. относятся попытки некоторых зарубежных авторов дать свою интерпретацию работ К. Маркса, особенно ранних. Многие из них объединились вокруг издававшегося в Югославии международного журнала «Праксис». Главная идея, разрабатываемая праксистами, состояла в утверждении, согласно которому практика (праксис – в их понимании) есть основная категория философии, все же остальные производны от нее.

Это здравый подход. Но вопрос состоит в том, как, какими средствами, ради чего и на основе какой системы ценностей он реализуется. Главный порок праксистов заключается в том, что они, в отличие от советских «деятельностников», отошли от тезиса, гласящего, что практика основана на закономерностях объективной действительности, которые люди используют в своих интересах. У них праксис – вариант опыта субъективно-идеалистических концепций с присущим ему произволом и обманчивой беспристрастностью. Как итог – несостоятельность претензий на «аутентичное» выражение идей К. Маркса.

Возвращаясь к теории социальной управленческой деятельности, ее практическому применению, обратим внимание на ограниченность определения термина «управление», данного в начале статьи (*действительность, основное свойство которой – целенаправленное изменение и преобразование внешнего мира в интересах людей*). Оно, как и любое определение вообще, фиксирует лишь общее содержание исследуемого феномена. Полное его содержание включает в себя, кроме основных, ряд производных характеристик [5, с. 122]. В соответствии с задачами статьи сконцентрируемся на логических аспектах проблемы.

Логическое содержание принципа деятельности разворачивается прежде всего в категориях цели, средства и результата. Их соотношение имеет

объективные основания. В свое время об этом интересно и убедительно писал Н. Н. Трубников – один из первых авторов, посвятивших свои исследования феномену человеческой деятельности: «Отношение цели, средства и результата включает отношение причины и действия, характеризующее стихийный процесс природы, в принципиально иную категориальную структуру, в которой реальному отношению вещей оказывается предпосланным их проект в виде их логически всеобщего, а потому в значительной мере абстрактного аналога. При этом в роли так называемых причин здесь выступают средства реализации, более или менее соответствующие поставленной цели. Действие же приобретает форму идеально положенного в виде цели результата, воспроизводя содержание самой деятельности и ее средств» [6, с. 461]. При этом термин «цель» понимается в его самом распространенном смысле – как идеальное, мысленное предвосхищение результата деятельности. Результат (продукт) – то, что получено в завершение какой-то деятельности и может использоваться для непосредственного потребления или служить предпосылкой другой деятельности. Проектирование и постановка целей, стремление к результату – специфическое качество человека, его исключительное достояние.

Критерием реальности и определенности цели является ее отношение к средствам, т. е. к вещам, материальным условиям, завоеваниям человеческой культуры, которые используются в том или ином случае. Подобно тому как причина вызывает некоторое действие и следствие, средство обуславливает идеально положенный в виде цели результат, предопределяет и ограничивает ее. Средства, таким образом, – важнейший критерий отбора целей. Последние находят в средствах свою «земную» основу.

Однако отношение цели и средства нельзя сводить к простой причинно-следственной связи. Дело осложняется тем, что, однажды возникнув, цель сама становится основой деятельности, как закон определяет способ и характер действий.

Формирование и достижение цели зависит не только от средств. Многое определяется предметом, преобразуемым с помощью средств и отражаемым в содержании цели. Цель может оказаться беспредметной, если присутствующий в ней образ желаемого предмета – фикция, вымысел, ничего общего не имеющий с объективным положением дел. Естественно, такая цель принципиально недостижима, направляемая ею деятельность с необходимостью вступает в противоречие с законами развития природы или общества. Например, неоднократно репродуцированная в истории техники идея создания вечного двигателя – непрерывно действующей машины, которая, будучи однажды

запущенной, совершала бы работу без получения энергии извне, – противоречит закону сохранения энергии и потому неосуществима.

В научно-исследовательской сфере, художественном творчестве, воспитательной работе предмет предстает изначально в неполном и недостаточно оформленном виде, что сказывается на содержании цели, которая также расплывчата, неоднозначна и существует лишь в виде первичного замысла. Становление предмета и соответствующей ему цели происходит на протяжении данной деятельности, в ходе смены, конкретизации, решения целого ряда иерархически упорядоченных промежуточных задач.

Предмет и средство нередко выступают в их единстве – как служащие достижению поставленной цели *совместно*. Отсюда понимание средства в широком смысле этого слова. Для крестьянина, обрабатывающего поле (предмет) на тракторе (средство в узком смысле), чтобы в конечном счете получить высокий урожай (цель), его трактор и поле не иначе как определенное средство (в широком смысле).

Очевидно, средства в широком смысле слова – это все то, что принято называть ресурсами, вместе с людьми, которые их используют. В марксизме – это производительные силы общества. В дальнейшем мы будем употреблять термин «средство» чаще всего именно в этом, широком, смысле.

Логику деятельности как форму взаимодействия цели, средств и результата можно детализировать, обогатив, например, понятиями, характеризующими названное взаимодействие с точки зрения достаточности и необходимости средств. Последние могут оказаться:

- а) достаточными и необходимыми для достижения цели;
- б) достаточными, но ненеобходимыми;
- в) недостаточными, но необходимыми;
- г) недостаточными и ненеобходимыми.

При этом под *достаточным* подразумевается средство, наличие которого гарантирует достижение поставленной цели, а под *необходимым* – средство, отсутствие которого препятствует ее достижению. В классической логике при истинности высказывания вида «Если *A*, то *B*» истинное *A* есть достаточное условие истинности *B*, в то время как истинность *B* есть необходимое условие истинности *A*.

Логическую форму управленческой деятельности, фиксирующую наличие достаточных средств для достижения цели, правомерно называть *управленческой задачей*, в то время как отсутствие хотя бы некоторых из них – *управленческой проблемой*. Если средства *достаточны и необходимы* для достижения цели, то мы имеем дело с хорошо сформулированной задачей. Здесь цель оптимально детер-

минирована наличными средствами (в широком смысле). Она уже неявно содержится в средствах и может быть получена из них дедуктивным путем. Исходные данные проектируют единственный путь деятельности, ведущий к надежно обоснованному решению (и результату).

Если средства *достаточны, но ненеобходимы*, то управленческая задача приобретает избыточный характер. Избыточность означает превышение объема информации или сложности структур задачи по сравнению с минимальными значениями, которые необходимы для ее решения (т. е. для достижения цели).

Существует несколько разновидностей избыточности. Во-первых, это «шум», т. е. информация, независимая от достаточных и необходимых средств (нерелевантная, случайная); во-вторых, информация, зависящая от данных средств (релевантная). Нерелевантная информация особенно характерна для начального этапа работы над разрешением задачи. Составной частью нерелевантной информации могут выступать, например, истинные, но не относящиеся к делу факты, ошибки в расчетах и выводах, излишние подробности, стилистические погрешности в формулировках и т. д. Фиксация наиболее существенных элементов в условиях задачи позволяет отсеять нерелевантную информацию и таким образом упростить, оптимизировать задачу. Хорошими моделями задач этого рода являются многие загадки и головоломки, которые составляются так, что в условия вводятся элементы, способные замаскировать правильные ходы к нахождению разумных решений.

Релевантная информация может быть представлена следствиями из некоторой информации, выражениями метаинформационного характера и т. д. Их устранение из непосредственной формулировки задачи вовсе не означает, что они вредны или бесполезны. Благодаря такой избыточности нередко обеспечивается лучшее восприятие, более полное понимание или функциональное назначение основной информации. Но нередко релевантная избыточность выполняет и более важную функцию, выступая в качестве дополнительных страхующих структур, которые обеспечивают гарантированную эффективность, надежность и достаточность в работе системы. Иллюстрацией такой избыточности может служить наличие государственного и частного секторов в современном обществе, создающее условия для решения социальных вопросов. Современные атомные реакторы имеют несколько дублирующих систем безопасности, призванных предотвращать возможность неконтролируемого выброса радиоактивных материалов.

При *недостаточности необходимых средств* субъект управления оказывается как бы на распутье,

он колеблется между несколькими альтернативными путями решения. Каждый из них представляет собой версию, подлежащую дальнейшей разработке. Все они обладают признаком сравнимости, поскольку имеют общую основу, общие предпосылки своего происхождения и не обязательно взаимоисключают и взаимодополняют друг друга в составе некоторого конечного множества суждений (т. е. они описываются с помощью слабой дизъюнкции).

Альтернатива имеет двоякую направленность: с одной стороны, она соотносится с целью; с другой – является элементом научного прогноза, опирающегося на некое наличное бытие. Цель в данном случае реальна, поскольку через альтернативы связывается с действительностью. Следовательно, управленческая проблема имеет не только субъективные, но и объективные основания.

В практике разрешения проблем обычно бывает так, что *недостаточность средств сочетается с их избыточностью*. Проблема приобретает диффузный (слабоструктурированный) характер. При подготовке управленческих решений такие ситуации являются скорее правилом, чем исключением. Естественно, диффузность затрудняет выделение альтернатив, а иногда уводит субъекта, формирующего программу, в сторону от возможных путей ее нахождения. В такого рода случаях результат может носить неожиданный, побочный характер, по своей сути не детерминированный поставленной

целью и потому расходящийся с нею. Стремясь к цели, действующий субъект, образно говоря, «не ведает, что творит». Подобного рода результаты древние греки называли поризмами. Исследователи склоняются к мысли о том, что случайных открытий и изобретений было не меньше, чем запланированных.

Частный случай диффузных управленческих проблем – мнимые проблемы. Их неперенная черта – *противоречивость* используемых средств (внутренняя или внешняя). Управленческая практика знает немало примеров такого рода. Многие социальные проекты остались неосуществленными не столько из-за их необеспеченности средствами, сколько по причинам расхождения с тенденциями общественного развития.

Представляется, что любая система управления может быть исследована под углом характеристик, обозначенных приведенными выше вариантами. При этом нужно акцентировать то обстоятельство, что в сфере *социального управления* эти варианты работают на двух уровнях – предметно-языковом и метаязыковом. В развернутом виде взаимодействие этих уровней отображено в таблице (для лучшего восприятия в ней термины «достаточно», «недостаточно», «необходимо», «ненеобходимо» обозначены буквами Д, НД, Н, НН соответственно – для предметно-языковой, или управляемой, системы; Д¹, НД¹, Н¹, НН¹ – для метаязыковой, или управляющей, системы).

**Варианты соотнесения средств предметно-языковой (управляемой)
и метаязыковой (управляющей) систем управления**

**Options for correlating the means of subject-language (managed)
and metalinguistic (managing) control systems**

№ п/п	Характеристики средств предметно-языковой (управляемой) системы	Характеристики средств метаязыковой (управляющей) системы
1	Д и Н	Д ¹ и Н ¹
2	Д и НН	Д ¹ и Н ¹
3	Д и Н	Д ¹ и НН ¹
4	Д и НН	Д ¹ и НН ¹
5	Д и Н	НД ¹ и Н ¹
6	Д и НН	НД ¹ и Н ¹
7	Д и Н	НД ¹ и НН ¹
8	Д и НН	НД ¹ и НН ¹
9	НД и Н	Д ¹ и Н ¹
10	НД и НН	Д ¹ и Н ¹
11	НД и Н	Д ¹ и НН ¹
12	НД и НН	Д ¹ и НН ¹
13	НД и Н	НД ¹ и Н ¹
14	НД и НН	НД ¹ и Н ¹
15	НД и Н	НД ¹ и НН ¹
16	НД и НН	НД ¹ и НН ¹

Средства, соотношение которых описывается 1-й строкой таблицы, наиболее оптимальны и при прочих равных условиях обеспечивают бесспорный успех в достижении поставленной цели. В то же время 16-я строка обозначает ситуацию, явно свидетельствующую о беспомощности управляющей системы. Интересны и остальные ситуации (но они требуют дополнительной работы по их интерпретации).

Признаки и отношения, фиксируемые в таблице, присущи не только социальному управлению, они являются родовыми по отношению к нему. Характерная, видовая черта социального управления – его непосредственные связи с идеологическими установками, мотивационная зависимость от них. Они, согласно распространенной в литературе дефиниции, выражают коренные интересы больших общественных групп (народов, классов, обществ, социальных движений) и включают в себя ориентации правового, политического, этического, эстетического, религиозного, философского или иного характера. Не всегда эти связи играют положительную роль. Яркий пример – негативное идеологическое воздействие на управление нынешними научно-исследовательскими и образовательными процессами в сфере общественных наук.

Начиная с 1990-х гг. в общественном сознании возрождаются ориентиры, претендующие на «внесубъектные» описания внешнего мира, порождающие надежду на подлинное его познание в как бы естественном состоянии данного объекта. В социологии, экономической теории, политологии, исторической науке происходит «сдвиг» управленческого вектора к их эмпирическому содержанию. При этом едва ли не главным авторитетом в области методологии становится английский философ, логик и социолог К. Поппер, акцентирующий, по сути, позитивистский подход к познанию и прогнозированию общественных процессов. Он настаивал: «Можно с полной уверенностью сказать, что эмпиризм в той или иной форме, пусть даже умеренной и видоизмененной, есть единственная интерпретация научного метода, которую в наши дни можно воспринимать всерьез» [7, с. 534]. Диалектику К. Поппер расценил как бессмыслицу, пустой жаргон, и, по его убеждению, «новым поколениям следует помочь в деле освобождения от этого интеллектуального мошенничества, пожалуй, самого крупного в истории нашей цивилизации и ее борьбы со своими врагами» [8, с. 95].

Главная причина отмеченного «сдвига» к эмпиризму, декатегоризации и сциентистскому позитивизму заключается в глубоком структурном кризисе, в который попало наше жизнеустройство и из которого оно не может выйти до настоящего времени. Пораженными оказались не только экономическая и социальная, но и мировоззренческая сфера. В соответствии с природой и требованиями

ми социальной среды на задний план отодвинуты нормы и навыки рационального мышления, даны широкие возможности для распространения самых реакционных идей, поощряются наиболее примитивные представления о развитии общества.

Но нечто подобное в прошлом уже было. Характерный пример – ситуация, сложившаяся в буржуазной политической экономии в середине XIX в. Как только буржуазия завоевала политическую власть, по словам К. Маркса, «пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой» [9, с. 17].

Аналогичная метаморфоза ожидает науку всякий раз, когда наблюдается стремление к точке зрения, которая диктуется не самой наукой как средством достижения объективной истины, а лишь внешними по отношению к ней, своекорыстными групповыми, нередко классовыми, интересами. Вполне подходящим для таких случаев оказывается методологический инструментарий давно изжившего себя позитивизма с его установками на описательность, поверхностность обобщающих характеристик, эклектичность исследовательских подходов, игнорирование ценностно-методологических ориентиров и т. д. В то же время осуждаются или даже явно оскверняются попытки расстаться с «ползучим» эмпиризмом и перейти на высокий язык деятельности-практической философии с использованием ее понятийно-терминологического аппарата, ядро которого составляют категории цели, средства и результата.

На уровне социологии (науки о закономерностях развития и функционирования социальных систем) отношение этих категорий воплощается прежде всего в понятии *интереса*, который, в отличие от потребностей, ценностных ориентаций и прочих форм общественной жизни, выступает в качестве *реальной и непосредственной* причины социальных действий [10]. Ни одно социальное действие не может быть понято без выяснения интересов, породивших это действие, и, как писал В. И. Ленин, «люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов» [11, с. 47].

В марксизме категория интереса – краеугольный камень логики познания социальных процессов. Во многих исторических произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса («Крестьянская война

в Германии», «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и др.) ее методологическое значение раскрыто и продемонстрировано со всей полнотой и отчетливостью. Показательно в этом отношении освещение К. Марксом ситуации, сложившейся во Франции в революционный период с 1848 по 1850 г. Казалось бы, в соответствии с методологическими установками материалистического понимания закономерностей исторического процесса следовало начинать анализ с экономического положения Франции в этот период. Однако Маркс идет иным путем, теоретически осваивая прежде всего отношения между партиями во французском парламенте и характеризуя общественные группы, представленные в этом законодательном органе, – мелкую буржуазию с ее колебаниями, утопическими стремлениями возвыситься над классовыми противоречиями; крестьянство с его внутренним расслоением и господством в его среде реакционных предрассудков, укрепляемых целенаправленной идеологической обработкой; крупную буржуазию с ее контрреволюционными антиреспубликанскими настроениями; соперничающие монархические течения. Впоследствии Ф. Энгельс, касаясь подхода К. Маркса, разъяснял: «При суждении о событиях и цепи событий текущей истории никогда не удастся дойти до *конечных* экономических причин. <...> Ясной картины экономической истории какого-нибудь периода никогда нельзя получить одновременно с самими событиями, ее можно получить лишь задним числом, после того как собран и проверен материал. <...> Поэтому материалистическому методу слишком часто приходится здесь ограничиваться тем, чтобы сводить политические конфликты к *борьбе интересов* (курсив наш. – В. Б.) наличных общественных классов и

фракций классов, созданных экономическим развитием, а отдельные политические партии рассматривать как более или менее адекватное политическое выражение этих самых классов и их фракций» [12, с. 529–530].

К сожалению, редко встречаются исследования, учитывающие поучительные уроки прошлого. В моде замалчивание марксистской концепции материалистического понимания истории, безосновательная критика, устремленная против сторонников этой концепции. Не лучше обстоят дела и в образовательной практике.

Системный мировоззренческий кризис, в котором оказалась вся социально-гуманитарная сфера, неразрывно связан с отказом интеллектуальной элиты от еще недавно господствовавших в обществе гуманистических ценностей. Но свершившаяся переориентация на догмы отжившего свой век позитивизма (в разных его проявлениях) себя не оправдала. Приходит осознание того, что в рамках этих догм нынешняя так называемая трансформационная фаза развития общества не поддается теоретическому освоению и «представляет для ученых историческую загадку» [13, с. 60].

Для управления социальными процессами нужна твердая научная основа. Принцип деятельности может выступать в качестве надежного и эффективного инструмента ее создания. Категории цели, средства и результата, оцениваемые с точки зрения их достаточности и необходимости, суть узловые моменты этого процесса. На специфически социальном уровне управления эти категории находят свое продолжение и конкретизацию во множестве форм и понятий, среди которых роль ведущего и определяющего исполняет понятие интереса. Логика принципа деятельности является, таким образом, прикладной, содержательной логикой.

Библиографические ссылки

1. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 12.* 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1958.
2. Князев СН. *Управление: искусство, наука, практика.* Минск: Армита – Маркетинг, Менеджмент; 2002.
3. Шульга ЕН, составитель. *Философское сознание: драматизм обновления.* Москва: Издательство политической литературы; 1991.
4. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 20.* 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1961.
5. Войшвилло ЕК. *Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ.* Москва: Издательство МГУ; 1989.
6. Константинов ФВ, редактор. *Философская энциклопедия. Том 5.* Москва: Советская энциклопедия; 1970.
7. Поппер К. *Предположения и опровержения. Рост научного знания.* Москва: АСТ; 2004.
8. Поппер К. *Открытое общество и его враги. Том 2.* Москва: Культурная инициатива; 1992. Совместное издание с «Феникс».
9. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 23.* 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1960.
10. Здравомыслов АГ. *Потребности. Интересы. Ценности.* Москва: Политиздат; 1986.
11. Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 23.* Москва: Издательство политической литературы; 1976.
12. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 22.* 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1956.
13. Гуторов ВА, Тарасов ИН. Посткоммунизм в институциональном, идеологическом и коммуникативном измерениях: критические заметки. Часть 1. *Полис. Политические исследования.* 2018;3:60–77. DOI: 10/17976/JPPPS12018.05.

References

1. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 12* [Writings. Volume 12]. 2nd edition. Moscow, 1958. Russian.
2. Knyazev SN. *Upravlenie: iskusstvo, nauka, praktika* [Management: art, science, practice]. Minsk: Armita – Marketing, Menedzhment; 2002. Russian.
3. Shulga EN, compiler. *Filosofskoe soznanie: dramatism obnoveniya* [Philosophical consciousness: the drama of renewal]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1991. Russian.
4. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 20* [Writings. Volume 20]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1961. Russian.
5. Voishvillo EK. *Ponyatie kak forma myshleniya: logiko-gnoseologicheskii analiz* [Concept as a form of thinking: logical-gnoseological analysis]. Moscow: Publishing House of Lomonosov Moscow State University; 1989. Russian.
6. Konstantinov FV, editor. *Filosofskaya entsiklopediya. Tom 5* [Philosophical encyclopedia. Volume 5]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1970. Russian.
7. Popper K. *Predpolozheniya i oproverzheniya. Rost nauchnogo znaniya* [Conjectures and refutations. The growth of scientific knowledge]. Moscow: AST; 2004. Russian.
8. Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Tom 2* [The open society and its enemies. Volume 2]. Moscow: Kul'turnaya initsiativa; 1992. Co-edition by the «Feniks».
9. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 23* [Writings. Volume 23]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1960. Russian.
10. Zdravomyslov AG. *Potrebnosti. Interesy. Tsennosti* [Needs. Interests. Values]. Moscow: Politizdat; 1986. Russian.
11. Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 23* [Complete Set of Works. Volume 23]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1976. Russian.
12. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 22* [Writings. Volume 22]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1956. Russian.
13. Gutorov VA, Tarasov IN. Post-communism in institutional, ideological and communicative dimensions: critical notes. Part 1. *Polis. Political Studies*. 2018;3:60–77. Russian. DOI: 10/17976/JPPPS12018.05.

Статья поступила в редколлегию 03.08.2018.
Received by editorial board 03.08.2018.

УДК 17.02

НРАВСТВЕННОСТЬ КАК СЛОЖНАЯ САМОРАЗВИВАЮЩАЯСЯ СИСТЕМА

Е. В. БЕЛЯЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отмечено, что интерпретация нравственности как сложной саморазвивающейся системы содержит плодотворные возможности для этического исследования, позволяет построить плюралистическую и в то же время целостную картину динамики нравственности. Единство нравственности как системы задается особенностями ее нормативно-ценностной структуры и специфической функцией. Указано, что разрешение проблемы многообразия нравственности возможно благодаря использованию системно-синергетического принципа нелинейности. Он позволяет обосновать спонтанное образование ряда самодостаточных систем нравственности, выполняющих универсальные функции, дает возможность интерпретировать процесс детерминации морали как полидетерминацию и самодетерминацию, эксплицировать соотношение универсального и исторически конкретного в нравственности, реализовать сценарный подход в определении тенденций развития современной нравственности. В результате динамика нравственности представляется как процесс самоорганизации индивидуальных и коллективных субъектов морали, реализующих потребность в стабилизации сообщества и утверждении самооценности отдельного человека посредством выработки нормативно-ценностных структур.

Ключевые слова: системный подход; системно-синергетический подход; система нравственности; динамика нравственности.

MORALITY AS A COMPLEX SELF-DEVELOPING SYSTEM

E. V. BELYAEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Interpretation of morality as a complex self-developing system contains fruitful possibilities for ethical research, allows to build a pluralistic and at the same time holistic picture of the dynamics of morality. The unity of morality as a system is determined by the peculiarities of its normative-value structure and specific function. Solving the problem of the diversity of morality is possible due to the use of the systemic-synergetic principle of nonlinearity. It allows to justify the spontaneous formation of a number of self-sufficient systems of morality that fulfill universal functions; interpret the process of determining morality as polydetermination and self-determination; explain the relationship of the universal and historically concrete in morality; to implement a scenario approach in determining trends in the development of modern morality. As a result, the dynamics of morality is represented as a process of self-organization of individual and collective subjects of morality that need for community stabilization and the assertion of the self-worth of an individual through the development of normative-value structures.

Key words: systems approach; systemic-synergetic approach; system of morality; the dynamics of morality.

На современном этапе системный подход приобрел статус общенаучного, что не уменьшает его эвристической ценности, так как «любой объект при решении определенных задач и с помощью

определенных познавательных средств может быть представлен как системный» [1, с. 73]. Под системой понимается целостность, охватывающая организованные в структуру элементы, ко-

Образец цитирования:

Беляева ЕВ. Нравственность как сложная саморазвивающаяся система. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:57–64.

For citation:

Belyaeva EV. Morality as a complex self-developing system. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:57–64. Russian.

Автор:

Елена Валериевна Беляева – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философских и социальных наук.

Author:

Elena V. Belyaeva, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
bksisa@rambler.ru

торая взаимодействует со средой для достижения определенной цели. Цель задает функции системы в окружающей среде, отделяет ее от других систем и от самой среды.

Изучение динамики сложных саморазвивающихся систем привело к созданию системно-синергетического подхода. В трудах классиков синергетики Г. Хакена [2] и И. Пригожина [3] были сформулированы общие принципы синергетического подхода. В русскоязычной литературе сложилось научное сообщество, разрабатывающее синергетическую парадигму применительно к различным научным проблемам. Работы В. С. Стёпина [4] и В. Г. Буданова [5], а также совместные труды Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова [6] показали перспективность соединения усилий гуманитарной и естественно-научной мысли в решении актуальных методологических проблем. Как отмечает В. С. Стёпин, «все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем» [7, с. 266]. При этом различные науки не столько применяют готовые схемы, разработанные в общей теории систем, сколько выявляют конкретную системную природу своего объекта изучения, характеризуя его в собственных категориях.

В этике системный подход к анализу сложных саморазвивающихся систем позволяет мыслить нравственность как целостность, дает возможность определить ее структуру и многообразие внутренних и внешних связей, а главное – выявить механизмы, благодаря которым данный объект сохраняет свое единство во всех исторических изменениях. На основе системного подхода можно построить обобщенную теоретическую модель нравственности и положить ее в основу исследования динамических процессов внутри данного феномена и в его взаимодействии с социальной и духовной средой, что позволяет решить сложную теоретическую задачу рассмотрения единства морали в многообразии ее форм. Впервые разрешение этой проблемы на основе системного подхода предпринял Г. В. Ф. Гегель. В работе «Система нравственности» в соответствии с общим духом своей философии он стремился вывести из идеи абсолютной нравственности все многообразие ее форм и социальных проявлений [8]. При этом диалектическое раскрытие внутренних противоположностей феномена нравственности позволило трактовать ее как динамическую саморазвивающуюся систему. Впоследствии, несмотря на расхожее определение морали как «системы ценностей и норм» и популярность идей синергетики, системный подход к анализу данного феномена реализуется фрагментарно. Это связано как с непрекращающейся полемикой о сущности и определении объекта этики, так и с современным состоянием нравственности, которое характеризуется не столько системностью, сколько плюрализ-

мом и хаотичностью. Между тем именно многообразие нравственных форм современного мира побуждает исследователей вновь обращаться к осмыслению их системного единства.

Интерпретация нравственности как системы должна начинаться с характеристики ее элементов, которые выявляются в контексте представлений о структуре и функциях морали. Нравственность как система представляет собой совокупность норм и ценностей, организованных в нормативно-ценностную структуру, целостность которой задается целью морали, или ее двуединой функцией: поддержанием стабильности человеческих сообществ исходя из перспективы будущего и поддержанием самооценности личности на основе представлений о совершенстве. Способ осуществления этой роли морали в социальной и духовной среде обозначается в этике понятием «способ регуляции». Поскольку системный подход ориентирует на поиск того, что делает совокупность структурированных элементов целостностью, способной функционировать определенным образом, то применительно к нравственности этими организующими параметрами оказываются способ регуляции и нормативно-ценностная структура. Нравственность представляет собой особый способ регуляции мышления и поведения, который отличает ее от всех других социальных и духовных явлений, и структурированную совокупность ценностей и норм, специфичных именно для нее. Данный способ представления нравственности как системы наиболее полно отвечает задаче исследования ее динамики.

Несводимость свойств системы к сумме элементов и невыводимость свойств целого из суммы частей в области нравственности проявляется в том, что способность нравственности как целого направлять человеческую жизнь к добру не тождественна соблюдению конкретных предписаний. Так, исполнение десяти заповедей – это необходимая, но недостаточная характеристика нравственной жизни христианина, а обладание набором добродетелей приводит человека к нравственной жизни только в контексте целостного представления о ее нравственном смысле.

В советской этике структура нравственности мыслилась крупными структурными блоками: нравственное сознание, нравственное поведение, нравственные отношения [9, с. 426–427]. Однако разнообразие и многоплановость феноменов нравственности весьма велики. В своем функционировании нравственность как система может обнаруживать такие уровни, как мораль и нравственность, общественная и индивидуальная мораль, нравственное сознание и нравственное поведение, моральная идеология и нравственная повседневность. Структурируя моральное сознание по степени сложности регулятивного воздействия его элементов, можно выделить нормы, добродетели,

принципы и идеалы. Все это говорит о сложности нравственности как системы, множественности ее элементов и способов связи между ними. Выбор наиболее адекватного членения нравственности определяется тем, насколько выделенные элементы раскрывают целостные свойства нравственности, позволяют понять ее структуру и динамику.

Нравственности, как и прочим сложным системам, присуща протяженность в пространстве и времени, мораль свойственна всем человеческим сообществам во все эпохи. Будучи сложной системой, нравственность отличается множественностью иерархических уровней в своем составе. В самом маленьком фрагменте (простейший свод заповедей) она обладает многоуровневым характером, предполагающим иерархию норм и ценностей. Сложность системы проявляется также в том, что ее элементы имеют сложное поведение и множество степеней свободы. Каждая моральная ценность и норма нравственности имеет собственную длительную историю, включающую контекстуальное изменение ее содержания и принципов применения при сохранении принадлежности к системе.

Нравственность является не только сложной, но и сложноорганизованной системой, каждый элемент которой имеет смысловую связь с любым другим элементом, а потому может оказать на него воздействие. Любой частный аспект человеческой жизни (вегетарианство или мясоедение, установка рядом со ступеньками пандусов) может стать основой этически принципиального вопроса, сама постановка которого (не говоря об определенном решении) приводит к перестройке всего морального мировоззрения и нравственных связей как отдельного человека, так и целых сообществ. В результате число возможных взаимосвязей элементов внутри нравственности существенно больше числа самих этих элементов, что указывает на сложноорганизованный характер нравственности.

Поскольку сложный объект можно вычленять в среде и разделять на элементы по-разному, важная задача исследователя состоит в том, чтобы определить параметры, позволяющие изучить механизмы формирования уникальной целостности объекта, его структуру и динамику. Поэтому структурирование элементов системы может осуществляться по самым разным критериям. Для исследования динамики нравственности большое значение имеет прежде всего выделение основных моральных ценностей и норм, а также установление смысловых и иерархических связей между ними. Если понимать структуру как функциональную упорядоченность элементов, то конкретный характер нормативно-ценностной структуры нравственности задается способом выполнения двуединой функции морали.

Нравственность представляет собой не только сложную, но и саморазвивающуюся систему. При изменениях в социуме нравственность изменяет нормативно-ценностную структуру, сохраняя стабильность своих фундаментальных функциональных характеристик. Нравственность не просто реагирует на внешние факторы, а ставит собственные задачи по развитию сообществ и личностей в новых условиях, побуждая их быть лучше и выдвигая критерии совершенства. Двуединая функция нравственности задает те управляющие параметры, которые запускают процесс моральной самоорганизации для противостояния энтропийным процессам. Все это позволяет говорить о нравственности как о сложной саморазвивающейся системе и применить в ее анализе базовые принципы синергетики.

К числу главных идей синергетики Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов отнесли принципы открытости, нелинейности и самоорганизации [6, с. 14]. В этом контексте развитие нравственности эксплицируется как динамика нелинейных, открытых, самоорганизующихся систем нравственности.

Нелинейность как принцип синергетики позволила по-новому взглянуть на проблему существования множества различных систем нравственности, каждая из которых может быть обоснована в качестве значимой. Так, В. В. Василькова констатировала: «Нелинейностью называется свойство системы иметь в своей структуре различные стационарные состояния, соответствующие различным допустимым законам поведения этой системы» [10, с. 148]. Нелинейный характер динамики нравственности выражается в том, что возможно существование нескольких (но не бесконечно многих) самодостаточных ее вариантов, каждый из которых исторически способствовал выполнению задачи по самоорганизации социума. Как писали Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов, «ветвящиеся дороги эволюции ограничены... в рамках вполне определенного, детерминированного поля возможностей» [6, с. 36]. Авторы утверждали: «Потенциально существует множество типов структур», но «могут возникать только те структуры, которые в ней (в среде. – Е. Б.) потенциально заложены и отвечают собственным тенденциям процессов в данной среде» [6, с. 88]. Применительно к морали это означает возможность образования различных вариантов систем нравственности, отвечающих ее общей двуединой функции и отличающихся в то же время от феноменов, морали противоречащих. Как отмечал В. Беккер, «существует важное различие между многообразием возможностей морального выбора и не-моралью» [11, с. 99].

К таким вариантам могут быть отнесены две большие системы нравственности, которые обозначаются как традиционная нравственность и нрав-

ственность модерна. История свидетельствует о продолжительном сосуществовании обеих систем, которые являются не сменяющимися друг друга стадиями, одна из которых вытекает из предыдущей, а двумя стационарными состояниями единого целого. Число допустимых систем не бесконечно и произвольно, но соответствует фундаментальным закономерностям существования морали. Открытость нравственности как системы выражается в том, что ее функционирование протекает в социальной и духовной среде, с которой происходит обмен нормами и ценностями. При этом, с одной стороны, изменения, происходящие в различных сферах жизни общества, получают нравственную легитимацию, с другой – при условии внутренней нестабильности – усиливается восприимчивость системы нравственности к внешним процессам, нарастает хаотизация нормативно-ценностной структуры с последующим образованием новых структур порядка, отвечающих внутренней природе морали.

Такой подход позволяет по-новому поставить важнейшую для понимания динамики нравственности проблему детерминации морали. Классическая теория развития исходила из того, что объяснение изменений предполагает установление их причины, из которой с необходимостью вытекает следствие. Классическая этика содержала целый спектр концепций, каждая из которых рассматривала некий фактор в качестве причины нравственности. Был ли этот фактор натуралистическим, супранатуралистическим, социальным или трансцендентным, он полагался единственным, однозначно определяющим содержание морали и ход ее развития. При всей грандиозности созданных таким методом теоретических построений все они столкнулись с рядом трудностей.

Во-первых, изучение истории нравов со всей очевидностью показывает, что на нравственные процессы воздействует множество различных причин и обстоятельств, от которых не удастся отмахнуться как от случайных или несущественных. Идея полидетерминации морали всегда скрыто присутствовала в этических текстах, но не могла получить адекватной теоретико-методологической поддержки. Современная же социосинергетика, по словам В. В. Васильковой, обосновывает «необходимость полидетерминистического, многомерного описания целостной системы, где будет учтено взаимовлияние и взаимоналожение детерминистических импульсов» [10, с. 211]. Современные социологические исследования также исходят из того, что «динамика изменения ценностей не может быть объяснена прямолинейно, исходя из одной теории изменений» [12, с. 52]. Поэтому для объяснения нравственных процессов этика должна перейти от поиска единственной причины морали к изучению ее динамики, детерминированной вза-

имодействием причин, главными из которых являются внутренние. Специфическими внутренними детерминантами динамики нравственности выступают субъекты морали, отличающиеся свободой воли и спонтанной моральной активностью.

Во-вторых, классический детерминизм предполагал, что каждую последующую ступень нравственного развития человечества следует закономерно вывести из предыдущей, что можно сделать лишь умозрительно. Как отмечала М. А. Можейко, парадигма детерминизма нелинейного типа исходит из того, что процесс развития – это «непредсказуемая смена состояний системы, каждое из которых не является ни следствием по отношению к предшествующему, ни причиной по отношению к последующим состояниям» [13, с. 216]. Конечно, абсолютизация такого тезиса превратила бы историю нравственности в набор бессвязных фрагментов, не позволила бы говорить о том, что все исторические формы нравственности – это смена состояний одного и того же явления.

В-третьих, классическая (в частности, гегелевская) этика рассматривала историческое развитие нравов с позиций существования абсолютной морали, не зависящей от субъективного мнения человека, что приводило к превалированию оценочного подхода над аналитическим и сопровождалось искажениями исторической фактуры в угоду стройности концепции. Синергетическая же идея о множественности возможных путей развития системы, открывающихся в точке бифуркации, позволяет по-новому осмыслить историческое многообразие нравов, обосновать значимость различных систем нравственности. Как отмечал В. И. Бакштановский, «при отсутствии общего сценария, универсальной логики движения эволюции морали уместно, обозревая историю “моральных порядков”, говорить не о монолинейности, “эстафетном прогрессе”, не об одном общем стволе дерева эволюции или о единой шкале эволюции, но о разных “стволах” и “шкалах»» [14, с. 8–9]. При синергетической интерпретации историческое развитие нравственности не может быть охвачено единой логикой, оно не направлено к единственной цели и не детерминировано единственной причиной, поэтому не имеет смысла говорить о прогрессе или регрессе в морали человечества.

Синергетическое видение динамики нравственности предполагает множественность путей ее развития на каждом историческом этапе. Даже существование устойчивых систем моральных представлений не отменяет периферийных нравственных процессов. Наличие веера возможностей, одна из которых осуществляется и закрепляется в качестве исторической необходимости, позволяет интерпретировать динамику нравственности не как predetermined процесс, детерминиро-

ванный причинами или целями, но как спонтанность, заключающую в себе необходимость. Нет закономерности, согласно которой одни нравственные формы должны превратиться в другие, вполне определенные. На историческом материале крайне затруднительно доказать, что устоявшаяся система нравственных представлений стала причиной возникновения новой системы и тем более обусловила ее содержание. Сложившиеся в истории человечества моральные представления не являются единственно возможными, нравственная история вполне могла идти другими путями. Однако возникновение новых форм нравственности не произвольно, оно законосообразно и обеспечивает реализацию субъектами морали ее универсальной функции.

Специфика синергетической телеологии состоит в том, что состояние, в которое переходит система в точке бифуркации, не предопределено факторами детерминации. Будущее поливариантно, но не бесконечно неопределенно, а задается точками притяжения – аттракторами: «Под “аттрактором” в синергетике понимают относительно устойчивое состояние системы, которое как бы притягивает к себе все множество “траекторий” системы, определяемых различными начальными условиями» [10, с. 40]. Аттрактор – это форма присутствия будущего в настоящем, предполагающая, что нелинейная динамика системы обуславливается не причинами, а целями, не наследием прошлого, а зовом будущего. Такими аттракторами для нравственного развития выступают нравственные идеалы, число которых в каждый исторический момент с очевидностью больше одного. Энергия идеала позволяет преодолеть косность сущего во имя должного, совершить разрыв сложившихся нравственных связей во имя новых ценностей. Как отмечали Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов, «действуя от целей-аттракторов, от идеала, он (человек. – Е. Б.) обретает возможность правильно инициировать желательные направления самоструктуризации систем уже сегодня, не дожидаясь осуществления длительного процесса их собственного выхода на нужные аттракторы» [6, с. 106]. Таким образом, идеал оказывает преобразующее влияние на действительность, однако способ его функционирования отличается от реализации рационального проекта. Нравственный идеал-аттрактор не воздействует на социальную реальность напрямую, но выступает катализатором ее самоструктурирования. Идеал никогда не воплощается в действительность, любой проект идеальной нравственности побуждает людей к преобразованию сущего, результатом чего является установление нового вида сущего. Однако без вдохновляющей роли морально должного историческое развитие нравственности вообще не

было бы возможно. Как утверждал В. П. Бранский, «не может быть никакого “объективного” критерия социального прогресса, независимого от социальных идеалов» [15, с. 122]. Наличие устойчивых идеалов у большинства членов общества как раз и задает представления о прогрессе определенного типа.

Нравственность следует рассматривать как самоорганизующуюся систему, опираясь хотя бы на эмпирический факт исторического самовоспроизводства ее нормативно-ценностных представлений и способов регуляции. Невзирая ни на какие социальные катаклизмы, изменчивость и разнообразие устоев общества, нравственность воспроизводится как целостный специфический феномен. Как ни в какой другой системе, в нравственности любые изменения происходят на базе предыдущего опыта ее существования, на основе воспроизведения морального наследия: «Свойством морального наследия является то, что оно постоянно включено в актуальную культуру» [16, с. 49].

По определению В. В. Афанасьевой, «под самоорганизацией понимают процесс образования упорядоченных временных и пространственных структур в сложных неравновесных системах» [17, с. 30]. Ключевой идеей теории самоорганизации стала мысль о креативной хаотизации, о плодотворной роли хаоса в динамике нелинейных открытых систем. Эта роль проявляется, во-первых, в том, что порядок на макроуровне системы фундирован хаосом на ее микроуровне; во-вторых, в смене волн порядка и хаоса в динамике системы; в-третьих, в отсутствии предопределенности в ее развитии.

Классическая этика воспринимала мораль как противостояние социальному хаосу и хаосу страстей, как способ сохранения «вечных ценностей» в потоке времени. Поэтому любое отклонение от текущих нормативных предписаний рассматривалось как отступление от морали вообще, которое должно быть ликвидировано. А поскольку расхождение между сущим и должным является фундаментальной характеристикой морали, то история нравственности неизбежно выливалась в описание истории грехов и пороков. Следует заметить, что для обыденного морального сознания наиболее комфортным состоянием также выступает мезоуровень стабильных нормативно-ценностных представлений: «Человеку гораздо естественнее, привычнее и к тому же даже лично безопаснее мыслить линейно» [6, с. 195]. Согласно внутренней логике морального сознания ничего случайного, хаотического в морали быть не должно, мораль предполагает социальный и духовный порядок. Каждая система нравственности в истории вне зависимости от своей фактической ограниченности претендует на универсальность и всеобщность собственных установок.

Между тем отход от должного может свидетельствовать не только о безнравственности субъекта, но и о его флуктуации в направлении новой системы нравственности. Разрушение нормативно-ценностных структур, которое изнутри системы оценивается как «падение нравов», может быть предпосылкой образования новых структур нравственности. Так, синергетический подход становится предпосылкой исторического обоснования морали, доказательства ее устойчивости и значимости, невзирая на перманентные хаотические процессы. Нравственность существует как синергетический эффект мыслей, воли и действий субъектов нравственности. Их нравственная свобода лежит в основе морального выбора как бифуркации, состояния неустойчивости, выход из которого не предопределен предыдущим развитием системы. Еще большее сходство с бифуркацией придает нравственному поведению поливариантность морального решения.

Динамика нравственности легко интерпретируется как ряд волн порядка и хаоса. За счет перманентной смены стабильного и хаотического состояний система оказывается способной к самообновлению. Применительно к системе нравственности хаотизация означает утрату нормами и ценностями определенности их содержания при столкновении с иной системой нравственных представлений. Но наибольшая дестабилизация нравственных процессов происходит при возникновении конфликта способов регуляции. Вывод В. В. Васильковой гласит: «Процесс социального упорядочения разворачивается по законам циклического чередования структур рождения порядка и сохранения порядка, что проявляется как периодическая смена относительного преобладания... демократизма и авторитаризма, либерализма и консерватизма, традиционного коллективизма и индивидуализма и т. д.» [10, с. 283–284]. В предложенной модели коллективизм и авторитаризм ассоциировались с порядком, а индивидуализм и демократизм – с хаосом, что, пожалуй, несколько схематично отражает рассматриваемый процесс. Демократия тоже представляет собой особый порядок, а настоящим хаосом отличаются переходы от авторитаризма к демократии и обратно. Что же касается индивидуализма, то для обществ модерна он как раз выступает параметром нравственного порядка. Кроме того, характер развития общества в целом и динамика нравственности не обязательно совпадают. В стабильном тоталитарном обществе происходит хаотический распад нравственных ценностей, в то время как динамичные демократические преобразования вполне могут сопровождаться укреплением структур нравственности. В пери-

од социального хаоса мораль выступает основой воссоздания порядка, а в эпоху жесткого порядка поддерживает плодотворный хаос свободных моральных поступков.

Системы нравственности в истории действительно переживают волны расцвета и упадка, но вопрос о том, за счет чего они обновляются, должен быть поставлен более конкретно. Период распада нравственных ценностей, характерных для определенной социальной среды, действительно предстает как моральный хаос, но трудно себе представить, что подобная дестабилизация сама по себе способна породить новые нравственные смыслы. Нравственность не есть результат спонтанной самоорганизации безнравственного, чаще всего она упорядочивается за счет флуктуации периферийных образцов к ценностному ядру системы благодаря установлению новых связей между прежними нормами, изменению смысла ценностей, включенных в новый мировоззренческий контекст.

Теория морали, построенная на базе системно-синергетического подхода, позволяет осмыслить каждую систему нравственности, во-первых, как внутренне самодостаточную, во-вторых, как выполняющую универсальные функции морали и, в-третьих, как исторически относительную. Такие исследования, как отмечал Е. Б. Рашковский, «с особой наглядностью выявляют в потоке истории сквозные, пронизывающие темы и смыслы, история выглядит в таком раскладе не хаотической и не натуралистически предreshенной, но условно и гибко структурированной» [18, с. 573]. О сквозном ветвящемся векторе Универсальной истории писал А. П. Назаретян [19, с. 201]. Поскольку при нелинейном развитии возможен исключительно вероятностный прогноз динамики системы, специфика этического предсказания состоит в формулировке представлений о желательном будущем (идеале) на основе представлений о вероятных сценариях будущего. Как утверждали И. Пригожин и И. Стенгерс, «этика является не областью дедуктивного знания, а “практической мудростью”, искусством делать надлежащий выбор относительно неопределенного будущего» [3, с. 259].

Таким образом, интерпретация нравственности как сложной саморазвивающейся системы содержит плодотворные возможности для этического исследования, позволяет построить плюралистическую и в то же время целостную картину динамики нравственности. Единство нравственности как системы задается особенностями ее нормативно-ценностной структуры и специфической функцией. Разрешение проблемы многообразия нравственности возможно благодаря использованию системно-синергетического принципа нелинейности. Он позволяет обосновать спонтанное обра-

зование ряда самодостаточных систем нравственности, выполняющих универсальные функции; интерпретировать процесс детерминации морали как полидетерминацию и самодетерминацию; эксплицировать соотношение универсального и исторически конкретного в нравственности; реализовать сценарный подход в определении тенденций

в развитии современной нравственности. В результате динамика нравственности представляется как процесс самоорганизации индивидуальных и коллективных субъектов морали, реализующих потребность в стабилизации сообщества и утверждении самооценности отдельного человека с помощью выработки нормативно-ценностных структур.

Библиографические ссылки

1. Алексеев ИС. Способы исследования системных объектов в классической механике. *Системные исследования. Ежегодник*. 1972. Москва: Наука; 1972. с. 72–89.
2. Хакен Г. *Синергетика*. Москва: Мир; 1980. 404 с.
3. Пригожин И, Стенгерс И. *Время, хаос, квант: к решению парадокса времени*. Москва: Прогресс; 1994. 266 с.
4. Стёпин ВС. Саморазвивающиеся системы и философия [Интернет]. 2007 [процитировано 14 января 2011 г.]. Доступно по: <http://spkurdyumov.narod.ru/stepin444.htm>.
5. Буданов ВГ. О методологии синергетики. *Вопросы философии*. 2006;5:79–94.
6. Князева ЕН, Курдюмов СП. *Законы эволюции и самоорганизации сложных систем*. Москва: Наука; 1994. 236 с.
7. Стёпин ВС. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения. В: Киященко ЛП, Стёпин ВС, редакторы. *Постнеклассика: философия, наука, культура*. Санкт-Петербург: Мир; 2009. с. 249–295.
8. Гегель ГВФ. Система нравственности. В: Гегель ГВФ. *Политические произведения*. Москва: Наука; 1978. с. 276–367.
9. Кон ИС, редактор. *Словарь по этике*. Москва: Политиздат; 1981. 431 с.
10. Василькова ВВ. *Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации*. Санкт-Петербург: Лань; 1999. 478 с.
11. Беккер В. Религия и мораль. В: Порус ВН, редактор. *Религия. Магия. Миф: современные философские исследования. Сборник докладов II Международного симпозиума; 10–14 апреля 1997 г.; Айхштет, ФРГ*. Москва: УРСС; 1997. с. 81–99.
12. Хальман Л, Хагенаас Ж, Моорс Г. Карта культур Европы. Исследование основных ценностных ориентаций населения европейских стран. В: Булышко ДМ, Данилов АН, Ротман ДГ, редакторы. *Ценностный мир современного человека. Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей»*. Минск: БГУ; 2009. с. 35–52.
13. Можейко МА. *Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистской парадигм*. Минск: БГЭУ; 1999. 294 с.
14. Бакштановский ВИ, Согомонов ЮВ. Исторические типы эволюции нормативно-ценностных систем. В: Бакштановский ВИ, Согомонов ЮВ. *Прикладная этика: опыт университетского словаря*. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ; 2001. с. 48–86.
15. Бранский ВП. Теоретические основания социальной синергетики. *Вопросы философии*. 2000;4:112–129.
16. Лаптёнок АС. *Моральное наследие в социодинамике культуры*. Минск: БГУ; 2002. 125 с.
17. Афанасьева ВВ. *Детерминированный хаос: от физики к философии*. Саратов: Издательство Саратовского государственного университета; 2001. 216 с.
18. Рашковский ЕБ. История российская – через призму постмодерна. В: Хорос ВГ, Красильщиков ВА, редакторы. *Постиндустриальный мир и Россия*. Москва: Эдиториал УРСС; 2001. с. 571–586.
19. Назаретян АП. *Антропология насилия и культура самоорганизации: очерки по эволюционно-исторической психологии*. Москва: URSS; 2007. 256 с.

References

1. Alekseev IS. [Methods for studying system objects in classical mechanics]. In: *Systems research. Yearbook*. 1972. Moscow: Nauka; 1972. p. 72–89. Russian.
2. Haken H. *Sinergetika* [Synergetics]. Moscow: Mir; 1980. 404 p. Russian.
3. Prigogine I, Stengers I. *Vremya, khaos, kvant: k resheniyu paradoksa vremeni* [Time, chaos, quantum: to the solution of the paradox of time]. Moscow: Progress; 1994. 266 p. Russian.
4. Stepin VS. Self-developing systems and philosophy [Internet]. 2007 [cited 2011 January 14]. Available from: <http://spkurdyumov.narod.ru/stepin444.htm>. Russian.
5. Budanov VG. [On the methodology of synergetics]. *Voprosy filosofii*. 2006;5:79–94. Russian.
6. Knyazeva EN, Kurdyumov SP. *Zakony evolyutsii i samoorganizatsii slozhnykh sistem* [Laws of evolution and self-organization of complex systems]. Moscow: Nauka; 1994. 236 p. Russian.
7. Stepin VS. [Classics, non-classical, post-non-classical: discrimination criteria]. In: Kiyashchenko LP, Stepin VS, editors. *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Post-classics: philosophy, science, culture]. Saint Petersburg: Mir; 2009. p. 249–295. Russian.
8. Hegel GVF. [The system of morality]. In: Hegel GVF. *Politicheskie proizvedeniya* [Political works]. Moscow: Nauka; 1978. p. 276–367. Russian.
9. Kon IS, editor. *Slovar' po etike* [Dictionary of ethics]. Moscow: Politizdat; 1981. 431 p. Russian.
10. Vasilkova VV. *Poryadok i khaos v razvitii sotsial'nykh sistem: sinergetika i teoriya sotsial'noi samoorganizatsii* [Order and chaos in the development of social systems: synergetics and the theory of social self-organization]. Saint Petersburg: Lan'; 1999. 478 p. Russian.
11. Becker V. [Religion and morals]. In: Porus VN, editor. *Religiya. Magiya. Mif: sovremennye filosofskie issledovaniya. Sbornik dokladov II Mezhdunarodnogo simpoziuma; 10–14 aprelya 1997 g.; Aikhshtet, FRG* [Religion. Magic. Myth: modern philosophical studies. Collection of reports II International Simposium; 1997 April 10–14; Aichstet, FRG]. Moscow: URSS; 1997. p. 81–99. Russian.

12. Halman L, Hageaas J, Moorse G. Map of European cultures. A research of main value orientations shared by European countries population. In: Bulynko DM, Danilov AN, Rotman DG, editors. *Tsennostnyi mir sovremennogo cheloveka. Belarus' v proekte «Issledovanie evropeiskikh tsennostei»* [The value world of modern man: Belarus in the project «The study of European values»]. Minsk: Belarusian State University; 2009. p. 35–52. Russian.
13. Mojeiko MA. *Stanovlenie teorii nelineinykh dinamiki v sovremennoi kul'ture: sravnitel'nyi analiz sinergeticheskoi i postmodernistskoi paradigmat* [Formation of the theory of nonlinear dynamics in modern culture: a comparative analysis of synergetic and postmodern paradigms]. Minsk: Belarusian State Economic University; 1999. 294 p. Russian.
14. Bakshtanovsky VI, Sogomonov YuV. [Historical types of evolution of normative-value systems]. In: Bakshtanovsky VI, Sogomonov YuV. *Prikladnaya etika: opyt universitetskogo slovary* [Applied ethics: the experience of the university dictionary]. Tyumen: Research Institute for Applied Ethics, Tyumen Industrial University; 2001. p. 48–86. Russian.
15. Branskii VP. [Theoretical foundations of social synergetics]. *Voprosy filosofii*. 2000;4:112–129. Russian.
16. Laptinok AS. *Moral'noe nasledie v sotsiodinamike kul'tury* [Moral heritage in the socio-dynamics of culture]. Minsk: Belarusian State University; 2002. 125 p. Russian.
17. Afanasyeva VV. *Determinirovannyi khaos: ot fiziki k filosofii* [Deterministic chaos: from physics to philosophy]. Saratov: Saratov State University Publishing House; 2001. 216 p. Russian.
18. Rashkovsky EB. [History of Russia – through the prism of postmodern]. In: Khoros VG, Krasil'shchikov VA, editors. *Postindustrial'nyi mir i Rossiya* [Postindustrial world and Russia]. Moscow: Editorial URSS; 2001. p. 571–586. Russian.
19. Nazaretyan AP. *Antropologiya nasiliya i kul'tura samoorganizatsii: ocherki po evolyutsionno-istoricheskoi psikhologii* [Anthropology of violence and the culture of self-organization: essays on evolutionary historical psychology]. Moscow: URSS; 2007. 256 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 07.05.2018.
Received by editorial board 07.05.2018.

КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР

CULTURAL TRANSFER

УДК 316.4

ПАМЯТЬ КОЛЛЕКТИВНАЯ *VERSUS* ПАМЯТЬ ИНДИВИДУАЛЬНАЯ: К ВОПРОСУ О СИМФОНИЧНОСТИ

Н. Л. МЫСЛИВЕЦ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Элизы Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Указаны предпосылки возрастания научно-исследовательского интереса к изучению памяти о прошлом. Определены особенности таких форм репрезентации прошлого, как история и память. Приведены основные понятия, которые используются в процессе надывидуального осмысления памяти о прошлом: опыт поколений, образы прошлого, историческая память, коллективная память, индивидуальная память. Описываются основные подходы к пониманию таких форм репрезентации прошлого, как коллективная и индивидуальная память, раскрывается сущность данных феноменов. Сделан вывод о целесообразности использования междисциплинарного подхода к их изучению. Подчеркивается роль информационных каналов как одного из важнейших источников формирования исторической памяти в современном обществе. Рассматриваются особенности эволюции представлений о сущности коллективной и индивидуальной памяти. Анализируются взгляды различных авторов в отношении природы и сущности форм памяти о прошлом. Полученные результаты могут быть использованы в процессе проведения эмпирических исследований памяти о прошлом в целях выявления особенностей межпоколенной трансляции накопленного социально-исторического опыта. Выработанные предложения могут быть использованы в практической деятельности по совершенствованию системы идейно-воспитательной работы и содержания образовательного процесса в учреждениях образования.

Ключевые слова: прошлое; история; память о прошлом; историческая память; коллективная память; индивидуальная память.

Образец цитирования:

Мысливец НЛ. Память коллективная *versus* память индивидуальная: к вопросу о симфоничности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:65–74.

For citation:

Myslivets NL. Collective memory *versus* individual memory: on the question of the symphonic memory of the past. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4: 65–74. Russian.

Автор:

Николай Леонтьевич Мысливец – кандидат социологических наук, доцент; заместитель декана факультета довузовской подготовки.

Author:

Nikolai L. Myslivets, PhD (sociology), docent; deputy dean of the faculty of pre-university training.
n.myslivets@gmail.com

COLLECTIVE MEMORY *VERSUS* INDIVIDUAL MEMORY: ON THE QUESTION OF THE SYMPHONIC MEMORY OF THE PAST

N. L. MYSLIVETS^a

^a*Janka Kupala State University of Hrodna, 22 Elizy Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus*

The prerequisites for research interest increase in studying of memory of the past are pointed out in the introduction. Specific features of such forms of the representation of the past as history and memory are determined. The basic concepts used in the process of the supraindividual comprehension of the memory of the past are stated: they are generations' experience, images of the past, historical memory, collective memory, individual memory. The main part of the article describes the essence and basic approaches for understanding of such forms of the past representation as collective and individual memory. It concludes the expediency of using the interdisciplinary approach for their study. The role of information channels as one of the most important sources of historical memory formation in modern society is stressed. The peculiarities of the evolution of collective and individual memory essence perceptions are studied. Various authors' views on the nature and different forms of memory of the past essence are analyzed. The obtained results can be used in carrying out empirical research on the memory of the past in order to reveal the features of the intergenerational translation of the accumulated social and historical experience. The developed proposals can be used in practical activities to improve the system of ideological and educational work and the educational process content in educational institutions.

Key words: the past; history; memory of the past; historical memory; collective memory; individual memory.

Вы не поймете ни одной из великих исторических эпох, будь то эпоха Ренессанса, эпоха расцвета средневековой культуры, зарождения раннего христианства или период расцвета эллинской культуры, вы не поймете ни одной из этих великих эпох иначе как путем исторической памяти, в откровениях которой узнаете свое духовное прошлое, свою духовную культуру, свою родину.

Н. А. Бердяев

Введение

Стремление сохранять и познавать прошлое, извлекать из него необходимый в современных социальных практиках опыт является одной из фундаментальных особенностей человеческого существования. Интерес к новому прочтению прошлого и важность его максимально полной реконструкции особенно актуализируются на переломных этапах общественного развития: именно тогда наиболее остро встает вопрос о необходимости восстановления подлинного социального контекста завершившейся эпохи, выявления и репрезентации всего спектра общественных настроений, культурных предпочтений и ценностных ориентиров различных социальных слоев и групп в целях разработки либо корректировки возможных сценариев дальнейшего развития общества.

Среди большого количества наук, изучающих общество в его динамике, особая роль принадлежит истории и социологии. Имея ряд общих черт в предметной области, эти науки существенно различаются исследовательскими подходами к познанию общественных процессов. Данное различие белорусский социолог А. Н. Елсуков определял следующим образом: «Если историки на базе глубокого знания прошлого стремятся постичь суть современных общественных явлений и процессов, то социологи движутся в обратном направлении, стремясь с позиции современных взглядов на об-

щество переосмыслить некоторые устоявшиеся представления о прошлом. Так как современность весьма динамична в своем развитии, то и оценки прошлого приходится часто пересматривать» [1, с. 9].

Следствием динамики развития современной эпохи, как считает французский исследователь П. Нора, является тот факт, что «у историка отбрасывается его традиционная монополия на интерпретацию прошлого. В мире, где существовали коллективная история и индивидуальная память, именно историк имел право исключительного контроля над прошлым. Так называемая научная история в течение последнего века мощно поддерживала данную привилегию. Только историк умел устанавливать факты, обращаться с доказательствами, наделять истинностью. Это было его профессией и его достоинством. Сегодня историк далеко не одинок в порождении прошлого. Он делит эту роль с судьей, свидетелем, средствами массовой информации и законодателем» [2, с. 40–41].

Прошлое, как известно, существует в настоящем в двух основных, но существенно отличающихся формах. Первая представляет историю как объективную научную реконструкцию прошлого, осуществляемую профессиональными исследователями, которые руководствуются установкой на максимально точное ее воспроизведение при по-

мощи специальных источников. Вторая форма – это память, представляющая собой уникальное социально обусловленное явление, предметом которого служит не само событие, а его отпечаток в сознании познающего, образ, который передается непосредственными участниками, свидетелями, очевидцами, а позже реконструируется новыми поколениями.

Как писал русский философ Н. А. Бердяев, «история опознается через историческую память как некоторую духовную активность, как некоторое определенное духовное отношение к “историческому” в историческом познании, которое оказывается внутренне, духовно преображенным и одухотворенным. Только в процессе одухотворения и преображения в исторической памяти уясняется внутренняя связь, душа истории» [3, с. 16]. Следует добавить, что получаемые таким образом знания, обнаруживаемые факты, выявляемые тенденции в ряде случаев оказываются настолько неожиданными и противоречивыми, что способны разрушить сформировавшуюся в общественном сознании привычную логику интерпретации прошлого, а социальный эффект от подобного рода открытий зачастую превосходит по своим масштабам пресловутую «шоковую терапию».

Феномен памяти о прошлом стал предметом специальных исследований сравнительно недавно, лишь в период позднего модерна. Как пишет россий-

ский исследователь Л. П. Репина, «в обширном пространстве социально-гуманитарного знания, охваченного на рубеже XX–XXI веков настоящим бумом так называемых мемориальных исследований, эта проблема актуализировалась, и память о прошлом как предмет изучения и описания превратилась в своеобразное яблоко раздора, причем сразу в нескольких планах: я имею в виду разные аспекты споров вокруг самого понятия о прошлом и способов ее исследования» [4, с. 24].

В современном социогуманитарном знании используется ряд понятий, фиксирующих наличие особой системы хранения, переработки и трансляции информации, обеспечивающей процесс расширенного воспроизводства материальной и духовной культуры и всего общества в целом. Это такие во многом сходные концепты, как коллективная память, социальная память, историческая память, культурная память, историческое сознание, образы прошлого, политика памяти и др. Несмотря на то что эти понятия сформировались в рамках разных теорий, все они ориентированы на осмысление надындивидуального измерения памяти. В настоящей статье предпринята попытка выявить содержательные особенности таких способов сохранения памяти о прошлом, как коллективная и индивидуальная память, и описать некоторые характеристики их взаимосвязи и взаимодействия в современном обществе.

Основная часть

История изучения памяти о прошлом насчитывает не одно столетие и начинается еще с эпохи Античности. Одним из первых мыслителей, которые попытались установить роль памяти в становлении человеческого сознания, был английский философ Дж. Локк (1632–1704). В работе «Опыт о человеческом разумении» он писал: «Память разумному существу необходима почти в такой же степени, как восприятие. Она настолько важна, что там, где ее нет, все остальные наши способности в значительной мере бесполезны. В своем мышлении, рассуждении и познании мы не могли бы идти далее лежащих перед нами объектов, если бы не помощь нашей памяти» [5, с. 202].

По мнению философа, память позволяет человеку констатировать, что на протяжении длительного промежутка времени он остается таким же, как есть. В каждом конкретном воспоминании, относящемся к единичному моменту времени, человек способен узнать самого себя, соответственно, совокупность этих моментов-воспоминаний создает связность и непрерывность деятельности человеческого сознания [5, с. 201]. Как пишет российский исследователь К. П. Шевцов, «Локк решается положить в основу своих понятий парадокс памяти и тем самым получает возможность не

только заново разметить границы субъективности, но и изменить взгляд на природу познания» [6, с. 192].

Свою трактовку проблемы памяти сформулировал немецкий философ Г. В. Ф. Гегель (1770–1831). Согласно его подходу каждый индивид есть несовершенный дух, в бытии которого доминирует определенность. По мере того как этот дух становится все более развитым, то, что раньше было важным, отходит на второй план, остается только в виде бледного следа и играет роль подготовительных сведений. Эти сведения индивид, по мнению Гегеля, должен вспомнить, чтобы перейти на более высокую ступень. С одной стороны, «надо выдерживать длину этого пути», а с другой – задержаться на каждом отдельном моменте. А задержаться мы можем только при помощи памяти, полагал философ. Гегель писал: «Один из действительно самых трудных пунктов в учении о духе, в систематизировании интеллигенции, оставшийся до сих пор совершенно без внимания, заключается в установлении места и значения памяти, а также в выяснении ее органической связи с мышлением. Память как таковая сама есть только внешний способ, односторонний момент существования мышления» [7, с. 306].

Французский философ, основоположник интуитивизма А. Бергсон (1859–1941) в своих работах указывал на существование двух независимых и самостоятельных форм памяти: *памяти-привычки*, возникающей посредством повторения одного и того же усилия и включенной в замкнутую систему движений, которые производятся всегда в одинаковом порядке и занимают всегда одинаковое время, и *воображающей памяти*, которая регистрирует в форме образов все происходящее с человеком, вследствие чего каждое событие жизни снабжается определенной отметкой времени и места. По мере того как однажды воспринятые образы закрепляются, сопровождающие их движения преобразуют организм, создавая новые предпосылки к действию: «Мы осознаем эти механизмы в тот момент, когда они вступают в действие, и это сознание всех прошлых усилий, скопившихся в настоящем, все еще есть память, но память... всегда устремленная к действию, пребывающая в настоящем и не видящая ничего, кроме будущего» [8, с. 273]. Человек без памяти о настоящем, наделяя образ местом и датой, видел бы лишь то, чем этот образ *отличен* от других. Напротив, человек, имеющий лишь память-привычку, умел бы выделить только *сходство*. Но в нормальной жизни эти состояния тесно вплетены друг в друга, «из столкновения обоих токов возникает общая идея» [8, с. 284].

Проблема разрыва между индивидуальным и коллективным сознанием (равно как и попытка его преодолеть) нашла свое продолжение в рамках феноменологического дискурса, в частности в контексте трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля (1859–1938). Немецкий философ не оперировал понятием «социальная память» – он использовал термин «культурные миры», где ключевым критерием уединенности таких сообществ выступает наличие общих воспоминаний [9, с. 154].

В работе «Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени» Гуссерль обращается к проблеме соотношения памяти и воспоминания: в зависимости от ситуации воспоминание выступает то как процесс конституирования, то как результат данного процесса [10, с. 51]. В целом же эволюцию взглядов немецкого философа на проблему памяти можно обозначить как постепенное смещение от индивидуальной способности воспоминания к преодолению излишнего субъективизма через категорию интерсубъективности [9, с. 123–125].

Начало социологического исследования коллективной памяти связано с именем французского социолога Э. Дюркгейма (1858–1917). В соответствии с его концепцией в традиционном обществе, для которого характерна тесная связь между религией, религиозными ритуалами, исторической памятью и идентичностью, основным хранилищем памяти

о социально значимом прошлом и средством его трансляции являются религиозные ритуалы.

В модернизированном же обществе коллективное сознание, основанное на «органическом» разделении труда, ослабевает, снижается масштаб его действия и интенсивность. Традиционные верования и религиозные ритуалы теряют власть над умами и чувствами людей, перестают выполнять ранее присущую им основополагающую роль в хранении, трансляции и периодическом оживлении памяти. Все большее влияние приобретают универсальные общечеловеческие наднациональные ценности, распространяется культ индивидуализма, наблюдается фрагментация социальных связей, плюрализация нравственных норм. Особое значение, по мнению ученого, приобретают социальные группы, через которые осуществляется связь индивида с социальным организмом как целостностью. Основным механизмом укрепления солидарности такого типа становится закон. Он выполняет главную роль в ее поддержании, которую в традиционных обществах обеспечивала религия. Таким образом, Э. Дюркгейм обозначил важную тему современных исследований коллективной памяти – изучение законодательства и правовой практики в качестве носителей и механизмов памяти обществ.

В статье «Представления индивидуальные и представления коллективные» Дюркгейм сформулировал следующую задачу: «Коллективная жизнь, как и психическая жизнь индивида, состоит из представлений; следовательно, можно допустить, что индивидуальные представления и социальные представления каким-то образом сравнимы между собой. Мы попытаемся действительно показать, что те и другие находятся в одинаковом отношении со своим соответствующим субстратом» [11, с. 208–209]. Один из выводов, которые делает философ, звучит следующим образом: «Представление не может возникать, не воздействуя на тело и на психику человека. <...> Но связь между настоящим и прошлым может также устанавливаться с помощью чисто интеллектуальных посредников» [11, с. 224–225].

Дюркгейм не создал законченной теории коллективной памяти. Ученый сосредоточил свое внимание на такой конкретной ее форме, как коммеморативный ритуал, однако в его социологии уже были заложены все необходимые теоретико-методологические основания для того, чтобы впоследствии эту теорию могли разработать его ученики и последователи.

Объектом социологического исследования коллективной памяти стала благодаря французскому социологу М. Хальбваксу (1877–1945). Ученый творчески осмыслил теорию Дюркгейма о социальной опосредованности памяти, а также идеи представителей других философских и психологических

направлений, которые трактовали память как непосредственную способность души отдельного человека. По мнению М. Хальбвакса, классическая психология и психоанализ проделали значительную работу в области исследования психологических процессов жизни личности, однако указанные науки ограничивались изучением сознания индивида в изолированном состоянии, а потому им удалось лишь описать ментальные феномены, но не проникнуть в их суть.

Хальбвакс рассматривал память как социально обусловленное явление. Именно общество задает «социальные рамки памяти»: сферы жизни отдельных коллективов, укорененных в пространстве и времени с присущими им конкретными условиями бытия и формами мировоззрения. В работе «Социальные рамки памяти» свою основную идею ученый выразил следующим образом: «...существует коллективная память и индивидуальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [12, с. 29].

Память как доступ к реальностям прошлого весьма ненадежна, и тем не менее именно она образует основу социального порядка. Ни одно общество не могло бы жить без коллективного фонда воспоминаний, ибо религия и семья, профессиональные организации и социальные институты удерживаются вместе только коллективными воспоминаниями. Задача социолога – вносить вклад в общественную солидарность посредством изучения источников социального сцепления, социальной связи.

Характеризуя коллективную память в качестве социального феномена, Хальбвакс подчеркивал ее избирательность. Личные воспоминания склонны к исчезновению, в случае если они не повторяются, не вызываются в памяти вновь и вновь. Вероятность их повторения зависит от того, наделяли ли их коллективной функцией «социальной рамки памяти». Так, автобиографические воспоминания могут выжить только при условии, что они отвечают каким-то институциональным нуждам. Но те воспоминания, которые стали достоянием коллективного сознания, вовсе не могут считаться ненадежными в том, как они изображают события прошлого. Скорее, некоторые события, переработанные коллективной памятью, приобретают своего рода вечное значение и в силу этого вспоминаются чаще и дольше по сравнению с огромными массами происшествий, которые обречены на забвение, а отчасти и за счет этого забвения. Иначе говоря, Хальбвакс допускал, что коллективное запоминание и забвение зависят друг от друга и взаимно друг друга конституируют.

После смерти ученого была издана книга «Коллективная память», составленная из найденных

в его архиве рукописей. Ее содержание свидетельствует не только о конкретизации социологической теории памяти, но и о радикальном пересмотре разработанной ранее концепции. Если изначально Хальбвакс исходил из наличия жесткой иерархии различных социальных групп (семейных, классовых, религиозных), которые извне навязывают индивиду рамки памяти, то в последних своих текстах он больше внимания уделял процессу формирования собственно индивидуальной памяти как результата взаимодействий человека в составе различных социальных групп.

Более корректную и теоретически стройную интерпретацию соотношения индивидуальной и коллективной памяти предложил П. Рикёр (1913–2005). В своем фундаментальном труде «Память, история, забвение» ученый исследовал память в трех измерениях: как феномен сознания, как реконструкцию исторических событий, как живую память личности. По мнению П. Рикёра, «ни феноменология индивидуальной памяти, ни социология коллективной памяти не могут иметь под собой прочных оснований, если каждая из них соответственно считает справедливым только один из противоположных тезисов» [13, с. 174]. Поэтому он предлагал «исследовать возможности взаимодополнительности, содержащиеся в обоих антагонистических по отношению друг к другу подходах» [13, с. 174].

Ученый высказал предположение о существовании «между двумя полюсами – индивидуальной и коллективной памятью – промежуточного плана референции, где конкретно осуществляется взаимодействие между живой памятью индивидуальных личностей и публичной памятью сообществ, к которым мы принадлежим», а именно плана динамических отношений с близкими, располагающимися на разных дистанциях между *Я* и *Другими* [13, с. 184]. В этой коммуникации и обнаруживается соотношение индивидуальной и коллективной памяти.

Заслуга перехода от категории интереса субъективности к категории социальности принадлежит австрийскому философу и социологу А. Шюцу (1899–1959), который вписывал воспоминание, как и другие формы конституирования реальности, в более общий контекст механизмов формирования социального опыта. Социальная память, с точки зрения А. Шюца, – это память о встречах человека с теми, кто его окружает, запас знаний, благодаря которому осуществляется совпадение релевантностей, являющееся условием контактирования людей и расширения индивидуального «жизненного мира» [14].

По мнению французского историка П. Нора, память перестает быть «совокупностью элементов прошлого, которые следует запомнить, дабы приготовить почву для желанного будущего; она

становится способом осознать собственное настоящее» [15]. Исследователь предложил изучать топографические, монументальные, символические, функциональные «места», с которыми общество связывает свои воспоминания, и создавать историю этих своеобразных «мемориалов». Места памяти не являются местами в узком, географическом, смысле, они определяются как своеобразные точки пересечения, на которых складывается и концентрируется память общества. Их главная функция – сохранение коллективной памяти. Важной их характеристикой выступает способность нести разные значения, и эти значения могут меняться. Исследователи изучают не столько материальное или историческое ядро места памяти, сколько его отражение в сознании и формы его восприятия.

С именем немецкого египтолога Я. Ассмана связано утверждение концепции культурной памяти, которая была разработана им на материале древних культур: египетской, еврейской, греческой [16]. Ученый различает коммуникативную и культурную память. Первая представляет собой «живую память» индивидов и социальных групп, которые являлись непосредственными участниками и очевидцами событий прошлого. Она возникает в процессе межпоколенного общения, в контексте межличностных взаимодействий в повседневной жизни, является малоформализованной и сохраняется на протяжении жизни трех-четырех поколений. Культурная память – это особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, которая выходит за рамки опыта отдельных людей или групп и, передаваясь от поколения к поколению, удерживает лишь наиболее значимое прошлое. Такая память связана с социальными группами и служит для них условием самоидентификации, укрепляя ощущение единства и собственного своеобразия. Она имеет формализованный характер, сохраняется традицией и выражается в различных мемориальных знаках: в памятных местах, датах, церемониях, письменных, изобразительных и монументальных памятниках. Ее изучение является задачей такого научного направления, как история памяти, цель которого состоит в том, чтобы проанализировать саму традицию как феномен коллективной или культурной памяти, установить, почему то или иное событие продолжает жить в воспоминаниях. Иначе говоря, история памяти анализирует значение, которое настоящее придает событиям прошлого.

Как и многие другие критики «социальных рамок» Хальбвакса, Я. Ассман выступил против признания коллектива субъектом памяти и употребления (пусть и метафорического) понятий «групповая память» и «память нации». Вместе с тем разработанная им теория культурной памяти в целом построена на том же фундаменте: автор трактует культурную память как «особую символическую

форму передачи и актуализации культурных смыслов, выходящую за рамки опыта отдельных людей или групп» [16, с. 61].

Американский историк и географ Д. Лоуэнталь (р. 1923), автор книги «Прошлое – чужая страна», говоря о прошлом, существующем в памяти индивида, подчеркивал: «События и опыт прошлого предшествуют нашей жизни, однако прочитанные, услышанные и повторенные вновь, они становятся также частью наших собственных воспоминаний» [17, с. 19].

Проблеме рассмотрения культуры в контексте социальной памяти посвятил свою работу «Память в культурологическом освещении» Ю. М. Лотман (1922–1993). Как отмечал исследователь, «с точки зрения семиотики культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т. е. надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, т. е. пространство, в пределах которого некоторые общие черты могут сохраняться и могут быть актуализированы. При этом актуализация их совершается в пределах некоторого смыслового инварианта, позволяющего говорить, что текст в контексте новой эпохи сохраняет при всей инвариантности истолкований идентичность самому себе» [18, с. 200].

По поводу соотношения индивидуальной памяти и коллективных представлений о прошлом Ю. М. Лотман выразил свою позицию следующим образом: «Подобно тому как индивидуальное сознание обладает своими механизмами памяти, коллективное сознание, обнаруживая потребность фиксировать нечто общее для всего коллектива, создает механизмы коллективной памяти. К ним следует отнести и письменность» [19, с. 345–346].

Российский исследователь А. И. Макаров, следуя концепциям М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана, отмечал: «Сознание и память индивида не находятся в изоляции от знаний, которыми обладают или когда-то обладали другие люди. Благодаря общению между людьми и традиции как коммуникации между поколениями знания способны накапливаться и храниться. Это – бесценный запас всеобщего опыта. Рождаясь, входя в общение с Другими, погружаясь в язык, человек становится проводником знания (образов, понятий, схематизмов мышления), накопленного его референтной группой... Если же допустить, что человеческие сообщества тоже способны вступать в обмен знаниями с другими группами, то групповая память вливается в некую общегрупповую надындивидуальную память» [20, с. 10].

Советский исследователь Я. К. Ребане характеризовал социальную память как совокупность ненаследственных (внегенетических) социально-

культурных средств и систем информации, на основе которых, во-первых, формируется психика и сознание человека как исторически конкретного существа, выступающего также и в качестве субъекта познания; во-вторых, осуществляется исторически развивающийся процесс человеческого, т. е. общественного познания [21]. Социальная память, по мнению ученого, не просто сумма передаваемых в обществе знаний, а накопленная в ходе социально-исторического развития информация, зафиксированная в результатах практической и познавательной деятельности людей. Она передается от поколения к поколению с помощью социально-культурных средств и выступает основой индивидуального и общественного познания на каждом конкретном этапе исторического развития.

Среди работ историко-социологического характера методологическое значение имеет статья Ж. Т. Тощенко «Историческая память и социология», в которой описываются этапы становления и развития советской (российской) исторической социологии, обращается внимание на сущность исторической памяти как социологической категории [22]. Актуальным представляется вывод о том, что в условиях коренных общественных сдвигов в России историческая память имеет тенденцию к оживлению своей роли в духовном потенциале как отдельного человека, так и народа в целом.

Исследования коллективной памяти нашли свое отражение в русле современного психоанализа. Так, М. Полляк считал, что наша память структурируется и включается в память той общности, к которой мы принадлежим, и к ее атрибутам [23]. К их числу относятся памятники – архитектурное наследие, стиль которого воздействует на нас на протяжении всей нашей жизни; пейзажи; даты исторических событий и исторические личности, о которых мы постоянно слышим; традиции и обычаи; различные правила общения; фольклор; музыка и даже гастрономические привычки. Эти различные атрибуты-ориентиры можно понимать как определенные эмпирические индикаторы коллективной памяти каждой группы. Коллективная память играет позитивную роль в усилении социальной сплоченности не путем принуждения, а через эмоциональную аффективную групповую связь. Освещая ее особенности, свойства и функции, Полляк опирался на соотношение между официальной, легитимной памятью страны, народа, города и памятью неофициальной, закрытой, умалчиваемой.

Проблему коллективной памяти в контексте истории Франции рассматривал А. Руссо [24]. Национальная память французов о событиях Второй мировой войны, по его мнению, прошла следующие этапы развития: а) чистка (цели и дилеммы); б) амнистия, амнезия, вытеснение; в) возврат прошлого, вытесненного. Каждый из этих этапов был определен логикой развития исторических собы-

тий времен войны и трансформацией отношения к ним со стороны граждан, участников событий.

В своей работе «Память и политика: о социологии коллективной памяти» М. К. Лавабр анализировал опыт исторического пути различных государств, пытаясь оценить особенности коллективной памяти, ее формы, функции и трансформацию во времени. В частности, М. К. Лавабр отмечал, что память может представлять собой «миф, легенду, эмоциональное отношение к истории, воссоздавая прошлое таким, каким его видят индивидуумы и группы людей, готовые придать смысл и значение прошлому, которое они пережили» [25]. Иногда она выступает в виде более приукрашенной формы истории, уроков прошлого, а конечной ее целью является не знание, а соответствие тому, что стремятся создать власть имущие. Порой память обретает форму живых воспоминаний тех, для кого минувшие события незабываемы, и воссоздание этих событий не может быть в полной мере осуществлено официальными историками.

Постмодернистское мышление поставило под сомнение само понятие исторической реальности, хотя вместе с тем такие подходы выявили новые стратегии в познании и осмыслении истории. Глубокая и всесторонняя компаративистика понимания детерминации социокультурных процессов исторической памятью представлена в фундаментальном исследовании П. Хаттона «История как искусство памяти» [26].

Оригинальную концепцию автобиографической памяти разработала В. В. Нуркова [27; 28]. Она исследовала, как самосознание личности приобретает историческое измерение в соотношении с общезначимыми событиями, и описала роль исторического компонента в индивидуальной автобиографической памяти. Кроме того, В. В. Нуркова сделала важные выводы о функционировании исторических воспоминаний в структуре автобиографической памяти, в частности о наличии в ней присвоенного опыта предшествующих поколений, а также о том, что «механизм перехода от обладания семантическим историческим знанием к активному формированию исторической памяти в статусе живого опыта заключается в создании условий для деятельностного присвоения исторического знания» [28, с. 33]. Выявленные автором различные механизмы включения исторически значимых событий в индивидуальную историческую память и их переживания позволяют яснее представить возможные критерии достоверности исторических сведений и роль исторического контекста в текстах автобиографического характера: от так называемых модельных (или канонических) до вполне рядовых.

В этом же ключе рассуждает российский социолог Л. Д. Гудков, говоря о том, что воспоминание может быть представлено как «социальное взаимо-

действие, в котором воспоминающий неявно обращается к значимому *Другому*. <...> Если индивидуальные воспоминания выстраиваются как цепочки биографических или семейных обстоятельств, то они привязаны к плану частной истории с ее ключевыми ценностями и масштабами оценок. Коллективные же представления конституируются некоторыми ценностями всего сообщества и воспроизводятся другими средствами, нежели рассказы частных лиц. Как правило, они лишены следов своего происхождения, производства, воспринимаемая как сами собой разумеющиеся мнения, возникшие “неизвестно когда”, поскольку массовое или корпоративное сознание не просто не озабочено проблематикой генезиса этих представлений,

а, напротив, всячески защищается от возможной их рационализации, вытесняет следы их идеологического производства, табуирует их священный статус в качестве символов коллективной идентичности. Поэтому коллективные представления нельзя рассматривать как сумму индивидуальных воспоминаний и конкретных деталей происшедшего, это всегда совершенно иначе выстроенные “реконструкции” исторических процессов и событий, функция которых связана либо с ритуалами коллективной (национальной, групповой) солидарности, либо с изложением коллективных мифов, идеологием, предназначенных легитимировать те или иные социальные институты или политические действия» [29, с. 86–87].

Заключение

Все изложенное позволяет сделать ряд выводов. Коллективные представления о прошлом и индивидуальная историческая память тесно взаимосвязаны: коллективная память состоит из множества индивидуальных, но не сводится к ним. В то же время индивидуальные памяти пересекаются, но не агрегируются в совокупную память. Наряду с территорией, языком, культурой, религией коллективная память образует важнейшую основу существования народа, рождает чувство единства его исторической судьбы, в зависимости от характера которой (триумфальной или трагической) объединяет людей общим успехом или же общей травмой.

Коллективная память содержит отрефлексированный опыт совместной жизни определенной социальной группы (этнонациональной, конфессиональной, социально-демографической, поселенческой), ее общие ценности, паттерны, стереотипы, концентрирующие в себе консолидированную оценку исторической судьбы страны, нации, народа. Отражающиеся в ней образы прошлого выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных жизненных ситуациях.

Коллективная память поддерживает идентичность группы, но это не означает, что все ее члены обладают одинаковой индивидуальной памятью. Индивидуальная историческая память формируется под влиянием семьи, ближайшего окружения, внешней среды, включает все, что связано с восприятием фактов, свидетельств, событий прошлого, которые реставрируются в соответствующие образы исторической эпохи. Однако в ней присутствуют и социально признанные знания, которые оказывают значительное влияние на историческую память индивида. Степень их воздействия определяется не только личностными особенностями, но также и той социальной ролью, которую выбирает индивид как субъект исторического процесса: участник тех или иных событий, их свидетель, современник, наследник, интерпретатор.

Коллективная память и индивидуальная историческая память «пользуются» одинаковыми официальными источниками поступления информации, но при этом индивидуальная память «питается» информацией еще и из латентных источников, к числу которых относятся устные рассказы родственников, семейные архивы и фотоальбомы. Их использование обеспечивает формирование личностных моделей интерпретации прошлого, которые могут не только существенно отличаться от официальных версий, но и корректировать их.

Индивидуальные воспоминания существуют виртуально до тех пор, пока они не преобразованы в слова или образы для того, чтобы вступить в коммуникацию. Коллективные воспоминания создаются при помощи медиатизированных репрезентаций прошлого, которые предполагают отбор, определенную аранжировку и новые описания событий. Включение и исключение той или иной информации в содержании коллективной памяти (впрочем, и индивидуальной также) имеет как намеренный, так и непреднамеренный характер. Разнородные воспоминания могут существовать как в сознании индивида, так и в коллективной памяти. Некоторые из этих воспоминаний взаимодействуют, другие существуют относительно изолированно. Одни воспоминания гармонично уживаются друг с другом, другие же остро конфликтуют.

Исследования динамики коллективной и индивидуальной памяти как в аналитическом, так и в прикладном аспектах обычно сосредоточиваются на взаимоотношениях прошлого и настоящего, при этом исследователи оперируют данными, теоретическими положениями, обозначают проблемы в пределах связки *прошлое – настоящее*. Однако, чтобы понять, почему люди совершают те или иные акции коммеморации или забвения, не менее важно изучать и учитывать их представления о будущем. Ведь в конечном итоге культура памяти ориентирована на грядущие поколения.

Библиографические ссылки

1. Елсуков АН. Социологический анализ отечественной истории (роль Полоцкого княжества в политической жизни восточных славян и формировании белорусской народности). *Социология*. 2012;3:9–19.
2. Нора П. Всемирное торжество памяти. *Неприкосновенный запас*. 2005;2–3:40–41.
3. Бердяев НА. *Смысл истории*. Москва: Мысль; 1990.
4. Репина ЛП. Память о прошлом как яблоко раздора, или Еще раз о (меж)дисциплинарности. *Исторический журнал: научные исследования*. 2013;1:25–32. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.01.3.
5. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. В: Локк Дж. *Сочинения. Том 1*. Снарский ИС, Субботин АЛ, редакторы. Москва: Мысль; 1985.
6. Шевцов КП. Мера души: сознание и память в концепции Джона Локка. *Эпистемология и философия науки*. 2012;4:191–203.
7. Гегель Г. *Энциклопедия философских наук. Том 3. Философия духа*. Ситковский ЕП, редактор. Москва: Мысль; 1977.
8. Бергсон А. *Собрание сочинений. Том 1. Материя и память*. Москва: Московский клуб; 1992.
9. Гуссерль Э. *Картезианские размышления*. Санкт-Петербург: Наука; 1998. Совместное издание с «Ювента».
10. Гуссерль Э. *Феноменология внутреннего сознания времени. Собрание сочинений. Том 1*. Москва: Гнозис; 1994.
11. Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные. В: Дюркгейм Э. *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. Москва: Канон; 1995. с. 72–84.
12. Хальбвакс М. *Социальные рамки памяти*. Зенкина СН, переводчик. Москва: Новое издательство; 2007.
13. Рикёр П. *Память, история, забвение*. Москва: Издательство гуманитарной литературы; 2004.
14. Шюц А. Структура повседневного мышления. *Социологические исследования*. 1988;2:131–141.
15. Нора П. Проблематика мест памяти [Интернет]. 1999 [процитировано 22 марта 2018 г.]. Доступно по: <http://es-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>.
16. Ассман Я. *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Москва: Языки славянской культуры; 2004.
17. Лоуэнталь Д. *Прошлое – чужая страна*. Москва: Владимир Даль; 2004.
18. Лотман ЮМ. Память в культурологическом освещении. В: Лотман ЮМ. *Избранные статьи. Том 1. Статьи по семиотике и типологии культуры*. Таллин: Александра; 1992. с. 200–202.
19. Лотман ЮМ. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? В: Лотман ЮМ. *Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история*. Москва: Языки русской культуры; 1996. с. 344–356.
20. Макаров АИ. *Феномен надындивидуальной памяти (образы – концепты – рефлексия)*. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета; 2009.
21. Ребане ЯК. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. *Вопросы философии*. 1982;8:46.
22. Тощенко ЖТ. Историческая память и социология. *Социологические исследования*. 1998;5:3–6.
23. Полляк М. Память, забвение, молчание. В: Автономова НС, Стёпин ВС, редакторы. *Психоанализ и науки о человеке*. Москва: Прогресс. Культура; 1995. с. 191–216.
24. Руссо А. Черные страницы национального прошлого. Послевоенная история и историческая память. В: Автономова НС, Стёпин ВС, редакторы. *Психоанализ и науки о человеке*. Москва: Прогресс. Культура; 1995. с. 217–232.
25. Лавабр МК. Память и политика: о социологии коллективной памяти. В: Автономова НС, Стёпин ВС, редакторы. *Психоанализ и науки о человеке*. Москва: Прогресс. Культура; 1995. с. 233–244.
26. Хаттон П. *История как искусство памяти*. Санкт-Петербург: Владимир Даль; 2003.
27. Нуркова ВВ. Анализ феноменов автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода. *Культурно-историческая психология*. 2008;1:17–26.
28. Нуркова ВВ. *Культурно-исторический подход к автобиографической памяти [автореферат диссертации]*. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова; 2009.
29. Гудков ЛД. «Память о войне» и массовая идентичность россиян. *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. Москва: Новое литературное обозрение; 2005. с. 83–103.

References

1. Jelsukov AN. Sociological analysis of national history (role of Polotsk principality in Eastern Slavs' political life and formation of Belarusian national ethos). *Sotsiologiya*. 2012;3:9–19. Russian.
2. Nora P. [Worldwide exultation of memory]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2005;2–3: 40–41. Russian.
3. Berdyaev NA. *Smysl istorii* [The meaning of history]. Moscow: Mysl'; 1990. Russian.
4. Repina LP. The memory of the past as an apple of discord or once again on the (inter)-disciplinarity. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 2013;1:25–32. Russian. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.01.3.
5. Locke J. [Essay concerning human understanding]. In: Locke J. *Sochineniya. Tom. 1* [Collected works. Volume 1]. Snarskii IS, Subbotin AL, editors. Moscow: Mysl'; 1985. Russian.
6. Shevtsov KP. The measure of soul: consciousness and memory in the conception of John Locke. *Epistemology and Philosophy of Science*. 2012;4:191–203. Russian.
7. Hegel G. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. Tom 3. Filosofiya duha* [Encyclopedia of philosophy. Volume 3. The philosophy of spirit]. Sitkovskii EP, editor. Moscow: Mysl'; 1977. Russian.
8. Bergson H. *Sobranie sochinenii. Tom 1. Materiya i pamyat'* [Collected works. Volume 1. Matter and Memory]. Moscow: Moskovskii klub; 1992. Russian.
9. Husserl E. *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian Meditations]. Saint Petersburg: Nauka; 1998. Co-edition by the «Yuventa». Russian.
10. Husserl E. *Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni. Sobranie sochinenii. Tom 1* [Collected works. Phenomenology of inner awareness of time. Volume 1]. Moscow: Gnozis; 1994. Russian.

11. Durkheim E. [Individual representations and collective representations]. In: Durkheim E. *Sotsiologiya. Jeje predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its object, method, purpose]. Moscow: Kanon; 1995. p. 72–84. Russian.
12. Halbwachs M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social frames of memory]. Zenkina SN, translator. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2007. Russian.
13. Rikoeur P. *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury; 2004. Russian.
14. Schutz A. [Structure of the life-world thinking]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1988;2:131–141. Russian.
15. Nora P. Problems of memory places [Internet]. 1999 [cited 2018 March 22]. Available from: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>. Russian.
16. Assmann J. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory. Written language, memory of the past and political identity in Ancient cultures]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2004. Russian.
17. Lowenthal D. *Proshloe – chuzhaya strana* [Past is a strange land]. Moscow: Vladimir Dal'; 2004. p. 200–202. Russian.
18. Lotman YM. [Memory in cultural studies]. In: Lotman YM. *Izbrannye stat'i. Tom 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles. Volume 1. Articles on semiotics and typology of culture]. Tallin: Aleksandra; 1992. p. 200–202. Russian.
19. Lotman YM. [The alternative: unwritten culture or culture before culture?]. In: Lotman YM. *Vnutri myslyashchikh mirov: chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the intelligent worlds: man – text – semiotics sphere – history]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1996. p. 344–356. Russian.
20. Makarov AI. *Fenomen nadyndividual'noi pamyati (obrazy – kontsepty – refleksiya)* [Supraindividual memory phenomenon (images – concepts – reflection)]. Volgograd: Volgograd State University Publishing House; 2009. Russian.
21. Rebane YK. [Information and social memory: to the problem of social determination of cognition]. *Voprosy filosofii*. 1982;8:46. Russian.
22. Toshchenko ZhT. [Historical memory and sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1998;5:3–6. Russian.
23. Pollak M. [Memory, oblivion, silence]. In: Avtonomova NS, Stepin VS, editors. *Psikhoanaliz i nauki o cheloveke* [Psychoanalysis and humanics]. Moscow: Progress. Kul'tura; 1995. p. 191–216. Russian.
24. Russo A. [Black pages of the national past. Postwar history and historical memory]. In: Avtonomova NS, Stepin VS, editors. *Psikhoanaliz i nauki o cheloveke* [Psychoanalysis and humanics]. Moscow: Progress. Kul'tura; 1995. p. 217–232. Russian.
25. Lavabr MK. [Memory and politics: on the sociology of collective memory]. In: Avtonomova NS, Stepin VS, editors. *Psikhoanaliz i nauki o cheloveke* [Psychoanalysis and humanics]. Moscow: Progress. Kul'tura; 1995. p. 233–244. Russian.
26. Hatton P. *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as an art of memory]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'; 2003. Russian.
27. Nurkova VV. Analysis of Phenomenology of autobiographical memory within the frameworks of cultural-historical approach. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 2008;1:17–26. Russian.
28. Nurkova VV. *Kul'turno-istoricheskii podkhod k avtobiograficheskoi pamyati* [Cultural and historical approach to autobiographical memory] [abstract of dissertation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2009. Russian.
29. Gudkov LD. [«Remembering the war» and mass identity of the Russians]. *Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [Remembering the war 60 years after: Russia, Germany, Europe]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2005. p. 83–103. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.08.2018.
Received by editorial board 20.08.2018.

ОБ ОДНОМ НЕПРИГЛЯДНОМ СОБЫТИИ В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ. ОЧЕРЕДНАЯ СЕССИЯ ВАСХНИЛ 1948 г.

И. Д. ВОЛОТОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Институт биофизики и клеточной инженерии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Академическая, 27, 220072, г. Минск, Беларусь

Описана ситуация, сложившаяся в советской генетике в предвоенные и послевоенные годы. Рассмотрены исторические предпосылки проведения сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина 1948 г., посвященной ситуации в биологической науке. Обсуждаются последствия решений сессии для развития советской генетики.

Ключевые слова: генетика; гены; агробиология; Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина; сессия 1948 г. о положении в биологической науке.

ON ONE UNSIGHTLY PAGE IN SOVIET SCIENCE HISTORY. A REGULAR SESSION OF ALL-UNION LENIN ACADEMY OF AGRICULTURE SCIENCES OF 1948

I. D. VOLOTOVSKI^a

^aInstitute of Biophysics and Cell Engineering, National Academy of Sciences of Belarus,
27 Akademichnaja Street, Minsk 220072, Belarus

The situation in Soviet genetics in prewar and postwar years is described. The data on historical prerequisites, organization, and holding of this session are given. The consequences of session decision for development of Soviet genetics is discussed.

Key words: genetics; genes; agrobiology; agriculture; session for position in genetics 1948; All-Union Lenin Academy of Agriculture Sciences.

Мы являемся свидетелями бурного развития молекулярной биологии и молекулярной генетики. Чуть ли не каждый год происходит новое открытие, новый прорыв. Только перечислить лауреатов Нобелевской премии, номинированных за последние 20 лет за достижения именно в этих двух областях биологической науки, непросто. Их десятки. А какие возможности получили исследователи благодаря этим достижениям? Множество самых

разнообразных методических приемов, революционизирующих научный поиск. Например, сегодня можно оперировать исчезающе малым количеством генетического материала и получать достоверные данные о его составе, строении и функции отдельных его компонентов. И это все благодаря методам амплификации, использованию многочисленных вариантов ПЦР-анализа, благодаря возможности установить точную структуру отдельных

Образец цитирования:

Волотовский И.Д. Об одном неприглядном событии в истории советской науки. Очередная сессия ВАСХНИЛ 1948 г. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:75–81.

For citation:

Volotovskii ID. On one unsightly page in Soviet science history. A regular session of All-Union Lenin Academy of Agriculture Sciences of 1948. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:75–81. Russian.

Автор:

Игорь Дмитриевич Волотовский – академик Национальной академии наук Беларуси, доктор биологических наук, профессор; заведующий лабораторией молекулярной биологии клетки.

Author:

Igor D. Volotovskii, academician of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (biology), full professor; head of the laboratory molecular biology of cell. volotovskii@yahoo.com

генов и даже секвенировать полноразмерный геном различных организмов, т. е. установить последовательность нуклеиновых оснований в цепях ДНК и РНК, определить состояние отдельных генов на данный момент, их уровень экспрессии и ее зависимость от действия самых разных внутренних и внешних факторов. Но самое главное – даже не сама возможность анализировать генетический аппарат, а существование эффективных методических приемов, с помощью которых можно внедряться в строение геномов и отдельных генов, т. е. их редактировать: удалять из геномов отдельные гены или даже участки генома, вставлять в геномы новые, не присущие им гены, корректировать структуру генов, если они мутированы, содержат ошибки. Об этом можно говорить и писать много. Молекулярная генетика проникла в самые разные направления биологической науки, причем даже в такие, которые всегда рассматривались как описательные, например в ботанику или зоологию.

Читатель может спросить: к чему такое вступление? Ведь статья посвящена не современной генетике, а 70-летию очередной сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), на которой было рассмотрено положение в советской биологической науке и которая проходила с 31 июля по 7 августа 1948 г. в Москве. Однако эта сессия стала действительно неприглядным событием в истории советской науки, которое на несколько лет остановило развитие генетики в СССР.

Что же послужило причиной вынесения на рассмотрение сессии вопроса о положении в советской биологической науке? Причина, казалось бы, достаточно простая и очевидная. Совсем недавно завершилась Великая Отечественная война, советский народ в ней победил. Началось мирное строительство, одним из важных направлений которого было сельское хозяйство. Проблема продовольственной безопасности страны после коллективизации сельского хозяйства в начале 1930-х гг. была более или менее решена. Но его эффективность оставляла желать лучшего. Урожайность на полях была низкой, оставалась высокой потребность в новых урожайных сортах сельскохозяйственных культур, требовались новые агротехнические приемы их возделывания. Поэтому внешне вполне естественным представляется решение руководства страны обратиться к советским ученым-биологам и аграриям, поставить перед ними амбициозные задачи. Тем более что прецеденты подобного рода уже были. Все мы знаем, какая цель ставилась перед советскими физиками: решить проблему атомной бомбы. К атомному проекту были привлечены все имеющиеся в стране кадровые ресурсы. Работы велись в течение всей войны, и эта задача была успешно

решена. Страна получила в свое распоряжение оружие массового поражения, которое предопределило ход мировой истории на многие десятилетия вперед.

Биологическая наука занимает ключевое место в системе знаний о жизни на Земле, функционировании микробных, растительных и животных организмов, включая человека. Конечно, обсуждение дел в стране по данному важному вопросу представлялось чрезвычайно актуальным и своевременным. Для этого на первый взгляд и была созвана очередная сессия ВАСХНИЛ. В организации сессии были задействованы министерства земледелия, зерновых и животноводческих совхозов и животноводства, отдел науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б). В сессии ВАСХНИЛ приняли участие около 700 человек, из них 47 академиков АН СССР и ВАСХНИЛ, ответственные работники ряда министерств СССР, Госплана СССР, заведующие кафедрами и профессора вузов биологического и сельскохозяйственного профилей (в том числе МГУ имени М. В. Ломоносова и Ленинградского университета), агрономы, зоотехники и экономисты.

Сессия заслушала доклад президента ВАСХНИЛ академика Т. Д. Лысенко «О положении в биологической науке». В прениях выступили 50 участников заседания. Сессия приняла к сведению заявления трех участников, утвердила постановление и направила приветственное письмо в адрес И. В. Сталина.

Однако вместо обстоятельного обсуждения вопросов, стоящих перед биологической наукой и сельскохозяйственным производством, которые были призваны определить и обеспечить продовольственную безопасность страны, сессия вылилась в ожесточенную схватку сторонников двух научных представлений: мичуринской генетики и так называемого вейсманизма-морганизма, «реакционного» и «лженаучного» направления западной биологии. Победили первые, к сессии с тех пор приклеилось нарицательное название «разгром отечественной генетики». На самом деле возобладали представления, имеющие мало общего с реальной наукой, победила не наука, а административный и партийный ресурсы, во главу угла были поставлены политические моменты, определяющие существование и функционирование всех духовных сфер человеческой деятельности.

Все это кажется довольно странным, потому что к тому времени были получены результаты в области генетики, которые сейчас представляются настолько очевидными, что не вызывают сомнения даже у школьников старших классов. Однако тогда все было иначе. Действительно, правда видна на расстоянии. Так, сформулированные Грегором Менделем еще в 1868 г. законы наследственности уже в XX в. были проанализированы и осмыслены,

что однозначно указывало на наличие дискретных элементарных единиц наследственного материала (генов), установлена их способность к спонтанному и индуцированному мутагенезу, их внутренняя сложность и локализация в хромосомах. Сначала Гриффитсом (в 1928 г.), а затем Эйвори, Маклеодом и Мак-Картни (в 1944 г.) была показана ключевая роль ДНК как носителя наследственной информации. Многое стало понятным из работ Макса Дельбрюка и Сальвадора Лурье, которые занимались в 1930-х гг. изучением репродукции фагов и вирусов, являющихся комплексами нуклеиновых кислот и белков. В 1940 г. Бидл и Татум сформулировали тезис «один ген – один белок», просуществовавший как незыблемая формула вплоть до полной расшифровки генома человека. В 1948 г. Мак-Клинток обнаружила явление транспозиции и мобильные генетические элементы. Правда, на тот момент физико-химическая сущность генов еще не была установлена. Указанная информация большинством участников сессии ВАСХНИЛ, как оказалось, к вниманию не принималась, вместо этого они набросились с уничтожающей критикой на так называемую зародышевую плазму, существование которой они оспаривали.

Ознакомившись только с материалами очередной сессии ВАСХНИЛ, можно было бы подумать, что данное событие возникло на пустом месте и вылилось в «чисто» научную дискуссию по актуальным научным вопросам, но это далеко не так. Эта дискуссия имела свою непростую предысторию, включающую существование различных течений в среде советской науки и базирующуюся на сложившейся в послевоенные годы политической системе в стране и ее подходах к решению самых разных аспектов жизни советского общества.

Кстати, послевоенное десятилетие характеризовалось ростом престижа научной и научно-преподавательской работы в СССР – стране, понесшей в годы войны тяжелые потери. В этот период, например, соотношение зарплаты доцента, кандидата наук и квалифицированного рабочего составляло примерно 4 : 1, а профессора, доктора наук – 7 : 1. Такого уровня оплаты труда советские ученые и преподаватели УВО больше в стране не имели никогда. В значительной мере благодаря этому обстоятельству была создана научная инфраструктура, на то время не уступавшая западной, включая американскую. Сетью фундаментальных и прикладных научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и вузовских лабораторий был охвачен широкий фронт исследований. Эта система позволила СССР выйти в научные лидеры мира, особенно в тех областях, которые находились под контролем оборонной промышленности, в первую очередь связанных с созданием атомного оружия.

В то же время в духовной жизни произошли знаковые события. Началась холодная война. Вместо сотрудничества между бывшими союзниками в борьбе с фашистской Германией возникла конфронтация. Летом 1946 г. в стране началось наступление на интеллектуальные проявления, в которых обнаруживались «заграничное влияние», «западное упадничество», «искусство для искусства» и т. д. Так, 14 августа 1946 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». В этом постановлении, как и в докладе секретаря ЦК А. А. Жданова, произнесенном на собрании членов Союза писателей СССР, редакции ряда ленинградских журналов обвинялись в безыдейности. Жданов критиковал творчество поэтессы А. А. Ахматовой и писателя-сатирика М. М. Зощенко. Декларировалось, что журналы в СССР «не частные предприятия», они не имеют права приспосабливаться к вкусам людей, «которые не хотят признавать наш строй». Вскоре Зощенко и Ахматову исключили из Союза писателей СССР, а журналы, публиковавшие их произведения, были наказаны: редакция журнала «Звезда» получила выговор, а журнал «Ленинград» закрыли.

Затем взялись за театры и кино: 26 августа 1946 г. вышло новое постановление ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров», где критиковался репертуар за переполнение «низкопробной и пошлой зарубежной драматургией» и «уродливо-карикатурное изображение советских людей». Через неделю, 4 сентября 1946 г., в постановлении ЦК партии были подвергнуты жестокой критике ведущие кинорежиссеры страны С. М. Эйзенштейн и Л. Д. Луков, а 24 июня 1947 г. секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов провел совещание философов, на котором была осуждена работа Г. Ф. Александрова «История западной философии», руководившего до этого Агитпропом и ставшего в 1946 г. лауреатом Сталинской премии.

Несколько месяцев спустя объектом критики оказалась музыка – сфера, на которую раньше не обращали особого внимания. Предлогом послужило исполнение в декабре 1947 г. трех произведений, написанных композиторами к тридцатилетию Октябрьской революции: Шестой симфонии С. С. Прокофьева, «Поэмы» А. И. Хачатуряна и оперы В. И. Мурадели «Великая дружба», а 10 февраля 1948 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О декадентских тенденциях в советской музыке», осуждавшее оперу Мурадели. Не менее острой критике подверглись композиторы, «придерживающиеся формалистических, антинародных направлений» (к ним причислялись Прокофьев, Шостакович, Хачатурян, Мясковский). Следствием постановлений стала «чистка» Союза композиторов СССР. В течение всего 1948 г. ряд деятелей искусства были исключены из творческих союзов.

Идеологические постановления по вопросам культуры и искусства были направлены на повышение идейности произведений литературы, кино и музыки. Под идейностью понималось осуждение западной культуры и прославление существующего в СССР политического строя, утверждение советского образа жизни, патриотизма и единомыслия.

Однако рассмотрение на государственном и партийном уровне вопросов литературы, музыки, философии, других областей духовной жизни советского общества не имело таких катастрофических последствий, как сессия ВАСХНИЛ 1948 г. По сути, сессия провозгласила в стране с богатейшими научными традициями официальный запрет на исследования в области структурно-функциональной организации наследственного материала и законов наследования.

Конечно, очередная сессия ВАСХНИЛ 1948 г. прошла на общем фоне борьбы с западным влиянием. Но в случае с генетикой эта борьба возникла не на пустом месте. Еще в 1930-х гг. сложилось противостояние в генетической науке между двумя группами ее представителей. С одной стороны в нем участвовали Н. И. Вавилов, Н. К. Кольцов и их ученики и последователи, они стояли на позициях современной генетики, исповедовали представления, получившие признание во многих лабораториях за рубежом. С другой стороны сгруппировались исследователи, стоявшие на позициях Т. Д. Лысенко, который пропагандировал необычные представления о тесной связи между окружающей средой и наследственностью организмов, что могло выражаться, по его мнению, даже в превращении одного вида растения в другой. Он полагал, что внешние условия могут в корне изменить алгоритм функционирования наследственной системы. Его взгляды на биологическое развитие нашли свое отражение в достаточно неопределенной по своему содержанию доктрине, согласно которой к факторам окружающей среды, влияющим на наследственность, относятся солнечный свет, температура и влажность воздуха, а также химические элементы, содержащиеся в почве или органических удобрениях, различного рода газы, присутствующие в атмосфере. Свои заключения Лысенко сделал, опираясь главным образом на свои работы конца 1920-х – начала 1930-х гг., посвященные изучению влияния температурного эффекта на рост и развитие растений. Он пришел к выводу, согласно которому отношения между организмом и окружающей средой могут быть разделены на фазы, или стадии, в которых потребности организма значительно различаются. Иными словами, растительные организмы формируются и функционируют в соответствии с разработанной им «теорией фазового развития растений». Термин «яровизация» получил широкую известность в СССР в довоенные

годы. В 1930–1936 гг. Лысенко опубликовал множество газетных статей и брошюр, уточняющих метод яровизации, применяемый тогда к семенам хлопчатника, ржи, проса, сахарной свеклы, сои, картофеля, вики и различных других зерновых, клубневых и плодовых растений. Предпосевная низкотемпературная обработка посевного материала (яровизация), как полагал Лысенко, должна приводить к значительному увеличению урожайности сельскохозяйственных структур. В 1935 г. Лысенко объявил, что яровизацией только хлебных злаков в Советском Союзе было охвачено 40 тыс. колхозов и совхозов, чьи земли располагались на площади 2 млн 100 тыс. га. В феврале 1935 г. Лысенко выступил на втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников с речью, призывая широкие крестьянские массы к участию в кампании по проведению яровизации как противостоянию кулачеству. Речь точно соответствовала текущей политической ситуации.

Как видим, спор вокруг яровизации превратился с подачи Лысенко в борьбу пролетарской науки с мнимыми «классовыми врагами». Это был точно рассчитанный ход с помощью идеологических построений запугать и в конечном счете истребить научных противников. Сейчас мы прекрасно понимаем, что данная тактика на много лет задержала выяснение истинного положения в разрабатываемой проблеме.

Газета «Правда» 15 февраля 1935 г., а затем и другие издания напечатали подробное изложение речи Т. Д. Лысенко на съезде колхозников, опубликовали его портрет, привели слова И. В. Сталина, которому эта речь очень понравилась.

В декабре 1936 г. состоялось совещание, в центре которого находился вопрос о том, что Лысенко называл двумя направлениями в генетике. Стенограмма этого совещания по спорным вопросам генетики и селекции является одним из самых интересных исторических источников для изучения истории деятельности Лысенко, образцом пролысенковской пропаганды [1].

В опубликованной совместно с И. И. Презентом работе «Селекция и теория стадийного развития растений» (1935) Лысенко перешел от яровизации к вопросам общей теории наследственности. Он утверждал, что «при яровизации посевного материала или растений идет нарастание изменений. Эти изменения сохраняются в тех клетках, в которых они произошли, а также передаются всем вновь образующимся из них клеткам» (цит. по [2, с. 153]).

Наследственность Лысенко понимал как «свойство живого тела требовать определенных условий для своей жизни, своего развития и определенно реагировать на те или иные условия» (цит. по [2, с. 154]). По мнению Лысенко, наследственные факторы являются ассимилированными внешни-

ми условиями. Он писал: «...мы отрицаем то, что генетики вместе с цитологами увидят под микроскопом ген. Наследственная основа не является каким-то особым от тела, саморазмножающимся веществом, наследственной основой является клетка» (цит. по [2, с. 153]). Классическая генетика представляла ген как дискретную единицу материала наследственности, Т. Д. Лысенко – как результат взаимодействия генетического материала с факторами окружающей среды, т. е. как признак.

В те времена действительно нельзя было увидеть ген и его работу в микроскоп, в отличие от 1970-х гг., когда уже появились возможности прямо наблюдать процессы транскрипции и трансляции, и 1980-х гг., когда ученые могли проводить манипуляции с генами. Классические генетики исследовали материал наследственности в микро- и нанометровом масштабе, а Т. Д. Лысенко – даже не на клеточном уровне, а в масштабе многоклеточного организма.

Потенциально трагические для нашей науки столкновения генетических кланов были прерваны войной. Теоретические споры на время забылись. Но Т. Д. Лысенко возобновил их сразу после войны публикацией статьи об отсутствии в природе так называемой внутривидовой конкуренции. Лысенко начал наступление на основы дарвинизма. Ему удалось привлечь на свою сторону центральную печать – газеты «Правда», «Социалистическое земледелие» и «Литературная газета». В статьях, опубликованных в этих изданиях, были подвергнуты резкой критике А. Р. Жебрак и Н. П. Дубинин, которых обвинили в антипатриотизме, низкопоклонстве перед Западом.

В конце 1944 – начале 1945 г. А. Р. Жебрак написал большое письмо Г. М. Маленкову, пытаясь убедить секретаря ЦК в необходимости нормализовать обстановку в генетике, восстановить генетико-цитологические исследования в ВАСХНИЛ, изменить руководство Института генетики АН СССР, возглавляемого Т. Д. Лысенко, командировать советских генетиков в США и Англию для обмена опытом и ознакомления с успехами генетики в области теоретических проблем и ее приложений к сельскому хозяйству.

Позже, 16 апреля 1945 г., А. Р. Жебрак был на приеме у В. М. Молотова и информировал его о положении генетики и ее большом значении для развития культуры и производительных сил страны. Наметились некоторые изменения. В сентябре 1945 г. А. Р. Жебрак был привлечен к работе в аппарате ЦК партии, сохраняя руководство кафедрой в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. В должности заведующего отделом управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) он проработал до апреля 1946 г., после чего вновь вернулся к преподавательской деятельности.

Ситуация в науке не могла не встревожить Т. Д. Лысенко и его могущественных покровителей. Министр земледелия И. А. Бенедиктов, министр зерновых и животноводческих совхозов П. П. Лобанов, министр животноводства А. И. Козлов обратились в ЦК ВКП(б) с письмом, в котором обрушились на участников и организаторов 2-й генетической конференции, состоявшейся 21–26 марта 1947 г. и являвшейся одной из многих научных конференций, проводимых на факультетах МГУ имени М. В. Ломоносова. Она была организована кафедрой генетики, которой заведовал член-корреспондент АН СССР А. С. Серебровский. В работе конференции приняли участие крупные советские ученые-генетики: академик Цицин, действительный член АН БССР Жебрак, член-корреспондент АН СССР Дубинин, профессор Навашин, профессор Глембоцкий и многие другие.

Товарищи Бенедиктов, Лобанов и Козлов обвинили конференцию в отрыве от практических задач на том основании, что ряд докладов был посвящен использованию наследственности плодовой мушки дрозофилы.

Практические доклады конференции были посвящены вопросам селекции, породообразования, выяснению роли среды и экологических факторов в повышении продуктивности животноводства и урожайности растений. Многие докладчики дали ценные практические предложения.

На заседании организационного бюро ЦК ВКП(б) 16 апреля 1947 г. выносился вопрос о положении в ВАСХНИЛ. Был подготовлен специальный доклад, адресованный секретарям ЦК ВКП(б) А. А. Жданову, А. А. Кузнецову и Г. М. Попову, в котором говорилось: «Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина значительно отстает в своей работе от требований и запросов, предъявляемых к ней сельским хозяйством... Академия замкнулась в узком кругу агробиологических проблем, связанных с исследованиями ее президента академика Т. Д. Лысенко, в связи с чем перестала быть... “высшим научным учреждением по сельскому хозяйству в СССР”. Ограниченный круг научных проблем, разрабатываемых в академии, а также разногласия среди ее действительных членов привели к тому, что большинство из них фактически прекратило работу в академии (академики: Брицке, Прянишников, Скрябин, Завадовский, Серебровский, Соколовский, Лисицын и др.). Многие институты академии возглавляются малоизвестными в науке работниками, не имеющими ученой степени и звания. Попытки некоторых руководителей секций заменить непригодных сотрудников более квалифицированными и знающими дело специалистами сельского хозяйства не встречают поддержки со стороны президента академии академика Т. Д. Лысенко. Считаем, что создав-

шаяся в Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина обстановка не способствует решению важнейших вопросов подъема сельскохозяйственной науки» (цит. по [2, с. 161]).

Все это свидетельствовало о том, что к концу 1947 г. политические позиции Лысенко были слабее, нежели до войны. Сын А. А. Жданова Ю. А. Жданов, возглавлявший отдел науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б), неоднократно выступал против Лысенко. Аналогичную позицию занимали и другие ведущие ученые страны, химики и физики, бывшие на хорошем счету в партийных верхах. И здесь Т. Д. Лысенко обратился с письмом к И. В. Сталину. В этом пространном письме он много говорит о своих работах и тех препятствиях, которые стоят на пути распространения, внедрения в практику их результатов. Наконец, Т. Д. Лысенко пишет, что «менделизм-морганизм, вейсманистский неodarвинизм... разрабатывается в западных капиталистических странах не для целей сельского хозяйства, а для реакционных целей евгеники, расизма и т. п. Никакой связи между сельскохозяйственной практикой и теорией буржуазной генетики там нет» (цит. по [2, с. 163]). Настаивая на административных мерах, Т. Д. Лысенко утверждал: «Если мичуринские теоретические установки, которых мы придерживаемся и на основе колхозно-совхозной практики развиваем, в своей основе правильны, то назрела необходимость нашим руководящим органам образования и сельского хозяйства сказать свое веское слово, внести резкий перелом в дело воспитания наших кадров биологов, агрономов и животноводов. Метафизическое учение о живых телах – морганизм-менделизм, вейсманистский неodarвинизм – преподается во всех вузах, мичуринское же учение – советский дарвинизм – почти нигде не преподается. Прошу Вас, товарищ Сталин, помочь этому хорошему; нужному для нашего сельского хозяйства делу» (цит. по [2, с. 164]). Знал Т. Д. Лысенко, какие струны нужно затронуть, чтобы добиться своего. В ответ Сталин написал: «Что касается теоретических установок в биологии, то я считаю, что мичуринская установка является единственно научной установкой. Вейсманисты и их последователи, отрицающие наследственность приобретенных свойств, не заслуживают того, чтобы долго распространяться о них. Будущее принадлежит Мичурину» (цит. по [2, с. 164]).

Интенсивная организационная работа, различные постановления партийных органов, резолюции и поручения ответственным работникам партии и правительства завершились следующей вынужденной сентенцией Ю. А. Жданова, который в душе был противником Т. Д. Лысенко, глубоко понимал сущность науки и остро чувствовал, где научная истина, а где схоластика и псевдонаука: «Последователи менделизма-морганизма не раз предупреждались, что их направление в биоло-

гии чуждо советской науке и ведет к тупику. Тем не менее менделисты-морганисты не только не извлекали должных уроков из этих предупреждений, но продолжают отстаивать и углублять свои ошибочные взгляды. До последнего времени идеи менделизма-морганизма продолжают пропагандироваться в литературе и особенно в учебной и преподавательской в высших учебных заведениях, а в ряде вузов и институтов Академии наук СССР менделеевско-моргановское направление является господствующим на кафедрах генетики и биологии. Такое положение не может быть далее терпимо» (цит. по [2, с. 166]).

Вопрос о разгроме отечественной биологии был предreshен, но подготовка партийно-государственного акта велась в строжайшей тайне. Ученые еще не знали о подступившей трагедии. Они на тот момент не потеряли надежды. И писали свои письма Сталину, но никакой реакции сверху не было. Развязка готовилась втайне. Сталин уже не желал никого слушать. Лысенко 23 июля направил ему доклад «О положении в биологической науке». Доклад был одобрен и рекомендован к рассмотрению на очередной сессии ВАСХНИЛ.

Неожиданно для всех сессия ВАСХНИЛ открылась 31 июля 1948 г. В разгар каникул, экспедиций и отпусков внезапно начался очередной политический процесс – лысенковцы «судили» генетику и генетиков. С докладом «О положении в биологической науке» выступил Т. Д. Лысенко. По генетике – ключевой науке современного естествознания – был нанесен сильный удар. Единственно верными в биологии признавались взгляды Лысенко. Их называли мичуринским учением. Классическую генетику признали реакционным направлением в биологической науке. Лысенко назвал сессию ВАСХНИЛ, где он покончил со своими научными противниками, «великим праздником». В качестве основных лиц, против которых направлены выступления Лысенко и его сторонников, были выбраны морфолог и эволюционист И. И. Шмальгаузен и генетики Н. П. Дубинин и А. Р. Жебрак. В докладе говорилось, что менделизм-вейсманизм-морганизм чужд советскому народу, стороннику творческого прогрессивного мичуринского учения. Лысенковцы объявляли подход своих противников вредным еще и потому, что вместо изучения законов генетики на хозяйственно важных животных, например на коровах, эти ученые проводили свои исследования на совершенно никому не нужной мушке дрозофиле. В традициях пропаганды того времени Лысенко сформулировал в своем докладе емкий лозунг «Наука – враг случайностей» и поднял на щит высказывание И. В. Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее – наша задача». «Менделисты-морганисты-вейсманисты» обвинялись на сессии в том, что они «идеали-

стически и антидиалектически полагают, что за наследственность ответственны какие-то гены, которых никто не видел», а также что «гены расположены в каких-то хромосомах, которых, может быть, и нет вовсе, а если они и есть, то их функции – это участие в обмене веществ». А поскольку противники Лысенко «при этом утверждают, что хромосомы находятся в ядре, то и вовсе их вывод об особой роли ядерной наследственности реакционен, так как свойство наследственности принадлежит всем компонентам живого организма» (цит. по [2, с. 167]). Давление на классическую генетику было настолько сильным, что три человека – выдающийся ботаник из школы Н. И. Вавилова профессор П. М. Жуковский, генетик, доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова С. И. Алиханян и профессор И. М. Поляков – выступили с заявлениями об изменении своих взглядов и «переходе в ряды мичуринцев». После сессии на страницах газеты «Правда» покаялся и А. Р. Жебралов.

После сессии организационные выводы не ставили себя ждать. Произошли массивные кадровые изменения. Многие ученые лишились своих руководящих постов. Были пересмотрены и переработаны учебные планы и программы преподавания биологических наук, с тем чтобы обеспечить в вузах «правильное» и «всестороннее» освещение вопросов дарвинизма и мичуринского учения. Коснулись реформы и АН СССР: укрепили состав бюро отделения биологических наук и важнейшие участки биологических учреждений квалифицирован-

ными кадрами ученых-мичуринцев, пересмотрели план издания научных трудов академии в области биологии, укрепили составы редколлегий биологических журналов, пересмотрели планы подготовки аспирантов.

Августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. привела в действие серию подобных же разгромных для науки мероприятий по ее другим направлениям. В июне 1950 г. «отдел науки ЦК КПСС организует Павловскую сессию» (цит. по [2, с. 173]). Так назвали объединенную сессию двух академий, «большой» и медицинской, собранную для установления «порядка» в физиологии. Был определен и главный враг. Им оказался академик Орбели. После сессии – увольнение, изгнание из университетов и научных институтов, прекращение исследований по неортодоксальным направлениям.

Позже, 11 июня 1951 г., было проведено Всесоюзное совещание по состоянию теории химического строения в органической химии. Главные обвиняемые – Я. К. Сыркин и М. Е. Дяткина – были изгнаны из университета. На других совещаниях подверглись резкой критике кибернетика и статистика.

Что же можно сказать в заключение? Вся история, изложенная выше, имела трагические последствия для развития науки в СССР, прогресс советской науки был заблокирован на многие годы. К счастью, последствия этой неприглядной кампании удалось преодолеть, но не без потерь. Внеочередная сессия ВАСХНИЛ 1948 г. – позорная страница истории советской науки.

Библиографические ссылки

1. О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина. Москва: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы; 1948. 536 с.
2. Баутин ВМ, Глазко ВИ. Сессия ВАСХНИЛ, август 1948 года. Уроки на будущее. *Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии*. 2008;3:149–175.

References

1. O polozhenii v biologicheskoi nauke. Stenograficheskii otchet sessii Vsesoyuznoi akademii sel'skokhozyaistvennykh nauk im. V. I. Lenina [On the Situation in Biological Science. Stenography Report of the Session of All-Union Lenin Academy of Agriculture Sciences]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo sel'skokhozyaistvennoi literatury; 1948. 536 p. Russian.
2. Bautin VM, Glazko VI. [Session of All-Union Lenin Academy of Agriculture Sciences, 1948 August. Lesson for the future]. *Izvestiya Timiryazevskoi sel'skokhozyaistvennoi akademii*. 2008;3:149–175. Russian.

Статья поступила в редколлегия 19.10.2018.
Received by editorial board 19.10.2018.

УДК 1(091)(4/9);1(091)

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАК ОСНОВАНИЕ СОВЕТСКОГО КАНОНА: ПЕРВЫЙ ЛЕКЦИОННЫЙ КУРС ПО ДИАЛЕКТИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛИЗМУ В БЕЛАРУСИ В 1920-х гг.

А. Ю. ДУДЧИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Реконструируется структура, понятийный аппарат и аргументация первого советского учебного курса по диалектическому материализму, опубликованного в 1920-х гг. в Минске профессором С. Я. Вольфсоном. Показана гетерогенность содержания курса, сочетающего в себе элементы различных философских, научных и идеологических дискурсов. Обоснована значимость историко-философской части для формирования раннесоветского философского канона.

Ключевые слова: С. Я. Вольфсон; диалектический материализм; советская философия; советский философский канон; история философии; трансфер знания.

HISTORY OF PHILOSOPHY AS FOUNDATION FOR THE SOVIET CANON: THE FIRST LECTURE COURSE IN DIALECTICAL MATERIALISM IN BELARUS IN THE 1920s

A. Y. DUDCHIK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The research reconstructs structure, concepts and argumentation of the first Soviet course in dialectical materialism taught and published in the 1920s in Minsk by professor S. Y. Wolfson. The analysis explicates that the course is rather heterogeneous and combines elements of different philosophical, scientific, ideological discourses. The importance of the parts in history of philosophy for the development of early Soviet philosophical canon is proved.

Key words: S. Wolfson; dialectical materialism; Soviet philosophy; Soviet philosophical canon; history of philosophy; knowledge transfer.

Introduction

So called dialectical materialism was an important part of the Soviet official philosophy. It is usually criticized for its explicitly ideological character and as a rule is attributed to the Soviet period in history. The post-Soviet period in development of the post-Soviet philosophical traditions (in Russian Federation, Belarus, the Ukraine and others) is usually interpreted as

overcoming of or at least dissociation from the Soviet philosophy in its most explicit and blamed as biased forms [1]. At the same time one could suppose that the Soviet philosophy as an intellectual and cultural phenomenon is not strictly connected to the Soviet period and does not disappear after the collapse of the Soviet Union. We could suppose that as a special form of in-

Образец цитирования:

Дудчик А.Ю. История философии как основание советского канона: первый лекционный курс по диалектическому материализму в Беларуси в 1920-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:82–87 (на англ.).

For citation:

Dudchik AY. History of philosophy as foundation for the Soviet canon: the first lecture course in dialectical materialism in Belarus in the 1920s. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:82–87.

Автор:

Андрей Юрьевич Дудчик – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Andrei Y. Dudchik, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
a_dudchik@tut.by

tellectual activity with its own certain style of thinking, vision of a rationality, rules of argumentation the Soviet philosophy still exists and influence the post-Soviet philosophical tradition greatly at least in inexplicit forms. A number of rather active discussions [2; 3] about the Soviet philosophy could be interpreted as an

argument for its urgent character and continuation of its influence. Therefore thoughtful and comprehensive research of the Soviet philosophy as an intellectual phenomenon without explicit prejudices for or against it could be useful for better understanding of contemporary post-Soviet philosophical and intellectual life.

Main part

The period of 1920s is of a special importance for the history of the Soviet philosophy as a period of a formation of a tradition as such. In the paper we will analyze the first Soviet textbook on Dialectical materialism. The textbook is based on a course of lectures read at the department of social sciences of Belarusian State University by Semen Yakovlevich Wolfson (1894–1941), and later it was recommended for educational institutions of the whole Soviet Union. A few words should be said to introduce our main character. He studied philosophy at Kiev University, since the 1921 worked at Belarusian State University as a professor, in 1928 became an academic of Belarusian academy of science. The course was firstly published in the 1922 and till the 1929 was republished seven times (circulation of each of the editions is 5000 except the last one with circulation in 3000 copies).

One of the most important and interesting peculiarities of the Soviet philosophical tradition in the 1920s is the fact that it was developed not only and even mostly not for philosophical or scientific purposes. The main purposes, stated explicitly as a rule, were polemical and educational ones. These strict connections to the ideological discussions with their polemical style and to educational practices oriented toward wide and often non-professional audience are very important for adequate understanding of the Soviet philosophical tradition as such.

The concept of a canon is usually attributed to scholar, scholastic (in neutral meaning of the term) philosophy which is presented as a course for students [4]. The peculiarity of the period that it is a period of canon's formation and content and structure of the courses is not very similar to its late, 'classical' examples. On the contrary, the courses are rather heterogeneous and combine elements of different philosophical, scientific, ideological discourses. One could mention that the situation could be compared to the post-Soviet with its quick and rather spontaneous changes in existing (the Soviet) philosophical canon and appearance of new knowledge (situation of active transfer of knowledge, conceptions and ideas, mainly the Western ones) new disciplines (such as cultural or religious studies) and approaches.

The purpose of the creators of the first courses in a new the Soviet philosophy (and Wolfson personally) was not a trivial or at least easy one. They should

prepare a compact and well-understood material for unprepared philosophically (and not well-educated or educated at all as a rule) audience. The courses should reflect Marxist vision of philosophy and ideology which themselves were not stable and were in the process of its formation. Wolfson understands all the difficulties with epistemic and social status of dialectical materialism well (he names it «parvenu climbing to the top of the University cathedra»¹ [5, p. 7] in the text).

A peculiarity of the period is absence of clear division and separation between two main parts of the Soviet official philosophy, which are dialectical materialism and historical materialism. Wolfson himself writes that his course is often called Marxist sociology (the early name for courses in Historical materialism) but Dialectical materialism is more appropriate and adequate for it despite the fact that the course combined elements of them both. He writes: «My course is presented in University plans as "Historical materialism". I prefer to this title which not very exact the one that is more adequate to the course – dialectical materialism» [5, p. 1]. At the same time he insisted on the priority of dialectical materialism as more general discipline: «Therefore Historical materialism is a narrower concept than dialectical materialism. Only after acquisition of the main statements of dialectical materialism it is possible to apply the statements to social sphere i. e. to substantiate the materialism historically» [5, p. 11]. Dialectical materialism, as Wolfson states, presents materialistic understanding of nature while the historical materialism – materialistic understanding of history correspondently.

We should mention that there are essential differences between different editions of the courses. While the first edition (published in 1922) contains only two parts of the course (which contains three main parts in reality), the later editions contain new parts and appendixes. One could suppose that the tendency of separation of materials on dialectical materialism from materials on historical materialism would prevail but in the texts it is not so. The later editions of the course, on the contrary, contain more and more materials which could be attributed to the course in Marxist sociology (the state, family, classes etc.). At the same time the themes are very similar to the themes of standard philosophical courses, for example, Hegel's ones [6]. One could conclude that the difference between the

¹Hereinafter translated by A. D.

courses at least till the end of the 1920s was not clear and it was based more on preferences of the lecturers themselves than on some scientific criteria (such as its object or methodology).

The later editions of the course contain forewords (to each of the new editions). Despite short information about the main didactic purposes of the text each of the forewords contain a polemical part in which the author stands upon his vision and answers to the critique of his opponents (in detail as a rule). The answer is usually presented according to some standard scheme. The objection to some statement of the text of the course or to some elements of Wolfson's approach as such or is presented (it is attributed to a certain person as a rule) with its critical analysis and an answer in an expanded form. At the same time the content of the course as such has much less polemical character and in fact the forewords are the most polemical part of the text.

One of the most interesting answers of Wolfson to his critics deals with the problem of philosophical terminology used in the course and in more general form the problem of terminology of Dialectical materialism as such. Despite the critique of his opponent (presented as «comrade Gorev») Wolfson insists on usefulness and even necessity of the usage of Hegelian terminology (the discussion concerns the concept of *negation of negation*). Wolfson argues that the concept has not a metaphor but also a scientific meaning and is not a speculative one. He refers to the opinions of F. Engels and G. Plekhanov on the matter of *negation of negation* and concludes that it is «one of the most essential and *revolutionary* moments of Marxist's dialectic which is applicable not only to *ideas* but to *things* also» [5, p. IV].

The style of the text is not very scientific-like. Equally with philosophical argumentation with special terminology the text contains a significant number of references to works of art (mainly poetical – W. Shakespeare, A. Pushkin, N. Nekrasov, H. Heine) with extended quotations from them. Wolfson himself interpreted his work as a popular one and interpreted the popularity in a positive meaning while arguing with his critics. At the same time he insisted that such a short preparative course inevitably will be schematic. It is important to mention that a significant part of the polemics between Wolfson and his opponents deals with a mere questions of history of philosophy, mostly his interpretation in the text of philosophy of Aristotle, Descartes, Gassendi and others.

The course as such (in its first edition especially) contains a lot of information in history of philosophy while the exposition of the main statements of dialectical materialism is rather poor. And while the later editions contain chapters on such issues as the state, classes, family, fine art, the first one contain a large part in history of development of materialist and dialectical ideas and a much shorter part concerning

dialectical materialism as such. At the same time one could suppose that the chapters contain mere Marxist or materialist as such vision of the problems while their relation to dialectical materialism especially could be questioned. At least these parts of Wolfson's course in dialectical materialism are rather similar to the courses in Marxist sociology (later – historical materialism) by Katzenbogen [7]. In fact one could suppose that the text of the lectures presented in the first edition could be called «history of dialectical materialism» with at least not less serious reasons than for its real name of «Dialectical materialism». The structure of the first edition of the course contains a part in history of materialism and a part on Marxist philosophy (both without special names). The parts are almost equal in their size (79 and 77 pages correspondingly). At the same time the second part also contains materials on history of philosophy (describing history of Marxist philosophy and analyzing its relation to other systems of philosophy, mainly the Hegelian one). As one could notice the Marxist doctrine as such (including both historical and theoretical parts) is presented in a relatively small part while the part representing the history of philosophy (materialistic and dialectical mainly but not only) dominates.

History of philosophy is presented in a form of a number of long periods (Antiquity, the Middle Ages etc.) replacing and developing each other consistently. The main driving force of the development is a contest between materialism and idealism (the period of Middle Ages, for example, is presented as a «century of old antimaterialistic reaction» [5, p. 23]). Materialistic explanation of philosophical ideas through the social conditions is presented rather schematically and do not prevail over the description and analysis of the ideas themselves.

The percent of pages presented for the part in history of philosophy decreases during the enlargement of the text, but its significance, on the contrary, increases greatly. In the preface to the third edition of the course Wolfson writes that the part in history of philosophy «is of a special difficulty because to analyze development of materialist world view means to cover development of philosophy as such» [5, p. 7]. He insists that his research in history of philosophy is limited and incomplete and determined by his interest to the materialist approach. In the preface to the 4th edition he already emphasizes the importance of the history of philosophy and argues with his critic (V. Vaganyan) who blames it for a scholastic character. Wolfson writes that «it is useless to dive into polemical literature, to study classics without clear historical perspective. To present necessary historical perspective for unprepared reader was my first task» [8, p. IV]. And then he quotes positive reviews of his book, emphasizing its historical character: «There is only one of Marxist books presenting main materialists in Russian. There are many books in history of

philosophy and from the worth reading Wolfson's is the most popular one» [8, p. IV] (by comrade Tarabyanov).

It is interesting to analyze the list of literature and authors to which Wolfson refers in his text. Besides standard Marxist authorities (including K. Marx, F. Engels, V. Lenin, G. Plekhanov, A. Deborin) the list of literature includes a large number of works merely in history of philosophy (the German ones mainly). Wolfson refers to such famous historian of philosophy as K. Fischer and F. Lange. The first part concerning history of materialism structurally is very similar to Lange's «History of materialism» which contains more than 1000 pages and is one of the most fundamental and well known works in the area of research of materialist philosophy [9]. It is very symbolical that the beginning of his text Wolfson starts with a reference to Lange's work.

We should notice that a history of philosophy as a discipline and a system of knowledge played an extremely significant role in the German philosophy of the XIX–XX centuries, and first of all in educational system. It is important to mention that contemporary researches in History of German philosophy of the XIX century (and of German idealism especially) presents it as a various phenomena defined by a number of factors and a set of relations. The concept of *constellations* is used for description of this variety. The researcher's interest is focused not only on the mostly known figures (such as Kant or Hegel) but on its environment that made appearance of the great philosophical systems possible. And university courses in philosophy are an important part of the environment [10]. The courses in history of philosophy were the basis for philosophical education as such. At the same time philosophy plays an important role for education. One could suppose that Wolfson created his course in dialectical materialism under a significant influence of German university tradition and courses in history of philosophy especially. In our opinion it is possible to speak about something like a localization of German university tradition with its emphasis on history of philosophy in the form the course of dialectical materialism in the more general context of transfer knowledge from West into former Russian Empire. Such a transfer is a well known phenomena for researchers, but they usually analyzed transfer of ideas or concepts. For example, A. Koyre, stated that «Russian philosophical language was formed as a copy of the German terms» [11, p. 169]. In our case situation is even more complicated, because we could speak not only about transfer of idea and concepts (the situation with the concept negation of negation was analyzed previously) but transfer of conceptual vision and even schemes. And what is very important, we analyzed not only an acceptance of abstract philosophical schemes but schemes from area of philosophical education applied to the structurally similar situation.

The question about epistemological status of dialectical materialism is very important for Wolfson and his answer is not the most obvious. He insisted on scientific and philosophical character of dialectical materialism but not only such one. He insists that dialectical materialism differs from the scientific one. He writes that «dialectical materialism is, according to Engel's well-known statement, no more a philosophy but a world view which realizes itself not in a special “science of all sciences” but in sciences themselves... it is a philosophy in the highest degree of science, but not above it» [5, p. 4]. Dialectical materialism is, therefore, an important part of a new scientific world view. Such a vision is similar to German interpretation of science as *Wissenschaft* which has important ethical and world view aspects [12].

Form and structure of Wolfson's course could be questioned from didactic positions. It is presented in a form of a narrative in general, almost without schematization and formal definitions that could be useful and even expected concerning philosophically unprepared audience of the course. For example, Wolfson starts the second part of the course concerning Dialectical materialism itself not with a formal definition but with a statement that it is «genially concluded result of all the previous development of philosophical thought» [5, p. 91]. And even the structure of the course which starts with the period of Antiquity («Materialism in the Antique world») is not obvious. Professor Katzenbogen, for example, starts his lectures in Marxist sociology with introductory chapters, concerning questions about essence of sociology as a science, its methodology etc. and turns to the history of sociology only in the second part of his book. One could say that logic of history dominates in the narrative and even replaces the logic of the curriculum. It fits to the narrative of historical approach in its Marxist interpretation but at the same time it fits to the German university philosophical narrative with its interest to the history of philosophy. Such an interest is presented not only in Hegelianism genealogically similar to Marxism but and in other philosophical schools, Neocantianism, for example. Study of history of philosophy even in more schematic variant is interpreted as a good (if not the best or even the only possible) form of introduction into philosophy as such.

As it has been already mentioned previously the task for Wolfson (and other lecturers-pioneers in Dialectical materialism) was not trivial and easy. The Marxist doctrine as it was presented in classical works was a very heterogeneous mix of different discourses from different areas (philosophy, political ideology, social and natural sciences etc.). The doctrine itself was not stable and changes significantly according to inner (first of all, political and ideological) causes. Its epistemological (as a philosophy or science or something else) and social status (as a university course for ideological preparation) was unclear. To present such

a doctrine in a short form of course of lectures addressed to philosophically unprepared audience was if not a challenge than at least not a trivial task. And a reference to the German tradition of study of philosophy with history of philosophy as its basis seems to us as one of the best and at the same time one of the more logical and obvious decisions in this situation. First of all, it is difficult to overestimate the importance of German philosophy for Russian (or Russian-speaking) philosophical tradition therefore reference to German philosophy is more than natural. Secondly, German philosophy contains such an important for the Soviet philosophy schools as Marxism and Hegelianism. Thirdly, reference to the history of philosophy is rather

obvious and intuitively acceptable, letting to structure the material according to its logic of inner development. At the same time such a classification of material (according to the vision of history of philosophy) appeals to some objective (or pretending to be objective) and rather obvious reasons. Fourthly, appeal to history of philosophy lets to show old and historically rooted foundations of Marxist philosophy (including dialectical materialism) and presenting it as philosophical school with a long history and tradition. And, last but not least, it lets to stabilize polemical Marxist discourse, to make it more stable and grounded and to structure a narrative of the textbook somehow for didactic purposes.

Conclusions

The first Soviet course in dialectical materialism was developed mainly for educational practices oriented toward wide and often non-professional audience to present popular introduction into Marxist world view. The peculiarity of the period that it is a period of canon's formation and the course is rather heterogeneous and combines elements of different philosophical, scientific, ideological discourses. The language, structure and content of the course in dialectical materialism is under a significant influence of German university tradition and courses in history of philosophy especially. The part in history of philosophy plays surprisingly important role in the structure of the whole course. In our opinion it is

possible to speak about something like a localization of German university tradition with its emphasis on history of philosophy in the form the course of dialectical materialism in the more general context of transfer knowledge from West into former Russian Empire. And a reference to the German tradition of study of philosophy with history of philosophy as its basis seems to be one of the more logical and obvious decisions in this situation and correspond to the great influence of the German philosophy on the Russian-speaking intellectual tradition. At the same time reference to the history of philosophy helps to legitimize and to stabilize polemical Marxist discourse.

Библиографические ссылки

1. Плотников В. Советская философия: институт и функция. *Логос*. 2001;4:106–114.
2. Куренной В. Заметки о некоторых проблемах современной отечественной истории философии. *Логос*. 2004;3–4:3–29.
3. Немцев МЮ. Философия в СССР как тема и предмет истории философии. *Идеи и идеалы*. 2010;4(2):5–17.
4. Schneider UJ. *Philosophie und Universität. Historisierung der Vernunft im 19. Jahrhundert*. Hamburg: Felix Meiner Verlag GmbH; 1999.
5. Вольфсон СЯ. *Диалектический материализм. Курс лекций, читанных на факультете общественных наук БГУ*. 3-е издание. Минск: Белтрестпечатъ; 1923.
6. Hegel GWF. *Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse*. Berlin: Suhrkamp Verlag KG; 2000.
7. Каценбоген СЗ. *Марксистская социология. Курс лекций, читанных в 1924–25 академическом году на педагогическом факультете БГУ*. Минск: Издание Профкома Рабпрос БГУ; 1925. Части 1–2.
8. Вольфсон СЯ. *Диалектический материализм. Курс лекций, читанных на факультете общественных наук БГУ*. 4-е издание. Минск: Белтрестпечатъ; 1924.
9. Lange FA. *Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart*. Leipzig: Verlag von J. Baedeker; 1887.
10. Резвых ПВ. Фантом «немецкой классики». В: Савельева ИМ, Полетаев АВ, редакторы. *Классика и классики в социальном и гуманитарном знании*. Москва: Новое литературное обозрение; 2009. с. 419–434.
11. Койре А. *Философия и национальная проблема в России начала XIX века*. Москва: Модест Колеров; 2003.
12. Сапрыкин ДЛ. Значение и смысл понятия «образование» (на примере немецкой философии конца XVIII – начала XIX в.). *Вестник Московского университета. Серия 7, Философия*. 2008;1:19–42.

References

1. Plotnikov V. [The Soviet philosophy: institution and function]. *Logos*. 2001;4:106–114. Russian.
2. Kurennoy V. [Notes on some problems in domestic history of philosophy]. *Logos*. 2004;3–4:3–29. Russian.
3. Nemtsev MY. [Philosophy in the USSR as a theme and subject for history of philosophy]. *Idey i idealy*. 2010;4(2):5–17. Russian.

4. Schneider UJ. *Philosophie und Universität. Historisierung der Vernunft im 19. Jahrhundert*. Hamburg: Felix Meiner Verlag GmbH; 1999. German.
5. Wolfson SY. *Dialekticheskii materializm. Kurs lektsii, chitannykh na fakul'tete obshchestvennykh nauk BGU* [Dialectical materialism. Course of lectures read at the department of social sciences of Belarusian State University]. 3rd edition. Minsk: Beltrest-pechat'; 1923. Russian.
6. Hegel GWF. *Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse*. Berlin: Suhrkamp Verlag KG; 2000. German.
7. Katzenbogen S. *Marksistskaya sotsiologiya. Kurs lektsii, chitannykh v 1924–25 akademicheskoy godu na pedagogicheskoy fakul'tete BGU* [Marxist sociology. Course of lectures read at the pedagogical department of Belarusian State University during the year of 1924–25]. Minsk: Izdanie Profkoma Rabpros BGU; 1925. Parts 1–2. Russian.
8. Wolfson SY. *Dialekticheskii materializm. Kurs lektsii, chitannykh na fakul'tete obshchestvennykh nauk BGU* [Dialectical materialism. Course of lectures read at the department of social sciences of Belarusian State University]. Minsk: Beltrest-pechat'; 1924. Russian.
9. Lange FA. *Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart*. Leipzig: Verlag von J. Baedeker; 1887. German.
10. Rezvykh PV. [Phantom of the «German classics»]. In: Savel'eva IM, Poletaev AV, editors. *Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znanii* [Classic and classics in the social study and humanities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2009. p. 419–434. Russian.
11. Koyre A. *Filosofiya i natsional'naya problema v Rossii nachala XIX veka* [Philosophy and national problem in Russia in the beginning of the XIX century]. Moscow: Modest Kolerov; 2003. Russian.
12. Saprykin DL. [Sense and meaning of the concept of education (on examples from the German philosophy of the XVIII–XIX centuries)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya*. 2008;1:19–42. Russian.

Received by editorial board 31.10.2018.

ДИСКУССИЯ

DISCUSSION

УДК 004

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ «В ТИСКАХ» ЛИБЕРАЛЬНО-РЫНОЧНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Ч. С. КИРВЕЛЬ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Элизы Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Показано, что процесс перестройки и реформирования образовательных практик в большинстве незападных стран, в том числе и в постсоветских государствах, осуществляется преимущественно в интересах транснационального капитала и бизнес-структур, что в действительности серьезно угрожает их национально-государственной безопасности. Это обуславливает тотальную коммерциализацию образовательных систем постсоветского пространства, настойчивые попытки ликвидации традиционных моделей образования, замещение их рынком образовательных услуг, бесконечные реформы, перестройки, «оптимизации» и т. п. Подчеркивается, что встраивание учреждений образования в транснациональные бизнес-структуры существенно расширяет возможности «перекачки мозгов» и новейших научных разработок на Запад. Акцентируется внимание на том, что в условиях современного глобального капитализма чрезвычайно актуализируется проблема контроля со стороны общества и государства над процессами, протекающими в сфере образования и научной деятельности.

Ключевые слова: образование; системный кризис; транснациональные корпорации; бизнес-структуры; рыночная педагогика; академический капитализм; подрывные новации; образовательные услуги; компетентностный подход; национальная безопасность; бюрократия; социогуманитарный фактор развития.

Образец цитирования:

Кирвель ЧС. Современное образование «в тисках» либерально-рыночного экстремизма. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018; 4:88–96.

For citation:

Kirvel ChS. Modern education «in the clutches» of liberal market extremism. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:88–96. Russian.

Автор:

Чеслав Станиславович Кирвель – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии педагогического факультета.

Author:

Cheslav S. Kirvel, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy, faculty of pedagogics.
kirvel@grsu.by

MODERN EDUCATION «IN THE CLUTCHES» OF LIBERAL MARKET EXTREMISM

Ch. S. KIRVEL^a

^a*Janka Kupala State University of Hrodna,
22 Elizy Ažeska Street, Hrodna 230023, Belarus*

The article grounds the idea that the process of reorganization and reformation of educational practices in most non-European countries, including former Soviet countries, are implemented mainly in the interests of transnational capital and business that threaten countries' national-state security. This situation provides the reason for total commercialization of educational systems of the former Soviet Union states, persistent attempts of elimination of traditional educational models, their replacement with education market, endless reforms, reorganizations, «optimization», etc. It is emphasized that embedding of educational institutions in transnational business structures significantly expands possibilities of «transfer of brains» and the latest scientific developments to the West. The emphasis is placed on the fact that in the conditions of modern global capitalism the issues of social and state control over the processes in education and scientific sphere is extremely urgent.

Key words: education; system crisis; transnational corporations; business; market pedagogy; academic capitalism; undermining innovations; educational services; competence approach; national security; bureaucracy; social humanitarian factor of development.

Сегодня многие исследователи и аналитики говорят и пишут о том, что повсеместно наблюдаются кризисные явления в сфере образования. Согласно их выводам образование все в большей мере начинает сводиться к симулякрам и имитациям. При этом подчеркивается, что роль компьютерных технологий в образовании и профессиональной подготовке молодежи явно неоднозначна. И действительно, в настоящее время в образовании наблюдаются глубокие метаморфозы, совершается много удивительного и неожиданного.

Что же реально происходит в сфере образования? В наши дни, как легко заметить, настойчиво проводится в жизнь лозунг интернационализации образовательного пространства, что «позволяет привлекать все более широкие слои зарубежных молодых ученых, исследователей, а главное – сами образовательные и исследовательские центры других стран к работе в частных транснациональных бизнес-структурах» [1, с. 92–93]. Отсюда, кстати сказать, проистекает стремление к интегрированию всех западных национальных систем образования и науки в сеть глобального рынка и, соответственно, к тотальному их преобразованию исключительно в интересах транснационального бизнеса. Причем в системе всех ступеней образования предусматриваются такие изменения, которые, «во-первых, обеспечили бы максимально полное распространение международных стандартов, расширение присутствия иностранных специалистов и иностранных операторов, стимулирование международной мобильности студентов; во-вторых, расширили бы участие представителей высокотехнологичного бизнеса в управлении, формировании и реализации программ вузов, а также в их наблюдательских и попечительских советах» [1, с. 94].

В условиях такого рода глобализации образования национальные образовательные системы перестают ориентироваться на интересы своего общества и государства и начинают обслуживать мировой рынок, попадая под контроль транснационального капитала, который господствует на этом рынке. Именно здесь кроются истоки тотальной коммерциализации системы образования во многих государствах постсоветского пространства, в том числе и в восточнославянских странах. Именно здесь коренятся причины настойчивых попыток ликвидации традиционных моделей образования, бесконечных реформ, перестроек, «оптимизаций» национальных образовательных практик. Неудивительно поэтому, что во всех рейтингах самые высокие баллы получают такие виды работ, как публикации в иностранных журналах с определенной степенью индексов, издание учебной литературы на иностранных языках, чтение лекций за рубежом, приглашение иностранных специалистов и т. п. В результате всего этого происходит встраивание наших учреждений высшего образования (УВО) в образовательную бизнес-структуру, превращение их в «канал по «перекачке мозгов» и новейших технологических разработок на Запад» [1, с. 100]. Не становится ли в результате всего этого наша образовательная система колониальной системой? Ведь здесь, по сути дела, осуществляется попытка тотальной смены русского (и в целом восточнославянского) цивилизационного кода и традиционного менталитета на чисто рыночное, прагматически-утилитарное, лишенное всякой духовности мировоззрение, несовместимое с нашим сознанием. Можно утверждать, что такая политика, хотим мы того или нет, делает невозможной какую-либо реиндустриализацию во многих постсоветских государствах и вместе с тем ведет к утрате суверен-

нитета в сферах образования, подготовки кадров, научных исследований и разработок, являющихся стержнем национальной безопасности.

Сегодня, к сожалению, наблюдается тенденция формирования такой модели образования, в которой традиционные для университета задачи воспроизводства культуры, поиска истины, продуцирования новых ценностей и новаторских решений теряют прежнюю значимость. Доминирующими в данной модели становятся такие виды деятельности, как коммерция, торговля, зарабатывание денег, сервис, т. е. подстраивание под уже сложившуюся среду в целом, обеспечивающее лишь ее функционирование на уже достигнутом уровне.

Именно на такого рода образование ориентирована Болонская система, которая, по сути, подменяет реальные знания компетенциями. Компетенции представляют собой не что иное, как практическое знание, навыки, которые достигаются в процессе, чем-то напоминающем дрессировку. На деле эта система упраздняет университет как социальный институт, возникший в эпоху модерна, формирующий представление о целостной картине мира и обеспечивающий получение фундаментального универсального знания.

В принципе, Болонская система направлена на маркетинговую и превращение высшего образования в рынок услуг. Интересное суждение на этот счет высказал известный российский исследователь А. И. Фурсов: «Допустим, человек приобрел некую компетенцию – узкую специализацию, которая была востребована на рынке в момент начала его обучения. Но в момент окончания ниша оказывается заполненной и в спросе уже другие узкоспециализированные компетенции. Что делать? Приобретать новые компетенции – за деньги, естественно, тем-то компетенции и отличаются от университетского/универсального знания, которое характеризуется широтой и глубиной и исходно позволяет относительно легко адаптироваться к поворотам судьбы. Как известно, узкая специализация (идиоадаптация) – тупиковый путь эволюции, в отличие от универсальной адаптации (ароморфоз). “Болонская система” и есть активное заталкивание большей части студентов на рельсы узкоспециализированной адаптации, т. е. в жизненный тупик» [2, с. 317].

Однако Болонская система не распространяется на богатые частные университеты (а их не более 2 %), где учится верхушка, где готовят будущую элиту. В этих УВО предпочтение отдается фундаментальному образованию, строжайше запрещена тестовая система, которая отучает от главного – умения ставить вопрос, проблему, мыслить широко и глобально.

В доперестроечное время цели образования формировались государством и обществом на ос-

нове собственных интересов развития. Однако после принятия Болонской декларации в целом ряде постсоветских стран ситуация стала изменяться. Со временем помимо неприязненного отношения педагогов к тому характеру лексики («образовательные услуги»), которая начинала интенсивно использоваться, стало очевидно, что квалификация образовательного процесса как предоставления услуг полностью перестраивает всю существовавшую прежде образовательную систему со всеми ее бесспорными достижениями в нечто совершенно иное: «Многие авторитетные педагоги и ведущие ученые стали бить тревогу: “Образование – не услуга, а приоритет государства” (В. А. Садовничий); “Образование – это категорически не услуга. Это системообразующий институт нации и государства. Гражданами России нас делают образование и воспитание, а не купленные услуги” (С. Е. Рукшин). Святейший патриарх Кирилл заявил: “Образование – не частное дело людей, а такая сфера общественной жизни, от которой зависит существование общества и государства. Это становой хребет существования общества, и потому перевод образования исключительно в сферу предоставления рыночных услуг является... большой ошибкой”» [3, с. 66].

Однако все эти возмущения и аргументация не возымели действия: транснациональные корпорации, в частности Европейский круглый стол промышленников, представляющий интересы данных корпораций, смогли все же навязать университетам «рыночную педагогику», в которой вместо ценностного принципа, ориентирующего образование на «всестороннее гармоничное развитие личности», стала утверждаться предпродажная подготовка человека на рынок труда. Следует подчеркнуть, что такого рода трансформация образовательной сферы не является естественной и органичной, а навязана педагогическому обществу извне, директивным путем. И причина этому – примитивно-механический импорт идеологием Запада. В Советском Союзе на последнем этапе его существования вестернизация подражательного характера уже не в малой степени поддерживалась партийной и технической элитой. После перестройки и в постперестроечные годы она стала беспрецедентно активно насаждаться неолибералами во все сферы жизнедеятельности целого ряда постсоветских обществ, что оказалось очень выгодным многочисленным компрадорским группировкам, которых мало интересовала или вообще не беспокоила судьба их стран. Это тупиковый путь, тупиковая модель, подкрепленная мифологией рыночного общества. Неосмысленное механическое навязывание Болонской системы, стремление сделать все «как в Европе» на практике обернулись разрушением отточенной десятилетиями советской системы образования

и профессиональной подготовки молодежи, которая позволила создать вторую экономику мира, добиться паритета, а в ряде случаев и превосходства в области стратегических вооружений над США и их союзниками, создать известные во всем мире научные школы.

В настоящее время данная ориентация в реформировании образования исчерпала себя, со всей очевидностью обнаружила свою несостоятельность. Ее дальнейшее консервирование ведет к ничем не оправданной эрозии культурного поля восточнославянского суперэтнуса и утрате им своей значимости в современном мире. Ведь хорошо известно, что «интеграция рыночных механизмов в деятельности различных социальных институтов имеет различные пределы. Превышение этих пределов приводит к перерождению самих институтов. Именно это и происходит сегодня со школой» [4, с. 26]. И тем не менее уже в течение целого ряда лет у нас проводятся различные мероприятия по превращению системы высшего образования в «рынок образовательных услуг», причем в основе аргументации такого рода реформ лежит стремление приблизить образование к практике и «образовательному прагматизму», являющимся важнейшими составляющими стратегий модернизации и инновационного развития общества. Однако разговор о предельном приближении непосредственно к производству, практике жизни образовательных стандартов почему-то всегда увязывается с требованием узкой специализации и отказа от всякой фундаментальности подготовки специалистов в УВО. Специализация же, согласно данным информационным инициативам, преимущественно достигается за счет фрагментаризации учебных планов, а также путем исключения из них дисциплин философско-мировоззренческого цикла. В реальности вся эта тотальная дегуманитаризация и дегуманизация образования создает в высшей степени благоприятные условия для превращения выпускников УВО из людей, широко и глобально мыслящих, способных к свободному самоопределению профессионалов, в объект для беззастенчивых манипулятивных практик, послушное орудие различного рода политических демагогов, «оппозиционеров», оккультных пророков и т. п. Ориентированность на фрагментарное и эпизодическое блокирует понимание целого, заслоняет восприятие целого, препятствует оценке событий с точки зрения их встроенности в общую картину мира, оборачивается диффузией ценностей, дроблением культуры и в целом деинтеллектуализацией современного общества. Раздробленное сознание и дискретность отрывают молодежь от традиций своего народа, деформируют национальную и цивилизационную идентичность. При таком подходе высшее образование низводится до уровня

ремесленного училища. В сущности, он основан на предельно упрощенном варианте философии прагматизма (полезно то, что приносит сиюминутную выгоду). Данный подход вольно или невольно предполагает приспособление, «адаптацию к уже сложившейся системе мирохозяйствования. Но на самом деле образование футуристично по природе, оно должно быть направлено на подготовку новых поколений для будущего, поэтому по морально-психологическим установкам призвано носить опережающий характер по отношению к практике» [5, с. 81]. Но разве может образование при таком понимании его практико-ориентированности носить опережающий характер по отношению к практике? Послать студентов для прохождения практики на заводы и фабрики, построенные в 1950–70-х гг., – дело малопродуктивное: это позавчерашний день.

Современный выпускник университета должен быть не только человеком, сориентированным на компетенции, обладающим лишь мозаичным и «лоскутным» сознанием, но и личностью, достигшей в своем развитии высокого общегуманитарного культурного уровня и глубокой теоретической подготовки в своей профессиональной области. Замечено, что именно такого типа выпускники университетов «весьма динамичны, они улавливают новые возможности пограничных ситуаций и могут в них успешно работать, принимая разумные решения. Они могут формулировать идеи даже в тех плоскостях, перед которыми люди с мышлением замкнутого характера, как правило, останавливаются. Главные достижения современной цивилизации сотворены личностями, обладавшими такой универсальной культурой» [6, с. 78]. Как справедливо кто-то заметил, для того чтобы появилось инновационное общество, должен сначала появиться Аристотель.

«Оптимизация» образовательных практик, которую мы наблюдаем сегодня, не оставляет возможности реализовать в экономике и производственной сфере даже модели «догоняющего» развития, не говоря уже о каких-либо достижениях прорывного характера. Нынешнее состояние образования перестало соответствовать уровню, которого требует инновационный путь развития общества. В принципе, осмысление и понимание стратегических целей и задач развития общества не может быть достигнуто на основе осуществляемой ныне реформы образования, ориентированной на сиюминутные рыночные приоритеты. В реальности данного рода реформы скорее препятствуют, чем помогают нам успешно продвигаться по пути прогрессивно-поступательного развития общества. Те, кто старается навязать нам «академический капитализм», превратить образование в сферу услуг, целенаправленно отвергают традиции фундаментального образования, без которых преемственность

в процессе воспроизводства национальной элиты может прерываться, в результате чего не будет обеспечена национально-государственная безопасность в будущем, а это представляет серьезную угрозу естественному, поступательному развитию общества. Эти процессы продвигают люди, которые стремятся выразить все общественные и индивидуально-личностные отношения в денежном измерении. Они в очередной раз предпринимают тщетную попытку трансформировать восточнославянский мир в западный, отказаться от собственных ценностей и перекроить все сферы жизни по западному образцу. Однако такие попытки особенно болезненно сказываются на характере воспитания подрастающего поколения. Нашим западникам трудно понять, что в мире существует феномен бескорыстного дарения, что подлинная учительская миссия – это миссия духовного служения и регламент купли-продажи несовместим с настоящим творчеством, требующим бескорыстия духа и подвижничества.

Можно определенно утверждать, что причинами всеми нами наблюдаемой деградации современного образования как социального института является навязывание ряду постсоветских государств, в том числе и восточнославянским странам, ультралиберальной версии капитализма, основанной исключительно на монетарной системе человеческих взаимоотношений, абсолютизации всемогущества денег, разрушающей всякие другие, не соответствующие мизантропическому закону самовозрастания капитала образовательные практики, какими бы успешными они ни были. Вообще, там, где исходным и главным критерием отличая полезного от бесполезного, хорошего от плохого, истинного от ложного, доброго от злого, прекрасного от безобразного является прибыль и все решают деньги, критерии культуры отступают, размываются.

Весьма огорчительным итогом всех осуществляемых на наших глазах реформ и оптимизаций системы образования стало доминирование технократического подхода, основывающегося преимущественно на количественных показателях. Последние создают иллюзию управляемости: чем больше показателей, тем выше управляемость. Качественно-содержательные характеристики почти полностью вытеснены из организации учебного процесса и процесса оценивания работы педагогов. Это особенно касается различного рода рейтингов, которые почему-то становятся необычайно популярными. Поскольку данные рейтингов считаются машиной, то правды на выходе, в сухом остатке мало. Это и понятно: машина выдает лишь однозначные, непротиворечивые ответы, а жизнь человеческая в своей сущности противоречива и не поддается формализации. При этом та-

кие рейтинги в большинстве своем не учитывают специфику факультетов, специальностей, кафедр, особенности технических, общетеоретических, социогуманитарных дисциплин, уровень научности, социальную значимость и общественный резонанс публикаций ученых, т. е. не учитывается все то, что не поддается формализации. Сегодня любой преподаватель-практик подтвердит, что, несмотря на все большую изощренность документации, сопровождающей учебный процесс, знания школьников и студентов становятся все хуже. А обществу приходится все чаще сталкиваться с мнимыми специалистами с дипломами, но без знаний. Итог всего этого – нарастание расхождений между декларациями и реальными делами, движением бумаг – инструкций, приказов, постановлений и т. п. – и действительной жизнью УВО. Симулякров, имитаций мероприятий, различного вида конкурсов «для галочки» становится все больше, а по-настоящему системной, всеохватывающей деятельности по повышению содержательного, качественного уровня образования и воспитания все еще не просматривается. Похоже, имитация – это печальная примета нашего времени, и пресечь ее пока, к сожалению, не удастся. Причем нередко мероприятия «для галочки» сводятся к развлекательному жанру или к формальному участию в них.

В результате всех этих процессов в системе высшего образования резко увеличилась власть чиновников над профессорско-преподавательским составом и стала быстро возрастать формальная сторона обучения в ущерб содержательной части. Вот, например, как характеризует работу российских университетов Е. В. Золотухина-Аболина: «Современный российский университет представляет собой жесткую бюрократическую структуру, которую возглавляет самовластный “царь-батюшка”, а подразделения выступают “феодами”, где отдельные феодалы ходят на поклон к царю, стремятся в собственном феоде кормиться (“коммерческая самостоятельность” подразделений корпоративного университета)... Университетская “знать” (бюрократия разных уровней) развлекается за государственный счет, разъезжая по странам мира как бы с целью перенимания зарубежного опыта, однако что можно перенять за неделю? Разве что сходить на вещевой рынок в Испании или во Франции... Ну, а рядовой преподаватель (полукрестьянин-полупролетарий) тянет лямку, и нагрузка его непрерывно увеличивается, доходя в прямом смысле слова до “эксплуатации насмерть”. И думать о содержании своего труда ему уже некогда, потому что феодальная бюрократия велит ему “перебрать просо к утру”, т. е. делать множество бессмысленных и пустых формализованных дел. Опять же наряженных в “инновационные наряды”: писать несметное количество отчетов и планов, мастерить

электронные презентации, бесконечно переделывать учебно-методические комплексы, считать рейтинги...» [7, с. 41–42].

Декан исторического факультета Омского педагогического университета В. Н. Худяков посчитал количество документов, которые ему приходилось заполнять в советский период и в настоящее время: их число увеличилось в 22 раза. В УВО нарастают противоречия между управляющими и управляемыми: число преподавателей сокращается при интенсификации их труда, а количество управленцев разного рода, включая юристов и бухгалтеров, увеличивается быстрыми темпами по причине экспоненциально растущего контроля и документооборота [8, с. 92].

Самое трагичное, что произошло в сфере образования и воспитания молодежи в постсоветский период, – это отход от господствующей ранее стратегической цели образования, от идеала формирования разносторонне развитой и гармоничной личности, что лишило педагогическое сообщество образа будущего как стратегической сверхзадачи. Ее утрата в немалой степени поспособствовала превращению образования в сферу услуг, а школьных учителей и профессоров УВО – в «педагогических официантов», оказывающих данные «услуги». Такая метаморфоза в системе образования не могла не привести к небывалому снижению престижа педагогической профессии, падению в массовом сознании авторитета и культа ученого, характерных для доперестроечного периода. Ведь наличие такого идеала определяло фундаментальность и энциклопедизм образования, а его отсутствие обернулось на практике коммерциализацией и компетизацией образовательного процесса, утилитаризмом, меркантилизмом и функционализмом, что в считанные годы свело на нет любовь к чтению и стремление к широкой образованности. При этом образование стало лишь частью сферы услуг, ориентированной на формирование торговцев и потребителей, что и было прямо провозглашено в нормативно-правовых документах.

Верно гласит известная пословица: «Гибель народов начинается с утери идеалов». В самом деле, если нет сверхзадачи, то как воспитывать молодежь, на что ее ориентировать? Идеологический вакуум неизбежно оборачивается безбрежным плюрализмом, утратой позитивных ценностей, объединяющих народ, когнитивным диссонансом в общественном сознании. Молодежь начинает искать ответы на все ее интересующие вопросы в интернете, где по сей день господствуют наши геополитические конкуренты и противники. Несформированность идеологии, социального проекта, образа будущего, стратегических целей развития – самая страшная болезнь практически всех постсоветских государств.

Транснациональному бизнесу необходимо образование, которое представляло бы собой простое приобретение учащимися компетенций, нужных в данный момент работодателю. В связи с этим осуществляется жесткая селекция преподаваемых дисциплин в высшей школе. Все учебные дисциплины, которые выходят за рамки интересов бизнеса, в первую очередь гуманитарные, начинают неумолимо сокращаться, ужиматься, переводиться на онлайн-изучение и т. п. А это, в свою очередь, может вызвать непростые последствия. Ведь почему пал Советский Союз и никто не стал его защищать? Потому что к тому времени он потерял опору в сознании значительной части народных масс, интеллигенции, элиты, управленцев и т. д. И не помогли ему устоять ни мощнейшая в мире армия, ни самый богатый на планете ресурсно-энергетический потенциал, ни передовые космические технологии. Он проиграл в духе, идеологии, сознании, и поэтому был обречен. В действительности это означало подрыв гуманитарной основы национально-государственной безопасности (см. [9, с. 79–91]). Иначе говоря, Советский Союз проиграл именно в гуманитарно-духовной сфере. Ни одно государство не может нормально развиваться при отсутствии положительной системы ценностей, объединяющей его граждан. Народ, лишенный своих ценностей, превращается в неорганизованную толпу. Народ способен перенести всевозможные испытания, всякий натиск враждебной ему идеологии при условии, если ему присуща устойчивая идентичность, вера в свое призвание в мире, если он патриотичен. И напротив, даже в условиях относительного материального благополучия народ деградирует, если поражен его центральный нерв – сознание своей идентичности, разрушена его ценностная система.

При этом здесь следует обратить внимание на тот факт, что США, начиная со времен Первой мировой войны, стали интенсивно разрабатывать способы и методы эффективного воздействия на массовое сознание людей. Именно на основе этих разработок и сложились новые технологии информационно-психологических войн. В данном контексте прежде всего необходимо вести речь о социогуманитарных технологиях, к которым относят техники и практики, основанные на гуманитарном знании и связанные с воздействием на сознание и поведение людей. Эти технологии, по сути, представляют собой новейшее информационно-смысловое сверхоружие.

Гуманитарным технологиям, с помощью которых дестабилизируются и разрушаются многие современные общества, могут противостоять только гуманитарные технологии более высокого уровня. Народам мира, если они хотят сохранить себя в истории, необходимо формировать новое знание, способное конкурировать с западными гуманитар-

ными технологиями, переосмысливать роль духовной сферы в жизни общества, проникать в сложную мозаику общественного сознания, духовных устремлений современного человека. Поэтому модернизация социогуманитарного цикла наук – императив для всех постсоветских государств, прежде всего восточнославянских, поскольку их дестабилизация – главная задача современного глобально-управляющего класса.

Следует подчеркнуть, что практически все постсоветские общества и государства не готовы к противодействию новейшему консциентальному информационно-смысловому сверхоружию – недостает соответствующих обществоведческих разработок. Вся проблема состоит в том, что господствующее ныне в постсоветских странах современное обществоведение, проникнутое экономоцентризмом, неспособно дать ответ на эти вызовы времени.

Что бы мы теперь ни говорили, реально одно из первых мест в формировании ценностей нации принадлежит социогуманитарному образованию и знанию. А что мы здесь имеем? Практически во всех постсоветских странах идет процесс интенсивного сокращения финансирования всяких исследовательских программ социогуманитарной направленности. В лучшем случае оно осуществляется по остаточному принципу. При этом такая же тенденция набирает силу и в системе высшего образования: с неумолимой последовательностью вплоть до сегодняшнего дня в структуре учебной нагрузки идет сокращение ее социогуманитарной составляющей. Это весьма опасный, можно даже сказать, разрушительный для социума процесс. Нужно не сокращать, а скорее, наоборот, усиливать в высшей школе систему социогуманитарного образования и духовно-нравственного воспитания. Причем делать это необходимо с первого и до последнего курса обучения студентов УВО. Но при этом следует основательно позаботиться о качественных характеристиках преподавательского состава социогуманитарных дисциплин. Необходимо, чтобы преподаватели были хорошо подготовлены, обладали не местечковым, а государственно-стратегическим уровнем мышления, являлись хорошими идеологами-теоретиками, способными нести в студенческую среду позитивные, интегрирующие и жизнеутверждающие ценности и идеалы.

Приведем фрагмент рассуждений В. И. Слободина, И. В. Корольковой, А. А. Остапенко, М. В. Захарченко, Е. В. Шестуна (архимандрит), С. Ю. Рыбакова (протоиерей), Д. А. Моисеева (иерей), С. Н. Коротких (протоиерей) – авторов на редкость содержательной и глубокой статьи «Системный кризис образования как угроза национальной безопасности России», опубликованной в двух номерах журнала «Свободная мысль», о том, как можно оздоровить

российскую систему образования: «Необходимо официально признать ошибочной политику выстраивания системы образования по западным лекалам. Должен быть разработан поэтапный отказ образования от компетентностного подхода, Болонской системы, ранней профилизации, тотального тестового контроля, рыночных механизмов управления (нормативно-подушевое финансирование, странные критерии эффективности школ и вузов) как факторов, резко снизивших образованность молодежи, а также отказ от воспитания, основанного на принципах потребительства, толерантности, мультикультурализма и конкурентности как факторов, атомизирующих общество...» [10, с. 116].

Для преодоления кризиса, по мнению авторов, необходимо предпринять ряд мер: «Опубликовать короткий перечень видов отчетности, которые должна представлять школа и вуз учредителю и контролирующим органам. Ввести законодательный запрет на предоставление отчетности и информации сверх этого перечня. Чиновников, множащих отчетность и документацию, считать вредителями... <...> Прекратить выстраивание рейтингов как множащих приписки и ложь на всех уровнях» [10, с. 115–116].

Другой российский автор А. М. Ранчин в своей статье «Сумерки просвещения. Высшее образование в современной России» высказывает следующее соображение относительно усовершенствования современной жизни УВО: необходимы «установление жестких фиксированных пропорций между зарплатой администрации институтов и жалованием педагогов и устранение существующей пропасти между ними... директивное снижение педагогической нагрузки профессорско-преподавательского состава; включение научной работы в педагогическую нагрузку (условный пересчет научной работы в часы); вменение в обязанность администрации институтов и их подразделений выплаты надбавок за научную работу (публикации, участие в конференциях)» [11, с. 191].

Действительно, зарплата руководителей российских УВО «сплошь и рядом превышает жалование рядового сотрудника и в 20, и в 30 раз, а нередко и в 50» [12].

Полагаем, что все эти высказанные российскими авторами соображения далеко не безразличны и белорусской университетской общественности.

Впрочем, обозначенные нами процессы имеют место и глубоко укоренены в целом ряде экономически развитых стран Запада. Деградация человеческого материала, падение качества образования и оглупление населения развитых стран в целях удобства управления оборачиваются тем, что европейцы незаметно для самих себя начинают терять научно-техническое лидерство (оно постепенно перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион)

и становятся неспособными грамотно эксплуатировать сложные технические системы. Западный исследователь Д. Белл, например, усматривает главное противоречие современного общества в конфликте между технократически регулируемые экономическими и социальными структурами и гедонистически ориентированной этикой поведения современных людей. Вместе с тем научно-технический прогресс, как главное детище западных обществ, к настоящему времени утратил гуманистические начала, дегуманизировался.

Оказалось, что новый глобализирующийся человек – дитя общества потребления («цивилизации досуга») – охвачен ныне широко распространенной в богатых странах болезнью, которую социологи называли «аномия» и значение которой близко медицинскому термину «анемия» – малокровие и безволие [13, с. 197]. Дефицит энергии – главная характеристика людей данного типа. Этот новый антропологический тип, выдвинувшийся на авансцену современной истории, начисто лишен способности к бескорыстному дарению, спонтанному энтузиазму и инициативе; любую активность и любые свои социальные роли он предваряет вопросом: а что и сколько я буду иметь?

В реальности только общество, состоящее из индивидуальностей, способно к совершенствованию и развитию. Именно гетерогенность человечества, его дифференцированность по интеллекту и всем другим качествам, помогает людям приспособляться к самому широкому диапазону требований развития. Унификация же стиля и образа жизни, стереотипизация мышления и стандартизация оценок посредством СМИ (раньше всех ставших глобальными) делают человека неспособным к адекватной реакции на эти требования развития. Бесспорно, для бесперебойного функционирования и преуспевания транснациональных корпораций весьма желательно и удобно именно унифицированное рыночное пространство, а также наступление «века толп», для которых наиболее приемлемым является инфантильно-потребительский образ жизни.

Из божественного микрокосма – существа духовного и беспредельного – рассматриваемый тип людей превратился в «человека-функцию», неорганическое и ограниченное болезненно-невротическое существо, смысл личного бытия которого – чувственно-эмоциональные удовольствия, потребление и телесный комфорт. Это не бывало

упрощенный человеческий тип, абсолютно неспособный мобилизоваться перед лицом надвигающихся на человечество угроз и опасностей. Вся человеческая история свидетельствует о том, что гедонизм как поведенческая ориентация всегда в конечном счете оборачивается гибелью цивилизаций культур. Верно сказано, что народы способны выдержать испытание бедностью, но ни одному народу не дано выдержать испытания богатством. Или можно сказать иначе: «Цивилизация рождается стойким, а умирает – эпикурийцем» (У. Дюрант).

Мир сегодня в глобальном масштабе столкнулся с проблемой неадекватности человеческого материала вызовам текущего момента истории. И что интересно: явление этого рода касается не только рядовых граждан, но и верхних слоев развитых стран. Хотя элите и легче управлять оболваненным населением, но оболваненность как таковая по закону обратной связи бумерангом возвращается к самой элите. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить интеллектуально-духовные и волевые качества современных политических лидеров западных стран с их историческими предшественниками, в частности с Ш. де Голлем, У. Черчиллем, Т. Рузвельтом. Сегодня мы являемся свидетелями того, что нередко важнейшие политические решения, имеющие глобальную значимость, принимаются людьми, которых можно назвать «местечковые стратеги». Итак, мы видим, что обнаружившиеся сегодня фундаментальные, социально-экономические и ценностно-антропологические изменения в своей совокупности могут быть идентифицированы как *глобальный цивилизационный кризис*, точка бифуркации глобального масштаба, угрожающая самим основам человеческого существования.

В заключение следует отметить, что модернизация и реформирование системы образования в нашем обществе должны осуществляться с опорой на отечественные традиции, механическое и слепое заимствование чужого опыта вряд ли будет результативным. В реальной практике насильственное встраивание, казалось бы, превосходных западных педагогических образцов в образовательные системы восточнославянских стран, искусственное навязывание им различного рода «инновационных технологий» способствуют лишь ухудшению существующего положения дел. Подражание не может быть источником вдохновения и полноценного развития.

Библиографические ссылки

1. Четверикова ОН. «Ликвидация»: судьба российского образования. *Свободная мысль*. 2017;2:89–106.
2. Фурсов АИ. *Россия между революцией и контрреволюцией. Холодный восточный ветер* – 3. Москва: Книжный мир; 2017. 416 с. (Игры мировых элит).
3. Каюмов ОР. О проблемах, порожденных концепцией образовательных услуг. *Свободная мысль*. 2018;2:65–76.
4. Запесоцкий АС. Философия образования и проблемы современных реформ. *Вопросы философии*. 2013;1:24–34.

5. Хведченя ЛВ. Природа кризиса в образовании. *Социология*. 2014;1:78–86.
6. Берков ВФ. Опасный рубеж в модернизации сферы социально-гуманитарного образования. *Социология*. 2012;3:77–79.
7. Золотухина-Аболина ЕВ. Модернизация – архаизация – имитация: кто «правит бал»? *Философские науки*. 2012;5:37–43.
8. Смолин ОН. Высшее образование: борьба за количество или покушение на человеческий потенциал? (Статья 2). *Социологические исследования*. 2015;7:30–37.
9. Кирвель ЧС. Социогуманитарное знание и образование в контексте современных информационных войн и глобальной конкуренции (статья-предупреждение). *Социология*. 2012;2:79–91.
10. Слободчиков ВИ, Королькова ИВ, Остапенко АА, Захарченко МВ, Шестун ЕВ, Рыбаков СЮ и др. Системный кризис образования как угроза национальной безопасности России. *Свободная мысль*. 2017;2:107–122.
11. Ранчин АМ. Сумерки просвещения. Высшее образование в современной России. *Новый мир*. 2013;7:171–192.
12. Бюджетные учреждения получают «резиновые» зарплаты [Интернет]. 14 января 2013 г. [протитировано 10 апреля 2018 г.]. Доступно по: <http://www.bfm.ru/news/204928>.
13. Панарин АС. *Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности*. Москва: Эдиториал УРСС; 1999. 272 с.

References

1. Chetverikova ON. «Liquidation»: the fate of Russian education. *Svobodnaya mysl'*. 2017;2:89–106. Russian.
2. Fursov AI. *Rossiya mezhdu revolyutsiei i kontrrevolyutsiei. Holodnyi vostochnyi veter – 3* [Russia between revolution and counterrevolution. Cold wind from the East – 3]. Moscow: Knizhnyi mir; 2017. 416 p. (Games of world elite). Russian.
3. Kajumov OR. On the issues brought by the conception of educational services. *Svobodnaya mysl'*. 2018;2:65–76. Russian.
4. Zapesockij AS. [Philosophy of education and problems of modern reforms]. *Voprosy filosofii*. 2013;1:24–34. Russian.
5. Hvedchenja LV. Nature of crisis in education. *Sotsiologiya*. 2014;1:78–86. Russian.
6. Berkov VF. Dangerous threshold of modernizations of the sphere of social arts education. *Sotsiologiya*. 2012;3:77–79. Russian.
7. Zolotuhina-Abolina EV. Modernization – arkhaisation – imitation: who does run the show? *Filosofskie nauki*. 2012;5:37–43. Russian.
8. Smolin ON. Higher education: struggling for quantity or attempt at human potential? (Part 2). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015;7:30–37. Russian.
9. Kirvel' ChS. Socio-humanitarian knowledge and education in the context of modern information wars and the global competition (prevention article). *Sotsiologiya*. 2012;2:79–91. Russian.
10. Slobochikov VI, Korol'kova IV, Ostapenko AA, Zaharchenko MV, Shestun EV, Rybakov SY, et al. Education systemic crisis as Russian national security treat. *Svobodnaya mysl'*. 2017;2:107–122. Russian.
11. Ranchin AM. [Twilight of education. The higher education in modern Russia]. *Novyi mir*. 2013;7:171–192. Russian.
12. Budgetary institutions will get paid «rubber» wages [Internet]. 2013 January 14 [cited 2018 April 10]. Available from: <http://www.bfm.ru/news/204928>. Russian.
13. Panarin AS. *Global'noe politicheskoe prognozirovanie v usloviyakh strategicheskoi nestabil'nosti* [Global political prediction in the conditions of strategic instability]. Moscow: Editorial URSS; 1999. 272 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 26.08.2018.
Received by editorial board 26.08.2018.

НАУКА, ПАРАНАУКА, ИСКУССТВО: МЕХАНИЗМЫ СБЛИЖЕНИЯ

Т. И. ШАМЯКИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются проблемы науки, очерчиваются основные этапы и парадоксы ее развития. Акцентируется внимание на различиях и моментах схождения науки и искусства, их влиянии друг на друга. Затрагивается вопрос о мифах в науке. Приводятся рассуждения о возможности новой парадигмы в образовании исходя из современного состояния науки и искусства. Задействован богатый эмпирический материал.

Ключевые слова: наука; научный метод познания; искусство; миф; теория; гипотеза; факт; эксперимент; информация; образование.

SCIENCE, PARASCIENCE, ART: MECHANISMS OF CONVERGENCE

T. I. SHAMYAKINA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The problems of science are examined, the main stages are delineated and, in this case, the paradoxes of its development. Attention is focused on the differences and the moments of the convergence of science and art, their influence on each other. The question of myths in science is touched upon. Discussions are given about the possibility of a new paradigm in education, based on the current state of science and art. Rich empirical material is involved.

Key words: science; scientific method of cognition; art; myth; theory; hypothesis; fact; experiment; information; education.

Дело науки – возведение всего сущего в мысль.
А. И. Герцен

Дело науки

В любой работе неизбежны так называемые общие места, т. е. вещи общеизвестные, но необходимые для создания полноты картины. Так и мы должны напомнить некоторые банальные истины, касающиеся науки.

Считается, что научный метод познания зародился в начале XVII в. Тогда возникли науки о природе и тесно связанная с ними математика. В то время отмечалось особое увлечение геометрией. Даже философские сочинения писали в форме теорем с доказательствами – таковы, например, трактаты Б. Спинозы. Но естествознание тогда еще было

описательным. И исторически, и при исследовании каждого конкретного явления научное познание начинается с наблюдения явлений природы и общества, накопления фактов и их описания. Далее – эксперимент, толкование полученных результатов, их объяснение. Это *эмпирическая стадия* научного познания. Следом – *теоретическая фаза*: создание гипотез, теорий, выведение законов.

Науку образуют факты, соотношения между ними и толкования этих фактов и соотношений. Хорошо установленные факты неизменны, а их соотношения и толкования изменяются вместе с раз-

Образец цитирования:

Шамякина ТИ. Наука, паранаука, искусство: механизмы сближения. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:97–108.

For citation:

Shamyakina TI. Science, parascience, art: mechanisms of convergence. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:97–108. Russian.

Автор:

Татьяна Ивановна Шамякина – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой теории литературы филологического факультета.

Author:

Tat'yana I. Shamyakina, doctor of science (philology), full professor; head of the department of theory of literature, faculty of philology.
shamyakina@tut.by

витием науки. Безусловно, толкования фактов и их соотношения нельзя абсолютизировать. Примером такой абсолютизации, того, что называется *догматизмом*, может служить теория происхождения видов Ч. Дарвина. Нельзя спорить, что на протяжении полутора столетий она играла свою положительную роль и в определенном смысле двигала биологию вперед, но сейчас она является безусловным тормозом в теории познания, так как представляет собой всего лишь частный случай науки о жизни: эта теория не объясняет появление тех или иных видов, а говорит лишь о том, что их сохраняет.

Подобно живым организмам, научные теории постоянно изменяются, совершенствуются, эволюционируют, и только с учетом этого обстоятельства их можно понять в полной мере.

Та *парадигма* науки, которая зародилась в XVII в., сохранилась и в последующем, в том числе в XX–XXI вв. И все же наука в целом и отдельные ее направления развивались бурно. Неизмеримо вырос научный аппарат, охватывая миллиарды и миллиарды фактов эмпирическими обобщениями, гипотезами, научными теориями. В XXI в. стираются грани между науками, ученые часто специализируются не по наукам, а по проблемам. Открытия совершают главным образом не одиночки, а научные коллективы. Однако по-прежнему востребована креативность одиночек.

Еще в начале XX в. наука стала отказываться от некоторых догм механистического XIX в., например от привычных представлений в физике. Считавшаяся высшим достижением в науке теория относительности А. Эйнштейна возникла как раз в тот период в результате пересмотра интуитивного понятия одновременности, существовавшего сотни лет. Тогда же была отброшена как заблуждение теория эфира. Но вот в конце XX в. выяснилось, что «пустота», с которой связывали эфир, – носитель не только электромагнитных волн. В ней происходят непрерывные колебания электромагнитного поля, рождаются и исчезают электроны и позитроны, вообще все элементарные частицы. Пустота оказалась очень сложным физическим явлением. Физики *вернулись* к понятию «эфир», но теперь называют его вакуумом. Причем в наше время вакуум перестает рассматриваться как нейтральная среда, а понимается как праматерия, способная порождать самые разные формы. Сегодня и теория А. Эйнштейна, решительно отвергнувшего эфир, считается лишь частным случаем некоего еще не открытого *глобального* закона – мир гораздо сложнее. Вот уж будто бы экспериментально получена скорость выше скорости света, а ее А. Эйнштейн считал предельной.

В наше время многие ранее незыблемые в научном дискурсе идеи переживают явную реформуляцию. В самом деле, накопилось слишком много феноменов, которые не укладываются в общепри-

знанные официальной наукой догмы. Некоторые факты настолько фантастичны, что вообще не находят никакого объяснения. Например, в конце 1980-х гг. на о. Пасхи в Тихом океане австралийская экспедиция обнаружила останки средневекового рыцаря и его коня. Раскопки велись на территории небольшого болота, тела всадника и лошади хорошо сохранились. Судя по доспехам, рыцарь был членом Ливонского ордена XIV–XV вв., в его кошелеке находились золотые дукаты чеканки 1326 г. Как он оказался на самом затерянном из островов в океане? Наука это объяснить не может. И таких фактов, которые ставят ученых в тупик, тысячи.

Вообще же даже коренная научная революция не отменяет более частные законы, если доказано, что они истинны (а истинность проверяется *практикой*). Новая теория переходит в старую в тех условиях, при которых старая была установлена. Общая теория относительности А. Эйнштейна во все не отменила законы И. Ньютона. Взгляды на пространство, время, малые (а не световые) скорости продолжали развиваться и после общей теории относительности. И практически вся современная техника – радио, телевидение, – нынешние химия и биология, даже полеты космонавтов (потому что они проходят на высоте не более 400 км над Землей) обходятся ньютоновскими представлениями о пространстве и времени.

Романтика науки заключается в переплетении и проникновении друг в друга новых и прежних идей. В науке, как и в искусстве, новое не отменяет *красоту* старого, а дополняет ее.

Правда, на пути научного познания таится множество подводных камней. Скажем, далеко не всегда удается повторить эксперимент с известными результатами в химии, физике. А в геологии, астрономии он невозможен в принципе, и здесь необходимо ограничиться наблюдениями, изысканиями – в наше время с помощью все более точных приборов. В психологии, где все объекты отличаются друг от друга, о чистоте эксперимента говорить вообще сложно. Чрезвычайно трудное время ныне переживает история. Она все более фальсифицируется в угоду злободневным политическим задачам. Некоторые страны вообще не имеют научно выверенной истории – преобладают мифы. У людей утрачиваются историческое сознание, связь времен, понимание эпохи, исторического места своей страны и текущих социальных проблем. Под влиянием специфически выстроенного образования, заточенного под один параметр Болонской системы, а также СМИ историческое самосознание современной личности «заменяется любым частным групповым, не имеющим исторической субъектности, – будь то гендерное, сексуальное, возрастное, потребительское или сектантское» [1].

Множество заблуждений возникает в результате поспешных выводов из неубедительных экспери-

ментов. Но что считать убедительным? Верить своим глазам? Фотографиям? Показаниям очевидцев? Иногда без последних не обойтись, скажем, в проблеме шаровой молнии. Но описаний привидений и НЛО от очевидцев уже миллионы. Как относиться к подобным свидетельствам?

Научное познание, наука в целом – явления невероятно сложные. Следует, видимо, если не рассмотреть их специфику, то хотя бы остановиться на некоторых нюансах.

Во-первых, *задачи* науки лежат на границе между известным и неожиданным, а значит, удивительным. Удивительное – в целом прерогатива мифологии и искусства.

Во-вторых, ясно, что наука, которая вместе с техникой создает нам, современным людям, жизненный комфорт, на самом деле поразительно многого не знает. Ньютон говорил, что деятельность ученого напоминает ему игру ребенка на берегу моря. Время от времени он обнаруживает чудесные камешки и ракушки, в то время как великий океан истины лежит перед ним совершенно неразгаданным. И хотя со времен Ньютона многое изменилось, однако по существу его суждение справедливо и сегодня. Наше знание – всего только островок среди безбрежного океана незнания. Мы, например, не имеем достоверных и однозначных сведений о том, как возник окружающий мир, когда появились живые существа, сам человек разумный или же как образуются галактики, что такое сознание. Мы не знаем причин вымирания многих животных, не представляем, где и как мозг хранит информацию, т. е. как устроена память и т. д. Часто мы даже не знаем, чего же именно мы не знаем.

Причем диалектика развития каждой системы взглядов такова, что в процессе накопления информации вдруг выявляются отклонения некоторых фактов от основ теории. Так случалось в физике, биологии, тем более в гуманитарных науках. Кто-то аномалии отрицает, кто-то не обращает на них внимания, а кто-то создает новые теории.

Для понимания того, что есть наука, бывает важно и необходимо во имя диалектического метода сравнить ее с другой сферой творчества – *искусством*. Между ними есть сходство, но много и различий. Важно, что усилия астрономов и математиков, философов и поэтов сливаются воедино, выявляя все более стройную и величественную картину мироздания.

Наука и искусство близки тем, что их целью является открытие нового, ранее не замеченного. Науку и искусство объединяет стремление к познанию и творчеству. А в творчестве важна роль *интуиции*. Наука и искусство разнятся долей интуиции. В искусстве почти все строится на ней, в науке – лишь часть.

В искусстве верховенство права принадлежит художнику: его можно судить лишь по тем зако-

нам, которые он сам для себя установил и которые он над собой признает. Ученый же руководствуется объективными законами и должен устанавливать объективную истину.

В искусстве речь идет не об отражении действительности (в этом состоит задача науки), а о *моделировании* реальности, т. е. искусство формирует особый мир, причем преимущественно в духовной сфере, в то время как наука и техника направлены, особенно в последнее время, на изменение материального бытия. При этом наука как таковая, несомненно, также явление духовного мира, культуры.

У искусства и науки разное отношение к жизни: наука – основа миропонимания; искусство – основа мировосприятия. В первом случае имеется в виду открытие законов природы и общества, во втором – новое, более глубокое восприятие мира, запечатленного в образах.

Но наука и искусство – явления *одной культуры*. Есть между ними какое-то *внутреннее* сходство в рамках культуры одного исторического периода. Так, живопись Ренессанса – наиболее совершенное из искусств этого периода – выражает то же стремление к свободному познанию реального мира, что и наука той эпохи. Преодоление средневековых догм и схоластики происходило синхронно и в науке, и в живописи. Художники Возрождения по-прежнему, как и ранее, в Средневековье, обращаются к религиозной теме, но религия перестает быть отрешенной от жизни и трансформируется в этико-эстетическую систему, в центре которой находится человек. Конечно, не нужно понимать это слишком элементарно. Скажем, в Сикстинской Мадонне Рафаэля предстают существа неземные, красота Марии фантастична, а взгляд младенца Христа необычайно глубок, всеведущ. Рафаэль выражает красоту и гармонию, которых *нет* на Земле, но есть *мечта* о них. Этой мечтой жили многие художники, часто как бы «подпитываясь» шедевром Рафаэля. Репродукция с Сикстинской Мадонны висела в кабинете Л. Н. Толстого. Ее образ вдохновлял и классика белорусской литературы М. Богдановича. Есть версия, что в известнейшем стихотворении А. С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье...» поэт обращается вовсе не к реальной женщине – Анне Керн, довольно легкомысленной, а снова-таки к Сикстинской Мадонне Рафаэля.

Наука и искусство объединяются в творчестве Леонардо да Винчи, считающегося самым удивительным из гениев Возрождения. Он был выдающимся инженером, механиком, физиологом, ботаником, основоположником биомеханики и бионики. И живопись для Леонардо – *универсальное средство* познания природы, подобное математике. Недаром он математически рассчитал и создал в живописи важнейший принцип изображения – перспективу.

Другая важная для становления науки эпоха – XIX в. Многими ее достижениями мы пользуемся

и сегодня; почти все науки в их современном понимании ведут свое начало оттуда. А в целом для науки XIX в. характерна ясность, наглядность, конкретность, соответствие основных научных положений повседневному здравому смыслу. Наука того времени соотносится с *критическим реализмом* в искусстве. При этом реализм русских художников-передвижников и, скажем, французских импрессионистов разный. В России живопись находилась под мощным влиянием литературы, переживающей золотой век. Во Франции живопись оказалась свободна от влияния литературы, тоже преимущественно реалистичной, развивалась независимо и решала собственные задачи, причем импрессионисты опирались главным образом на *физические представления* о спектральном составе белого цвета.

Наука XX в. постигала внутреннее содержание явлений, отказавшись от наглядности и механистичности предыдущего периода. Фотон – одновременно и частица, и волна. Исходя из здравого смысла, понять это затруднительно. Изучение *внутренней сущности*, преодолевающей *внешнюю видимость*, характерно и для людей искусства того времени – постимпрессионистов. Например, П. Пикассо изображает человека одновременно анфас и в профиль, а в литературе господствует символизм, стремящийся через символы открыть именно суть вещей.

Конечно, мы очертили лишь схему. Искусство развивалось отнюдь не прямолинейно, в нем оказывались разные парадоксальные отступления либо забегания вперед. Скажем, явными предшественниками современного постмодернизма являются, как ни удивительно, Франсуа Рабле и новеллисты Возрождения. Вообще искусство не имеет поступательного развития: искусство XX в. не лучше античного, современное искусство не выше древнеегипетского (хотя, конечно, искусство Древнего Египта другое, и в этом прелесть). А наука, как считается, развивалась непрерывно, необратимо наращивая знания. И только сегодня при изучении древних цивилизаций мы вдруг осознаем, как много было утрачено. Все чаще оказывается, что древние владели умениями, нам недоступными. Тайнами остаются для современной науки технологии изготовления дамасских клинков или железной колонны в Дели, которая уже две тысячи лет не ржавеет, методы строительства пирамид, мегалитов, Фестский диск, антикитерский механизм, кубок Ликурга и множество других древних артефактов.

Искусство условно, у него свои специфические законы. Но среди проблем, которые решает живопись, важнейшее место принадлежит *проблемам организации пространства*.

Художники всегда учитывали зрительное восприятие пространства. Фреска Леонардо да Винчи

«Тайная вечеря» передает глубину пространства. Художники разработали линейную и обратную перспективы (последняя характерна для древнерусского искусства). Даже в изображении парадоксального пространства задача эффективно решалась. Например, нидерландский график М. Эшер создавал картины со множеством геометрических «ошибок», но именно они служат источником особой выразительности. Один из создателей оп-арта французский художник В. Вазарели рисовал интересные живописные конструкции, основывающиеся на физиологии зрения, его обманах, иллюзиях, т. е. примыкающие к научной оптике.

Таким образом, сама условность, плоскостность живописи приводит ее во *взаимодействие с наукой* – геометрией и психофизиологией зрения.

Уже в XIX, а тем более в XX–XXI вв. наука и техника оказывали и оказывают сильнейшее воздействие на искусство, создавая даже новые его виды – фотографию, кинематограф, телевидение, научно-фантастическую литературу. Скажем, жанр литературной фантастики дает возможность взглянуть на многие проблемы, стоящие перед наукой, как на уже решенные, позволяет увидеть какую-либо вековую мечту человечества осуществленной. Основные темы научной фантастики – это новые идеи и самые разные изменения существующего положения вещей. Научная фантастика – всегда живая игра воображения и вместе с тем богатый источник мыслей и идей.

Уже у признанного реалиста И. С. Тургенева есть повести фантастические – об иррациональном в жизни. И в его время, и в советский период писателя даже обвиняли в отходе от реализма, считали, что мистические произведения не делают чести классике. Но что-то же обусловило его обращение в 1864–1883 гг. к таинственным явлениям! Во второй половине XIX в. развитие научного мышления потребовало изучения совершенно неизведанной в то время области – человеческой психики, в частности идеи бессознательного. Ей интересовались разные ученые – медики, натуралисты, философы. Со многими из них И. С. Тургенев был знаком: его письма буквально наводнены цитатами и рассуждениями по поводу этой «проблемы века». Об идее бессознательного рассуждал еще А. Шопенгауэр, мыслитель, наиболее почитаемый И. С. Тургеневым. В XX в. проблема была во многом решена благодаря З. Фрейду и К. Г. Юнгу.

Именно новые научные идеи усилили психологизацию литературы, в том числе произведений реалиста И. С. Тургенева, послужили развитию жанров фантастики и детектива.

Однако и искусство оказывает обратное влияние на науку, особенно в XX–XXI вв. Ведь искусство – своего рода *код*. Разработчики новых кодов в наше время информационной революции мно-

го внимания уделяют проблеме уменьшения избыточности. Борьба с избыточностью – основной закон и в искусстве: «...чтобы словам было тесно, мыслям просторно» (Н. А. Некрасов). Суть образности, основы искусства, – предельная *экономия эстетических средств*. Чрезвычайно лаконично Слово о полку Игореве, при этом произведение максимально насыщено самой разнообразной информацией. В произведениях писателей-классиков каждая деталь играет на целое, каждая из них значима. Проза, скажем, А. С. Пушкина стилистически проста, лишена ненужных подробностей, потому она и сегодня чрезвычайно легко читается, в отличие от произведений писателей – современников Александра Сергеевича. Избыточность в искусстве – это *банальность*: читаешь или смотришь и знаешь, что будет дальше: сюжетные ходы, поступки героев, рифмы ожидаемы.

Проблема *выбора* чрезвычайно важна в литературе XX в. Например, на жесткости выбора строятся многие повести классика белорусской литературы В. Быкова. Принцип передачи информации, основанный на выборе из двух возможных сигналов, издавна использовался художниками. Так, техника офорта, предусматривающая передачу оттенков частотой штрихов, родственна техническому кодированию частоты двоичных импульсов – основы компьютерной техники. Например, в офортах Ф. Гойи из серии «Капричос» оттенки серого передаются частотой и шириной черных штрихов. Гравюра – вообще передача зрительных образов только двумя цветами – белым и черным, что, по сути, представляет собой двоичный код. Гравюра лаконична – в ней минимум избыточности.

Гений в искусстве смотрит далеко, видит вещи, значимые во все эпохи, в том числе в наше время. Если бы только политики к гениям прислушивались! Тургеневский Базаров заявлял: «Важно то, что дважды два четыре, а остальное все пустяки». Вот на основе такого примитивного рационализма герой романа «Отцы и дети» и оценивает всю сложность жизни, неизбежно упрощая ее. Принцип *дважды два четыре* (цифра) не может не вести к обезличиванию бытия. Устами своего героя Ф. М. Достоевский как бы отвечает Базарову: «...а ведь дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти...»

Некоторые художники и писатели одновременно являлись и учеными, например Леонардо да Винчи или И. В. Гёте, основа мировоззрения которых – единство человека и мира. Многие гении искусства, будучи глубокими философами, видели суть не только социальных процессов, как Ф. М. Достоевский, но и конкретных научных, технических достижений. В своих литературных произведениях А. Н. Толстой предсказал лазер, К. Чапек – робота, И. А. Ефремов – голографический снимок задолго до появления голографии. Более 200 технических

предсказаний Жюль Верна даже сегодня не все осуществились. Еще до Второй мировой войны фантасты описали автоответчик телефона, воздушную сушилку для рук, автоматические двери, вездеход, а в 1950-х гг. – пульты управления телевизором, автоматы для обмена денег, ноутбуки и электронные библиотеки.

Немало ученых, в свою очередь, занимались искусством. В творчестве великого М. В. Ломоносова эти сферы культуры вообще сложно разделить. Он был физиком, химиком, геологом, астрономом и в то же время исследовал законы русского языка, писал стихи, в которых нашли отражение его научные идеи. Поэтическое искусство М. В. Ломоносова вбирает в себя данные российских исторических и географических наук, мысли автора о физическом единстве мира. Часть оригинальных научных идей проникали в стихи М. В. Ломоносова из его собственных исследований, другие предшествовали им, а некоторые, оставшись без строгих научных доказательств, сохраняют значение глубоких философских интуиций.

По мнению М. В. Ломоносова, цель познания (и научного, и художественного) состоит в отыскании *внутренних причин* явлений природы. В наше время познание загадок природы, конечно, остается задачей науки, но к ней добавляется также изучение общества и человека – постоянный предмет заботы искусства. Сама наука, включенная в исторический процесс как важнейшая производственная сила, часто оказывается полностью подчиненной *социальным* закономерностям. И вот здесь особенно остро стоит вопрос об *ответственности науки*.

Великие деятели (тот же Ломоносов) считали, что подлинная наука должна облегчить тяготы существования, сделать человека более *счастливым*. Что значит быть счастливым с помощью науки? Она должна служить делу мира – а мы сегодня наблюдаем безумную гонку вооружений; наука призвана дать людям достаточно пищи – а миллионы голодают; обеспечить каждому здоровье – но наше здоровье невыгодно транснациональным фармакологическим корпорациям; дать всеобщее изобилие – однако со вступлением в капитализм, который ныне переживает агонию, мы получили изобилие товаров – и что, счастливы?

Сам взлет науки требует от человека все больших психологических сил. А многие научные исследования просто опасны для всего человечества. Официально объявлен мораторий на некоторые генетические разработки, скажем на клонирование человека. Но можно не сомневаться, что в частных лабораториях опыты ведутся.

Были призывы ограничить, приостановить поступательное движение научных исследований. Такой призыв, например, прозвучал в выступлении бывшего президента Франции Ж. Помпиду на ге-

неральной конференции ЮНЕСКО в 1979 г. Авторитетный политик предупреждал, что в соединении с темными человеческими инстинктами научно-технический прогресс может быть возвращением к каким-то новым формам варварства.

Советские ученые также ставили вопрос о коллективной ответственности ученых за негативные последствия научно-технического прогресса. Сейчас об этом не говорят вообще, хотя ясно, что любому научному открытию угрожает *военное* применение. Однако считается, что прогресс не остановить, и он сам себя оправдывает. Между тем задачи науки, о которых мечтали великие мыслители, все больше мельчают. В сущности, наука *полноценно* работает на войну (разные виды войн) и на обе-

спечение все большего комфорта обленившемуся человечеству.

На самом деле, прогресс должен принять новые формы. Так, в *синтезе науки и искусств*, которые вместе открывают *красоту* мира, можно видеть предпосылки формирования новой цивилизации, нового человека. А вопрос о *моральности* науки вообще является на данный момент *главным*, он определяет все дальнейшее развитие цивилизации, ведь мораль научных коллективов напрямую зависит от морали общества. И если в последнее время общественная мораль падает, то аналогичный процесс происходит и в научном сообществе. Однако и ученые способны оказать обратное – положительное – воздействие на мораль социума.

Диктатура мифа

Часто ученые, стремясь опровергнуть оппонента и утвердить свою гипотезу, говорят о псевдонауке, лженауке, иногда – мягче, корректнее – о заблуждениях. Недоказанные гипотезы, неудачные поиски истины постоянны и неизбежны в науке. Впрочем, бывает, наука, как в случае с эфиром, возвращается к прошлым якобы заблуждениям. Вряд ли стоит объявлять любые гипотезы лженаукой и тем более организовывать в академиях комиссии по борьбе с лженаукой, как случалось в СССР и даже в наше время в России. Ведь наука не может развиваться без высказывания гипотез, без их опровержений, создания новых гипотез. Виднейший русский мифолог XX в. А. Ф. Лосев полагал, что вся наука – не что иное, как *мифология*: одни мифы заменяются другими [2, с. 195]. Но данный процесс плодотворен: именно так происходит развитие. Отрицательный результат тоже ведь дает важную информацию – исключает одну из возможностей. Хуже, когда смутную идею объявляют достоверной истинной, а таких «истин», особенно в сфере естественных наук, известно множество. Неслучайно произошло разочарование в них на рубеже XX–XXI вв.

Отличие мифа от науки заключается «в способности воображения»: миф «сам выражен в образе, тогда как положения здравого смысла и аксиомы всегда являются суждениями и находятся в ведении иной познавательной способности» [3, с. 6], т. е. науки. Крупнейший мифолог XX в. Дж. Кэмпбелл показывал роль мифов в развитии и реализации творческих возможностей личности и всего общества, утверждая, что «именно на мифах основаны нравственные устои общества и именно канонизированные мифологии становятся религиями. Поскольку воздействие науки на миф ведет – судя по всему, неизбежно – к утрате морального равновесия, следует заняться вопросом: возможно ли подтвердить жизнеутверждающий характер мифов строго научными средствами?..» [4, с. 14]. Многие исследователи после Дж. Кэмпбелла доказали жиз-

неутверждающий характер мифов и важность их для усвоения основных социальных схем, построения *знаковых систем* действительности и *моделей* окружающего природного и социального мира.

Случается, миф оказывается объективной истиной, доказанной с помощью науки. Так, нельзя отрицать важнейшее значение христианской религии для становления человеческой цивилизации. Между тем в науке Иисус-человек долго считался мифом – в процессе эволюции христианства будто бы происходило развитие образа Христа от Бога к человеку. В советской науке, которая упорствовала особенно долго, христианство рассматривалось как развитие и объединение различных солнечных культов, чьи божества подвергались очеловечиванию на рубеже нашей эры. Однако накопление нового материала во второй половине XX в. (открытие кумранских рукописей, папирусных фрагментов Евангелий, общих законов мифотворчества) доказало *историчность* Иисуса.

В то же время нельзя не заметить наступление не только науки на социальную, бытовую мифологию, но и обратный процесс – влияние мифов на науку. Скажем, основываясь исключительно на недостоверном научном источнике – литературном произведении (Илиада Гомера), которое сплошь построено на мифах, – любитель-археолог Г. Шлиман раскопал Трою. Интенсивные поиски Атлантиды, в том числе даже советскими исследователями, обогатили геологию, океанографию и другие науки. Известный философ XX в. К. Поппер полагал, что наука отличается от мифа своей возможностью опытным путем (через практику, эксперимент) доказать истинность или ложность той или иной теории. Доказать существование или несуществование Атлантиды *пока* невозможно, стало быть, она – миф. Однако вполне вероятно, что миф может оказаться истиной.

Пробудившийся в 1980-х гг. интерес к мифологии как таковой, мифологии как науке – это прояв-

ление сомнений социума в праве официальной науки на монопольное владение истиной. Формируется параллельная наука – паранаука, фактически сбор мифов. С одной стороны, это демонстрация освобождения от схематичного, догматического мышления, проявление большого интереса широкой публики к постижению загадок природы. С другой стороны, паранаучные сочинения, спекулируя на высоком авторитете науки, выступая от ее имени, адресованы и тем, кто с энтузиазмом подхватывает более или менее явно заложенную в них антинаучную пропаганду и делает загадку коммерческим продуктом. Тайны мироздания и человеческой психики – «хлеб» для многих телепередач, журналов, газет, книг разных авторов (Э. фон Деникен, З. Ситчин, И. Прокопенко, Г. Сидоров).

В самом деле, официальная наука не способна разгадать, например, тайну Бермудского треугольника. Пока не способна.

Бермудский треугольник – понятие, которое едва ли не первым из сферы неведомого и таинственного появилось в лексиконе у нас, молодых, еще в 1960-х гг. и стало толчком, породившим страсть к разгадыванию тайн и загадок мироздания.

Вообще-то *парадигма таинственности* совсем не характеризует советский менталитет, даже открыто враждебна господствовавшей тогда идеологии. Ведь считалось, что наука способна все объяснить и доказать, да фактически и сделала это – шла эпоха научно-технической революции. И лучшее подтверждение ее успехов – овладение ядерной энергией и освоение человеком космоса, где лидером являлся как раз Советский Союз. Выработанное в то время безграничное, слепое, некритическое доверие, восторженное отношение к науке сыграли с советскими людьми, особенно на излете СССР, как ни парадоксально это звучит, недобрую шутку, заставляя верить в любую чепуху типа полетов американцев на Луну или благоденствия *всех* при либеральной экономике.

Но ностальгия по СССР, сегодня несомненная, – во многом ностальгия по романтике науки. А романтика науки – это радость поиска, порывы в неведомое, дерзания, горячий энтузиазм в овладении знаниями.

Таинственные события в зоне Бермудского треугольника (регион в Атлантическом океане) обнаружались сразу после открытия Америки. Еще у Колумба не раз отказывал компас, а его моряки наблюдали странное свечение океана. Потом здесь гибли суда. Ясно, что большинство катастроф необходимо списать на бури и ураганы. Но начиная с XIX в. аккуратно фиксируются случаи и необъяснимые. В XX в. добавилась гибель самолетов, подводных лодок. С 1840 г., когда начался официальный отсчет происшествий в этом месте, пропали более 200 летающих и плавающих средств. Причем 15 судов обнаружены в прекрасном состоянии, со всем содержимым, но без экипажей.

Многие ученые и популяризаторы науки стремились проникнуть в загадку Бермудского треугольника, подходя к проблеме очень взвешенно. Они отмечали разные физические процессы в земных недрах, океане и атмосфере, которые могли породить тайны региона. Отношения Мирового океана с атмосферой очень противоречивы и слабо изучены. Здесь протекают процессы, невероятные по масштабам, разнообразию и причудливости проявлений, фантастической сложности. Неслучайно именно в этом регионе ищут затонувшую Атлантиду. Там же находится удивительное, без берегов, Саргассово море с его гигантским водоворотом и «роддомом» для угрей, зарождается мощное течение Гольфстрим, обеспечившее исторический расцвет Западной Европы. Но также здесь (чуть южнее) формируются и ураганы, которые наиболее разрушительными оказываются для островов Карибского бассейна и США.

Однако почему именно в данной акватории происходят такие неоднозначные процессы на границе воды и воздуха? Объяснений множество. Есть и мистические. Так, в СМИ упорно проталкивается версия, изложенная американским «спящим пророком» Э. Кейси, о некоем огромном таинственном кристалле на дне океана, оставшемся от Атлантиды, сильнейшая энергия которого портит навигационные приборы. Вообще Атлантида фигурирует в разных гипотезах очень часто. Якобы атланты уцелели и живут на дне океана. Модной является и версия об инопланетянах: их механизмы якобы негативно воздействуют на соответствующие земные приборы. В самом деле, техника здесь часто выходит из строя.

Фантастические версии, апеллирующие к недоказанным древним цивилизациям, неоднозначным личностям, мистическому опыту, – все это и есть паранаука. Хотя не исключено, что истина гораздо фантастичнее, чем наши фантазии. Однако истина пока официальной науке недоступна.

Таким образом, на примере тайн Бермудского треугольника мы видим формирование самых разных гипотез – как претендующих на строгую научность, так и фантазийных, потому что романтики в мире еще остались. В целом процесс изучения феномена двигает науку вперед, а тайны есть и еще долго будут оставаться неоткрытыми из-за *неразвитости* самой науки. Здесь необходимы очень серьезные, обширные и многофункциональные исследования.

Чудо, тайна, загадка – прекрасный повод для тренировки творческого воображения, проверки своих знаний, собственных способностей.

Более сотни гипотез высказаны относительно так называемого Тунгусского метеорита, вернее, тунгусского дива – мощнейшего взрыва в сибирской тайге 30 июня 1908 г. Ясно, что верна какая-то одна версия удивительного явления (у метеоритной как раз в наше время мало приверженцев), но

зато сколько дерзаний, какой взлет ищущей мысли! Даже генеральный конструктор космической техники С. П. Королев посылал научную экспедицию в район Подкаменной Тунгуски, а не объявлял лженаукой разные гипотезы, пусть даже и любительские, касающиеся феномена. Он понимал, что нужно поддерживать все изыскания, востребованные человеческой любознательностью.

Десятки версий существуют относительно назначения пирамид, которые расположены не только в Египте, Центральной Америке и Китае, а, как выяснилось, по всему миру. Наиболее распространенные версии относительно того, что представляют собой египетские пирамиды, следующие (группируем в хронологическом порядке их возникновения): 1) гробницы фараонов (версия Геродота и всей современной *официальной* науки); 2) памятник величию фараонов (версия Аристотеля); 3) храмы, где начертана вся накопленная древними египтянами мудрость (знаменитый иудейский историк Иосиф Флавий); 4) место прохождения инициаций (посвящений) фараонов и жрецов (версия графа Калиостро); 5) архивы тайных документов и государственная сокровищница (версия римского историка IV в. Марцелина и писательницы-мистика XIX в. Е. П. Блаватской); 6) геофизические маяки – указатели некоего особого места на поверхности Земли, как показали исследования XIX и XX вв.; 7) обсерватория и космические часы с указанием прецессии; 8) памятник, созданный допотопной цивилизацией – Атлантидой; 9) проекция звездного неба, в частности созвездия Орион: вещный знак, оставленный инопланетянами; 10) космодром прошлого – место старта и причал космических кораблей то ли атлантов, то ли инопланетян, то ли пришельцев из параллельного мира либо из будущего; 11) генератор земных энергий для связи с космосом; 12) аппарат для телепортации тел и душ фараонов в Дуат (Иномир).

Как видим, самая современная версия коррелирует с самой первой, античной. Версию Геродота оспаривали неоднократно, тем более когда в X в. вскрыли пирамиды и мумий фараонов там не обнаружили. При этом все исследователи и наблюдательные современные туристы, побывав внутри пирамид, отмечали странные ощущения: им казалось, что они находятся не внутри архитектурного сооружения, а внутри какого-то *прибора*, огромного и безумно сложного. Это породило одну из самых экстравагантных версий последнего времени. Да, пирамиды, – возможно, гробницы, но явно и еще *что-то*. Их можно рассматривать как гробницы лишь до определенного момента в посмертной, так сказать, судьбе фараона и на показ народу. На самом деле особая сила, заключенная в пирамидах, в самой их удивительной *конструкции*, переносила тела и души фараонов в ту область, которую чело-

вечество зовет потусторонним миром, т. е. в иное пространственно-временное измерение, с другими физическими параметрами, частотами. Якобы в Древнем Египте овладели переходом-полетом на звезды с одновременным преобразованием души, но, естественно, право такое получали только избранные, посвященные, образованные, прежде всего фараоны.

Таким образом, пирамиды – *особые приспособления* для связи с потусторонним миром, средство, обеспечивающее превращение человека в бога, а значит, в бессмертное существо. Новейшая из гипотез, претендующая именно на научность, утверждает, что пирамиды – конденсаторы физических энергий, они генерируют энергию буквально из ничего, из пространства. Это устройство, о котором мечтал гениальный Никола Тесла, – передатчик энергии без проводов.

Мифология, существующая вокруг пирамид, чрезвычайно богатая и разнообразная. Здесь перемешаны наука и паранаука, т. е. версии, основанные на реальных фактах, и версии фантазийные. Здесь, как и в любой науке, от одной теории, упрощенной и грубой, мысль движется к более совершенной, точной. Немало гипотез, содержащих в себе долю объективной истины. Видимо, истина сразу не утверждается во всей полноте, а раскрывается постепенно, приближаясь к абсолютному знанию через целый ряд относительных истин.

Каждый шаг в глубь предмета или явления прибавляет все новые и новые зерна истины: может быть, из названных версий относительно пирамид верны не менее половины, т. е. пирамиды – многофункциональны? Но возможно ли исчерпать полностью ту или иную проблему и составить о ней законченное знание?

Существуют абсолютные истины – простые, элементарные. Например, В. И. Ленин умер 21 января 1924 г. Это факт, никто не может его изменить и оспорить. Он – не миф. Но вокруг смерти Ленина создана настоящая мифология, вплоть до того, что, будучи уже смертельно больным и находясь в Горках, он появлялся в виде призрака в Кремле. Налицо настоящий миф, в том смысле как его понимает массовое сознание (ложь), причем бредовый, – случайно он возник в 1990-х гг., «лихих» по падению, деградации *всего* и безумных по фабрикации разрушительных мифов.

При этом, часто разоблачая один миф, мы рождаем другой. Например, швейцарский исследователь Э. фон Деникен, великий фантазер, светоч паранауки, утверждает, что чрезвычайно таинственные геоглифы на плато Наска в Перу (их наличие – факт неоспоримый) – космодром пришельцев. Однако и официальная научная версия – астрономический календарь жрецов, самый большой в мире учебник по астрономии – не выдерживает никакой критики. Это явное заблуждение. Все гипотезы (мифы) ныне

уже не удовлетворяют пытливых людей, и тайна продолжает будоражить умы.

Наука развивалась как непрерывное накопление относительных истин, т. е. мифов. Возводился как бы этаж за этажом. Есть мифы, которые оказались в корне неправильными, – они в конце концов отбрасывались. Практика, новые приборы, в том числе применяемые в изучении пирамид, помогают уточнить познанную ранее относительную истину. Причем нет истины абстрактной. Она зависит от условий, применительно к которым мы рассматриваем то или иное явление или действие. И то, что может быть правильным, истинным в одних условиях, в других оказывается заблуждением, мифом.

Очень часто сравнительно молодая наука – археология – порождает новые загадки или опровергает старые умозрительные теории. Например, у восточных славян дымоходы в печах, согласно официальной версии, стали делать в XVI–XVII вв., а до того топили по-черному. Однако в Уманском районе Черкасской области при раскопках трипольского жилья IV тыс. до н. э. найдены глинобитные печи с трубами. Вообще как для мировой, так и для отечественной науки характерно принижение несомненных достижений наших предков. Так и относительно печей налицо явное заблуждение, опровергнутое археологией, тем не менее оно продолжает широко тиражироваться, а научное открытие замалчиваться. Сотни, даже тысячи неудобных для официальной науки артефактов запрятаны в запасниках музеев и не выставляются. Несомненно, идет фильтрация знания.

Есть заблуждения, которые существовали и считались абсолютной истиной тысячелетиями. Например, астрология. Все мировые владыки, начиная с древнеегипетских фараонов, имели при себе штатных астрологов. Так, при дворе Филиппа Македонского служил под видом астролога свергнутый персами с престола египетский фараон Нектанеб II, который по ночам умел превращаться в огромного змея (символ бога Амона). Это один из мифов о рождении великого Александра Македонского...

Многие наши современники, причем во всех странах, уверены, что астрология – наука, поскольку обладает астрономической обстоятельностью. У нее, как и у любой науки, свои законы, правила, формулировки, система накопления знаний. Даже

А. Эйнштейн считал астрологию наукой. Обращаясь к астрологу за прогнозом (а обращались регулярно даже президенты, скажем Р. Рейган), человек надеется, что уж здесь-то все научно – градусы, дуги, эклиптики, проекции, сложные математические расчеты.

Однако созвездия, по которым проходит Солнце в то или иное время года, – *условности*, воображаемые объекты, виртуал. Так эти созвездия, скажем в виде животных, когда-то кому-то представились. Причем на Западе – одни созвездия, на Востоке – другие, привязанные к иной мифологической системе. Значит, это уже не объективная истина. Толкование градусов – результат индивидуального наития того или иного интерпретатора. Или, скажем, индусы в своей символической системе учитывают прецессию (качение планеты по оси своей орбиты на протяжении веков), а вот западные астрологи не считаются с этим важнейшим космическим законом. Разные подходы противоречат друг другу. Но естественно, нигде это не афишируется.

Астрология, безусловно, не наука, поскольку основана она не на материалистической традиции, а на мистике. Для астрологов важны не реальные планеты, а их образы, и под видом логических доказательств, математических расчетов осуществляется, собственно, интерпретация на основе интуиции, вспыхивает озарение, сродни тому, что переживает человек искусства. Например, самый известный в Беларуси и России поэт и общественный деятель XVII в. Симеон Полоцкий при рождении у царя Алексея Михайловича сына Петра составил гороскоп младенца, в котором предсказал многие его свершения. Симеон – чрезвычайно умный и глубокий человек, недаром он являлся духовником царя и воспитателем его детей: он учел социальные и политические закономерности своей эпохи, а характер будущего Петра I просто угадал по наитию, как часто случается у поэтов.

За тысячелетия астрология накопила множество наблюдений, поскольку космос, конечно же, влияет на человека, на целые общества, регионы, на саму Землю, как доказали в XX в. Л. Н. Гумилев с его теорией пассионарности и А. Л. Чижевский, основавший гелиобиологию. Но только влияние планет, звезд, созвездий, видимо, не прямое, а сложно опосредованное, и к постижению этого астрология, как паранаука, лишь приближалась.

Наука, паранаука и образование

В астрологии заключена истина (недаром эта область знаний просуществовала так долго), но истина относительная. Астрология – во многом итог развития философской мысли древности. Она основана на очень важном постулате о единстве мира. Для египетских, индийских, античных мыслителей мир во всем гармоничен. «Что вверху,

то и внизу», – провозглашал Гермес Трисмегист, древнеегипетский бог, почитавшийся даже в раннем христианстве. На герметизме – идее о том, что структура микрокосмоса соответствует структуре макрокосмоса, – основывались учения крупнейших мыслителей – Пифагора, Сократа, Платона, даже основателя формальной логики Аристотеля,

а также произведения литераторов – драматурга Эсхила, поэта Пиндара, прозаика Апулея, ритор Цицерона. В дальнейшем принцип всеединства отстаивали выдающиеся богословы и философы Климент Александрийский, Григорий Нисский, Августин Блаженный, Николай Кузанский, ученые Н. Коперник, Дж. Бруно, Г. Галилей, Парацельс, Э. Сведенборг, М. В. Ломоносов, писатели И. В. Гёте, все романтики, М. А. Булгаков (его роман «Мастер и Маргарита» претендует на синтез разных учений и идей, в том числе мистических, т. е. причислявшихся к паранауке).

Оккультисты монополизировали идею всеединства, положили ее в основу гносеологии, алхимии, астрологии, ересей христианства (богомилы, катары, павликиане и др.) и масонства [5]. На самом деле все не так. Еще за тысячелетия до возникновения науки и философии мифология, как древнейшая философия, народная философия, видела гармонию во всех проявлениях действительности – посредством сети перекрестных взаимоотношений. Согласно мифологическим представлениям, причем у всех народов Земли, одни сущности повторяют и отражают другие, соотносятся друг с другом. Реальность представляет собой находящуюся в непрерывном движении живую картину *аналогий*. Собственно, принцип аналогий, так называемая *трансдукция*, лежит в основе человеческого мышления, деятельности правого полушария коры головного мозга.

Известный английский физик-теоретик Дж. Барроу писал: «Если покопаться в древних мифах, рассказывающих о сотворении мира и судьбах его обитателей, складывается ошеломляющее впечатление, что погружаешься в готовую “теорию всего”. Вокруг царит законченность, уверенность, определенность. <...> Все сущее сплетено в единый го-белен, где все ясно и понятно. Эти древние мифы и были первыми “теориями всего”» [6, с. 14].

Всю сложнейшую сеть аналогий, замечательную симфонию мироздания зафиксировала мифология в миллионах удивительных образов. А далее мыслители и писатели оформили их научно, в том числе теологически, и художественно-системно: И. Кант, Ф. Лаплас, Э. Фламарион, Н. Ф. Фёдоров, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский, но также и Л. Н. Толстой, Г. Уэллс, В. Я. Брюсов, М. А. Булгаков, К. Г. Паустовский, М. М. Пришвин, В. И. Белов – каждый по-своему – пытались установить космическую взаимосвязь явлений жизни. Но начиналось все от звездных культов далекой древности, лунно-солярных мифов, эллинского учения о космосе, идеи буддистского Востока о бесконечности живого во времени и пространстве, практики китайского фэн-шуй.

В работах Ньютона Вселенная предстала как цельный космический *механизм*, все части которого связаны законом всемирного тяготения. К на-

чалу XIX в. Ф. В. Шеллинг сформулировал положение о всеединстве природы. Затем Г. В. Ф. Гегель рассматривал все явления жизни диалектически, т. е. с точки зрения их собственной связи. Однако наука именно в это время окончательно раздробилась. Видимо, в этом также проявляется диалектика процесса познания.

А затем начинается – на следующем витке развития науки – новое движение к всеединству.

Русский писатель-романтик В. Ф. Одоевский, человек, поражавший современников энциклопедичностью своих знаний, полагал, что ученый, изучающий только одну науку, ее не знает: любой предмет для его понимания требует многих наук.

После В. Ф. Одоевского славянофил И. В. Киреевский, также исключительно глубокий исследователь, заявлял, что холодный, рассудочный анализ, характерный для науки, привел к потере единства представлений о мире. Киреевский едва ли не первым указал на разрыв между рациональностью мира, каким его видело естествознание XIX в., и иррациональностью человеческого Я.

В то время в России возникают новые оригинальные «системные конструкции», например, в химии (Д. А. Менделеев), физиологии (И. М. Сеченов). А в системе любая вещь, явление рассматриваются в их многочисленных связях – только так можно понять, как система развивается и каковы механизмы ее развития.

Характерно, что именно в России возникло явление так называемого *космизма* в творчестве замечательных философов Н. Ф. Фёдорова, В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, П. Флоренского, А. Л. Чижевского. Неслучайно К. Э. Циолковский считал себя учеником Н. Ф. Фёдорова. Космисты изучали космос как бы изнутри, для их теорий характерен глубокий синтез естественно-научной и философской мысли. Через столетие, на рубеже XX–XXI вв., близким к теории русских космистов оказался *антропный* принцип, проповедуемый нобелевскими лауреатами С. Хокингом и Ф. Д. Дайсоном.

В духе теории космизма о теснейшей взаимосвязи жизни на Земле с широким спектром электромагнитных, гравитационных и других пока не изученных излучений из космоса напомнил К. Э. Циолковский. Ученый был уверен, что множество явлений на планете могут быть поняты только при взгляде на них с «космической точки зрения», так как «люди живут более жизнью космоса», чем жизнью Земли. Недаром так волновал космос наших предков: он бесконечно значительнее Земли по своему объему, массе и времени существования.

Независимо от К. Э. Циолковского его современник В. И. Вернадский создал науку биогеохимию и теорию биосферы, *научно доказав*, что человек и окружающая его среда (область жизни) составляют единство. При этом к утвердившемуся в XIX в. позитивизму В. И. Вернадский относился с недове-

рием, называя его просто схемой. Ученый стремился к *целостному* мировоззрению, создав в своей теории фактически новую парадигму науки.

Причем, в отличие от гениальных прозрений К. Э. Циолковского, В. И. Вернадский сформулировал закон о *космической* эволюции Земли, основываясь на многочисленных данных, касающихся геохимической и биологической истории нашей планеты. В его работах идея о единстве человека и природы получает *научный* фундамент. Вернадский полагал, что «люди живут жизнью космоса», потому что сама Земля – явление космической жизни: «Рождение биосферы можно рассматривать как планетарно-космическую “особую точку” – качественный скачок...» [7, с. 250].

Более того, само человечество участвует в космической эволюции. Таким образом, В. И. Вернадский – создатель самой, по существу, значительной философской теории XX в. – *теории ноосферы*. Обычно, говоря о ноосфере, помимо В. И. Вернадского, упоминают французских ученых Т. де Шардена и Э. Леруа. Однако они в 1922 г. слушали в Сорбонне лекции В. И. Вернадского и сформировали свои взгляды под его влиянием.

Ноосфера – единство двух миров, «которые есть у человека» (Н. А. Заболоцкий), – мира природы и мира культуры. Это творческое воздействие человека на природу. Теория В. И. Вернадского говорит о возможности человечества, его мыслей, труда влиять на процесс *эволюции* Вселенной. Причем В. И. Вернадский ставит вопрос о «едином, “научно-художественном” охвате природы как Целого» [8, с. 253], т. е. утверждает необходимость изменения парадигмы науки, важность доминирования в ней целостного подхода к явлениям природы и функционированию общества, такого подхода, который сочетал бы строго научный, рациональный и *художественный* методы исследования. Ученый был уверен в необходимости соединить разные методы познания действительности и моделирования ее. Сам В. И. Вернадский в поисках целостного мировоззрения и новых методологий обращался к философии, художественной литературе (особенно он любил И. В. Гёте), мифологии. И если ноосфера – *разумная* сторона космоса, то размываются грани между наукой и мистикой, философией и мифологией, но ученый этого не боялся.

Вернадский поставил проблему. Последующие десятилетия подтвердили его правоту, причем нельзя не говорить и о негативном воздействии человечества на природу. Тем более следует помнить о теории русского ученого, о необходимости целостного и любовного отношения к нашему единственному дому – Земле.

На наших глазах ко все большему синтезу стремятся разные виды искусства – в архитектуре, дизайне, театре. Объединяются и науки, тяготеют к сближению наука и искусство. Так, для утверж-

дения подлинности Слова о полку Игореве потребовалась система доказательств из данных самых разных наук – истории, археологии, этнографии, даже биологии. Психология наряду с использованием естественно-научных методов все чаще обращается к достижениям классической литературы с ее исследованием невероятных глубин человеческой души.

В связи с теорией В. И. Вернадского чрезвычайно важно на современном этапе изменение принципов *образования*. Очевидно, что тестовая система, изобретенная для умственно отсталых детей в США, не оправдывает себя. Она возможна в *процессе* обучения, но не для итоговой проверки знаний. Ясно и то, что Болонская система рихтует, фигурально выражаясь, все мировые УВО под один параметр. А между тем у детей, молодежи стремительно утрачивается познавательный интерес, исчезает понимание самооценности знания, замечается нежелание идти в науку, а отсюда – и явный кризис, который наука переживает. Все будто бы науку уважают, наукой клянутся, к ней апеллируют, однако 3 % населения США верят в плоскую Землю, а 25 % жителей России убеждены, что Солнце вращается вокруг Земли.

Педагогическая общественность видит драматизм ситуации, много и правильно говорит о необходимости перемен, важности углубления научного подхода. Однако на официальном уровне утверждается облегченная модель учебы и требование использования игровых методов в преподавании. Автор этих строк еще с 1980-х гг. широко прибегал к игровым методам. Занятия проходили весело, студентам было интересно. Да только на *уровне* знаний это никак не отразилось. И последующая практика моя и моих коллег подтвердила: разные «завлекаловки» не улучшают качество усвоения материала. Они нужны, необходимы, особенно в практике дошкольного образования, изредка и в школе, университете, но нельзя их делать основным методом. Какие-то базовые истины нужно заучивать так, как заучивают правила дорожного движения.

Без цифровых технологий сегодня, конечно, не обойтись, хотя во многом это возвращение к механистическим принципам XIX в. И вообще, пока человек – не киборг, т. е. не соединен напрямую с компьютером, он должен запоминать большой объем информации *совершенно так же*, как это делали ученики Платона и Аристотеля. Более того, апологетам «цифры», сторонникам дистанционного обучения хотелось бы напомнить известный философский рассказ «Верный вопрос» классика мировой фантастики Р. Шекли. Сюжет его таков: на некоей планете изобрели машину под названием «Ответчик», которая отвечала на абсолютно любой вопрос (вроде интернета). Тут же с других планет полетели к Ответчику. Однако на все вопросы, которые зада-

вали машине, она отвечала: «Вопрос непонятен»; «Вопрос некорректен». В Ответчике – разгадки всех проблем Вселенной, но они откроются лишь при верном вопросе. Иначе говоря, «чтобы правильно задать вопрос, нужно знать большую часть ответа» [9, с. 98]. Стоило бы помнить об этом некоторым чиновникам, стремящимся быстрее загнать нас в «цифру» (а между тем в начале было Слово).

Облегчить процесс познания возможно на путях иной парадигмы обучения. Игровые методы автор понимает как широкое использование *межпредметных связей*. Даже я в своей практике имею опыт объединения художественной литературы и биологии, литературы и религии, языка и психологии, мифологии и физики, мифологии и астрономии. А в преподавании дисциплины «История мировой культуры» вообще прибегала к самым разным наукам. Пусть студенты не все запоминали, но они, по крайней мере, убеждались в красоте мира, богатстве культуры, силе творчества, важности знаний.

Возможно (я лишь ставлю вопрос), стоит использовать и паранауку в преподавании, т. е. излагать по той или иной проблеме не только официальные версии, но и альтернативные? Конечно, подходить к этому следует очень взвешенно и ответственно. Но уж лучше разбирать таинственное и загадочное в мире всем вместе, студентам под руководством педагога, прибегая именно к научным объяснениям, чем верить интернету и желтой прессе.

Целостный подход, за который ратовал В. И. Вернадский, необходим: и потому, что все в мире стремится к связи и интеграции – это и всемирная сеть, и синтез искусств, и открытия на стыке разных наук; и потому, что нужно заинтересовать молодых людей, не топчась на убогой деланке официальных версий, а привлекая самый обширный и разнообразный материал. А главное, потому, что обучение неразрывно с *воспитанием*, а воспитание Человека можно доверить только Человеку, а не машине. Если, конечно, мы хотим воспитать Человека.

Библиографические ссылки

1. Ананченко А. Здесь и сейчас! Зачем вести «летопись» современности. *Завтра*. 2017. 11 августа. с. 4.
2. Лосев АФ. Диалектика мифа. В: Лосев АФ. *Миф. Число. Сущность*. Москва: Мысль; 1994.
3. Козолупенко ДП. *Мифопоэтическое мировосприятие*. Москва: Канон-плюс; 2009.
4. Кэмпбелл Дж. *Мифы, в которых нам жить*. Киев: София; 2002.
5. Бейджент М, Ли Р. *Эликсир и камень*. Москва: Эксмо; 2004.
6. Барроу Д. *Новые теории всего*. Минск: Поппури; 2012.
7. Большаков БЕ. Человек. Энергия. Ноосфера. В: Мочалов ИИ, редактор. *Прометей. Том 15*. Москва: Молодая гвардия; 1988. с. 249–252.
8. Гордиенко ЛН. И образ, и термин. В: Мочалов ИИ, редактор. *Прометей. Том 15*. Москва: Молодая гвардия; 1988. с. 253–256.
9. Шекли Р. *Миры Роберта Шекли. Сборник научно-фантастических рассказов*. Москва: Мир; 1984.

References

1. Ananchenko A. [Here and now! Why conduct a «chronicle» of modernity]. *Zavtra*. 2017 August 11. p. 4. Russian.
2. Losev AF. [Dialectics of Myth]. In: Losev AF. *Mif. Chislo. Sushchnost'* [Myth. Number. Essence]. Moscow: Mysl'; 1994. Russian.
3. Kozolupenko DP. *Mifopoeticheskoe mirovospriyatie* [Mythopoetic world view]. Moscow: Kanon-plyus; 2009. Russian.
4. Campbell J. *Mify, v kotorykh nam zhit'* [Myths in which we live]. Kyiv: Sofiya; 2002. Russian.
5. Bejent M, Lee R. *Eliksir i kamen'* [Elixir and stone]. Moscow: Eksmo; 2004. Russian.
6. Barrow D. *Novye teorii vsego* [New theories of everything]. Minsk: Poppuri; 2012. Russian.
7. Bolshakov BE. [Human. Energy. Noosphere]. In: Mochalov II, editor. *Prometei. Tom 15* [Prometheus. Volume 15]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1988. p. 249–252. Russian.
8. Gordienko LN. [And the image, and the term]. In: Mochalov II, editor. *Prometei. Tom 15* [Prometheus. Volume 15]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1988. p. 253–256. Russian.
9. Shackley R. *Miry Roberta Shekli. Sbornik nauchno-fantasticheskikh rasskazov* [Worlds of Robert Shackley. Collection of science fiction stories]. Moscow: Mir; 1984. Russian.

Статья поступила в редколлегия 12.09.2018.
Received by editorial board 12.09.2018.

Р. С. Один из самых читаемых и любимых авторов нашего журнала, известный белорусский ученый, доктор филологических наук, профессор Татьяна Ивановна Шамякина 8 октября отметила свой юбилей. Дорогая Татьяна Ивановна, примите наши самые искренние поздравления и пожелания здоровья, счастья и радости жизни на долгие годы! Ваша смелость в отстаивании своей позиции, открытость суждений, принципиальность в оценках просто восхищают и служат вдохновляющим примером для наших ученых. Ждем от Вас новых творческих работ и интересных публикаций в нашем издании.

Редколлегия

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 614.2:005.6:340.115.4(476.6)

КАЧЕСТВО МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ КАК ПРЕДМЕТ МЕДИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

М. Ю. СУРМАЧ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный медицинский университет,
ул. М. Горького, 80, 230009, г. Гродно, Беларусь

Выполнены анализ, обобщение и систематизация подходов к оценке качества медицинской помощи с учетом отечественного и зарубежного опыта. Охарактеризованы традиционно применяемые в Беларуси механизмы контроля качества деятельности в системе здравоохранения. Актуализированы изучение и оценка социальной эффективности, особое внимание уделено проработке методологии оценки удовлетворенности пациентов. Приведены примеры инновационного использования медико-социологических методов в контроле качества медицинской деятельности в практическом здравоохранении Гродненской области. Даны рекомендации по дальнейшему продвижению медико-социологического изучения качества медицинской помощи в целях гармонизации взаимоотношений в социальной системе медицины.

Ключевые слова: качество медицинской помощи; эффективность здравоохранения; удовлетворенность медицинской помощью; медико-социологическое изучение.

Образец цитирования:

Сурмач МЮ. Качество медицинской помощи как предмет медико-социологического изучения. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:109–116.

For citation:

Surmach MY. Quality of medical services as a subject of medical-sociological study. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:109–116. Russian.

Автор:

Марина Юрьевна Сурмач – доктор медицинских наук, доцент; заведующий кафедрой общественного здоровья и здравоохранения.

Author:

Marina Y. Surmach, doctor of science (medicine), docent; head of the department of public health and health services. marina_surmach@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3653-8385

QUALITY OF MEDICAL SERVICES AS A SUBJECT OF MEDICAL-SOCIOLOGICAL STUDY

M. Y. SURMACH^a

^a*Hrodna State Medical University, 80 M. Horkaha Street, Hrodna 230009, Belarus*

The article analyzes, summarizes and systematizes approaches to assessing the quality of care, taking into account domestic and foreign experience. The traditionally applied mechanisms of quality control in Belarusian healthcare system are characterized. The study and evaluation of social effectiveness are actualized, special attention is paid to the development of methodology for assessing the satisfaction of patients. Examples of innovative use of medical-sociological methods in monitoring of quality of medical services in health care in Grodno region are given. Recommendations are elaborated for further promotion of medical-sociological study of quality of medical services with aim of harmonizing the relationships in the social system of medicine.

Key words: quality of medical services; effectiveness of health care; satisfaction of medical care; medical-sociological study.

Введение

Коммерциализация здравоохранения неизбежно обостряет противоречие между экономическим рационализмом и медицинским гуманизмом, решение которого заключается в гарантии медицинской помощи, дающей максимальный эффект при рациональных затратах. Потому столь актуальным представляется анализ качества медицинской помощи как многокомпонентного и динамичного понятия.

Цель работы – систематизировать подходы к изучению качества медицинской помощи с акцентом на его социальные аспекты, очертить перспективы применения медико-социологических методов в контроле качества деятельности в сфере здравоохранения.

Работа представляет собой аналитическое исследование, обобщение и систематизацию подходов к оценке качества медицинской помощи, на основе которого даны рекомендации по дальнейшему продвижению медико-социологического изучения реформирования отрасли в целях гармонизации взаимоотношений в социальной системе медицины. Особое внимание уделено методологии оценки удовлетворенности пациентов на основе принятых в России и предлагаемых за рубежом методик. Приведены примеры использования медико-социологических методов в контроле качества медицинской деятельности в здравоохранении Гродненской области.

Результаты и их обсуждение

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) выделяет десять основных источников неадекватной эффективности медицинской помощи [1]. Среди них указываются факторы, связанные с лекарственным обеспечением, качеством медицинских услуг, чрезмерным использованием или поставками оборудования, низкой мотивацией медицинского персонала, растратами, коррупцией в системе здравоохранения. В Беларуси контроль качества медицинской помощи традиционно осуществляется с помощью комплекса механизмов, среди которых основными являются стандартизация, контроль показателей деятельности организаций здравоохранения, экспертная оценка качества [2]. По мнению экспертов ВОЗ, качественная медицинская помощь должна быть результативной (оказываемой на доказательной базе и обеспечивающей улучшение здоровья пациентов), эффективной (достигать максимального эффекта при рациональном использовании ресурсов), доступной (оказываемой своевременно, географически (территориально) обоснованно и осуществляемой в условиях, где профессиональные умения и ресурсы

соответствуют потребностям пациентов), «принимаемой», пациентоцентрированной (необходимо учитывать предпочтения и потребности пациентов и общества, его культурные нормы), равной (оказываемой одинаково качественно независимо от индивидуальных характеристик пациента) и безопасной [3].

Под *медицинским эффектом* следует понимать степень (эффект) достижения поставленных задач в области профилактики, диагностики и лечения. Качество медицинского эффекта включает структурное качество, качество процесса (технологии) и качество результата. *Структурное качество* медицинской помощи – составляющая, описывающая условия ее оказания. На первом уровне (медицинская организация в целом) его оценка проводится с учетом состояния ресурсов. На втором уровне (медицинский работник в отдельности) структурное качество представлено профессиональными качествами медицинского работника, а именно суммой его теоретических знаний, умений и навыков выполнения конкретных лечебно-диагностических манипуляций. *Качество технологии* – это

составляющая качества медицинской помощи, описывающая процесс ее оказания. Нарушения качества технологии медицинской помощи проявляются во врачебных ошибках. *Качество результата* – это составляющая, описывающая результат оказания медицинской помощи.

Социальный эффект характеризуется улучшением здоровья населения на групповом и общественном (популяционном) уровнях, снижением заболеваемости, преждевременной смертности, изменением демографических показателей, а также удовлетворенностью пациентов. В большинстве стран СНГ причины, по которым население может быть не удовлетворено медицинской помощью, сходны: это невнимательное и (или) грубое отношение со стороны медицинского персонала; попытки вымогательства; некачественное питание; отсутствие медикаментов, эффекта от лечения; очереди; отсутствие необходимых специалистов, сервисных услуг и т. д. Как правило, указанные недостатки касаются медицинской помощи, оказываемой населению бесплатно [4]. Отдельно необходимо рассматривать пациентов, получающих медицинскую помощь за плату [5]. Внимание этой группы привлекают уровень сервисного обслуживания, предлагаемый медицинской организацией, престиж организации, который складывается из квалификации персонала, времени пребывания на рынке медицинских услуг, круга обслуживаемых пациентов. Характерно, что при возникновении серьезных проблем со здоровьем у таких пациентов потребность в сервисе уступает место потребности в защите и качественной медицинской помощи.

Основой высокой социальной эффективности здравоохранения является гарантия доступности медицинской помощи. Оценку по данному критерию традиционно проводят с помощью показателей обеспеченности населения медицинским персоналом (соотношение «врачи – население», «средний медицинский персонал – население»), больничными койками, аптеками, количества вызовов скорой медицинской помощи и т. п. По этим показателям Республика Беларусь традиционно не уступает большинству стран мира и даже превосходит их. Однако территориальная и экономическая доступность не гарантируют полного охвата населения медицинской помощью. Во многих странах присутствуют нематериальные барьеры: гендерные стереотипы (как, например, запрет женщинам самостоятельно обращаться за медицинской помощью), культурные стереотипы (неодобрение западной биомедицинской модели с превалированием среди отдельных слоев населения народной медицины, предрассудки по отношению к некоторым заболеваниям), языковые барьеры, которые препятствуют эффективному функционированию здравоохранения.

Одним из важнейших показателей эффективности здравоохранения является количественный общий *экономический эффект*, полученный в народном хозяйстве в результате проведения тех или иных мероприятий, а также ожидаемый потенциальный эффект от внедрения разрабатываемых мер. Попытки представить общий показатель экономической эффективности всего здравоохранения в виде формулы, числитель которой выражал бы прирост национального дохода «за счет здравоохранения», а знаменатель – расходы на данную сферу, в принципе несостоятельны, так как здоровье населения зависит прежде всего от сложного комплекса социально-экономических условий и культурного развития, а затем уже – от уровня медицинской помощи [6; 7]. Для определения экономической эффективности здравоохранения используются ряд методик, среди которых важное место занимают методики расчета экономического эффекта от предотвращенного ущерба, сокращения периода временной нетрудоспособности работников предприятий народного хозяйства [8]. Для оценки эффективности медицинской услуги в практических целях применяется также методика расчета сравнительной эффективности (рациональности). Сравнительная эффективность определяется исходя из соотношения между количеством затраченных ресурсов и достижением желаемого результата. Медицинская деятельность (услуга) эффективна, если затраты на нее меньше стоимости осложнений, вызванных заболеванием или патологическим состоянием [9].

Наибольшую трудность в оценке качества медицинской помощи вызывает такой критерий, как удовлетворенность пациентов. Причины понятны: этот показатель субъективен, и на него влияют множество непрерывно меняющихся факторов. Современная тенденция к повышению конкуренции между организациями здравоохранения создает необходимость поиска каждым учреждением так называемого уникального торгового предложения (*unique sale proposal*) [10]. Для создания такого предложения необходимы уникальные подходы к разработке инструментария по оценке удовлетворенности потребителей медицинской помощью, полученной в конкретном учреждении, важно выявление специфичных факторов, влияющих на удовлетворенность потребителей медицинской помощью, – факторов имиджа организации. С начала 1980-х гг. такие факторы выявлялись и классифицировались: обращает внимание их разнообразие [11–14], а также то, что именно с этого времени принципиально начал применяться маркетинговый подход к медицинской помощи как к сфере услуг. Значимо также, что многие опросники для пациентов создаются на основе экспертных (разработанных профессионалами в сфере здравоохранения) оценок. Экспертные оценки, в свою оче-

редь, базируются на клинических характеристиках медицинской помощи и не обязательно совпадают с оценками пациентов. В то же время анализ факторов оценки качества медицинской помощи с позиции пациента показывает, что они в целом сводятся к медицинской и сервисной составляющим. При этом качество медицинской составляющей поддается стандартизации, а качество обслуживания – фактор субъективный, изменчивый, допускающий риск несогласованности ожиданий пациентов и позиции медицинских работников.

Применение подхода к оценке качества медицинской помощи по аналогии с маркетинговыми исследованиями в сфере услуг, здравоохранении наиболее часто происходит в рамках методики *SERVQUAL* (от англ. *service quality* – качество обслуживания). В 1985 г. А. Парасураман (A. Parasuraman) вместе с соавторами на основании 12 фокус-групп в четырех сферах обслуживания (банковское обслуживание, кредитные карты, брокерские операции и гарантийное обслуживание) выделил одинаковые общие критерии, используемые потребителями для оценки качества услуг. Исследователи определили качество услуг как интегральную оценку, вычисляемую на основе расхождений между ожиданиями и восприятием потребителей [15]. В 1988 г. А. Парасураман и соавторы разработали опросник *SERVQUAL*, включавший пять показателей: 1) материально-техническое обеспечение, помещение; 2) надежность; 3) реагирование персонала на запросы клиентов; 4) доверие со стороны клиента; 5) сочувствие со стороны персонала. С помощью данной методики измеряются ожидания потребителей и их восприятие реальной ситуации с последующим сравнением восприятия и ожиданий. Вопросы сгруппированы в блоки в соответствии с пятью детерминантами качества: осязаемостью, надежностью, отзывчивостью, уверенностью, эмпатией. Респонденты отвечают на вопросы с помощью семибалльной шкалы Лайкерта. По каждой из детерминант вычисляется соответствующий индекс как разность между воспринятым и ожидаемым уровнем качества услуги. С учетом приоритета детерминант для потребителей полученные значения усредняются, и это дает общий индекс *SQI* (*Service Quality Index*). Опросник *SERVQUAL* характеризуется высокой надежностью, конструктивной валидностью, стабильной (для разных сегментов услуг) значимостью пяти его компонентов, что позволяет использовать его в различных сферах услуг [16].

Исследователь В. Килборн (W. Kilbourne) показал, что следующие группы факторов *SERVQUAL* являются общими для разных сегментов медицинской помощи: 1) материально-техническое обеспечение; 2) реакция на запросы клиентов; 3) надежность и эмпатия [17]. В свою очередь, А. Дин

(A. Dean) обнаружил, что четыре из пяти групп факторов, учитываемых в *SERVQUAL*, являются одинаково важными в двух разных сегментах медицинской помощи – медицинском центре и центре матери и ребенка: это факторы доверия, материально-технического обеспечения, эмпатии, надежности и реакции на запросы клиентов [18].

Исследователи Р. Рейденбах (R. Reidenbach) и Б. Сандифер-Смоллвуд (B. Sandifer-Smallwood) модифицировали *SERVQUAL*, расширив его до 41 показателя качества медицинской помощи, которые разделили на десять групп факторов [19]. На основе *SERVQUAL* Р. Рамсаран-Фовдар (R. Ramsaran-Fowdar) создал новый опросник *PRIVHEALTHQUAL*, дополненный новыми факторами качества помощи, обнаруженными в 1990–2000-х гг. По результатам анализа наиболее высокая корреляция интегрального показателя обнаруживалась у характеристики «надежность», включавшей в себя нацеленность на проблемы конкретного пациента, квалификацию врача и готовность направить к другому специалисту в случае необходимости [20].

С учетом результатов исследования на основании значимости факторов для каждого сегмента рынка была создана математическая модель удовлетворенности. В сегменте неотложной помощи наибольшее влияние на удовлетворенность оказывал эмоциональный комфорт пациента [21]. В стационарном сегменте статистически значимую прямую связь с удовлетворенностью помощью обнаруживали четыре группы факторов: забота о пациенте и нацеленность на его личные потребности, быстрота ответа на возникающие потребности пациента, уютность, питание [22]. В амбулаторном сегменте лишь два фактора обнаруживали статистически значимую связь с удовлетворенностью помощью – отношение со стороны медицинского персонала и предоставление услуг вовремя. Выявляется также тенденция влияния на удовлетворенность пациентов еще двух факторов – немедицинского персонала и уютности [23].

Наряду с различными детерминантами качества, оцениваемыми посредством различных авторских и отчасти унифицированных методик изучения удовлетворенности пациентов качеством медицинской помощи, применяются и различные оценочные шкалы: от закрытых вопросов с дихотомическими шкалами до десятибалльных шкал и открытых вопросов. Так, в России, согласно Федеральному закону от 21 июля 2014 г. № 256-ФЗ, по принципу информационной открытости организован онлайн-мониторинг качества условий оказания услуг медицинскими организациями. На сайте Министерства здравоохранения Российской Федерации любой потребитель услуг медицинского назначения имеет возможность выбрать организацию, в которой получал медицинскую помощь,

и заполнить опросник¹. Предназначенные для оценки качества опросники не имеют различий по отдельным организациям здравоохранения, однако разделены по условиям оказания медицинской помощи (в амбулаторных, стационарных, санаторных условиях). Преимущественно использованы закрытые вопросы с дихотомическими шкалами. Открытые вопросы и вопросы с балльными шкалами отсутствуют. Вместе с тем анализ показывает, что удобство онлайн-заполнения и дальнейшей статистической обработки данных, являющееся преимуществом закрытых вопросов с дихотомическими шкалами, все же не может считаться основанием для исключения порядковых шкал и открытых вопросов.

К настоящему моменту накоплен большой объем данных о факторах и группах факторов, влияющих на удовлетворенность пациентов медицинскими услугами, однако не существует единого подхода к выделению их видов [24]. Исходя из этого, представляется невозможным создание универсального опросника, подходящего для изучения факторов удовлетворенности в любом медицинском учреждении. Оптимально включение в опросник ограниченного числа универсальных для данного сегмента помощи характеристик и нескольких вариативных характеристик, специфичных для узкого сегмента помощи или лечебного учреждения, с последующим формированием многофакторной модели удовлетворенности потребителей медицинской помощью. При создании опросника необходимо проведение фокус-групп или глубинных интервью с пациентами. После разработки опросника проводится его валидация в целях проверки соответствия инструмента поставленным задачам. В случае когда основная цель – выявление факторов, влияющих на удовлетворенность медицинскими услугами, а содержание опросника вариативно, наиболее важным методом валидации выступает определение внутренней валидности (согласованности) опросника.

Немедицинские (неклинические) аспекты деятельности системы здравоохранения в восприятии пациентами объединяют в самостоятельном понятии *отзывчивость системы здравоохранения*. ВОЗ определены восемь основных критериев оценки отзывчивости: достоинство, конфиденциальность,

выбор поставщика, коммуникабельность врача, надлежащие условия, оперативность, автономность, доступ к социальной поддержке (применим только к стационарным условиям); также указаны два дополнительных критерия: уважение и ориентация на пациента (клиента) [25–27]. Наиболее значимыми компонентами для россиян стали коммуникабельность, участие пациента в ходе лечения, конфиденциальность, надлежащие условия и уважение [28].

Перспективным является развитие и широкое практическое применение для оценки социальной эффективности деятельности в сфере здравоохранения методик измерения *связанного со здоровьем качества жизни*. В последние десятилетия обеспечение максимально высокого качества жизни становится главной целью лечения при хронических заболеваниях, не ограничивающих продолжительность жизни. Эта цель является дополнительной при заболеваниях, ограничивающих продолжительность жизни, и единственной – для пациентов в инкурабельной стадии заболевания [29]. Качество жизни – это степень восприятия людьми того, что их потребности удовлетворяются, а необходимые для достижения благополучия и самореализации возможности предоставляются. Термин «качество жизни, связанное со здоровьем» впервые был предложен исследователями Капланом (*Kaplan*) и Бушем (*Bush*) в 1982 г. для того, чтобы отличить аспекты качества жизни, относящиеся к состоянию здоровья и заботе о нем, от широкой общей концепции качества жизни. Современная концепция качества жизни в медицине включает три основные составляющие: многомерность (качество жизни несет информацию о всех основных сферах жизнедеятельности человека), изменчивость во времени (качество жизни изменяется во времени в зависимости от состояния пациента, данные о качестве жизни позволяют осуществлять мониторинг и в случае необходимости проводить коррекцию лечения и реабилитации), участие индивидуума в оценке своего состояния (оценку качества жизни должен проводить сам пациент). Четыре критерия являются ключевыми в оценке связанного со здоровьем качества жизни: условия жизни, образ жизни, удовлетворенность ими и поведение по отношению к здоровью [30].

Социологические методы контроля качества деятельности в практическом здравоохранении Беларуси

Требования времени таковы, что подавляющее большинство учреждений здравоохранения вынуждены сертифицироваться на предмет соответствия деятельности европейским стандартам качества. В свою очередь, оценка удовлетворенности различных категорий потребителей является не-

отъемлемой частью систем менеджмента качества (маркетинговые исследования удовлетворенности). Без глубокой маркетинговой проработки невозможно формирование благоприятного имиджа организации [31]. Понимание этого факта прежде всего отразилось на тех организациях, которые вы-

¹См.: <https://www.rosminzdrav.ru/open/supervision/format>.

страдали собственные системы менеджмента качества. Так, например, служба менеджмента качества Гродненского государственного медицинского университета регулярно проводит опросы различных категорий потребителей. План маркетинговых исследований доступен на сайте университета², результаты анализа размещены во внутренней сети.

Очевидно, что опросный метод находит все более широкое применение как важный механизм контроля качества деятельности и в практическом здравоохранении. Так, например, для обоснования параметров контроля деятельности по профилактике острых нарушений мозгового кровообращения (ОНМК) на базе Гродненской областной клинической больницы (ГОКБ) разработана методика, которая включает проведение опроса всех пациентов области с диагнозом «мозговой инсульт» в возрасте от 18 до 80 лет, находящихся в сознании [32; 33]. Опрос осуществляется посредством стандартизованного (согласно опросному листу, утвержденному приказом управления здравоохранения Гродненского областного исполнительного комитета от 25 ноября 2016 г. № 1088) интервью лечащим врачом накануне выписки пациента по месту его лечения. Заполненный врачом бланк опроса в электронной форме предоставляется в организационно-методический отдел ГОКБ для анализа и экспертной оценки качества. Несмотря на краткость поступающей от пациента информации (о посещении поликлиники до наступления ОНМК и обращении за медицинской помощью при возникновении симптомов ОНМК, об информированности в отношении ОНМК и роли в обучении

и информировании пациента поликлинической службы), ее достаточно, чтобы получить представление об эффективности работы поликлиник по профилактике инсультов. Анализ поступающих данных позволяет осуществлять мониторинг медико-социальных факторов риска, связанных с возможными неблагоприятными последствиями ОНМК у пациентов Гродненской области, а также оценивать социальную и медицинскую эффективность проводимых мероприятий в специализированных организациях здравоохранения.

Еще одним примером применения медико-социологического метода в контроле качества деятельности практического здравоохранения является организационный эксперимент, проведенный в КОГБ. В его основу была положена гипотеза, в соответствии с которой повышение эффективности контроля за показателем запущенности (выявления злокачественных новообразований в поздней стадии) на областном уровне, основанное на обратной связи с пациентом, будет способствовать улучшению качества организации профилактики новообразований в регионе. Очевидно, что случаи неверного определения причин запущенности редкие и ни в коей мере не относятся к системным. Однако каждый из них приводит к упущению пациентом и врачом времени, необходимого для эффективного лечения и реабилитации, сохранения качества жизни, а также к преждевременной смертности. Детальный анализ каждого подобного случая является низкозатратным методом, который помогает установить истинную причину запущенности и принять меры контроля [34].

Заключение

Информация, необходимая для эффективного управления качеством медицинской помощи, не может быть полной без возможности обратной связи системы с обществом – медико-социологического изучения таких аспектов качества, как удовлетворенность медицинской помощью, отзывчивость системы здравоохранения, связанное со здоровьем качество жизни. Рассмотренные примеры применения медико-социологических

методов в контроле качества деятельности в сфере здравоохранения Гродненской области не могут быть использованы как эталон для медико-социологического изучения и оценки качества медицинской помощи в целом. Тем не менее они ярко показывают, насколько востребовано с практической точки зрения в настоящем и будущем такое изучение, имеющее научную основу, глубокую предварительную проработку.

Библиографические ссылки

1. Финансирование систем здравоохранения: путь к всеобщему охвату населения медико-санитарной помощью. Женева: Европейское региональное бюро ВОЗ; 2010.
2. Положение о системе управления качеством медицинской помощи населению в лечебно-профилактических учреждениях Республики Беларусь. Вопросы организации и информатизации здравоохранения. 2002;4:28–30.
3. Quality of care: a process for making strategic choices in health systems [Internet]. 2006 [cited 2018 May 15]. Available from: http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/43470/9241563249_eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y.
4. Горюшкин ИИ. Медицина, здоровье и общество: что есть хорошее медицинское обслуживание? (Системный подход). Актуальные проблемы современной науки. 2005;5:200–202.
5. Шейман ИМ. Теория и практика рыночных отношений в здравоохранении. 2-е издание. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ; 2008.

²См.: http://www.grsmu.by/ru/university/about/quality-management-system/tek_dok.

6. Вялков АИ. Оценка эффективности деятельности учреждений здравоохранения. *Главврач*. 2005;3:25–33.
7. Шамшурина НГ. Показатели социально-экономической эффективности в здравоохранении. Москва: МЦФЭР; 2005.
8. Назарова ИБ. *Здоровье занятого населения*. Москва: МАКС Пресс; 2007.
9. Сачек ММ, Филонюк ВА, Малахова ИВ, Дудина ТВ, Ёлкина АИ. Оценка эффективности научных разработок, ориентированных на практическое здравоохранение (обзор литературы). *Вопросы организации и информатизации здравоохранения*. 2013;1:13–32.
10. Цыганков БД, Малыгин ЯВ. Подходы к изучению факторов, влияющих на удовлетворенность пациентов медицинской помощью (по данным иностранной литературы). *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2014;4:18–22.
11. Лискович ВА, Снежицкий ВА, Богдан ЕЛ. *Клинический менеджмент*. Гродно: ГрГМУ; 2015.
12. Невский АС. *Социальный маркетинг и социальные заболевания*. Санкт-Петербург: ООО «Антей»; 2011.
13. Шамшурина НГ. Индикаторы общественной результативности управленческих решений в здравоохранении. *Сеченовский вестник*. 2012;2(8):51–54.
14. Bowers MR, Swan JE, Koehler WF. What attributes determine quality and satisfaction with healthcare delivery? *Health Care Management Review*. 1994;19(4):49–55.
15. Parasuraman AA, Zeithaml VA, Berry LL. Conceptual model of service quality and its implications for future research. *Journal of Marketing*. 1985;49(4):41–50. DOI: 10.1177/002224298504900403.
16. Parasuraman AA, Zeithaml VA, Berry LL. SERVQUAL: a multiple item scale for measuring customer perceptions of service quality. *Journal of Retailing*. 1988;64(1):12–40.
17. Kilbourne WE, Duffy JA, Duffy M, Giarchi G. The applicability of SERVQUAL in cross-national measurements of health care quality. *Journal of Services Marketing*. 2004;18(7):524–533. DOI: 10.1108/08876040410561857.
18. Dean AM. The applicability of SERVQUAL in different health care environments. *Health Marketing Quarterly*. 1999;16(3):1–15. DOI: 10.1300/j026v16n03_01.
19. Reidenbach RE, Sandifer-Smallwood B. Exploring perceptions of hospital operations by a modified SERVQUAL approach. *Journal of Health Care Marketing*. 1990;10(4):47–55.
20. Ramsaran-Fowdar RR. The relative importance of service dimensions in a healthcare setting. *International Journal of Health Care Quality Assurance*. 2008;21(1):104–124. DOI: 10.1108/09526860810841192.
21. Liu SS, Dubinsky AJ. Consumers' perceptions of health care. *Health Marketing Quarterly*. 2000;17(4):1–20. DOI: 10.1300/j026v17n04_01.
22. Goldstein L, Farguhar MB, Crofton C. Measuring Hospital Care from the patients perspective: an overview of the CAHPS. *Health Services Research*. 2005;20(6 Part 2):1977–1995. DOI: 10.1111/j.1475-6773.2005.00477.x.
23. Morrison M, Murphy T, Nalder C. Consumer preferences for general practitioner services. *Health Marketing Quarterly*. 2003;20(3):3–19. DOI: 10.1300/j026v20n03_02.
24. Castle NG, Brown J, Hepner KA, Hays RD. Review of the Literature on Survey Instruments Used to Collect Data on Hospital Patients' Perceptions of Care. *Health Services Research*. 2005;40(6 Part 2):1996–2017. DOI: 10.1111/j.1475-6773.2005.00475.x.
25. Оценка деятельности систем здравоохранения [Интернет]. 2012 [прочитано 15 мая 2018 г.]. Доступно по: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0020/160814/HSPA_A-tool-for-health-governance-in-the-21st-century-RUS.pdf.
26. Пути, ведущие к оценкам деятельности систем здравоохранения. Практическое пособие и путеводитель по процессу разработки инструмента ОДСЗ на национальном и территориальном уровне [Интернет]. 2012 [прочитано 15 мая 2018 г.]. Доступно по: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0006/169413/e96512-RUS.pdf.
27. Papanicolas I, Smith PC, editors. *Health system performance comparison: an agenda for policy, information and research*. Berkshire: Open University Press; 2013.
28. Шульгина СВ. Отзывчивость системы здравоохранения и ее характеристики. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2015;23(1):25–27.
29. Новик АА, Ионова ТИ. *Руководство по исследованию качества жизни в медицине*. Санкт-Петербург: Издательский дом «Нева»; 2002. Совместно с «ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир» (Москва).
30. Сурмач МЮ. Качество жизни, связанное со здоровьем, как предмет изучения социологии медицины. *Социология*. 2011;2:100–104.
31. Morgan G. *Images of Organization. Updated Revision*. London: Sage Publications; 2006.
32. Петельский ЮВ, Сурмач МЮ. Новые организационные подходы к профилактике острых нарушений мозгового кровообращения в Гродненской области. *Вопросы организации и информатизации здравоохранения*. 2017;2:37–47.
33. Петельский ЮВ, Сурмач МЮ. Медико-организационные технологии раннего вмешательства при острых нарушениях мозгового кровообращения в Гродненской области. *Вопросы организации и информатизации здравоохранения*. 2017;3:43–50.
34. Сурмач МЮ, Петельский ЮВ. Оптимизация контроля онкологической запущенности как необходимое условие своевременной реабилитации пациентов. В: *Вопросы восстановительной и спортивной медицины. Сборник научных трудов 2-й Международной научно-практической конференции; 1–28 февраля 2018 г.; Москва, Россия*. Москва: Московский научно-практический центр медицинской реабилитации, восстановительной и спортивной медицины Департамента здравоохранения г. Москвы; 2018. с. 8–11.

References

1. *Finansirovanie sistem zdravookhraneniya: put' k vseobshchemu okhvatu naseleniya mediko-sanitarnoi pomoshch'yu* [Financing of health systems: way to universal coverage of population with health care]. Geneva: WHO Regional Office for Europe; 2010. Russian.
2. [Regulation on the quality management system of medical care for the population in the medical and preventive institutions of the Republic of Belarus]. *Voprosy organizatsii i informatizatsii zdravookhraneniya*. 2002;4:28–30. Russian.

3. Quality of care: a process for making strategic choices in health systems [Internet]. 2006 [cited 2018 May 15]. Available from: http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/43470/9241563249_eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y.
4. Goryushkin II. [Medicine, health and society: what is good medical care? (Systems approach)]. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki*. 2005;5:200–202. Russian.
5. Sheiman IM. *Teoriya i praktika rynochnykh otnoshenii v zdavookhraneni* [Theory and practice of market relations in health care]. 2nd edition. Moscow: Higher School of Economics; 2008. Russian.
6. Vyalkov AI. [Evaluation of the effectiveness of health institutions]. *Glavvrach*. 2005;3:25–33. Russian.
7. Shamshurina NG. *Pokazateli sotsial'no-ekonomicheskoi effektivnosti v zdavookhraneni* [Indicators of socio-economic efficiency in health care]. Moscow: MTsFER; 2005. Russian.
8. Nazarova IB. *Zdorov'e zanyatogo naseleniya* [Health of the employed population]. Moscow: MAKs Press; 2007. Russian.
9. Sachek MM, Filonyuk VA, Malakhova IV, Dudina TV, Yolkina AI. Efficiency assessment of practical health care-oriented research developments (literature review). *Problems of Public Health Organization and Information*. 2013;1:13–32. Russian.
10. Tsygankov BD, Malygin YV. The approaches to investigation of factors impacting satisfaction of patients with medical care (according international publications' data). *Problemy sotsialnoi gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny*. 2014;4:18–22. Russian.
11. Liskovich VA, Snezhitskii VA, Bogdan EL. *Klinicheskii menedzhment* [Clinical Management]. Hrodna: Hrodna State Medical University; 2015. Russian.
12. Nevskii AS. *Sotsial'nyi marketing i sotsial'nye zabolevaniya* [Social marketing and social diseases]. Saint Petersburg: LLC «Antei»; 2011. Russian.
13. Shamshurina NG. The indicators of social effectiveness of management decisions in healthcare. *Sechenovskii vestnik*. 2012;2(8):51–54. Russian.
14. Bowers MR, Swan JE, Koehler WF. What attributes determine quality and satisfaction with healthcare delivery? *Health Care Management Review*. 1994;19(4):49–55.
15. Parasuraman AA, Zeithaml VA, Berry LL. Conceptual model of service quality and its implications for future research. *Journal of Marketing*. 1985;49(4):41–50. DOI: 10.1177/002224298504900403.
16. Parasuraman AA, Zeithaml VA, Berry LL. SERVQUAL: a multiple item scale for measuring customer perceptions of service quality. *Journal of Retailing*. 1988;64(1):12–40.
17. Kilbourne WE, Duffy JA, Duffy M, Giarchi G. The applicability of SERVQUAL in cross-national measurements of health care quality. *Journal of Services Marketing*. 2004;18(7):524–533. DOI: 10.1108/08876040410561857.
18. Dean AM. The applicability of SERVQUAL in different health care environments. *Health Marketing Quarterly*. 1999;16(3):1–15. DOI: 10.1300/j026v16n03 01.
19. Reidenbach RE, Sandifer-Smallwood B. Exploring perceptions of hospital operations by a modified SERVQUAL approach. *Journal of Health Care Marketing*. 1990;10(4):47–55.
20. Ramsaran-Fowdar RR. The relative importance of service dimensions in a healthcare setting. *International Journal of Health Care Quality Assurance*. 2008;21(1):104–124. DOI: 10.1108/09526860810841192.
21. Liu SS, Dubinsky AJ. Consumers' perceptions of health care. *Health Marketing Quarterly*. 2000;17(4):1–20. DOI: 10.1300/j026v17n04 01.
22. Goldstein L, Farguhar MB, Crofton C. Measuring Hospital Care from the patients perspective: an overview of the CAHPS. *Health Services Research*. 2005;20(6 Part 2):1977–1995. DOI: 10.1111/j.1475-6773.2005.00477.x.
23. Morrison M, Murphy T, Nalder C. Consumer preferences for general practitioner services. *Health Marketing Quarterly*. 2003;20(3):3–19. DOI: 10.1300/j026v20n03 02.
24. Castle NG, Brown J, Hepner KA, Hays RD. Review of the Literature on Survey Instruments Used to Collect Data on Hospital Patients' Perceptions of Care. *Health Services Research*. 2005;40(6 Part 2):1996–2017. DOI: 10.1111/j.1475-6773.2005.00475.x.
25. The health system performance assessment: the multi-year process in the European Region [Internet]. 2012 [cited 2018 May 15]. Available from: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0020/160814/HSPA_A-tool-for-health-governance-in-the-21st-century-RUS.pdf. Russian.
26. Ways leading to assessments of health systems performance. A practical guide and guide to the development of a HSAT at the national and regional level [Internet]. 2012 [cited 2018 May 15]. Available from: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0006/169413/e96512-RUS.pdf. Russian.
27. Papanicolas I, Smith PC, editors. *Health system performance comparison: an agenda for policy, information and research*. Berkshire: Open University Press; 2013.
28. Shul'gina SV. The responsiveness of health care system and its characteristics. *Problemy sotsialnoi gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny*. 2015;23(1):25–27. Russian.
29. Novik AA, Ionova TI. *Rukovodstvo po issledovaniyu kachestva zhizni v meditsine* [Guide to the study of quality of life in medicine]. Saint Petersburg: Publishing House «Neva»; 2002. Co-edition by the «OLMA-Press Zvezdnyi mir» (Moscow).
30. Surmach MY. Quality of life related to health, as a subject of study of the sociology of medicine. *Sotsiologiya*. 2011;2:100–104. Russian.
31. Morgan G. *Images of Organization. Updated Revision*. London: Sage Publications; 2006.
32. Petel'skii YV, Surmach MY. New organizational approaches to the prevention of acute cerebrovascular disorders in the Grodno region. *Voprosy organizatsii i informatizatsii zdavookhraneniya*. 2017;2:37–47. Russian.
33. Petel'skii YV, Surmach MY. Medical-organizational technologies for early intervention in acute cerebral circulatory disorders in the Grodno region. *Voprosy organizatsii i informatizatsii zdavookhraneniya*. 2017;3:43–50. Russian.
34. Surmach MY, Petel'skii YV. [Optimization of oncological neglect control as a necessary condition for timely rehabilitation of patients]. In: *Voprosy vosstanovitel'noi i sportivnoi meditsiny. Sbornik nauchnykh trudov 2-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 1–28 fevralya 2018 g.; Moskva, Rossiya* [Issues of restorative and sports medicine. Proceedings of the 2nd International science conference; 2018 February 1–28; Moscow, Russia]. Moscow: Moscow Scientific and Practical Center for Medical Rehabilitation, Restorative and Sports Medicine of the Moscow City Health Department; 2018. p. 8–11. Russian.

КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЯ НЕЗАВИСИМОЙ БЕЛАРУСИ В ФОКУСЕ МЕДИА И УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

А. М. БЕЛЬСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Определяется сущность и приводится методика расчета показателя уровня социальной напряженности как объективного состояния общества. Отражена его взаимосвязь с процессами в экономической, политической и социальной сферах с выделением ее специфики. Адекватность методики расчета демонстрируется при помощи контент-анализа средств массовой информации с последующей социологической реконструкцией событий общественно-политической жизни страны. Представлены факторы возможной дестабилизации устойчивого развития государства. Приведена их классификация по нескольким основаниям. Сформулирован вывод о комплексном влиянии факторов, а также о необходимости их взаимосвязи при анализе. Основной упор сделан на действии экономического фактора. Приведены актуальные примеры противоречий белорусской действительности, отмечены результаты релевантных социологических исследований. Дана рекомендация непрерывного учета динамики показателя уровня социальной напряженности в ходе принятия управленческих решений.

Ключевые слова: устойчивое развитие; государство; социальная напряженность; факторы; деструктивные факторы; социально-экономическое развитие.

KEY CHALLENGES OF THE DEVELOPMENT OF THE BELARUSIAN STATE IN THE FOCUS OF MEDIA AND THE LEVEL OF SOCIAL TENSION: SOCIOLOGICAL RECONSTRUCTION

A. M. BELSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article defines the essence and provides a methodology for calculating the indicator of the level of social tension as an objective state of society. Its interrelation with processes in economic, political and social spheres is reflected with its specificity. The adequacy of the index is demonstrated with the help of content analysis of the mass media with subsequent sociological reconstruction of the events of the socio-political life of the country. The factors of possible destabilization of the country's sustainable development are presented. Their classification is given for several reasons. The conclusion is drawn about the complex influence of the factors, as well as the necessity of their interrelation. The main emphasis is on the effect of the economic factor. The article contains actual examples of the indicated contradictions of the Belarusian reality, supported by the results of sociological research. The recommendation is made to continuously take into account the dynamics of the indicator of the level of social tension in the process of making managerial decisions.

Key words: sustainable development; the state; social tension; factors; destructive factors; social and economic development.

Образец цитирования:

Бельский АМ. Ключевые вызовы развития независимой Беларуси в фокусе медиа и уровень социальной напряженности: социологическая реконструкция. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:117–125.

For citation:

Belski AM. Key challenges of the development of the Belarusian State in the focus of media and the level of social tension: sociological reconstruction. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:117–125. Russian.

Автор:

Александр Михайлович Бельский – стажер младшего научного сотрудника Центра социологических и политических исследований.

Author:

Alexander M. Belski, junior research assistant at the Centre of Sociological and Political Studies.
ksander_mogilev@mail.ru

Центральной идеей любого государственного образования является устойчивое и поступательное развитие, которое предполагает согласованность всего комплекса происходящих в нем изменений как на уровне институциональных преобразований, так и на уровне развития личности. Для определения ориентиров развития страны необходимо принимать во внимание воздействие всей совокупности факторов внешней и внутренней среды, что отражено в концепции национальной безопасности Республики Беларусь [1, с. 5]. Однако в современном глобализирующемся мире этот процесс значительно осложняется, так как количество внешних факторов постоянно увеличивается за счет усиления взаимосвязи государств в политической и экономической сферах, а также в результате взаимопроникновения контента в русле выстраивающегося единого медиапространства.

При анализе развития страны всегда следует обращать внимание на его характер и динамику, которые сопрягаются со структурными преобразованиями, влекущими за собой изменения в жизни населения. Эффективное развитие предполагает поступательные качественные и структурные изменения позитивной направленности в экономике, образовании, науке, культуре, социальной и политической сферах в целом, что воплощается в росте уровня жизни населения, его человеческого капитала. Развитие, как комплексный и сложный процесс, характеризуется неравномерностью и лишь относительной прямолинейностью. Это говорит о том, что оно может сопрягаться как с ростом, так и с некоторым спадом. Обозначенное актуализирует изучение составляющих данного процесса, т. е. факторов роста и развития.

Всю совокупность имеющихся факторов мы можем разделить на конструктивные и деструктивные. Первые плодотворно влияют на развитие государственного образования, причем непреднамеренное игнорирование какого-либо из них в рамках стратегического планирования, как правило, не влечет за собой ухудшения ситуации. Особое внимание следует уделять деструктивным факторам, воздействие которых может дестабилизировать положение в стране.

Для удобства часто используется принцип разграничения всей совокупности факторов на внешние и внутренние по отношению к государственному образованию, а также по сферам общественной жизни: выделяются политические, экономические, социальные и культурные факторы. Однако стоит иметь в виду, что данное разграничение для современных реалий достаточно условно, ведь в абсолютном большинстве случаев все они взаимосвязаны и взаимообусловлены. В качестве ключевой можно определить экономическую сфе-

ру, так как неудовлетворенные экономические требования населения часто трансформируются в политические, а социальная и культурная сферы при этом значительно отстают в развитии.

Результаты исследований, в число которых вошли проекты «Образ жизни, условия жизни и здоровье стран СНГ» (2001–2013), «Здоровье населения и социальные перемены в странах СНГ» (2009–2013), а также итоги мониторинговых исследований, осуществленных в рамках международных проектов «Новый демократический барометр» (1992–2010) и «Исследования европейских ценностей» (1990–2008), позволили построить своеобразный комплексный рейтинг «социальной озбоченности» граждан постсоветских государств по состоянию на начало 2014 г. Названный рейтинг исчислялся на базе совокупных оценок параметров, определяющих важнейшие характеристики жизни людей с образованием следующих системных блоков: 1) экономические проблемы отдельных граждан (63,2 %); 2) проблемы обеспечения достойных условий жизни (12,3 %); 3) проблемы окружающей среды (19,0 %); 4) политические проблемы (5,5 %) [2, с. 54]. Ведущее положение экономических проблем еще раз подчеркивает правомерность определения экономического фактора в качестве ведущего.

Говоря о жителях Республики Беларусь, можно утверждать, что для рядового гражданина такие понятия, как свобода слова и демократия, – вещи «нематериальные» и вряд ли существенные, особенно в случае возможного возникновения проблем в сфере материального обеспечения себя и своей семьи. Вместе с этим на макроуровне политические недовольства воплощаются в экономических санкциях и разрыве социально-культурных связей по ранее функционирующим межгосударственным договорам и проектам. На микроуровне экономическое недовольство населения может быть использовано для его политизации.

Для обозначения сложных и взрывоопасных процессов политического и экономического пространства в социологии используется понятие социальной напряженности [3, с. 47]. Под ней принято понимать такое состояние общества, для которого характерно обострение ключевых экономических и политических противоречий, затрагивающих жизненно важные интересы различных групп населения страны и вызывающих их скрытое или открытое недовольство.

Социальная напряженность всегда вызывала интерес научного сообщества, но взгляды ученых не всегда сходились. Социальную напряженность характеризовали как «разрыв между ожидаемым и реальным удовлетворением потребностей»¹ (Дж. Бертон) [4, р. 87], «несоответствие между компонентами действий» (Н. Смелзер) [5, р. 163],

¹Здесь и далее перевод наш. – А. Б.

«оппозицию или ссору, которые могут возникнуть на основе несовместимости социальных ценностей» [6, с. 55] (Т. Парсонс), «несовпадение инициатив (целей и стратегий межгруппового поведения) в структуре общества» (К. Райт) [7, р. 157]. Представленные оценки отражают индивидуально-личностный подход к данной проблеме, но его вряд ли можно считать достаточным для рассмотрения феномена социальной напряженности на уровне государственного образования. В работах Р. Дарендорфа, Г. Блумера, Дж. Г. Скотта, Р. Фуллера, Р. Майерса данная проблема сводится к изучению социального конфликта, что ближе к анализируемой нами тематике. Однако построения этих теорий затрудняют количественное представление изучаемого явления, концентрируясь в большей степени на его качественной стороне. Ряд методик вычисления индекса социальной напряженности нацелены на измерение показателей социального благополучия, качества жизни и социального самочувствия в целом. Чаще всего исследователи-практики используют разработки Дж. Вортон и А. Мура, Л. Гутмана, Б. Доренвенд, Х. Кантрила, Ч. Спилбергера, Дж. Тейлора. В данной статье наше внимание будет обращено прежде всего на экономическую составляющую социальной напряженности, поскольку политический и иные компоненты чаще всего являются «виртуальными». Опасность политической составляющей, например, имеет возможность проявиться преимущественно в случае ее наложения на экономический фактор при рассмотрении общего уровня социальной напряженности. Стоит также отметить, что обозначенные методики не в полной мере устанавливают взаимосвязь между уровнем показателя социальной напряженности и формами ее проявления, степенью влияния на нарушение санкционированных норм и правил.

Представим методику расчета показателя уровня социальной напряженности (ПУСН), разработанную Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета [8, с. 356]. ПУСН строится методом многоступенчатой группировки данных, полученных из ответов респондентов на ряд специально сформулированных вопросов по принципу «минус очередной показатель». Набор операционных понятий, являющихся базой для построения вопросов и шкал, включает в себя переменные, отражающие основные проблемы населения и оценки-характеристики деятельности ключевых социальных институтов, влияющих на ситуацию в обществе. Отбор параметров оценки базируется на анализе экономической ситуации в стране. Для построения вопросов используются переменные, обозначающие возможность или невозмож-

ность удовлетворения респондентом минимальных потребностей, без которых его существование было бы затруднительным (покупка продуктов питания, одежды и медикаментов). Далее происходит оценка респондентом своего материального положения на определенный момент времени, а также его динамики с использованием шкалы высокого уровня чувствительности. Еще одним параметром выступает отношение респондента к различным социальным институтам общества. В завершение оценивается социальный оптимизм респондентов, а также их готовность к действиям, направленным на защиту своих личностных жизненных интересов. Таким образом, базовой точкой выступает блок вопросов об актуальности для населения ряда жизненных проблем, где вопрос о материальном положении используется как конкретизирующий. Вопросы об отношениях к социальным институтам, мере социального оптимизма и готовности к определенным действиям – типологизирующие. Показатель социальной напряженности выражается отношением числа респондентов, попавших в формируемую группу по обозначенным показателям, к общему объему выборочной совокупности.

Социальная напряженность, как объективное состояние общества, по представленной методике была рассчитана для Республики Беларусь с 2007 по 2017 г. (см. таблицу). Для проверки адекватности предложенной модели мы произвели качественное определение причин возникновения ситуаций социальной напряженности через выявление в их числе ключевых ситуаций на данном временном отрезке методом контент-анализа. Количественный анализ текстовых массивов ведущих печатных и электронных средств массовой информации позволил сделать содержательную интерпретацию полученных числовых закономерностей. При этом учитывался тип сообщения, его размер, частота появления и др. В последующем было осуществлено сопоставление изменений показателя социальной напряженности с ключевыми событиями жизни страны, результаты которого представлены ниже.

Стоит отметить, что величина ПУСН в границах до 25 % не является критической, так как для любого развивающегося государства характерно наличие противоречий, которые важно вовремя разрешать. При этом следует учитывать, что социальное напряжение может возникать и интенсивно развиваться вплоть до социального взрыва [9, с. 211]. Именно поэтому особую важность имеет отслеживание динамики изменения показателя уровня социальной напряженности в связке с событиями жизни страны для осуществления эффективных действий, направленных на снятие противоречий, вызывающих эту напряженность.

Показатель уровня социальной напряженности в Беларуси в 2007–2017 гг., %²

The indicator of social tension, in Belarus in 2007–2017, %

Год										
2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
8,4	16,8	8,2	28,8	17,8	9,6	9,6	9,6	18,6	21,1	23,8

Позитивная динамика начала рассматриваемого периода развития страны позволила войти в 2006 г. с ПУСН, равным 0,4 %. Данный показатель является беспрецедентно низким для страны во всем наблюдаемом периоде. Некоторый рост показателя получит в 2007 г. и составит 4,7 %. На это повлияли некоторые протестные настроения в ходе выборов 2006 г., которые вылились в образование палаточного городка на Октябрьской площади в центре Минска. Негативно населением было воспринято упорядочение социальных льгот, которое в некоторой степени сказалось на благополучии ряда граждан. Правительство совершило попытку скорректировать ситуацию за счет норм Указа Президента Республики Беларусь от 14 декабря 2007 г. № 638 «О некоторых мерах государственной поддержки населения», однако в представлениях граждан это оказалось несоразмерным с уровнем восприятия лишения. На повышение ПУСН повлияли и протесты предпринимателей, которые негативно восприняли принятый в стране Указ Президента Республики Беларусь от 29 декабря 2006 г. № 760. Индивидуальные предприниматели посчитали реальным ударом установление запрета на привлечение с 1 января 2008 г. наемных работников, за исключением членов семьи и близких родственников, при ограничении общей численности работников на уровне трех человек. Положение продолжало ухудшаться в условиях роста цен на энергоносители и лишения Беларуси торговых преференций Европейского союза. Рост отрицательного сальдо торгового и платежного баланса сказался на повышении цен на недвижимость и продукты питания. Все это повлияло на то, что уже в 2008 г. в стране зафиксирован ПУСН на уровне 8,4 %.

Этот год для Беларуси прошел в ожидании кризиса, которое четко оформилось в сознании людей. Особого воздействия на настроение населения не смогли оказать ни либерализация, ни частичное возвращение льгот. Была предпринята попытка стабилизации ситуации с помощью Декрета Президента Республики Беларусь о гарантированном возмещении банковских вкладов граждан страны без учета валюты и суммы депозита. Вместе с этим средства, которые население размещало на счетах и вкладах, перестали подлежать декларированию. Такие шаги государства можно расценивать как по-

зитивные, однако изменить ситуацию в корне они не смогли. Потрясением для граждан Беларуси стал взрыв в ночь на 4 июля в Минске во время празднования Дня Республики. ПУСН в 2009 г. возрос до 16,8 %.

Детальнее рассматривая экономическую сферу, необходимо отметить значимость баланса интересов различных групп в международной экономике. При этом немаловажен аспект непротиворечивости внутренней и внешней экономической политики государства, которая, несмотря на изменчивость контекстуальных рамок, должна основываться на принципах стабильности, надежности и предсказуемости. Для современной Беларуси в этом направлении можно отметить, например, не только выполнение плана по обеспечению продуктовой безопасности страны, но и наличие экспортного потенциала в этой области. Однако факторы, находящиеся в экономической плоскости, но переплетенные с политическими факторами, мешают реализации данного потенциала, что воплощается в молочные и иные продуктовые войны с протекционистскими мерами недобросовестных конкурентов.

Одним из ключевых событий указанного года стал мировой финансовый кризис, который не обошел стороной Беларусь. Девальвация, произошедшая в канун Нового года, вызвала панику населения на валютном рынке, хаотическую скупку техники. Для выравнивания ситуации были привлечены кредитные ресурсы МВФ, произведена либерализация в сфере экономики. Потепление отношений с Европейским союзом в рамках проекта «Восточное партнерство» происходило параллельно с молочными войнами и проблемами с получением кредита у Российской Федерации. В этих условиях произошел рост отрицательного сальдо внешней торговли и падение ВВП. Это сказалось на уровне доходов населения и, соответственно, на уровне социальной напряженности.

Стоит отметить, что граждане Беларуси положительно оценивают интеграционные мероприятия с Российской Федерацией, о чем свидетельствуют данные социологического опроса, проведенного в конце 2009 г. Центром социологических и политических исследований БГУ (сбор информации осуществлялся с использованием

²Индекс рассчитан с использованием результатов ряда социологических исследований, проведенных Центром социологических и политических исследований БГУ с 2007 по 2017 г.

многоступенчатой комбинированной выборки, на последнем этапе применялся метод случайного отбора респондентов, изучено мнение 1 тыс. человек, проживающих во всех регионах страны, ошибка репрезентативности не превысила 3,0 %). Вместе с тем подавляющее большинство белорусских граждан высказываются против включения суверенной Беларуси в состав Российской Федерации. Население выступает за то, чтобы Беларусь и Россия образовали союз независимых и суверенных государств (67,8 %). Рассматривая динамику по годам, можно обозначить, что данный показатель имеет устойчивую тенденцию роста – с 39,6 % в 1994 г. до 53,0 % в 2007 г. и 67,8 % общей численности респондентов в 2009 г. [10, с. 38–40]. Это еще раз подтверждает, что белорусы ценят независимость и ее «продажа» в ходе экономического взаимодействия невозможна.

Для населения страны в целом характерна достаточно низкая поляризация доходов. Это является стабилизирующим фактором, в особенности с учетом того, что он не вступает в диссонанс с базовыми ценностями рядового белоруса, к которым, по результатам социологических исследований, изначально относят сам факт наличия рабочего места [11, с. 91], а также стабильность и благополучие семьи [11, с. 62]. Однако можно отметить, что уровень оплаты труда в Беларуси не в полной мере соответствует мировым пропорциям и реальным затратам. В этом направлении у населения возникают справедливые вопросы в ходе обсуждения проектов по переходу к стопроцентному возмещению затрат на жилищно-коммунальное обслуживание, платным формам предоставления медицинской помощи и подобных тенденций при сохранении существующего уровня доходов граждан. Данное обстоятельство потребует выделения субсидий значительному количеству населения, что сделает переход искусственным.

Низкая стоимость рабочей силы является тормозом для научно-технического прогресса, поскольку подталкивает скорее к приему в штат дополнительных работников, чем к совершенствованию технологий производства. При этом государство осуществляет контроль над тем, чтобы в стране не происходили массовые увольнения. С одной стороны, это можно рассматривать как поддержку населения, но с другой – такая политика сохраняет избыточность оплачиваемого штата, что не позволяет выделить средства на модернизацию производства. Не стоит упускать из виду тот факт, что в ряде отраслей происходит оформление в некоторую тенденцию того, что предприятия несколько чаще увольняют сотрудников, чем принимают их на работу, посредством непродления истекающих контрактов. Рациональность оптимизации штата таким способом вызывает справедливые во-

просы многих аналитиков и антикризисных управляющих. Вместе с тем массовые увольнения могут вызвать волнения, поэтому к данному вопросу следует подходить взвешенно. Решением проблемы могло бы стать расширение производства реально востребованной продукции на территории функционирующих предприятий, а также запуск перспективных линеек новых товаров.

Повышения заработной платы возможно добиться с помощью форсированного стимулирования снижения издержек за счет развития инновации производства, что в целом увязывается с построением информационного общества, новой экономики знаний [12, с. 144]. Однако важно, чтобы реализация программ в этой отрасли велась последовательно и подконтрольно как государственным органам, так и общественности, что исключило бы возможность возникновения тех противоречий, которые, например, появились в ходе модернизации сферы деревообработки Беларуси.

Целесообразным видится принятие закона о сокращении разницы между оплатой труда руководящего состава высшего звена и рабочих, служащих. Также следует установить большую взаимосвязь между уровнем заработной платы и реальными показателями экономической эффективности предприятий, что в перспективе обеспечило бы повышение личной заинтересованности работника в том, чтобы сделать свой вклад и получить за него отдачу, в отличие от действующего на современном этапе уравнительного принципа среди рабочих и служащих при сохранении значительного разрыва между оплатой их труда и зарплатами руководящего состава.

Сплотить же белорусов и снизить уровень социальной напряженности в рассматриваемом году помогли успехи в иных сферах. Так, например, Беларусь получила право проведения чемпионата мира по хоккею в 2014 г. Белорусский спортсмен А. Гришин принес стране первое золото в истории зимних Олимпийских игр, а сборная Беларуси по футболу выиграла в первом матче отборочного турнира к чемпионату «Евро-2012» у команды Франции. Позитивно сказался и визит в Минск зарубежных гостей – президента Литвы Дали Грибаускайте, сербского режиссера Эмира Кустурицы. Несколько выровнялась и экономическая ситуация, что позволило восстановить показатель уровня социальной напряженности 2010 г. на уровне 2008 г.

Беспрецедентные события в жизни страны всегда сказываются на уровне социальной напряженности [13, с. 169]. Шоком для белорусов стал взрыв в минском метро в 2011 г. Даже быстрое раскрытие данного резонансного теракта общественность восприняла неоднозначно. Сложным был год и в экономическом плане. На это повлияли валютный кризис, девальвация, гиперинфля-

ция, что вызвало резкое снижение покупательской способности населения. ПУСН в 2011 г. составил 28,8 %. Как было отмечено ранее, данный показатель выше 25 % может спровоцировать протестные настроения. Акции протеста были вызваны ограничениями, введенными на вывоз товаров из Беларуси, а также ростом цен на бензин. Новый вызов стабильности в стране пришел из интернета через реализацию проекта «Революция через социальную сеть». Проект воплотился в серию молчаливых акций в крупных городах страны, которые получили некоторую популярность у молодых людей. Акции носили мирный характер. Модерация точек проведения мероприятий через интернет поставила перед правоохранительными органами вопрос повышения кибербезопасности, ведь любое массовое мероприятие может быть сопряжено с провокациями. В целях стабилизации ситуации власти Беларуси приложили все усилия для обеспечения страны энергоносителями по адекватной цене, что потребовало продажи оставшихся акций Белтрансгаза. В начале 2012 г. социальная напряженность населения была зафиксирована на уровне 17,8 %.

Весомыми успехами в спорте, которые принесли стране С. Мартынов, А. Герасименя, И. Бойкий и Д. Домрачева, характеризовался 2012 год. Вместе с этим Беларуси удалось выйти на положительное сальдо внешней торговли, а также обеспечить самый высокий за историю суверенной Беларуси сбор зерна. Позитивные тенденции выразились в снижении ПУСН практически на 10 пунктов – до 9,6 % в 2013 г.

В новом году Президент Республики Беларусь заострил внимание на ряде проблемных моментов, возникших в энергетике, деревообработке, банковской сфере. Вместе с тем в стране прошли дебаты (сопровожденные скандалами и забастовками предпринимателей) по поводу вступления в силу требований технического регламента Таможенного союза на продукцию легкой промышленности. Позитивно на ситуацию повлияла информация о решении Правительства Российской Федерации предоставить Беларуси дополнительные заемные средства в 2014 г. Однако самым важным событием, закрепившимся в сознании белорусов, стал кровавый Евромайдан в Киеве, что еще раз обращает внимание на то, что личное благополучие и безопасность семьи всегда занимали высокое положение в системе ценностей белорусов [11, с. 65]. Политический кризис соседнего государства позволил не только не допустить роста, но и несколько снизить ПУСН в 2014 г. по сравнению с уровнем 2013 г., несмотря на имеющиеся экономические сложности. Однако такой показатель не удалось зафиксировать на долгосрочную перспективу.

Население позитивно восприняло то, что Минск стал международной площадкой для переговоров

по разрешению конфликта в Украине. Особо стоит отметить и проведение в стране чемпионата мира по хоккею, а также триумфальное выступление белорусской олимпийской сборной в Сочи. Однако продовольственная война с Россией, резкое повышение спроса на иностранную валюту, зафиксированное в декабре 2014 г. и вылившееся в трехступенчатую девальвацию белорусского рубля, пересмотр состава корзины валют, повысили ПУСН в 2015 г. на 10 пунктов – до 18,6 %. На протяжении года предприниматели продолжили выступать за улучшение среды для малого бизнеса в стране, указывая на то, что ей угрожает введение Указа Президента Республики Беларусь № 222, который стал новым регулятором деятельности предпринимателей. Ухудшение ситуации в экономике привело к росту убытков значительного количества предприятий. Неожиданностью для граждан страны стало банкротство «Дельта-Банка», которое произошло впервые с 2007 г. На этом фоне ПУСН продолжил свой рост до 21,1 % в 2016 г.

Введение пошлины на посылки из-за рубежа, превышающие небольшой лимит, а также реализация Указа Президента Республики Беларусь № 222 были неоднозначно восприняты населением. Декрет Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2015 г. № 3 «О предупреждении социального иждивенчества» вызвал серию протестов по всей стране. Все это происходило в условиях наличия некоторых сложностей во взаимоотношениях с Российской Федерацией и МВФ. Волнения населения вызвали как повышение пенсионного возраста, так и переход Беларуси на новые денежные знаки. Одновременно происходило некоторое снижение реальных доходов белорусов. Все это вызвало повышение ПУСН до 23,6 % в 2017 г.

Идея присоединения ко Всемирной торговой организации, рассматриваемая как перспективная, также может дестабилизировать отдельные отрасли экономики. С одной стороны, постепенный отход от излишнего патернализма государства в сфере экономики, что является одним из условий присоединения, необходим. К этому подталкивает и позиция МВФ относительно Беларуси в рамках реализации мероприятий по финансовой поддержке. С другой стороны, страна не готова к радикальным реформам, которые могут подорвать хоть и невысокое, но относительно устойчивое финансовое благополучие населения.

Для предприятий Беларуси характерно некоторое снижение конкурентоспособности по ряду позиций из линейки товаров как тяжелой, так и легкой промышленности, а также высокая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры. В стране осуществляется борьба с принципом работы на склад, но в реальности он все еще реализуется на ряде предприятий. Модернизация зачастую

является запаздывающей, что делает, казалось бы, новую линейку товаров уже не актуальной. Ощущается отсутствие собственных комплектующих, особенно по направлению высокотехнологичных решений, что требует их закупки. Часто она осуществляется по принципу поиска наиболее дешевого варианта, что сказывается на качестве товара и сроке его эксплуатации. Данная ситуация сохраняется за Беларусь советское звание «сборочный цех». Такой статус не является сугубо негативным, но лишь в том случае, если в стране осуществляется сборка действительно востребованного товара с высокой добавленной стоимостью, однако это не всегда так.

В продолжение темы производства товара нельзя опустить момент его продвижения на рынках и не обратить внимания на низкую маркетинговую грамотность ряда белорусских специалистов. Проблема невозможности продать свой товар имеет ряд нюансов, к которым можно отнести как отсутствие потребности в данном товаре, так и сложности с выходом на рынки других стран с наличием искусственно создаваемых препон и барьеров. Но именно в этом и проявляется отсутствие навыков в продвижении товаров.

Как неоднократно отмечал в ходе посланий белорусскому народу и Национальному собранию Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, одной из важнейших задач является активизация деловой инициативы. Однако в ходе опроса, посвященного изучению удовлетворенности руководителей предприятий условиями и результатами ведения хозяйственной деятельности в стране ($N = 500$), проведенного Центром социологических и политических исследований БГУ в 2011–2013 гг. по заказу Министерства экономики Республики Беларусь, более трети из них выразили свою неудовлетворенность (38,4 %). При этом более оптимистично воспринимают условия и результаты работы руководители средних и крупных предприятий [14, с. 82]. Отношение государственных органов и чиновников к ведению бизнеса считают не изменившимся в сторону улучшения 56,5 % руководителей различных предприятий с иностранными инвестициями [14, с. 82]. А ведь во всех развитых странах именно на долю малого и среднего бизнеса приходится 60–70 % ВВП, а удельный вес населения, активно занятого в этом секторе, составляет более 50 %.

Обращаясь к сфере образования, следует рассмотреть возможное истощение интеллектуального потенциала страны. Коммерциализация образования, сопряженная со снижением количества абитуриентов при незначительном сокращении набора, ведет к тому, что высшее образование начинают получать достаточно слабые бывшие абитуриенты, которые не прошли бы конкурсный от-

бор ранее [15, с. 62]. На выходе из высшей школы мы получаем достаточно слабых специалистов, которые, вероятнее всего, могли бы проявить себя в рамках получения технических специальностей среднего звена. Возращение нездоровых амбиций по обязательному получению высшего образования достаточно опасно. Отдельным вопросом является взвешенность решений в ходе реформирования системы образования в соответствии со стандартами Болонского процесса.

Также снижается количество студентов, которые хотели бы продолжить обучение в магистратуре и аспирантуре, так как полноценно реализовать там трудовую деятельность достаточно сложно, а существование лишь на стипендию затруднительно. Вместе с этим учеба по специальности в специальный стаж для назначения пенсии не включается. Периоды обучения на дневной форме в учреждениях, обеспечивающих получение профессионально-технического, среднего специального и высшего образования, повышение квалификации и переподготовку кадров, а также в аспирантуре, клинической ординатуре, докторантуре не включаются в страховой стаж. Отдельный момент – это уровень заработной платы молодого ученого, подталкивающий молодых людей к поиску себя в иных, более доходных сферах.

Для Беларуси свойственна вялотекущая депопуляция населения, на что также следует обратить внимание. Введение «материнского капитала» и ряд иных мер по поддержке молодых семей являются реакцией на данную ситуацию. Однако для реального изменения положения требуются новые меры. Депопуляция сопряжена со снижением доли экономически активного населения. В этом направлении поступенчатое повышение пенсионного возраста несколько исправит ситуацию на ближайшую перспективу, но уже в скором времени потребует новых шагов. Одним из сценариев может быть повышение пенсионного возраста до 65 лет у мужчин и женщин. Эта необходимость также может столкнуться с недовольством населения, даже при наличии объективных причин для принятия подобных мер. Спуск на самотек этого аспекта может вызвать истощение трудового потенциала и дефицит фондов социальных выплат.

Успешное развитие государства, несомненно, является результатом стабильного экономического развития, но такое состояние экономики должно постоянно воспроизводиться и тем самым способствовать повышению экономической безопасности Беларуси во всех сферах. Именно способность общества постоянно поддерживать свое стабильное экономическое развитие создает социальную устойчивость. Для Беларуси свойственна достаточно высокая интеграция общества. Однако не следует упускать из внимания оценку социальной

напряженности и снижать уровень бдительности в отношении возникающих деструктивных факторов развития.

На основании проведенного анализа мы можем утверждать, что социальная напряженность, имеющая преимущественно экономические корни, создает реальную опасность подрыва стабильности в государстве через повышение напряженности в обществе. Политический фон социальной напряженности в Беларуси проявляется преимущественно в периоды проведения избирательных кампаний и не представляет серьезной угрозы в условиях общего невысокого ПУСН, вызванной экономическими сложностями. Свое влияние мо-

гут оказать и некоторые события социальной, культурной и иных плоскостей. Однако их воздействие не обладает пролонгированным действием или является незначительным. Масштабная социологическая реконструкция, выполненная при помощи контент-анализа, подтвердила адекватность представленной методики расчета ПУСН. Стоит обратить внимание на то, что население страны, ощущающее недовольство своим положением, может быть подвержено влиянию деструктивных сил, что актуализирует продолжение учета динамики изменений показателя социальной напряженности в его соотношении с ключевыми событиями развития страны.

Библиографические ссылки

1. Мясникович МВ, Пузиков ВВ, Беспалый ВО, Ермашкевич ВН, Кулаков ГТ, Цилибин ВМ и др. *Основные направления обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Современное состояние и перспективы*. Мясникович МВ, Пузиков ВВ, редакторы. Минск: Экономика и право; 2003. 451 с.
2. Ротман ДГ. Стабильность в государстве как ключевое условие поступательного улучшения качества жизни населения новых независимых государств. В: Ротман ДГ, Данилов АН, Правдивец ВВ, редакторы. *Актуальные проблемы современного белорусского общества (2011–2016): социологический аспект*. Минск: БГУ; 2016. с. 49–63.
3. Сухов АН. Социально-психологические аспекты напряженности и конфликтологии. *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 1996;1:47–50.
4. Burton J. *Conflict: Human Needs Theory*. New York: Saint Martin's Press; 1990. 412 p.
5. Smelser N. *Theory of Collective Behavior*. New York: Free Press; 1962. 415 p.
6. Парсонс Т. *Теория коллективного поведения*. Москва: Наука; 1972. 356 с.
7. Wright Q. *The Escalation of Conflicts*. Basingstoke: Macmillan Press; 1953. 350 p.
8. Ротман ДГ. Социальная напряженность в обществе: сущность и особенности социологического изучения. В: Ротман ДГ. *Избранное*. Минск: ГИУСТ БГУ; 2009. с. 344–364.
9. Котов ДА. Социальная напряженность «благополучного класса». *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2013;1:211–225.
10. Ротман ДГ. Беларусь в контексте Европейской политики: между ЕС и Россией. В: *Альманах добрососедства*. Москва: НП «Центр общественных технологий»; 2013. с. 34–48.
11. Ротман ДГ. *Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей*. Булышко ДМ, Данилов АН, Правдивец ВВ, Ротман ДГ, редакторы. Минск: БГУ; 2016. 219 с.
12. Бельский АМ. Воздействие социокультурной среды на успешность трансформаций в условиях построения информационного общества в Беларуси и России. В: Прищепа ИМ, Космач ВА, Кулик СП, Погребняк АБ, редакторы. *Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья. Материалы Международной научно-практической заочной конференции; 2 февраля 2017 г.; Витебск, Беларусь*. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова; 2017. с. 144–147.
13. Бузовский И. Социальная напряженность и тревожность в контексте диагностики общественных конфликтов. *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2008;3:169–176.
14. Филинская ЛВ. Бизнес-климат в Республике Беларусь: оценки предпринимателей. В: Ротман ДГ, Данилов АН, Правдивец ВВ, редакторы. *Актуальные проблемы современного белорусского общества (2011–2016): социологический аспект*. Минск: БГУ; 2016. с. 79–87.
15. Бельский АМ. Деструктивные факторы развития Беларуси в социологическом фокусе. В: Котляров ИВ, редактор. *Социологический альманах. Выпуск 9*. Минск: Белорусская наука; 2018. с. 62–69.

References

1. Myasnikovich MV, Puzikov VV, Bepalyi VO, Ermashkevich VN, Kulakov GT, Tsilibin VM, et al. *Osnovnye napravleniya obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Respubliki Belarus'. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [The national security of the Republic of Belarus. The current state and prospects]. Myasnikovich MV, Puzikov VV, editors. Minsk: Ekonomika i pravo; 2003. 451 p. Russian.
2. Rotman DG. [Stability in the state as a key condition for progressive improvement of the quality of life of the population of new independent states]. In: Rotman DG, Danilov AN, Pravdivets VV, editors. *Aktual'nye problemy sovremennogo belorusskogo obshchestva (2011–2016): sotsiologicheskii aspekt* [Actual problems of modern Belarusian society (2011–2016): sociological aspect]. Minsk: Belarusian State University; 2016. p. 49–63. Russian.
3. Sukhov AN. Socio-psychological aspects of tension and conflictology. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*. 1996;1:47–50. Russian.
4. Burton J. *Conflict: Human Needs Theory*. New York: Saint Martin's Press; 1990. 412 p.

5. Smelser N. *Theory of Collective Behavior*. New York: Free Press; 1962. 415 p.
6. Parsons T. *Teoriya kollektivnogo povedeniya* [Theory of collective behavior]. Moscow: Nauka; 1972. 356 p. Russian.
7. Wright Q. *The Escalation of Conflicts*. Basingstoke: Macmillan Press; 1953. 350 p.
8. Rotman DG. [Social tensions in society: the nature and features of sociological study]. In: Rotman DG. *Izbrannoe* [Favorites]. Minsk: State Institute of Management and Social Technologies, Belarusian State University; 2009. p. 344–364. Russian.
9. Kotov DA. [Social tensions of the «prosperous class»]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2013;1:211–225. Russian.
10. Rotman DG. [Belarus in the context of European politics: between the EU and Russia]. In: *Al'manakh dobrososedstva* [Almanac of good neighborhood]. Moscow: NP «Center for Social Technologies»; 2013. p. 34–48. Russian.
11. Rothman DG. *Tsennostnyi mir sovremennogo cheloveka: strany Vostochnogo partnerstva, Evropeiskii soyuz i Rossiya v mezhdunarodnykh proektakh po izucheniyu tsennostei* [The value world of modern man: the countries of the Eastern Partnership, the European Union and Russia in international projects on the study of values]. Bulynko DM, Danilova AN, Pravdivets VV, Rotman DG, editors. Minsk: Belarusian State University; 2016. 219 p. Russian.
12. Belski AM. [The impact of socio-cultural environment on the success of transformations in the conditions of building an information society in Belarus and Russia]. In: Prishchepa IM, Kosmach VA, Kulik SP, Pogrebnyak AB, editors. *Tsennostnye orientatsii i istoricheskoe soznanie naseleniya belorussko-rossiiskogo prigranich'ya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi zaachnoi konferentsii; 2 fevralya 2017 g.; Viciebsk, Belarus'* [Value orientations and historical awareness of the population of the Belarusian-Russian border area. Materials of the International scientific-practical Absentee Conference; 2017 February 2; Viciebsk, Belarus]. Viciebsk: Viciebsk State University named after P. M. Masherov; 2017. p. 144–147. Russian.
13. Buzovsky I. [Social tensions and anxiety in the context of diagnosing public conflicts]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*. 2008;3:169–176. Russian.
14. Filinska LV. [Business climate in the Republic of Belarus: assessments of entrepreneurs]. In: Rotman DG, Danilov AN, Pravdivets VV, editors. *Aktual'nye problemy sovremennogo belorusskogo obshchestva (2011–2016): sotsiologicheskii aspekt* [Actual problems of modern Belarusian society (2011–2016): a sociological aspect]. Minsk: Belarusian State University; 2016. p. 79–87. Russian.
15. Belski AM. [Destructive factors in the development of Belarus in a sociological focus]. In: Kotlyarov IV, editor. *Sotsiologicheskii al'manakh. Vypusk 9* [Sociological Almanac. Issue 9]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2018. p. 62–69. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.07.2018.
Received by editorial board 15.07.2018.

КУРС ПО ВЫБОРУ

OPTION COURSE

Итак, рыцарская культура обретает светский характер, рыцарство ищет новых – не универсально родовых и не общехристианских, но индивидуальных, личностно значимых – мотивировок доблести и благородства, а общесоциальный фон развития рыцарской традиции (тяжелая ситуация во Франции перед Крестовыми походами) обуславливает интенцию к уходу от действительности и моделированию иллюзорных сказочных миров... Что же получилось в результате? Какими оказались система ценностей, атмосфера и содержание, характерные для романного жанра? Как понимается любовь в средневековом рыцарском романе? Какое место она в нем занимает?

М. А. Можейко

УДК 177.6:130.2-047.48(4-15)

ЛЮБОВЬ КАК НАГРАДА ЗА ПОДВИГ: ТРАКТОВКА ЛЮБВИ В СЕВЕРОФРАНЦУЗСКОМ РЫЦАРСКОМ РОМАНЕ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Выявляются особенности трактовки любви в средневековом рыцарском романе. Определяется место любовной линии в сюжетной структуре романа. Раскрывается специфика понимания любви в романах артуровского и тристановского циклов.

Ключевые слова: культ счастливой авантюры; рыцарь-одиночник; рыцарская доблесть; героизм; подвиг как аксиологическая доминанта рыцаря; пространственно-временной континуум повествования; любовь как двигатель сюжета; условность романной фабулы.

Образец цитирования:

Можейко МА. Любовь как награда за подвиг: трактовка любви в северофранцузском рыцарском романе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:126–132.

For citation:

Mojeiko MA. Love as a reward for the feat: the interpretation of love in the North French knightly romance. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4: 126–132. Russian.

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

LOVE AS A REWARD FOR THE FEAT: THE INTERPRETATION OF LOVE IN THE NORTH FRENCH KNIGHTLY ROMANCE

M. A. MOJEIKO^a

^a*Belarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkoraŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus*

The article discovers the peculiarities of the interpretation of love in a medieval knight romance. The place of the love line in the plot structure of romance is identified. The specifics of the understanding of love in the novels of the Arthurian and Tristan cycles are revealed.

Key words: the cult of a happy adventure; a knight of a one shield; knightly valor; heroism; feat as the axiological dominant of knight; the space-time continuum of narration; love as the story engine; the conventionality of the romance plot.

Содержание северофранцузского рыцарского романа, характерное практически для всех его экземплификаций, определяется тем, что если рыцарство как социальный институт представляет собой вполне определенную историческую реальию, то, что касается этико-нормативной составляющей рыцарской культуры, она во многом оставалась лишь декларацией. Согласно формулировке Е. Н. Щепкина, «рыцарство было не столько учреждением, сколько идеалом для... военного сословия Средних веков» [1, с. 734]. В целом, по оценке историков, «рыцарство в той же мере социально-политический институт, в какой – социокультурная фикция, и подлежит рассмотрению в двух аспектах – как часть реального и как часть воображаемого мира Средневековья» [2, с. 431].

Это находит свое отражение и в романских композициях. Исследователи-литературоведы указывали на своего рода прокламированную нормативность романских сюжетов: «...мир Артура – это мир подлинной рыцарственности, которой нет в окружающей поэты и его современники действительности, но которая где-то есть, ее только надо найти...» [3, с. 444–445].

Соответственно, событийный континуум рыцарских романов не соотносен и, более того, не соотносим с непосредственной действительностью: действие романов протекает вне реальных пространства и времени, с одной стороны, и вне-реальных социально-исторических параллелей – с другой¹. Например, романы артуровского цикла создают некую вымышленную державу, куда стекаются доблестные рыцари со всех концов земли. Художественное пространство таких произведений – это совершенно сказочный мир со всеми присущими ему атрибутами: он нарядно декорирован волшебными источниками и подводными замками, населен феями, чудовищами, говорящими птицами и благодарными львами, – это мир, живущий по совершенно необычным законам и словно под-

свеченный изнутри чарами волшебника Мерлина. Приключения и подвиги рыцаря Говэна – героя романа Пайена де Мазьера «Мул без узды» – происходят в столь же сказочном пространстве, а именно на условно-ориентальном фоне (как его представляет себе никогда не покидавший родины европеец) [5, с. 266–279].

Столь же ирреально и время действия рыцарского романа. Так, артуровский цикл, представляющий собой псевдохронику истории несуществующего королевства, хронологически вообще не локализован: контекст романов однозначно дает понять, что описываемые события происходили задолго до современности, но вместе с тем артуровский мир сосуществует параллельно с ней, событийно, однако, никак не соприкасаясь с настоящим. По выражению А. Д. Михайлова, «артуровский мир как воплощение истинной рыцарственности, ее опора и гарант длится как бы вечно» [6, с. 5–28], он находится даже не в иной системе отсчета, а вообще вне каких бы то ни было временных маркеров.

И как ирреален пространственно-временной континуум артуровских романов, так же далек от реального и образ жизни при дворе короля Артура, заключающийся в турнирах, поисках приключений и любви. Исследователи достаточно единодушны в оценке этого момента: в XIX в. Е. Н. Щепкин отмечал «театральность» артуровского королевства [1, с. 737], Э. Ауэрбах в XX в. говорил об условном и даже фиктивном мире рыцарского романа, столкновение которого с реальностью порождает феномен Дон Кихота [7, с. 149].

Сколь условны и гипотетичны пространственно-временной и событийный континуумы рыцарского романа, столь же гипотетична и условна моделируемая в нем трактовка любви.

В целом северофранцузский рыцарский роман не является сугубо любовным романом в строгом смысле этого слова. В среде небогатых рыцарей, не имевших свиты (так называемые рыцари-одно-

¹Любопытным (хотя и единственным) исключением является роман Кретьена де Труа «Клижес», где в качестве столицы артуровского королевства обозначен не мифический Камелот, а конкретно-реальный Лондон. «Клижес», однако, несмотря на принадлежность его автора к классикам рыцарского романного жанра, определяется в литературоведении как роман не собственно рыцарский, но скорее политический (см. [4, р. 111–178]).

щитники – как правило, младшие сыновья благородных родов, унаследовавшие голубую кровь, не позволяющую служить ради заработка, но не унаследовавшие при этом ни феода, ни каких бы то ни было средств к существованию), формируется установка на возможность радикального изменения своего положения, внезапного социального взлета в результате удачного случая для реализации ратных доблестей. Именно эта мировоззренческая установка может быть рассмотрена как социокультурное основание формирования в рыцарском романе того, что много веков спустя литературоведы назовут культом счастливой авантюры [8, с. 21, 186].

В силу названных причин рыцарский роман – это в полном смысле слова роман героико-авантурный². Ранние варианты рыцарского эпоса, собственно, и носили название *chansons de geste*, т. е. *жесты*, или *песни о деяниях*, единство которых с тематической точки зрения «обеспечивается повествованием об эпическом “деянии” – подвиге рыцаря, совершенном во славу короля и родины, “милой Франции”» [9, с. 581]. В соответствии с этим стержень романного сюжета, как правило, составляют героические подвиги и необыкновенные приключения героя-рыцаря.

Однако наряду с авантурной фабулой непременным атрибутом рыцарских романских сюжетов является любовная (пусть еще и не совсем лирическая) тема. Правоммерно утверждать, что, хотя основное сюжетное пространство занято поединками, турнирами, осадами и боями, рыцарский роман выходит далеко за рамки *chansons de geste*.

Собственно, любовь не просто фигурирует в сюжете романа, но занимает в его структуре совершенно особое место. Это во многом обусловлено проблематизацией в исследуемом культурном контексте такого феномена, как мотивировка подвига: ни универсальная христианская парадигма, ни тем более традиционно родовые апелляции к этносу уже не являлись актуальными в условиях нового, светского характера рыцарства: необходима была мотивировка сугубо индивидуальная, личностно значимая. Такой мотивировкой и одновременно наградой за подвиг как раз и выступает в пространстве рыцарского романа любовь Прекрасной Дамы, ради которой совершаются все геройства и которая придает смысл доблестным свершениям рыцаря. Как пишет Э. Ауэрбах, «любовь, неотъемлемая от идеала совершенства, существеннейшее его содержание, служит эрзацем иных мотивировок, неизвестных... роману» [7, с. 153].

В силу наличия аксиологической доминанты подвига в рыцарской культуре северной Франции

лирическая тема никоим образом не исчерпывает фабулы рыцарского романа. Однако, будучи одной из многих его сюжетных линий, именно она вместе с тем соединяет их в целостное повествование.

На первый взгляд решающую роль в жизни и системе ценностей рыцаря – однозначно центрального героя повествования – играет героизм и стремление к подвигу, и в этом смысле, по формулировке А. Д. Михайлова, хотя «пристрастие к любви, любовь к любви является, несомненно, непременным качеством настоящего рыцаря, но не одна любовь заполняет все его существование» [6, с. 15]. Собственно, сюжетное пространство романа насыщается отнюдь не любовью – оно представляет собой последовательно линейную цепочку подвигов и свершений, которая распалась бы на отдельные героические эпизоды, не будь фабула схвачена в жесткие рамки такого литературного приема, как обрамление. Именно в этом моменте романного гештальта и играет центральную роль фактор любви: сюжет начинается с влюбленности героя (как правило, она возникает в результате его реакции на слухи о невероятной красоте и добродетели той или иной девицы); основное содержание романа составляют описания героических эпизодов (подвиги во имя избранницы, ее завоевание и последующая защита от злых сил); финал-кода – обретение героем любви как награды за доблесть. В этом плане любовь не просто фигурирует в ряду атрибутивных рыцарских достоинств: выступая наградой за подвиги и искуплением за испытания, именно любовь действительно придает смысл всем подвигам и свершениям героя, которые неизменно посвящены Даме сердца. Тем самым, не отменяя принципа приоритетности подвига в рамках авантурной системы рыцарских ценностей, любовь практически становится двигателем романного сюжета.

Именно в силу этого обстоятельства северо-французский рыцарский роман может рассматриваться не только как авантурный, но и как любовный [3, с. 447], хотя, строго говоря, в фокусе любовного сюжета – отнюдь не любовь как таковая, а лишь рассказ о том, как герой ее добывается.

И разумеется, любовь мыслится в рыцарском романе в качестве сугубо одностороннего вектора *от рыцаря к Даме*. Образ женщины занимает в структуре сюжета статичную позицию, играя роль лишь одного из условий (обстоятельств) реализации активной позиции героя-рыцаря, пусть и заявленного (действительно, только заявленного) как максимально значимый. Это проявляется и в авантурном, и в собственно любовном пластах романного сюжета. Достаточно типичным в этом отношении является роман Кретьена де Труа «Эрек

²Ряд исследователей (в частности, А. Д. Михайлов [8]) оспаривают это, имея в виду наличие иных сюжетных линий в содержании рыцарского романа, которые, однако, никак не являются центральными в его сюжетной структуре.

и Энида», где главная героиня играет совершенно пассивную роль: ей отведена лишь функция провождения подвигов Эрека. Так, фабула второй части романа строится как серия поединков, в которых Эрек вынужден спасать Эниду, едушую впереди него по лесу, полному опасностей [10, с. 87–161]. Любопытно, что такая конфигурация совместного (фактически свадебного) путешествия совершенно не оправдана сюжетно и никак не аргументируется в рамках повествования: героиня просто едет на день впереди, постоянно попадая из беды в беду и предоставляя тем самым Эреку возможность проявить свои рыцарство и героизм.

Что же касается самой любовной линии романа, то и в ее рамках чувства героини вообще не представляются автору достойными упоминания: для разрешения матримониального сюжета достаточным основанием является сделанный героем выбор и согласие отца Эниды, который «За руку ее берет / И рыцарю передает» [10, с. 25]. Аналогично и в ситуации любовной коллизии персонажей Энида занимает позицию молчаливого выжидания.

Под сомнение ставится и сама способность женщины любить: несмотря на светскость и заявленную галантность в отношении Дамы, авантюрно-рыцарский роман несет в своем содержании все специфические черты, характерные для средневековой культуры, в том числе и своеобразный средневековый антифеминизм. Так, в романе неизвестного автора «Окассен и Николетта» герой возражает подруге, утверждающей, что она любит его сильнее, нежели он ее: «О прекрасная, нежная подруга!.. Не может быть, чтобы вы любили меня даже так же, как я вас. Женщина не может так любить мужчину, как мужчина женщину. Ведь любовь женщины – в ее очах, и в кончиках груди, и в ступнях ног, а любовь мужчины покоится в сердце и уйти оттуда она не может» [11, с. 240].

Вместе с тем едва ли правомерно всецело объяснять этот момент влиянием официального видения женщины как сосуда скверны. В данном случае наглядно проявляет себя и специфический строй акцентов средневековой культуры как *культуры мужчин*. Пытаясь найти ответ на вопрос о том, в какой степени в рыцарском идеале отразился мужской, а в какой степени женский взгляд на любовь, Й. Хейзинга полагает, что «образ благородного рыцаря, страдающего ради своей возлюбленной, – это прежде всего чисто мужское представление, то, каким мужчина хочет сам себя видеть. Мечту о себе как об освободителе он переживает... напряженно» [12, с. 83].

Именно так – функционально – и представлена любовь в рыцарском романе: любовь как чувство не выступает предметом рассмотрения романистов, и вопрос о природе и сущности любви мужчины и женщины (точнее, мужчины к женщине) авторов

не интересует. Строго говоря, в фокусе любовного сюжета – отнюдь не любовь как таковая, а лишь вопрос о том, получит ли герой благосклонность своей избранницы.

Однако контекст романов тем не менее позволяет эксплицировать характерные для северофранцузской рыцарской культуры представления о любви, реанимирующие такие вытесненные христианской ортодоксией ее измерения, как эрос и филия. В контексте северофранцузского романа рыцарская культура вырабатывает концепцию любви, преодолевающую (если не содержательно, то хотя бы на уровне прокламации) официальное противопоставление души и тела. Прежде всего это чувство предстает отнюдь не как абстрактно-христианская любовь к ближнему (агапе), лишенная каких бы то ни было чувственных аспектов, но как предельно индивидуально-избирательная любовь во всей полноте своих проявлений. Даже чисто дескриптивные элементы романного текста (например, портреты героинь) имплицитно предполагают эротический контекст: «Николетта, ты одна / Так прекрасна и стройна, / Ты – усад моих родник, / Смех веселый и простой, / Поцелуев легкий рой...» [11, с. 233–234].

Аналогично и в прозаической версии того же романа описания выглядят не просто эмоциональными, но прямо-таки скульптурно-тактильными: «У нее были светлые кудри, веселые и живые глаза, тонкое лицо, прямой красивый нос, алые губы, подобные прохладной вишне в летнюю пору... Маленькие упругие груди приподнимали ее одежду, как два волошских орешка. Стан был строен, и обнять его можно было двумя ладонями» [11, с. 239].

Й. Хейзинга усматривает подспудно тлеющую сексуальность повествования и в самой структуре романной фабулы. Завязку сюжета составляет «томительная мечта о подвиге во имя любви, переполняющая сердце и опьяняющая», а героический «подвиг должен состоять в освобождении или спасении дамы от грозящей ей ужасной опасности». Таким путем «к первоначальному мотиву добавляется стимул еще более острый»: если на первых порах дело ограничивается жаждой «претерпеть страдание ради своей дамы», то «вскоре уже это сочетается с желанием выволить из беды жертву страдания». А быть может, предполагает Й. Хейзинга, «в своей основе такое спасение всегда сводится к охране девичьей целомудренности, к защите от постороннего посягательства, с тем чтобы оставить за собой спасенный трофей»? Так или иначе, по его оценке, из этого «возникает великолепный мотив, сочетающий рыцарственность и эротику: юный герой, спасающий невинную деву. Противником его может быть какой-нибудь простодушный дракон, но сексуальный элемент и здесь присутствует самым непосредственным образом» [12, с. 82].

Соответственно, и отношения между любящими героями задаются сюжетами рыцарских романов во всей полноте эмоциональности и чувственности: «Тристан глядит на Изольду и воспламеняется страстью, так что не желает он ничего, кроме Изольды, а Изольда – кроме Тристана... Что вам рассказывать? Тристан видит, что Изольда готова исполнить волю его, и они наедине друг с другом, и никто их не беспокоит, и не страшатся ни тот, ни другая. И поступает он с нею по воле своей, и теряет она имя девственницы» [13, с. 177–178].

Таким образом, в контексте средневековой культуры с ее официальным культом аскезы оформляется мировоззренческая установка, в рамках которой земная любовь мыслится в качестве ценности – вне ее противопоставления (как несовершенной или грешной) праведной *небесной любви*.

Более того, в контексте рыцарского романа именно эта земная любовь занимает верховную позицию в иерархии ценностей: герои готовы не только на подвиги, но и на жертвы ради своего чувства, традиционной для романа является тема страданий во имя любви. Например, практически во всех версиях романа о Тристане и Изольде (а их столько, что изучение этого произведения оформилось в настоящее время в особую отрасль медиэвистики – тристановедение) фиксируется тот момент, что Тристану «пришлось вынести столько мук и тягот, сколько не выпадало на долю ни одного влюбленного рыцаря» [13, с. 178].

В рамках рыцарского романа оформляется мотив невозможности для героев жить друг без друга; как говорится в стихотворной версии романа о Тристане и Изольде, «Любовь сроднила нас во всем, / И мы живем один в другом: / Боль Ваша – это боль моя; / Умрете Вы, коль сгину я...» [14, с. 180].

Еще более сильно звучит признание Ивейна Лодине в романе Кретьена де Труа «Ивейн, или Рыцарь со львом»: «Хотите – буду жить, хотите – / Умру, как жил, умру, любя. / Люблю Вас больше, чем себя» [15, с. 75].

В одной из ранних стихотворных версий романа о Тристане и Изольде (лэ Марии Французской «О жимолости») невозможность для влюбленных жить друг без друга становится символом и лейтмотивом всего повествования: «Ей отдал сердце он свое / И жить не может без нее. / Орешник, вырезанный здесь, / Обвитый жимолостью весь, / От самой кроны до корней, / Навеки тесно связан с ней. / Но чуть их разлучит беда, / Они погибнут навсегда. / Орешник станет вмиг сухим, / И жимолость зачахнет с ним. / “Мой друг, так оба мы, увы, / Умрем в разлуке – я и Вы!”» [16, с. 253].

Необходимым атрибутом лирических сюжетов является в авантюрно-рыцарских романах мотив абсолютной верности, предполагающей не только *верность до гроба* (так, в романе о Триста-

не и Изольде «влюбился Тристан в Изольду, да так сильно, что уж больше никогда не разлучался с ней и не любил и не знал других женщин» [13, с. 178]), но и *верность за гробом* (Изольда говорит над телом мертвого Тристана: «Раз Вы умерли, не жить больше и мне. Но раз мы любили друг друга при жизни, то будем любить и после смерти» [13, с. 222]). Тезис о загробной любви не остается в авантюрно-рыцарском романе простой декларацией: «...и из могилы Тристана поднялся прекрасный терновый куст, зеленый и пышнолиственный, и, перекинувшись через часовню, врос в могилу Изольды... Трижды приказывал король срезать этот куст, но всякий раз на следующий день он являлся столь же прекрасным, как и прежде» [13, с. 226]. Между тем часовня, несомненно, выступает символом христианской аскезы, и потому перекинувшийся поверх нее побег (воплощение стремления Тристана к Изольде с его недвусмысленной векторностью) может рассматриваться как символическое преодоление церковных запретов.

Особенно важное значение в контексте нашего исследования имеет то обстоятельство, что в рамках романа как жанра северофранцузская рыцарская культура вырабатывает концепцию любви, если содержательно и не преодолевающую, то, по крайней мере, игнорирующую официально ортодоксальное противопоставление души и тела. Эта концепция, контекстно фундирующая многие романские сюжеты, эксплицитно выражается в романе Кретьена де Труа «Клижес» посредством формулировки *чье сердце – того и тело*, пафос которой в равной мере направлен как против любви без физической близости (*Фенисса – Клижес*), так и против физической близости без любви (*Фенисса – супруг*) [17].

Однако в общем контексте этой концепции оценка социального статуса любви в рамках авантюрно-рыцарского романа характеризуется значительными разночтениями, разбивая по этому критерию весь романский массив на две большие группы:

- романная линия *любовь-брак*, т. е. направление, связывающее любовь исключительно с супружескими отношениями (практически все романы Кретьена де Труа и романы артуровского цикла, за исключением линии любви Ланселота к королеве Гвиневре, жене Артура);
- романная линия *любовь-адультер*, т. е. направление, связывающие любовь с исключительно внебрачной ситуацией (все без исключения версии романа о Тристане и Изольде).

Следует особо оговорить, что поскольку сюжетная структура романа о Тристане и Изольде восходит генетически к архаическому кельтскому фольклору, постольку парадигма видения любви в романах тристановского цикла во многом задается извне по отношению к собственно меди-

вальной традиции. В силу этого можно утверждать, что собственно рыцарские представления о любви более репрезентативны в романной линии *любовь-брак*.

Однако общий императив презумпции *чье сердце – того и тело* является доминирующим для рыцарского романа, и если в супружестве отсутствует любовь, то предпочтительнее оказывается адюльтер. Так, в романе Кретъена де Труа «Клижес» для насильно выданной замуж Фениссы, которая не только не питает нежных чувств к навязанному ей супругу, но и любит другого, физическая близость вне брака выступает не просто как оправданная («Люблю Клижеса и буду с ним»), но и как более достойная, нежели близость с нелюбимым. Фенисса не только прокламирует свои взгляды, но и организует ситуацию таким образом, чтобы всецело избежать супружеских отношений с мужем, колдовским путем посылая ему с этой целью еженощные сновидения эротического содержания и заставляя его верить в реальность приснившихся событий [17].

Однако, как правило, эталонный образ подруги рыцаря соединяет в одном лице и законную супругу, и Даму сердца, вдохновляющую рыцаря на благородные и бескорыстные подвиги. Любовь в этом контексте выступает не деструктивной асоциальной силой, как в романах тристановского цикла, но силой цивилизующей и облагораживающей.

Безусловно, гипотетический статус рыцарской модели жизни как подвига проявляется и по отношению к трактовке в ней любви как таковой: галантно-рыцарская поведенческая модель, сформулированная в рамках героико-авантюрной составляющей рыцарской культуры, так в этих рамках и остается, ни в коей мере не находя реализации в бытующих нравах.

Однако, оценивая эту гипотетическую модель любви, стоит помнить, в каком историческом контексте она возникла. Реальность была более чем мрачна в этом отношении: любви как таковой нет места в сложившейся жизни Средневековья. По описаниям историков, «в браках феодальной эпохи бывало... мало поэзии. Каждый барон старался главным образом упрочить свое положение

и заручиться большим числом ленов (земельных наделов. – М. М.); выгодная женитьба на богатой наследнице была при этом обыкновенным средством. С другой стороны, для верховных сюзеренов было важно, чтобы каждый лен находился в руках сильного ленника, способного нести военную службу; поэтому дочери-наследницы и вдовы ленников должны были скорее выходить замуж, дабы сохранить лены по наследству. Хорошо еще, если они были свободны выбирать одного из трех баронов, предложенных сюзереном в мужья... Короли охотно раздавали лены вместе с наследницами баронам, которые верно служили им» [1, с. 770].

Женщина вообще не рассматривалась в Средневековье как субъект [18]. Не будем же искать в рыцарском романе того, чего в нем – в силу исторических причин – никак не могло быть.

Кроме того, рыцарская модель любви никак не претендовала на практическую реализацию: сказка – сама по себе, согласно законам жанра; жизнь – сама по себе, согласно традиционным устоям³.

Однако чрезвычайно важным шагом для развития западноевропейских представлений о любви является то, что в контексте рыцарского романа как идеальной модели человеческого бытия, организованного по законам доблести и благородства, любовь занимает важнейшее место, центрируя вокруг себя весь сюжет, не только ожидая рыцаря в качестве награды на финише его героической эпопеи, но и задавая импульс ее старту, выступая как стимулирующий мотив подвига.

Тем самым гипотетическая модель любви, представленная в северофранцузском рыцарском романе, формирует систему ценностей, в рамках которой любовь фактически выступает в качестве облагораживающего импульса к героизму и доблести. И как бы ни была условна и гипотетична эта модель, в общем аксиологическом контексте средневековой культуры чрезвычайно значимым является тот факт, что не исключая чувственности земная любовь к земной женщине не только реабилитируется рыцарской культурной традицией, но и возвышается ею до символа сословного благородства.

Библиографические ссылки

1. Щепкин ЕН. Рыцарство. В: Виноградов ПГ, редактор. *Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей. Выпуск 2*. Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова; 1897. с. 734–821.
2. Лучицкая СИ. Рыцарство. В: Гуревич АЯ, редактор. *Словарь средневековой культуры*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2007. (Summa culturologiae). с. 431–437.
3. Михайлов АД. Молодые герои Кретъена. В: Кретъен де Труа. *Эрек и Энида. Клижес*. Москва: Наука; 1980. (Литературные памятники). с. 427–476.
4. Fourrier A. *Le courant réaliste dans le roman courtois en France au Moyen Âge*. Paris: A. G. Nizet; 1960. 522 p.
5. Пайен де Мазьер. Мул без узды. В: Пуришев БИ, составитель. *Зарубежная литература Средних веков. Латинская, кельтская, скандинавская, провансальская, французская литературы*. Москва: Просвещение; 1974. с. 266–279.
6. Михайлов АД. Роман и повесть высокого средневековья. В: Шлапоберская С, редактор. *Средневековый роман и повесть*. Москва: Художественная литература; 1974. с. 5–28.

³Мы еще встретимся с подобной ситуацией (даже в еще более ярком ее проявлении) применительно к куртуазной лирике трубадуров.

7. Ауэрбах Э. *Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе*. Москва: Прогресс; 1976. 556 с.
8. Михайлов АД. *Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе*. Москва: Наука; 1976. 351 с.
9. Стаф ИК. *Chansons de geste*. В: Гуревич АЯ, редактор. *Словарь средневековой культуры*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2007. (Summa culturologiae). с. 581–588.
10. Кретьен де Труа. Эрек и Энида. В: Кретьен де Труа. *Эрек и Энида. Клижес*. Москва: Наука; 1980. (Литературные памятники). с. 5–211.
11. Окассен и Николетта. В: Шлапоберская С, редактор. *Средневековый роман и повесть*. Москва: Художественная литература; 1974. с. 227–258.
12. Хейзинга Й. *Осень Средневековья: исследование форм жизненного уклада в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах*. Москва: Наука; 1988. 544 с.
13. Роман о Тристане и Изольде. В: Шлапоберская С, редактор. *Средневековый роман и повесть*. Москва: Художественная литература; 1974. с. 153–226.
14. Михайлов АД, редактор. *Легенда о Тристане и Изольде. Переводы*. Москва: Наука; 1976. 735 с. (Литературные памятники).
15. Кретьен де Труа. Ивейн, или Рыцарь со львом. В: Шлапоберская С, редактор. *Средневековый роман и повесть*. Москва: Художественная литература; 1974. с. 29–152.
16. Мария Французская. О жимолости. В: Пуришев БИ, составитель. *Зарубежная литература Средних веков. Латинская, кельтская, скандинавская, провансальская, французская литературы*. Москва: Просвещение; 1974. с. 251–253.
17. Кретьен де Труа. Клижес. В: Кретьен де Труа. *Эрек и Энида. Клижес*. Москва: Наука; 1980. (Литературные памятники). с. 212–417.
18. Клапеш-Зубер К, редактор. *История женщин на Западе. Том 2. Молчание Средних веков*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2014. 512 с. (Гендерные исследования).

References

1. Shchepkin EN. [Knighthood]. In: Vinogradov PG, editor. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov, sostavlenaya kruzhkom prepodavatelei. Vypusk 2* [The book for reading on the history of the Middle Ages, compiled by a circle of teachers. Volume 2]. Moscow: Tovarishestvo tipografii A. I. Mamontova; 1897. p. 734–821. Russian.
2. Luchitskaya SI. [Knighthood]. In: Gurevich AY, editor. *Slovar' srednevekovoi kul'tury* [Dictionary of medieval culture]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2007. (Summa culturologiae). p. 431–437. Russian.
3. Mikhailov AD. [Young heroes of Chretien]. In: Chretien de Troyes. *Erek i Enida. Klizhes* [Erec and Enid. Cliges]. Moscow: Nauka; 1980. (Literary monuments). p. 427–476. Russian.
4. Fourrier A. *Le courant réaliste dans le roman courtois en France au Moyen Âge* [The realistic current in the courtly novel in France in the Middle Ages]. Paris: A. G. Nizet; 1960. 522 p. French.
5. Païen de Maisières. [Mule without a reins]. In: Purishev BI, compiler. *Zarubezhnaya literatura Srednikh vekov. Latinskaya, kel'tskaya, skandinavskaya, provansal'skaya, frantsuzskaya literatury* [Foreign literature of the Middle Ages. Latin, Celtic, Scandinavian, Provençal, French literature]. Moscow: Prosveshchenie; 1974. p. 266–279. Russian.
6. Mikhailov AD. [Roman and the story of the high Middle Ages]. In: Shlapoberskaya S, editor. *Srednevekovyi roman i povest'* [Medieval romance and novel]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1974. p. 5–28. Russian.
7. Auerbach E. *Mimesis. Izobrazhenie deistvitel'nosti v zapadnoevropeiskoi literature* [Mimesis. The image of reality in Western European literature]. Moscow: Progress; 1976. 556 p. Russian.
8. Mikhailov AD. *Frantsuzskii rytsarskii roman i voprosy tipologii zhanra v srednevekovoi literature* [French knightly romance and questions of typology of the genre in medieval literature]. Moscow: Nauka; 1976. 351 p. Russian.
9. Staf IK. [Chansons de geste]. In: Gurevich AY, editor. *Slovar' srednevekovoi kul'tury* [Dictionary of medieval culture]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2007. (Summa culturologiae). p. 581–588. Russian.
10. Chrétien de Troyes. [Erec and Enid]. In: Chrétien de Troyes. *Erek i Enida. Klizhes* [Erec and Enid. Cliges]. Moscow: Nauka; 1980. (Literary monuments). p. 5–211. Russian.
11. [Okassen and Nicoletta]. In: Shlapoberskaya S, editor. *Srednevekovyi roman i povest'* [Medieval romance and novel]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1974. p. 227–258. Russian.
12. Huizinga J. *Osen' Srednevekov'ya: issledovanie form zhiznennogo uklada v XIV i XV vekakh vo Frantsii i Niderlandakh* [Autumn of the Middle Ages: study of the forms of life in the XIV and XV centuries in France and the Netherlands]. Moscow: Nauka; 1988. 544 p. Russian.
13. [The romance on Tristan and Isolde]. In: Shlapoberskaya S, editor. *Srednevekovyi roman i povest'* [Medieval romance and novel]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1974. p. 153–226. Russian.
14. Mikhailov AD, editor. *Legenda o Tristane i Izol'de. Perevody* [The Legend on Tristan and Isolde. Translations]. Moscow: Nauka; 1976. 735 p. (Literary monuments). Russian.
15. Chrétien de Troyes. [Iwein, or Knight with a lion]. In: Shlapoberskaya S, editor. *Srednevekovyi roman i povest'* [Medieval romance and novel]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1974. p. 29–152. Russian.
16. Mary from France. [About Honeysuckle]. In: Purishev BI, compiler. *Zarubezhnaya literatura Srednikh vekov. Latinskaya, kel'tskaya, skandinavskaya, provansal'skaya, frantsuzskaya literatury* [Foreign Literature of the Middle Ages. Latin, Celtic, Scandinavian, Provençal, French literature]. Moscow: Prosveshchenie; 1974. p. 251–253. Russian.
17. Chrétien de Troyes. [Cliges]. In: Chrétien de Troyes. *Erek i Enida. Klizhes* [Erec and Enid. Cliges]. Moscow: Nauka; 1980. (Literary monuments). p. 212–417. Russian.
18. Klapesch-Zuber K, editor. *Istoriya zhenshchin na Zapade. Tom 2. Molchanie Srednikh vekov* [The history of women in the West. Volume 2. Silence of the Middle Ages]. Saint Petersburg: Aleteiia; 2014. 512 p. (Gender studies). Russian.

В КОНСПЕКТ СОЦИОЛОГА

SYNOPSIS OF A SOCIOLOGIST

УДК 159.9.072

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ВИКТИМИЗАЦИИ ВЗРОСЛЫХ ИНДИВИДОВ

В. П. ШЕЙНОВ¹⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы,
ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

Целью статьи явилась разработка методики, а также надежного и валидного теста для экспериментальных исследований виктимизации взрослых индивидов. Подобные методики и тесты для взрослых отсутствуют как в отечественной, так и в зарубежной литературе. В пилотажном исследовании участвовали две контрастные группы испытуемых численностью соответственно 389 и 400 человек, сравнение показателей которых позволило отобрать задания теста для мужчин и женщин. Доказано, что сконструированный тест удовлетворяет стандартным критериям надежности (внутренняя согласованность, надежность частей теста, ретестовая устойчивость) и валиден, поскольку удовлетворяет всем известным критериям валидности: валидации в процессе конструирования теста, валидности содержательной, «очевидной», текущей (диагностической), консенсусной, конструктивной, конвергентной, контрастной, гендерной. Шкалы теста диагностируют семь типов виктимизации: общую и реализованную виктимизацию, склонность к агрессивному, саморазрушающему, зависимому и некритичному типу виктимизации и степень незащищенности индивида от манипуляций. Сущности виктимизации отвечает тот факт, что диагностированный этим тестом конструкт положительно коррелирует со склонностью к рисковому поведению, тревожностью, депрессией и низким самоуважением и отрицательно связан с асертивностью. Стандартизация разработанного теста проведена на репрезентативной выборке из более чем 1000 респондентов. Всего в исследовании задействованы более 1500 респондентов.

Ключевые слова: методика; тест; виктимизация; надежность; валидность; рисковое поведение; тревожность; депрессия; самоуважение; асертивность; мужчины и женщины.

Образец цитирования:

Шейнов В.П. Методика исследования виктимизации взрослых индивидов. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:133–142.

For citation:

Sheinov VP. Methodology of the investigation of adult-individual victimization. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:133–142. Russian.

Автор:

Виктор Павлович Шейнов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры психологии и педагогического мастерства.

Author:

Victor P. Sheinov, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of psychology and pedagogical excellence.
sheinov1@mail.ru

METHODOLOGY OF THE INVESTIGATION OF ADULT-INDIVIDUAL VICTIMIZATION

V. P. SHEINOV^a

^aRepublican Institute of Higher School,
15 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The aim of the article was to develop a methodology and a reliable and valid test for experimental studies of the victimization of adult individuals. Similar methods and tests for adults are absent, both in domestic and in foreign literature. In the pilot study, two contrasting groups of subjects with a population of 389 and 400 people, respectively, participated in the comparison, which allowed to select the test assignments for men and women. It is proved that the constructed test satisfies the standard reliability criteria (internal consistency, reliability of test parts, retest stability); test is valid because it satisfies all known validity criteria: validation in the process of test design, validity of meaningful, «obvious», current (diagnostic), consensus, constructive, convergent, contrast, gender. The scale of the test diagnoses seven types of victimization: general and realized victimization, propensity to aggressive, self-destructive, dependent and uncritical type of victimization and the degree of insecurity of the individual from manipulation. The essence of victimization is the fact that the construct diagnosed by this test is positively correlated with the propensity to risk behavior, with anxiety, depression and low self-esteem and is negatively associated with assertiveness. Standardization of the developed test was carried out on a representative sample of more than 1000 respondents. In total, more than 1500 respondents are involved in the study.

Key words: methodology; test; victimization; reliability; validity; risky behavior; anxiety; depression; self-esteem; assertiveness; men and women.

Введение

Виктимность (от лат. *victima* – жертва) – склонность стать жертвой преступления. Виктимизация – событие насилия или опыт переживания насилия, процесс превращения лица в жертву преступного посягательства, а также результат этого процесса.

В экспериментальных работах о виктимизации подростков активно используется методика исследования склонности к виктимному поведению (МСВП), разработанная О. О. Андронниковой для

подростков [1]. Отсутствие подобной методики для взрослых сдерживает экспериментальные исследования виктимизации мужчин и женщин. В зарубежных публикациях также не удалось обнаружить методики, оценивающие степень виктимизации взрослых.

Целью данного исследования явилась разработка методики, а также надежного и валидного теста для оценки степени виктимизации взрослого индивида.

Материалы и методы

Для проведения *пилотажного исследования* были отобраны две контрастные группы испытуемых, сравнение показателей которых помогло отобрать те задания для теста, которые выявляют виктимизацию. Первая группа образована из тех, кто не был жертвой насилия (невиктимные), другая – из тех, кто был (виктимные).

В группу невиктимных испытуемых вошли те, кто, по их сообщениям, никогда не был жертвой преступных действий: слушатели курсов повышения квалификации Академии последиplomного образования (АПО, Минск) – учителя, директора школ и их заместители, руководители и воспитатели детских садов, психологи, дефектологи – и слушатели Республиканского института высшей школы (РИВШ, Минск) – преподаватели и специалисты технических, гуманитарных, творческих и военных учреждений высшего образования Беларуси, руководители и специалисты предприятий различных форм собственности. Их общая численность составила 389 человек, из них 198 жен-

щин в возрасте 22–78 лет ($M = 49,4$) и 191 мужчина (24–77 лет, $M = 48,6$). Тестирование (анонимное, под шифрами) проводилось на занятиях по повышению квалификации, поскольку психодиагностика включена в программы этих занятий.

Сложность образования контрастной группы, составленной из виктимных испытуемых (должна быть достаточно многочисленной, чтобы изучать ее с применением статистических методов), происходит от того, что жертвы преступлений рассредоточены в пространстве и времени и тестировать их в большом количестве не представляется возможным. Тем более что для создания теста нужно иметь группы большой численности: например, для проверки надежности создаваемого теста – не менее 200 мужчин и 200 женщин.

Поэтому мы воспользовались следующим соображением: виктимными по факту являются, в частности, те, кто сам стал жертвой своего преступления, отбывая за него наказание в местах лишения свободы. Оказалось, что даже сама по себе преступ-

ная деятельность является источником высокой степени виктимизации человека, преступившего закон. Так, «анализ двух национальных обследований виктимизации в Англии и Уэльсе показал, что преступная деятельность... прямо увеличивает риск личной виктимизации»¹ [2, р. 110]. Отмечается также «эмпирическое совпадение, которое существует среди жертв и правонарушителей, иначе называемых жертвами-правонарушителями» [3, р. 16].

Поэтому во вторую, виктимную группу (контрастную для невиктимных граждан первой группы) были отобраны 400 заключенных из исправительных колоний Беларуси – 200 женщин в возрасте 23–69 лет ($M = 37,2$) и 200 мужчин 18–67 лет ($M = 35,3$), имеющих разные степени виктимизации: половина женщин и мужчин находится в заключении впервые, другая половина отбывает второй, третий и последующие сроки заключения в условиях общего и усиленного режимов содержания. Подбор испытуемых и их тестирование осуществлены по нашей методике специалистами и психологами мужских и женских исправительных колоний Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь.

Индивид может оказаться жертвой преступных действий, например мошенничества. Мошенничество – манипуляция криминального содержания, но некриминальные манипуляции имеют на своем счету еще больше жертв [4]. Подвержены манипуляции и законопослушные индивиды, и нарушители закона, поскольку в преступную деятельность часто вовлекают (особенно молодых) именно с помощью манипуляций. Поэтому в качестве первой группы заданий для возможного включения в раз-

рабатываемый тест были взяты 20 заданий теста НЗМ – авторского опросника «Оценка степени незащищенности индивида от манипулятивных воздействий» [5].

Поскольку маркеры риска виктимизации подrostков могут в той или иной мере проявиться впоследствии у взрослого человека, то вторую группу заданий мы заимствовали из методики МСВП О. О. Андронниковой [1], включив в процедуру отбора все выделенные в ней семь шкал (субтестов): шкалу социальной желательности ответов (шкала Ж), пять шкал склонностей (к агрессивному поведению (шкала А), самоповреждающему и саморазрушающему поведению (шкала С), гиперсоциальному поведению (шкала Г), зависимому и беспомощному поведению (шкала З), некритичному поведению (шкала Н)) и шкалу реализованной виктимизации (шкала Р). В дополнение к этим семи шкалам МСВП мы ввели в процедуру отбора еще шкалу «Общая виктимизация» – сумму показателей семи шкал МСВП как комплексную оценку степени виктимизации.

Выделенные из двух названных методик девять шкал были проанализированы на предмет способности выявлять виктимизацию взрослых.

Детерминанты виктимизации не являются идентичными для мужчин и женщин. Это относится и к незащищенности от манипуляций: так, установлено, что женщины в целом лучше мужчин защищены от манипуляций [5].

Поэтому было принято решение создавать тесты виктимизации параллельно для мужчин и женщин и только в случае совпадения отбираемых заданий создать из них общий тест.

Результаты и их обсуждение

Конструирование теста. Первым шагом стал отбор шкал, выявляющих (дифференцирующих) виктимизацию у взрослых – по результатам сравнения средних значений показателей женщин и мужчин в контрастных группах. В столбцах табл. 1 и 2 выделены средние значения показателей исходных шкал у виктимных заключенных, статистически значимо превосходящие соответствующие средние значения у невиктимных законопослушных граждан, а в последних строках таблиц указаны двусторонние уровни значимости $p < 0,001$, при которых различия средних значений статистически достоверны. Достоверность различий проверялась с помощью программы «*t*-критерий для независимых выборок». Статистическая обработка осуществлялась с помощью пакета SPSS (версия 20.00). В данном исследовании принят уровень значимости $p = 0,05$.

Семь столбцов табл. 1 и 2, где различия достоверны, указывают *шкалы, выявляющие виктимизацию у мужчин и женщин*.

Чтобы с большей уверенностью провести границы между невиктимными и виктимными испытуемыми, в таблицах приведены минимальные и максимальные значения средних значений, зафиксированные в группах осужденных, совершивших определенные виды преступлений. Оказалось, что и наиболее низкие показатели виктимизации групп заключенных статистически значимо превосходят аналогичные показатели законопослушных граждан.

При этом наиболее высокие показатели шкал зафиксированы у рецидивистов – мужчин и женщин, отбывающих более суровое наказание за наиболее опасные насильственные преступления: убийства, тяжкие телесные повреждения, грабежи, разбой.

¹Здесь и далее перевод наш. – В. Ш.

То есть шкалы, дифференцирующие виктимизацию, различают и степень виктимизации.

Из табл. 1 и 2 следует, что и для мужчин, и для женщин две шкалы не выявляют виктимизацию – шкалы Ж и Г. Примечательно, что результаты тестирования по этим двум шкалам отрицательно коррелируют с результатами тестирования по дифференцирующим шкалам как в мужской, так и в женской выборках. Это служит еще одним до-

казательством отсутствия связи шкал Ж и Г с виктимизацией взрослых. В силу сказанного шкалы Ж и Г исключаются из рассмотрения.

В то же время все корреляции между дифференцирующими шкалами имеют только положительный знак и у мужчин, и у женщин, что свидетельствует о том, что эти шкалы представляют единый комплекс, характеризующий разные проявления виктимизации.

Таблица 1

Средние значения показателей исходных шкал для виктимных и невиктимных женщин (N = 398)

Table 1

Mean values of the indices of the original scales for the victim and non-intact women (N = 398)

Группа испытуемых	Средние значения	Шкала								
		НЗМ	Ж	А	С	Г	З	Н	Р	Сумма
Невиктимные	Общее	20,02	3,93	7,69	7,17	7,67	7,77	7,54	6,08	47,88
Виктимные	Общее	24,27	3,36	10,01	10,04	7,33	9,4	10,22	8,06	60,41
	Минимальное	23,47	3,02	9,68	9,94	6,00	8,94	9,58	7,83	55,83
	Максимальное	26,69	4,67	12,73	10,65	8,67	10,31	10,52	9,67	67,11
Значимость		0,000	–	Общая виктимность	0,000	–	0,000	0,000	0,000	0,000

Таблица 2

Средние значения показателей исходных шкал для виктимных и невиктимных мужчин (N = 391)

Table 2

The mean values of the indices of the initial scales for the victim and non-intact men (N = 391)

Группа испытуемых	Средние значения	Шкала								
		НЗМ	Ж	А	С	Г	З	Н	Р	Сумма
Невиктимные	Общее	20,95	3,70	8,87	7,98	7,35	7,62	7,70	6,50	48,77
Виктимные	Общее	26,85	3,24	10,59	10,05	7,10	9,09	8,92	7,78	56,79
	Минимальное	25,8	3,00	9,85	9,80	7,50	8,67	8,57	7,50	54,5
	Максимальное	30,62	3,69	11,17	10,75	8,13	9,60	9,29	8,44	60,06
Значимость		0,000	–	0,000	0,000	–	0,000	0,000	0,000	0,000

Таким образом, задания, входящие в семь дифференцирующих шкал, могут претендовать на включение в тест, конструируемый как для мужчин, так и для женщин: это шкалы НЗМ, А, С, З, Н, Р и «Общая виктимизация».

Однако в тест следует включать только те задания дифференцирующих шкал, которые дискриминативны, т. е. ответы на них измеряют те же психологические характеристики, что и сама шкала.

Дискриминативность заданий проверена нами с помощью коэффициентов корреляции каждого задания с общим баллом шкалы. Эти коэффициенты были вычислены для всех дифференцирующих

шкал. Из них удалены те задания, коэффициенты корреляции которых с общим баллом шкалы оказались меньше 0,2. В результате шкала А сократилась с 27 до 14 заданий, шкала С – с 21 до 9, шкала З – с 19 до 11, шкала Н – с 19 до 10, шкала Р – с 18 до 10 заданий. Общее количество заданий сократилось с 86 до 54. Шкала НЗМ прошла это испытание без изменений, поскольку была разработана для взрослых.

Важно, что удаленные задания были не дискриминативны и для женской, и для мужской выборок. В результате дискриминативность сокращенных дифференцирующих шкал повысилась как на женской, так и на мужской выборках.

Необходимым условием *надежности* создаваемого теста является внутренняя согласованность (*гомогенность*) каждой из входящих в него шкал. Мера гомогенности – стандартизованная альфа Кронбаха – оказалась недостаточно высокой как для исходных, так и для большинства дифференцирующих шкал. Применив в два приема имеющуюся в *SPSS* процедуру «альфа Кронбаха при удалении пункта», мы удалили часть заданий, увеличив этим гомогенность шкал до показателей, представленных в последней строке табл. 3. В результате второго сокращения три шкалы – *НЗМ*, *З* и *Р* – не претерпели изменений. Оказалось, что рекомендуемые к удалению задания были одинаковы для женской и мужской выборок. Это, во-первых, позволило создать тест, пригодный для обоих полов, а во-вторых, послужило косвенным подтверждением того, что оставшиеся задания субтестов описывают один и тот же конструкт.

В табл. 3 отражено последовательное улучшение показателя гомогенности, начиная с исходного состояния шкал, затем их состояния после первого и второго сокращений. После всех проведенных сокращений шкала *А* уменьшилась до 13 заданий, шкала *С* – до 7, шкала *З* – до 11, шкала *Н* – до 8, шка-

ла *Р* – до 10, общее количество заданий сократилось с 86 до 40.

Процедура отбора пунктов шкал была продублирована посредством непараметрического эксплораторного факторного анализа: оказалось, что отобранные задания характеризуются высокими факторными нагрузками и для женской, и для мужской выборок.

Сокращение количества заданий при рассмотрении их для взрослых вполне ожидаемо и естественно, поскольку изначально они в методике О. О. Андронниковой [1] отбирались для подростков, не все маркеры виктимизации которых могут проявить себя при исследовании взрослых.

Но не отразится ли сокращение количества пунктов в шкалах на валидности шкал? В целях проверки этого предположения были вычислены корреляции между результатами тестирования испытуемых по исходным и сокращенным шкалам. Данные табл. 4 показывают самую высокую степень их коррелированности ($p < 0,001$). Это свидетельствует о том, что содержание конструкта, полученного в результате сокращения шкал, соответствует исходному. Проведенный далее подробный анализ валидности теста подтвердит данное соображение.

Таблица 3

Стандартизованная альфа Кронбаха на мужских (М) и женских (Ж) выборках ($N = 789$)

Table 3

The standardized Alpha Cronbach on male (M) and female (G) samples ($N = 789$)

Состояние шкал	Шкала											
	А		С		З		Н		Р		НЗМ	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Исходное	0,661	0,478	0,254	0,333	0,394	0,387	0,341	0,138	0,157	0,147	0,789	0,775
После первого сокращения	0,768	0,566	0,470	0,388	0,668	0,661	0,475	0,374	0,617	0,606	0,789	0,775
После второго сокращения	0,783	0,613	0,626	0,637	0,668	0,661	0,704	0,600	0,617	0,606	0,789	0,775

Таблица 4

Корреляции результатов тестирования по исходным и сокращенным шкалам ($N = 400$)

Table 4

Correlations of the test results with the initial and abbreviated scales ($N = 400$)

Испытуемые	Шкала					Общая виктимизация
	А	С	З	Н	Р	
Женщины	0,868	0,881	0,859	0,808	0,832	0,891
Мужчины	0,935	0,852	0,917	0,897	0,907	0,922

Проверка надежности разработанного теста виктимизации. В соответствии с общепринятой процедурой проверка надежности про-

водилась тремя способами: 1) на внутреннюю согласованность (гомогенность); 2) на надежность частей теста; 3) повторным тестированием (ре-

тест). Поскольку тест состоит из семи шкал (субтестов), то проведены проверки каждой шкалы.

1. Как видно из строки «Исходное состояние шкал» табл. 3, показатели *внутренней согласованности* исходных шкал в большинстве случаев были довольно низкими. Значения альфа Кронбаха меньше 0,6 считаются признаком ненадежности теста. Удаление части заданий позволило получить вполне приемлемые показатели гомогенности шкал (см. строку «После второго сокращения» табл. 3), составляющих сконструированный тест виктимизации.

2. Проверка *надежности частей теста* проведена путем деления шкал на две части. В соответствии с рекомендациями специалистов по психодиагностике использовано разбиение шкал на четные и нечетные номера заданий как наиболее

защищенное от возможной неэквивалентности частей шкал.

Степень надежности эквивалентных половин шкал, характеризуемая коэффициентами половинного расщепления Спирмена – Брауна и Гуттмана, представлена в табл. 5. Из нее следует, что надежность частей всех шкал находится на приемлемом уровне как для мужской, так и для женской выборки.

3. Проверка надежности теста *повторным тестированием* проведена в двух контрастных группах испытуемых – невиктимных и виктимных. Первую составили слушатели групп переподготовки АПО и РИВШ БГУ – представители различных специальностей, должностных статусов. Всего участвовали в этом тестировании 202 женщины и 194 мужчины в возрасте от 25 до 48 лет. Интервал между тестированиями групп составил 5 недель.

Таблица 5

Коэффициенты половинного расщепления Спирмена – Брауна и Гуттмана ($N = 789$)

Table 5

The coefficients of the half-splitting of Spearman – Brown and Guttman ($N = 789$)

Коэффициенты	Шкала											
	А		С		З		Н		Р		НЗМ	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Спирмена – Брауна	0,812	0,642	0,674	0,658	0,703	0,685	0,718	0,612	0,626	0,613	0,837	0,826
Гуттмана	0,806	0,639	0,648	0,639	0,698	0,679	0,711	0,710	0,623	0,611	0,829	0,823

В табл. 6 представлены корреляции результатов тестирования. Все они статистически значимы при $p < 0,001$. Из табл. 6 видно, что ретестовая надежность находится на хорошем уровне.

В табл. 7 представлены корреляции результатов тестирования с интервалом 4 недели групп вик-

тимных испытуемых – осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях. В тестировании участвовали 200 мужчин и 200 женщин. Все корреляции статистически значимы при $p < 0,001$. Из табл. 7 видно, что ретестовая надежность также находится на хорошем уровне.

Таблица 6

Корреляции результатов тестирования преподавателей с их повторным тестированием ($N = 396$)

Table 6

Correlations of the results of testing teachers with their repeated testing ($N = 396$)

Испытуемые	Шкала					Общая виктимизация	Шкала НЗМ
	А	С	З	Н	Р		
Женщины	0,868	0,781	0,859	0,808	0,832	0,851	0,941
Мужчины	0,935	0,852	0,917	0,897	0,907	0,922	0,918

Таблица 7

Корреляции результатов тестирования осужденных с их повторным тестированием ($N = 400$)

Table 7

Correlations of the results of testing convicts with their repeated testing ($N = 400$)

Осужденные	Шкала					Общая виктимизация	Шкала НЗМ
	А	С	З	Н	Р		
Женщины	0,734	0,729	0,730	0,725	0,741	0,867	0,911
Мужчины	0,803	0,701	0,794	0,706	0,755	0,885	0,949

Таким образом, надежность теста виктимизации установлена по разным (контрастным) группам испытуемых и всем необходимым критериям надежности.

Проверка валидности разработанного теста виктимизации. Проверка валидности теста проведена по всем известным типам валидности: 1) валидации в процессе конструирования теста; 2) валидности содержательной; 3) «очевидной»; 4) текущей (диагностической); 5) консенсусной; 6) конструктивной; 7) конвергентной; 8) контрастной; 9) гендерной.

1. *Валидизация в процессе конструирования теста:* в тест были включены только задания, непосредственно связанные с диагностируемым конструктом – виктимизацией личности: это относится и к авторскому тесту незащищенности индивида от манипуляций, и к методике О. О. Андронниковой виктимного поведения подростков. В процессе описанного выше эмпирического анализа этих заданий из них отобраны наиболее отвечающие надежности и валидности теста.

2. *Содержательная (внутренняя) валидность* обеспечена отбором в качестве окончательного стимульного материала ситуаций, напрямую связанных с психологическими факторами виктимизации, значимыми для мужчин и женщин различных социальных групп и возрастов.

3. *Очевидная (доверительная, внешняя) валидность* показывает, насколько тест выглядит обоснованным для испытуемых, когда они в процессе сообщения им результатов узнают о предмете тестирования. О выполнении этого критерия свидетельствует то, что никто из многочисленных испытуемых не усомнился в предмете тестирования и своем результате. Многие из тех, у кого разработанный тест выявил повышенную степень виктимизации, признавались в наличии у них соответствующих проблем.

4. *Текущая (диагностическая) валидность* теста имеет место, поскольку с его помощью испытуемые получают «диагноз существующего положения»: выявляется, в какой степени индивид подвержен виктимизации в настоящее время.

5. *Консенсусная валидность* – установление связи (корреляции) тестовых данных с данными, полученными от внешних экспертов, хорошо знакомых с тестируемыми. В качестве внешних экспертов для заключенных выступили участники судебных заседаний, изучившие дела обвиняемых и назначившие им наказание, т. е. осуществившие их виктимизацию. Их вывод о реальной виктимизации преступивших закон коррелирует с повышенными показателями виктимизации у заключенных для всех семи шкал теста. Для шкалы *НЗМ* консенсусная валидность подтверждена предыдущим исследованием [5], в котором экспертами выступили

учителя гимназии, хорошо (много лет) знающие друг друга.

6. *Конструктивная валидность* включает как все уже рассмотренные типы валидности, так и конвергентную, контрастную и гендерную валидность, проверяемые далее.

7. *Конвергентная валидность* означает, что тест должен иметь высокие корреляции с другими переменными, с которыми он должен коррелировать, исходя из теоретических предположений.

Как установила О. О. Андронникова, виктимизация подростков положительно связана со склонностью к рисковому поведению, личностной тревожностью и низким самоуважением [1]. Согласно результатам зарубежных исследований, подростковая виктимизация связана с увеличением симптомов тревоги и депрессии [6] и низким самоуважением [7]. Естественно ожидать, что эти особенности виктимизации подростков найдут то или иное проявление и при переходе их во взрослое состояние.

Связь виктимизации с указанными качествами мы проверили на группах слушателей РИВШ смешанного состава общей численностью 292 человека – 139 мужчин и 153 женщины в возрасте от 23 до 74 лет. Склонность к рисковому поведению (рисковость) измеряли тестом Шуберта, тревожность и депрессию – адаптированной госпитальной шкалой тревоги и депрессии, уровень самоуважения – адаптированным личностным опросником Розенберга.

Данные табл. 8 показывают, что ожидаемые положительные связи виктимности взрослых с их склонностью к рисковому поведению, тревожностью и депрессией и отрицательная – с самоуважением полностью подтвердились.

С виктимизацией индивида должна отрицательно коррелировать его *ассертивность*. Ассертивность – это способность человека уверенно и с достоинством отстаивать свои интересы и права, не попирая при этом прав других людей. Приведенное определение объединяет взгляды авторов, внесших значительный вклад в изучение данного феномена [8]. Ассертивность является конструктивной альтернативой зависимому поведению, манипуляции и агрессии. Ассертивность измерялась нами соответствующим авторским тестом, надежность и валидность которого была доказана ранее [9].

Таблица 9 показывает наличие отрицательной связи между шкалами теста виктимизации и ассертивностью для группы из 78 курсантов (половина юношей, половина девушек) первого и второго курсов Белорусской государственной академии авиации и для группы преподавателей – слушателей РИВШ численностью 142 человека (73 женщины, 69 мужчин в возрасте от 21 года до 76 лет). Отрицательная связь шкалы *НЗМ* с ассертивностью была установлена нами ранее [9, с. 112–113].

Таблица 8

Корреляции виктимности с рисковостью, тревожностью, депрессией и самоуважением ($N = 292$)

Table 8

Correlation of victimization with risk, anxiety, depression and self-esteem ($N = 292$)

Характеристика	Шкала					Общая виктимизация
	A	C	З	H	P	
Рисковость	–	0,730/0,000	–	0,310/0,007	0,313/0,029	0,363/0,003
Тревожность	0,539/0,000	0,239/0,037	0,414/0,003	0,606/0,000	0,387/0,006	0,637/0,000
Депрессия	–	–	0,469/0,000	–	–	0,289/0,003
Самоуважение	–0,461/0,023	–0,431/0,036	–0,298/0,002	–0,381/0,046	–	–0,401/0,025

Примечание. Числители – коэффициенты корреляции Пирсона, знаменатели – двусторонняя статистическая значимость.

Таблица 9

Корреляции виктимизации с асертивностью ($N = 220$)

Table 9

Correlations of victimization with assertiveness ($N = 220$)

Испытуемые	Шкала			Общая виктимизация
	A	З	P	
Курсанты	–0,240/0,049	–0,526/0,000	–0,283/0,021	–0,346/0,004
Преподаватели	–	–0,339/0,000	–0,147/0,048	–

Примечание. Числители – коэффициенты корреляции Пирсона, знаменатели – двусторонняя статистическая значимость.

Таким образом, *конвергентная валидность теста виктимности установлена*.

О конвергентной валидности свидетельствуют и иные связи. Так, шкала *НЗМ* положительно коррелирует с другими шкалами теста виктимизации, что отвечает сущности этих шкал и подтверждает достоверность расчетов: у преподавателей – корреляция *НЗМ* с реализованной виктимизацией ($r = 0,185$, $p = 0,027$), зависимым поведением ($r = 0,162$, $p = 0,047$) и общей виктимизацией ($r = 0,194$, $p = 0,020$), у курсантов – с реализованной виктимизацией ($r = 0,250$, $p = 0,043$).

8. *Валидизация методом контрастных групп*: в качестве таковых сравнивались 389 невиктимных мужчин и женщин и 400 виктимных мужчин и женщин, отбывающих наказание за совершенные ими преступления. Пересчет их ответов по сокращенным дифференцирующим шкалам, представленный в табл. 10, показал более высокие показатели теста как у виктимных мужчин (четные строки), так и у виктимных женщин (нечетные строки).

Другой парой контрастных групп являются мужчины и женщины, сравнение показателей которых приведено ниже.

9. *Валидизация по гендерному признаку*: поскольку мужчины по сравнению с женщинами в целом, во-первых, менее защищены от манипуляций [7], во-вторых, более агрессивны, в-третьих, обладают большим количеством саморазрушающих привычек,

то среднее значение шкал *НЗМ*, *A* и *C* для мужчин должно быть выше аналогичного показателя для женщин. Женщины в целом более зависимы, чем мужчины, поэтому их показатели по шкале *З* должны превосходить показатели мужчин. Представленные в табл. 10 средние значения показателей для женщин и мужчин, как виктимных, так и невиктимных, отвечают этим гендерным стереотипам. Все различия в шкалах *НЗМ*, *A*, *C* и *З* статистически значимы при уровне значимости $p = 0,05$.

Результаты проверки позволяют сделать вывод о том, что в силу удовлетворения всем критериям валидности *предлагаемый тест виктимизации взрослых является валидным*.

Стандартизация теста. В табл. 11 приведены нормы для мужчин и женщин, представленные в средних величинах и показателях стандартного отклонения. Они позволяют выразить отличие индивидуального результата конкретного испытуемого от среднего значения в единицах стандартного отклонения.

При вычислении нормативных показателей мы руководствовались рекомендациями по стандартизации тестов: у нас были достаточно большие (более 500 испытуемых) выборки и высокая репрезентативность выборок. Нормативные показатели вычислены по выборкам из 563 женщин и 513 мужчин.

Таблица 10

Средние значения показателей шкал теста виктимизации для женщин и мужчин (N = 789)

Table 10

The mean values of scores of victimization scales for women and men (N = 789)

Испытуемые	Пол испытуемых	Шкала						Общая виктимность
		НЗМ	А	С	З	Н	Р	
Невиктимные	Женщины	20,02	4,75	2,96	3,88	3,52	3,59	13,34
	Мужчины	20,95	5,24	3,74	3,71	3,68	3,57	14,11
Виктимные	Женщины	24,27	7,41	4,30	4,72	4,76	4,77	26,88
	Мужчины	26,85	6,26	4,72	4,43	4,12	4,27	24,91

Таблица 11

Нормативные показатели шкал теста виктимности для мужчин и женщин (N = 1076)

Table 11

The normative scores of the victimization scales for men and women (N = 1076)

Пол испытуемых	Показатели	Шкала						Общая виктимизация
		НЗМ	А	С	З	Н	Р	
Женщины (N = 563)	Среднее значение	20,02	5,04	2,98	3,92	3,58	3,66	19,18
	Стандартное отклонение	5,18	2,51	1,59	1,95	1,59	1,57	5,55
Мужчины (N = 513)	Среднее значение	20,95	5,47	3,80	3,79	3,70	3,64	20,47
	Стандартное отклонение	6,34	3,18	1,77	1,70	1,93	1,50	6,23

Обсуждение результатов. Репрезентативность выводов обеспечена широким представителем испытуемых по полу, возрасту, образованию, профессии, должностному положению, социальному статусу и региону проживания, а также нормальным распределением результатов тестирования, что является необходимым условием того, что выборки представляют собой «репрезентативные срезы популяции». Результаты тестирования групп

проверялись по критерию Колмогорова – Смирнова на соответствие закону нормального распределения. Вычисление статистики Z и относящейся к ней вероятности ошибки p показало, что распределения всех изучаемых переменных при принятом уровне значимости $p = 0,05$ вполне соответствуют нормальному распределению. Это позволило применить параметрические методы статистического анализа.

Выводы

1. Разработанный тест оценки степени виктимизации для взрослых удовлетворяет стандартным критериям надежности, таким как внутренняя согласованность, надежность частей теста, ретестовая надежность.

2. Тест валиден, удовлетворяет всем критериям валидности: 1) валидации в процессе конструирования теста; 2) валидности содержательной; 3) «очевидной»; 4) текущей (диагностической); 5) консенсусной; 6) конструктивной; 7) конвергентной; 8) контрастной; 9) гендерной.

3. Семь шкал (субтестов) теста диагностируют семь типов виктимизации: общую и реализован-

ную виктимизацию, склонности к агрессивному, саморазрушающему, зависимому и некритичному типу виктимизации и незащищенность от манипуляций.

4. Тест стандартизован: приведены нормы для мужчин и женщин, представленные в средних величинах и показателях стандартного отклонения.

5. Виктимизация взрослых, диагностированная этим тестом, положительно связана со склонностью к рисковому поведению, тревожностью, депрессией, низким самоуважением и отрицательно – с асертивностью.

Библиографические ссылки

1. Андронникова ОО. Тест склонности к виктимному поведению. В: *Развитие гуманитарного образования в Сибири. Выпуск 9, часть 1*. Новосибирск: НГИ; 2004. с. 11–25.
2. Sampson RJ, Lauritsen JL. Deviant lifestyles, proximity to crime, and the offender-victim link in personal violence. *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 1990;27(2):110–139. DOI: 10.1177/0022427890027002002.

3. Jennings WG, Piquero AR, Reingle JM. On the overlap between victimization and offending: a review of the literature. *Aggression and Violent Behavior*. 2012;17(1):16–26. DOI: 10.1016/J.AVB.2011.09.003.
4. Шейнов ВП. Макиавеллизм личности: кто умело манипулирует людьми. Москва: АСТ; 2012. 416 с. Совместно с «Харвест» (Минск).
5. Шейнов ВП. Разработка опросника для оценки степени незащищенности индивида от манипулятивных воздействий. *Вопросы психологии*. 2012;4:147–154.
6. Gaspar T, Gaspar MM, Ribeiro JP, Peguero I, Leal AA, Albergaria F. Psychosocial factors related to bullying and victimization in children and adolescents. *Health Behavior and Policy Review*. 2014;1(6):452–459(8). DOI: 10.14485/HBPR.1.6.3.
7. Cava MJ, Musitu G, Buelga S, Murgui S. The relationships of family and classroom environments with peer relational victimization: an analysis of their gender differences. *The Spanish Journal of Psychology*. 2010;13(1):156–165. DOI: 10.1017/S1138741600003747.
8. Шейнов ВП. Детерминанты асертивного поведения. *Психологический журнал*. 2015;36(3):28–37.
9. Шейнов ВП. Разработка теста асертивности, удовлетворяющего требованиям надежности и валидности. *Вопросы психологии*. 2014;2:107–116.

References

1. Andronnikova OO. [Test of propensity to victim behavior]. In: *Razvitie gumanitarnogo obrazovaniya v Sibiri. Vypusk 9, chast' 1* [Development of humanities in Siberia. Volume 9, part 1]. Novosibirsk: NGI; 2004. p. 11–25. Russian.
2. Sampson RJ, Lauritsen JL. Deviant lifestyles, proximity to crime, and the offender-victim link in personal violence. *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 1990;27(2):110–139. DOI: 10.1177/0022427890027002002.
3. Jennings WG, Piquero AR, Reingle JM. On the overlap between victimization and offending: a review of the literature. *Aggression and Violent Behavior*. 2012;17(1):16–26. DOI: 10.1016/J.AVB.2011.09.003.
4. Sheynov VP. *Makiavellizm lichnosti: kto umelo manipuliruet lyud'mi* [Machiavellianism of the person: who skillfully manipulates people]. Moscow: AST; 2012. 416 p. Co-edition by the «Kharvest» (Minsk). Russian.
5. Sheynov VP. Development of a questionnaire for assessing the degree of insecurity of an individual from manipulative influences. *Voprosy psikhologii*. 2012;4:147–154. Russian.
6. Gaspar T, Gaspar MM, Ribeiro JP, Peguero I, Leal AA, Albergaria F. Psychosocial factors related to bullying and victimization in children and adolescents. *Health Behavior and Policy Review*. 2014;1(6):452–459(8). DOI: 10.14485/HBPR.1.6.3.
7. Cava MJ, Musitu G, Buelga S, Murgui S. The relationships of family and classroom environments with peer relational victimization: an analysis of their gender differences. *The Spanish Journal of Psychology*. 2010;13(1):156–165. DOI: 10.1017/S1138741600003747.
8. Sheynov VP. Determinants of assertive behavior. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2015;36(3):28–37. Russian.
9. Sheynov VP. Development of the assertiveness test satisfying the requirements of reliability and validity. *Voprosy psikhologii*. 2014;2:107–116. Russian.

Статья поступила в редколлегию 19.07.2018.
Received by editorial board 19.07.2018.

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

— — — — —

**Вячеслав Константинович
ЩЕРБИН**

**Vyacheslav Konstantinovich
SHCHERBIN**

— — — — —

Лауреат Государственной премии Республики Беларусь в области науки и техники, один из создателей уникальной энциклопедии «Беларуская мова» Вячеслав Константинович Щербин 17 ноября отметил свой 65-летний юбилей. Его необыкновенное трудолюбие, целеустремленность и просто фанатическая преданность науке поражают, вызывают искреннее уважение и восхищение. Из-под его пера вышли более пятисот научных статей, десяток монографий, словарей и энциклопедических справочников, которые широко цитируются (на них постоянно ссылаются как начинающие, так и маститые ученые). Вся жизнь В. К. Щербина – это неустанный поиск, увлекательное путешествие в мире знаний. Поздравляем и приветствуем нашего постоянного автора, надежного друга, истинного романтика и мечтателя, известного белорусского ученого Вячеслава Константиновича Щербина с днем рождения!

Сын учителя истории, фронтовика, с ранних лет впитавший любовь к печатному слову, он так окончательно и не определился с выбором «своего»

научного направления. Да, В. К. Щербин – не профессиональный социолог, философ, историк, экономист, политолог, по научной специализации он филолог, имеет ученую степень кандидата филологических наук, но его эрудиция, кругозор, энциклопедичность знаний столь широки, что каждая публикация этого блестящего ученого в перечисленных областях научных знаний вызывает повышенный интерес у читателей. В свои статьи и монографии он вкладывает огромный труд скрупулезного исследователя и книжника, отдает каждой работе практически всего себя. Автор этих строк ни разу не видел В. К. Щербина празднующим или ничего не делающим: он всегда в творческом поиске, увлеченный новой темой, напряженно трудится, а библиотека давно стала его настоящим домом.

Юбиляр справедливо называет себя науковедом, и это широкое междисциплинарное понятие, как никакое другое, очень точно характеризует его научные предпочтения. Вячеслав Константинович – гуманитарий по своей сути, обществовед и энци-

клопедист. Он – профессионал с большой буквы, что сегодня, к сожалению, большая редкость.

Есть у Вячеслава Константиновича еще родовая отметина: его малой родиной является Белорусское Полесье – д. Рудня-Горбовичская Калинковичского района Гомельской области. И полешук он не только по происхождению, но и по сути: настойчив, скромен, честен, принципиален в поступках. В общественном мнении Вячеслав Константинович – непримиримый и последовательный сторонник научной истины, высокообразованный и знающий специалист, который признает только факты, и никакие авторитеты не могут его заставить изменить свою научную позицию. Слова Аристотеля «Платон мне друг, но истина дороже» – про В. К. Щербина. Будет страдать, переживать, но сделает и скажет открыто только то, что позволят ему совесть ученого и научно доказанная истина. Сколько неприятностей из-за своей принципиальности пришлось ему перенести, сколько драм пережить, знает только он один, об этом можно только догадываться. И мы, поздравляя Вячеслава Константиновича с юбилеем, открыто говорим, что гордимся своим другом и подвижником. Именно на таких ученых, как В. К. Щербин, честных в словах и оценках, и держится авторитет всего института науки...

После срочной службы (а служил Вячеслав Константинович в Печах, что под Борисовом, демобилизовался старшим сержантом в должности заместителя командира взвода) сразу поступил на подготовительное отделение, а затем на филологический факультет Белорусского государственного университета (1974). Трудно было поверить, что наука по-настоящему захватит молодого человека, но произошло невероятное. Ранее он отдавал предпочтение занятиям спортом, но после поступления погрузился в неизвестный ему мир науки, колесил по городам и весям с лекциями, отстаивал свою позицию в дискуссиях, много писал и не расставался с книгой. Поступив в аспирантуру Института языкознания имени Якуба Коласа Академии наук БССР, с необыкновенной страстью Вячеслав Константи-

нович включился в работу над кандидатской диссертацией. В 1983 г. В. К. Щербин успешно защитил диссертацию «Общее и специфическое в лексико-семантических системах близкородственных языков (на материале русской и белорусской пространственной и временной лексики)» под научным руководством известного лингвиста профессора А. Е. Михневича.

Ритм жизни Вячеслава Константиновича не менялся после защиты кандидатской диссертации, может, стал даже еще более напряженным. С 1982 г. В. К. Щербин – научный сотрудник Института языкознания имени Якуба Коласа АН БССР, с 1990 г. – член Президиума АН БССР (ведущий, а затем главный специалист, помощник президента НАН Беларуси). С 1999 г. по совместительству работал в Аналитическом центре НАН Беларуси, а в 2003 г. окончательно перешел в Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси (в 2004–2006 гг. – заместитель директора), где и работает до настоящего времени.

Вячеслав Константинович – один из наиболее востребованных ученых-обществоведов. Он всегда легок на подъем, является постоянным и активным участником многих международных научных форумов, где достойно представляет белорусскую науку. В нем подкупают искреннее стремление к правде, честному покорению вершин в науке, высоконравственное отношение к жизни вообще. Вячеслав Константинович – мечтатель по жизни, и далеко не все его мечты реализованы, а значит, впереди – новые вершины, большие дела и свершения.

Примите, дорогой Вячеслав Константинович, наши искренние и сердечные поздравления. Оставайтесь и дальше таким же бескомпромиссным ученым, доброжелательным и отзывчивым товарищем, человеком, истинно верящим в академическое братство, имеющим свою точку зрения и решительно, открыто отстаивающим научную истину.

А. Н. Данилов¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

ГЕОПОЛИТИКА В ЭПОХУ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

GEOPOLITICS IN THE ERA OF INSTABILITY: SOCIOLOGICAL INTERPRETATION OF MODERNITY

Мы живем в эпоху, когда мир меняется стремительно и неотвратно. Международные отношения включают в себя все новые факторы влияния на важнейшие события, постоянно увеличивается скорость принятия важнейших управленческих решений, политикам все сложнее отличить правду ото лжи, что неизбежно влечет за собой совершение неадекватных дей-

ствий. Между тем процесс ускорения и усложнения международных отношений – это не результат событий лишь последних десятилетий, а закономерно идущий веками процесс развития человеческой цивилизации. Именно на этот аспект обращают внимание Иван Иванович Антонович и Александр Николаевич Данилов, знаковые для белорусской политики фигуры, в своей совместной работе «Геополитика в эпоху нестабильности», вышедшей в издательстве «Беларуская навука». Авторами проведен социологический анализ функционирования мира как единого геополитического целого, в котором «перемешиваются» в состоянии конфликта и сотрудничества интересы всех государств. Для того чтобы достичь целей своей работы, авторы рассмотрели как классические основы геополитики, так и главных действующих игроков на мировой геополитической карте.

Книга дает представление об особенностях развития и протекания всех важных для современной

геополитики серьезных конфликтов, произошедших в последние десятилетия, причем не только традиционных (например, арабо-израильского), но и тех, которые формируют нынешнюю повестку дня в Европейском союзе (миграционный кризис, исламский радикализм).

Авторы коллективной монографии не ограничились анализом мира как единого геополитического целого. Они говорят о том, что «геополитика и геостратегия в современных условиях должны наполниться новым содержанием, предполагающим сотрудничество и солидарность вместо конфликта, предлагающим новые технологии объединения усилий и средств, крупные научно-исследовательские проекты, предполагающие постоянный мониторинг мировой ситуации с целью прогнозирования угроз и рисков, предотвращения мировых катастроф» (с. 22). Анализируя это положение авторов, зададимся вопросом: нужно ли это миру? Несомненно. Какие шансы у нас увидеть мир таким в ближайшие десятилетия? Шансы есть. Прежде всего спусковым крючком для подобных радикальных преобразований в геополитике может стать переход резких климатических изменений, сотрясающих планету, из-за плохо контролируемой деятельности человека в стадию глобальной экологической катастрофы. Если ураганы, торнадо, наводнения, аномальные заморозки и засухи станут обыденностью для всего человечества, хочешь не хочешь, а амбициозным геополитическим игрокам придется сотрудничать, а не конкурировать для элементарного выживания. Вторым шансом сменить платформу функционирования глобальной геополитики на солидарность вместо конфликта может стать переход роли глобального

лидера от США к КНР. Если США, как правильно показывают авторы монографии, ведут себя алчно и эгоистично, опираясь на партнеров и вассалов, то Китай пропагандирует переход к глобальной кооперации и сотрудничеству. Конечно, нет никаких гарантий, что впоследствии миролюбивые декларации Китая не сменятся на жесткий стиль в американском духе, но как потенциальный вариант изменения международной ситуации к лучшему такой сценарий можно рассматривать, тем более для этого есть и определенные основания. Если США опираются на мощные государства Европы, находящиеся в серьезном культурном родстве с американцами, то Китай в силу древности и самобытности просто не имеет естественных союзников. Это означает, что при серьезном давлении на мировое сообщество в американском стиле все те, кто имеет множественные культурные и исторические связи между собой, могут сформировать мощный альянс, направленный на ограничение амбиций Китая. Соответственно, более выигрышным для КНР будет стиль лидерства, ориентированный на уважение и кооперацию. Если оба фактора – экологический и китайский – пересекутся, вероятность появления более гуманной геополитики возрастет. Авторы монографии верят, что «мировое сообщество может создать единую систему глобальной геополитики, суть которой будет в том, чтобы обрушиться на главные зоны современного неравновесия на планете: ухудшение климата, рост мировой нищеты... предотвращение разрушительных военных конфликтов и агрессий со стороны

государств, оказывающих решающее влияние на ход мировых событий» (с. 378).

Исследование И. И. Антоновича и А. Н. Данилова интересно также с точки зрения выявления мотивации западных политиков при принятии ими важных геополитических решений. Авторы на богатом эмпирическом материале выявляют и демонстрируют стиль мышления западных политических элит, ценности, лежащие в основе тех или иных действий.

Коллективная монография будет полезна и тем, кто заинтересован в изучении современной англоязычной терминологии, используемой западными аналитиками и политиками при публичном объяснении и анализе мировых и региональных процессов. Несмотря на то что работа написана на русском языке, достаточно часто в скобках упоминаются англоязычные эквиваленты русских терминов (*immigration fatigue*, *powerful vested interests*, *hiperpuissance* и др.).

Книга И. И. Антоновича и А. Н. Данилова «Геополитика в эпоху нестабильности» является важным вкладом в анализ будущего, прошлого и настоящего расклада действий главных акторов на геополитической карте мира. Она рекомендуется как начинающим исследователям, так и состоявшимся ученым, может быть полезна и политикам, заинтересованным в понимании социальных механизмов, стоящих за кулисами принятия важных политических решений, меняющих мир.

С. А. Кизима¹

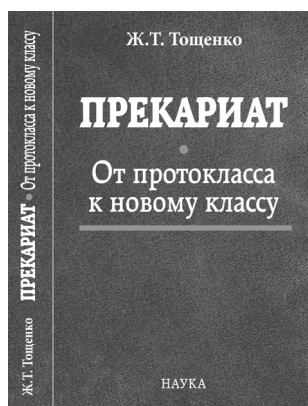
¹Сергей Анатольевич Кизима – доктор политических наук, профессор; заведующий кафедрой международных отношений факультета подготовки и переподготовки Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Sergey A. Kizima, doctor of science (political science), full professor; head of the department of international relations, faculty of training and retraining, Institute of Civil Service, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus.

E-mail: kizima@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ НЕУСТОЙЧИВОСТЬ КАК ДАННОСТЬ: СОВРЕМЕННЫЕ КООРДИНАТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ¹

SOCIAL INSTABILITY AS A GIVEN: MODERN COORDINATES OF SOCIALIZATION

Всегда приятно знакомиться с новой книгой, которая способна увлечь, заставить задуматься, вдохновить. Именно такой является научная монография Жана Терентьевича Тощенко, которая наряду с глубокой аналитикой содержит обширные статистические данные и насыщена интересным фактологическим материалом. Автор по-

гружает читателей в проблематику актуальных и чрезвычайно противоречивых процессов глобализации нестабильности в сфере трудовых и, шире, социальных отношений. Мейнстрим этих процессов можно обозначить маркером «прекариат». Это понятие, как разъясняет Ж. Т. Тощенко, образовано от лат. *precarium* (неустойчивый, нестабильный, негарантированный) и слова *пролетариат*, обозначающего класс, в свое время отчужденный от результатов труда и подвергавшийся эксплуатации в интересах господствующего класса – буржуазии. Прекариат, по мнению автора книги, – принципиально новое образование. Это социальный слой, который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особые, изощренные формы эксплуатации их труда, знаний, квалификации, что в конечном счете влияет на качество их жизни (см. с. 6).

Под флагами идей неолиберализма, которые проповедуются заинтересованными олигархами и далекими от народа правителями как единственно правильные в рыночной экономике, получают широкое развитие практики перекладывания максимального объема рисков и забот работников с организаций всех уровней на плечи самих людей. У многих, особенно молодых, работников просто не остается иного выбора, как соглашаться на временную (сезонную, неформальную) работу с «туманными» по условиям испытательными сроками, отсутствующими социальными гарантиями, «нулевыми» перспективами. Других вариантов все равно нет, особенно в сельских регионах. Отдель-

ные работодатели нагло этим пользуются, поставив, например, процедуру принятия работников с испытательным сроком и частичной оплатой труда в этот период и их неминуемое увольнение по истечении испытательного срока «на поток». Естественно, работники, попавшие в подобную ситуацию, чувствуют себя обманутыми и испытывают глубокое разочарование. И это только одна из граней сложившейся проблемной ситуации, суть и последствия которой лежат глубже.

В силу дальнейшего развертывания рассматриваемых Ж. Т. Тощенко тенденций, по нашему мнению, объективно возникают благоприятные условия для развития культуры лайфхака, которая совершенно не такая безобидная, как может показаться на первый взгляд. Это тот случай, когда волк наряжается в овечью шкуру. Картина мира предстает в сознании человека, вольно или невольно ставшего лайфхакером, в образе квеста, причем квеста, изначально несовершенного и несправедливого. А если так, то зачем играть по правилам? Напротив, нужно, используя *любые* источники информации, искать и находить «ключи взлома программы». Кто в этом преуспевает, тот хозяин жизни, а кто не хочет этим заниматься, тот неудачник, и его не жалко. Само понятие обмана меняет свою коннотацию с отрицательной на положительную. Понятие «обмануть программу» переключивается из мира компьютерных игр в реальность и становится востребованным навыком игроков всемирного квеста.

Если продолжать, как и автор монографии, находиться в классовой парадигме осмысления общественной структуры, то по степени включенности социальных субъектов в культуру лайфхака и достигнутым в результате этой включенности результатам мы можем выделить несколько основных классов.

Работники – базовый класс. Его представители в этой жизни «ничего не умеют делать», кроме как работать от зарплаты до зарплаты. Поэтому они с большим или меньшим успехом пытаются включиться в существующую систему социально-экономических отношений и найти в ней для себя местечко получше. Работники чрезвычайно уязвимы и очень сильно зависят от изменения внешних экономических и политических факторов макроуровня. В культуре лайфхака они, как правило, бес-

¹Размышления над новой книгой члена-корреспондента РАН Ж. Т. Тощенко «Прекариат. От протокласса к новому классу» (Москва: Наука, 2018).

перспективны. Те работники, кому в силу разных причин не удается устроить свою трудовую жизнь, обычно опускаются на дно и оседают в андерклассе. Там они в своем абсолютном большинстве и остаются.

Игроки – более высокий класс в общественной иерархии. Его представители стремятся максимально использовать все возможности культуры лайфхака, чтобы продвинуться. Игроки встречаются в самых разных сферах. Здесь неважна область приложения усилий. Важен образ мыслей, побуждающий использовать в своих интересах зазоры, нестыковки, щели во всем и стереотипы, предрасудки, заблуждения всех. Остап Бендер И. Ильфа и Е. Петрова или Стальная Крыса Г. Гаррисона – яркие образы таких игроков. Они отличаются высокой адаптоспособностью, гибким и вариативным мышлением, отлично приспосабливаются к любым переменам.

Мастера – очень высокий класс. Это те немногочисленные субъекты, которые систематически выигрывают во всемирном квесте либо выиграли один раз, но по-крупному, и «ничего им за это не было». Как говорится, если украл 100 долларов – будешь заключенным, а если 100 миллионов долларов – уважаемым олигархом.

Остается добавить, что над мастерами располагается высший, элитарный класс – правители. Их совсем немного, и они остаются за скобками нашего рассмотрения. Правители сами устанавливают правила и меняют их по своему желанию.

В рамках представленной социальной структуры прекариат – это, по нашему мнению, скорее не наименование класса, а *состояние* представителей различных классов. Так, представители андеркласса пребывают в нем неизменно, поскольку живут в условиях «стабильной нестабильности». Мы полагаем возможным распространить феноменологию и соответствующую ей терминологию прекариата также и на андеркласс. В нашей практике были, правда, единичные случаи, когда его представители (бомжи) находили в себе силы подняться в класс работников и закрепиться в этом статусе в сельской местности (получили крышу над головой и постоянную удовлетворительно оплачиваемую работу). Для классов работников и игроков прекариат – перманентно возникающее состояние, в котором субъекты могут находиться с разной продолжительностью. Отличия между ними состоят в том, что, когда «дует ветер», большинство работников ищут «щит», а большинство игроков думают, как сделать «парус».

Закономерный вопрос: чтобы не прозябать всю жизнь среди работников, как стать успешным игроком? Самый очевидный вариант – «чтобы научиться плавать, нужно залезть в воду». Самый беспроектный путь – родиться в «правильной» семье, где хотя бы один из родителей – успешный

игрок (а если правитель, то жизнь сразу удалась). Статус родителей автоматически определяет положение детей в сложившейся иерархии. И все снова происходит, как в старом советском анекдоте: «Сын полковника спрашивает у отца: “Папа, а я буду полковником, когда вырасту?” – “Конечно, будешь!” – “А генералом?” – “Нет, сынок, генералом не будешь”. – “А почему?” – “У генерала свой сын есть”».

Распространенность практики распределения должностей и бонусов по родству, по благу провоцирует возникновение в сознании молодых людей (у которых нет блага) мотивационной дисфункции. Зачем хорошо учиться, стараться, работать над собой, когда от этого ничего не зависит? Ярким и вместе с тем типичным является пример Ж. Т. Тощенко о том, как 25-летний молодой человек с «правильным папой» сначала назначается топ-менеджером в одну из крупнейших компаний, а затем, спустя 9 месяцев работы, получает высокую правительственную награду с формулировкой «за многолетний добросовестный труд»... Действительно, как подчеркивает автор монографии, что могут думать о подобных фактах молодые люди, родившиеся «не в тех» семьях? Мне лично, не только как профессору кафедры социологии, но и как куратору студенческой группы, периодически приходится реагировать на реплики даже очень хорошо успевающих студентов в духе: «А зачем?.. Если все равно не...» Эта формула становится типичным алгоритмом мышления в современной молодежной среде.

В ситуации распространения прекариата все большее развитие, особенно среди молодежи, получают образ мышления и модель поведения, которые мы называем «социальный прокатинг». С каждым годом все чаще сталкиваешься с ситуациями, когда на справедливые замечания научного руководителя о недостатках в работах «озадаченных жизнью» учеников приходится слышать в ответ: «Ой! А я думал(а), что и так пройдет...», или: «Если честно, я думал(а), Вы до этого места не дочитаете...», или даже: «Ну что Вы так переживаете? Кто это будет читать?..». Перечень «перлов» можно продолжить. И при этом – невинная улыбка и ни капли стеснения! Примечательно, что, во-первых, сам факт намеренного использования социального прокатинга абсолютно не вызывает никаких угрызений совести и, во-вторых, в случае неудачи человек не испытывает особой досады или заметного разочарования. Дескать, ну что же, здесь и сейчас «не прокатило». Ничего страшного, может, повезет в другой раз. Попробуем новый лайфхак... Вот и все!

Подобный опыт молодежь «со студенческой скамьи» переносит во взрослую профессиональную жизнь. Среди работников, занятых прекарным трудом, наблюдаются различные стили поведения. Часть работников сразу стремится хорошо заре-

комендовать себя, сложить о себе выгодный социальный стереотип в надежде на укрепление своего положения, причем совершенно не обязательно через труд. Главное – отыскать правильный лайфхак к шефу. Другая часть работников precarious труда изначально демонстрирует precarious отношение к нему: «Вы делаете вид, что платите нам зарплату, а мы делаем вид, что работаем». В нашей собственной производственной практике бывали случаи, когда высказываешь, например, сотруднице обоснованные требования по поводу ее ошибок, неаккуратности и невнимательности в работе, а она даже не думает извиняться или что-то исправлять. Моментально становится «в защитную стойку» и дальше возмущенно заявляет: «А что вы от меня хотите!? Я здесь *временный* работник!!!» И так три года... (Но последнее замечание – это, похоже, уже специфика белорусских социально-трудовых отношений.)

Книга Жана Терентьевича, несомненно, вызовет большой интерес читающей публики и породит еще не одну волну суждений, отзывов, комментариев. Мы в этом не сомневаемся, поскольку и актуальность темы, и ее тщательная авторская проработка, безусловно, привлекут внимание исследователей, преподавателей и думающих студентов, которые, наверное, не захотят испытать на себе все тяготы и непредсказуемости precarious. Как

говорили «старички-римляне», «кто предупрежден, тот вооружен!». На некоторое время прерывая размышления над книгой, к которой еще не раз буду возвращаться в своей научной и преподавательской деятельности, в лучших социологических традициях стараюсь отыскать на основе собственного опыта в феномене precarious что-то позитивное. И, кажется, нахожу...

Одного моего молодого коллегу, который за пять лет сменил четыре места работы, как-то спросили о том, где и когда ему было лучше всего. «Те четыре месяца, когда моя трудовая книжка лежала у меня в сумке, а я работал по отдельным проектам», – ответил он. То есть лучше всего ему было тогда, когда он находился в состоянии наибольшей нестабильности, по сути, – в условиях precarious. И я его понимаю... За окном сырое и серое октябрьское утро. Идет дождь. Ветрено. Очень не хочется выходить из квартиры. Надо! Усилим воли заставляю себя собраться и выдвинуться на работу – надежную, стабильную, с гарантированной зарплатой. Бросаю напряженный взгляд на часы – не опоздать бы! Если вдруг министерская проверка, то за каждую минуту отчитают. И это как минимум. Невольно ускоряюсь. Ловлю себя на мысли: «Эх, хорошо бы сейчас в precarious!..»

О. В. Кобяк²

²Олег Витальевич Кобяк – доктор социологических наук; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Aleh V. Kabiak, doctor of science (sociology); professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: aleh.kabiak@mail.ru

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

TO THE MEMORY OF SCIENTISTS

**Галина Николаевна
СОКОЛОВА**

**Galina Nilkolaevna
SOKOLOVA**

Как много в белорусской социологии связано с именем Галины Николаевны Соколовой! Ни времени, ни человеческого участия, ни внимания и доброты она никогда не жалела... Она отдала все сполна любимому делу – социологии, ставшей ее судьбой.

Родилась Галина Николаевна 19 июля 1935 г. в г. Комсомольск-на-Амуре Хабаровского края (Россия). В науку она пришла социально зрелым человеком: за плечами уже были Рязанский радиотехнический институт и опыт работы инженером-конструктором на крупном промышленном предприятии в Молодечно. Университетские социологи разглядели в молодом, инициативном и ответственном инженере будущую звезду белорусской социологии. Вся дальнейшая жизнь Г. Н. Соколовой – самозабвенная, упоительная, занимающая все время без остатка радость служения Ее Величеству Науке. Галина Николаевна прошла путь покорения вершин, подобно восхождению на Эверест: очная аспирантура Института социологических исследований АН СССР в Москве (диплом с отличием), работа в Институте социологии НАН Беларуси, последовательное выполне-

ние возрастающих по сложности и напряженности задач в исследовательских проектах, защита кандидатской и докторской диссертаций, написание монографий; разработка авторского курса по экономической социологии и преподавание его в Белорусском государственном университете, создание уникального учебника, хрестоматии, энциклопедического словаря и практикума по любимой дисциплине. В итоге Г. Н. Соколова была удостоена большой государственной награды: ей присвоили звание заслуженного работника образования Республики Беларусь. Галина Николаевна была создателем белорусской экономико-социологической научной школы и всегда оставалась ее лидером, имела высокий и заслуженный авторитет, уважение и признание среди коллег и научной общественности.

В судьбе Г. Н. Соколовой отразилось так много характерных черт целого поколения. Родители, врачи по специальности, по зову сердца приехавшие по комсомольской путевке строить Комсомольск-на-Амуре, создали молодую семью. Далее были детство, опаленное войной, великая и долгожданная Победа, возвращение с войны отца – полковника

медицинской службы, который по жизни навсегда остался примером для подражания. Затем – учеба, работа и неустанный поиск себя... О чем только ни мечталось: хотелось заниматься всем, испытать себя даже в самых немыслимых делах, все изучить и познать, везде и во всем «дойти до самой сути», как писал любимый Галиной Николаевной Борис Пастернак. И при этом обязательно – покорять небо, прыгать с парашютом, заниматься спортивной гимнастикой, непременно освоить английский язык. Было у Галины Николаевны и еще одно горячее, не проходящее всю жизнь желание – танцевать. Кстати, многие мечты сбылись. Галина Николаевна не из тех, кто легко менял свою позицию и бросал начатое дело на полпути.

Социолог Г. Н. Соколова стала свидетелем и активным участником возрождения социологической

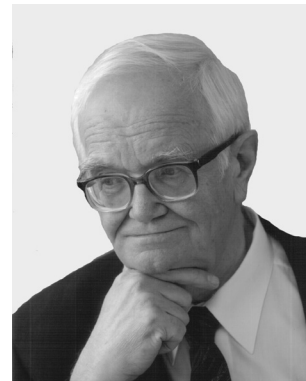
науки в стране, была настоящим интеллигентом, тонким ценителем богатого классического культурного наследия, хорошо знала отечественную и мировую культуру, особенно симфоническую музыку, поэзию и литературу.

Галина Николаевна стояла у истоков создания Института социологии НАН Беларуси, входила с первых дней в состав редколлегии нашего журнала, была его активным автором...

Каждый прожитый день Галины Николаевны был расписан буквально по минутам, поэтому и успела так много. Ее профессионализм, доброта, отзывчивость и человеческое тепло, отданные людям, навсегда останутся в памяти и сердцах родных, близких, коллег, учеников.

А. Н. Данилов

**Вячеслав Семенович
СТЁПИН**
**Vyacheslav Semenovich
STEPIN**

Когда завершалась работа над версткой этого номера, пришла печальная весть о смерти нашего постоянного автора, члена редакционного совета, выпускника и почетного профессора Белорусского государственного университета, академика РАН, выдающегося философа современности Вячеслава Семеновича Стёпина. Невосполнимая утрата для всех родных и близких, коллег-ученых, прежде всего гуманитариев.

Родился Вячеслав Семенович 19 августа 1934 г. в пос. Навля Брянской области (Россия). Всю свою жизнь он посвятил любимому делу – философии. Его талант проявился еще в школе, которую он окончил с золотой медалью, а уже в университете В. С. Стёпин заметно опережал своих сверстников. Он рано определился с научной специализацией,

которой остался верен до последних дней. Это – философия естествознания, где ученый попытался соединить углубленную философскую подготовку с изучением физики.

В 1970-х гг. под руководством В. С. Стёпина формируется минская методологическая школа, которая на века прославила Белорусский государственный университет и белорусских гуманитариев. Как правило, научные школы возникают, когда появляется человек с повышенным «энергетическим зарядом», который, активно занимаясь исследованиями, вырабатывая новые идеи, заражает ими других. Концепция теоретического знания, его структуры и генезиса, разработанная Вячеславом Семеновичем в минский период его деятельности, остается одной из самых содержательных и пер-

спективных в области современной философии и методологии науки в целом.

Коллеги и друзья Вячеслава Семеновича с восторгом вспоминают счастливые 1980-е гг., когда он возглавил кафедру философии гуманитарных факультетов Белорусского государственного университета. Там сразу возникла творческая атмосфера, сформировался коллектив единомышленников, стало интересно жить и трудиться. Помимо напряженной работы со студентами, аспирантами и докторантами, сотрудники кафедры стали готовить и регулярно выпускать коллективные монографии, оригинальную учебную литературу. Довольно быстро кафедра приобрела всесоюзный авторитет.

Хватило в жизни Вячеслава Семеновича и трудностей. Шестидесятник по духу, он искренне желал сделать весь мир счастливым, в 1968 г. симпатизировал «коммунистам с человеческим лицом», что привело к исключению его из партии. Нависла реальная угроза потери профессии. Дело дошло до ЦК. Спасла поддержка настоящих друзей и студенчества, для которых В. С. Стёпин стал настоящим кумиром. Были и такие, кто в трудную минуту по карьерным соображениям отвернулся. Тогда все обошлось. Вскоре В. С. Стёпина со строгим выговором восстановили в партии. Но шрам на сердце от персонального дела, а еще больше от предательства некоторых близких товарищей остался на всю жизнь. Сколько с этим инцидентом далее по жизни было связано, так называемых дополнительных препятствий – не счесть.

Затем последовало приглашение В. С. Стёпина в Москву, где, несмотря на большую административную занятость, он ни на минуту не прекращал свою научную деятельность. Конечно, всегда помнил и о малой родине, которой Вячеслав Семенович считал столицу Беларуси – Минск. Фактически все годы работы в Москве он никогда не терял связи со своей *alma mater*, оставаясь представителем белорусской науки в Российской академии наук и Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова.

По инициативе и под патронажем В. С. Стёпина в Минске неоднократно проходили крупные международные научные форумы, в том числе в октябре 2017 г. – Первый белорусский философский конгресс, собравший выдающихся ученых со всего мира. Вячеслав Семенович активно сотрудничал с научными изданиями БГУ, регулярно публиковал в них свои новые работы, помогал в подборе и рецензировании материалов. В БГУ стали традиционными круглые столы под его председательством, встречи с известными учеными, презентации новых книг Института философии РАН. Подарком судьбы были незабываемые лекции профессора В. С. Стёпина для студентов факультета философии и социальных наук БГУ, философские диалоги и вечера поэзии.

Образец ученого-интеллигента, человек кристальной честности, высокой культуры и личного обаяния, Вячеслав Семенович пользовался огромным авторитетом среди научной общественности и студенчества. Для научного сообщества он по праву стал моральным авторитетом. На долю В. С. Стёпина выпало немало испытаний, но он сумел пройти их достойно, не запятнав свое доброе имя в науке, не позволив себе пойти на сделку с совестью.

Однако время философа В. С. Стёпина не заканчивается... Его самоотверженная работа ученого, публикации, идеи, научная школа, поистине подвижнический труд на ниве преподавания и академического управления непременно дадут свои всходы, и уже новое поколение гуманитариев откроет для себя этого поистине выдающегося ученого и педагога. Философия В. С. Стёпина вооружает ученых XXI в. методологией научного познания, раскрывает механизмы научных революций, помогает реконструировать научную картину мира и прогнозировать ее дальнейшую динамику.

Мы склоняем голову перед жизненным подвигом и памятью нашего великого Учителя и Друга...

А. Н. Данилов¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 316.334.2:338.48(075.8)

Олюнина И. В. **Социология туризма** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 12 «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия (по направлениям)» / И. В. Олюнина, В. А. Казакова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. 40 с. : табл. Библиогр.: с. 39–40. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/209807>. Загл. с экрана. Деп. 29.11.2018, № 010129112018.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-23 01 12 «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия (по направлениям)» для дневной и заочной форм обучения. Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: сущность понятий «социология», «социология туризма», основы проведения социологических исследований в сфере туризма, основные виды инструментария для проведения социологических исследований в сфере туризма, закономерности развития общества как социальной системы и функционирования такой его подсистемы, как сфера туризма, динамика представлений о сфере туризма как социальном феномене XXI в., современные социальные теории туризма, специальные теории мотивации в сфере туризма. В основу курса положено формирование фундамента знаний по социологии туризма на основе изучения достижений мировой и отечественной мысли.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

Голубев С. Г. Построение цифровой экономики в государствах постсоветского пространства сквозь призму мирового опыта.....	4
Шавель С. А. Структура неэкономических факторов экономического роста и целостного развития общества.....	15
Смирнова Р. А. Социологическая оценка регулирующего воздействия государства на развитие предпринимательства.....	29

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Антонович И. И. Историческая традиция внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов Америки как условие глобального неравновесия.....	39
Берков В. Ф. Принцип деятельности как логико-методологическая основа управления социальными процессами.....	48
Беляева Е. В. Нравственность как сложная саморазвивающаяся система.....	57

КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР

Мысливец Н. Л. Память коллективная <i>versus</i> память индивидуальная: к вопросу о симфоничности.....	65
Волотовский И. Д. Об одном неприглядном событии в истории советской науки. Очередная сессия ВАСХНИЛ 1948 г.	75
Дудчик А. Ю. История философии как основание советского канона: первый лекционный курс по диалектическому материализму в Беларуси в 1920-х гг.	82

ДИСКУССИЯ

Кирвель Ч. С. Современное образование «в тисках» либерально-рыночного экстремизма.....	88
Шамякина Т. И. Наука, паранаука, искусство: механизмы сближения.....	97

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

Сурмач М. Ю. Качество медицинской помощи как предмет медико-социологического изучения.....	109
Бельский А. М. Ключевые вызовы развития независимой Беларуси в фокусе медиа и уровень социальной напряженности: социологическая реконструкция.....	117

КУРС ПО ВЫБОРУ

Можейко М. А. Любовь как награда за подвиг: трактовка любви в северофранцузском рыцарском романе.....	126
---	-----

В КОНСПЕКТ СОЦИОЛОГА

Шейнов В. П. Методика исследования виктимизации взрослых индивидов.....	133
---	-----

ЮБИЛЕИ

Вячеслав Константинович Щербин.....	143
-------------------------------------	-----

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Кизима С. А. Геополитика в эпоху нестабильности: социологическое прочтение современности.....	145
Кобяк О. В. Социальная неустойчивость как данность: современные координаты социализации.....	147

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Галина Николаевна Соколова.....	150
Вячеслав Семенович Стёпин.....	151
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	153

CONTENTS

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Golubev S. G.</i> Building a digital economy in the post-Soviet states through the prism of international experience	4
<i>Shavel S. A.</i> Structure of non-economic factors of economic growth and complex development of society	15
<i>Smirnova R. A.</i> Sociological assessment of the regulatory influence of the state on the development of entrepreneurship	29

ARTICLES AND REPORTS

<i>Antonovich I. I.</i> Historical tradition of foreign policy strategy of the United States of America as a condition for global imbalance	39
<i>Berkov V. F.</i> Principle of activity as a logical and methodological basis for social processes management	48
<i>Belyaeva E. V.</i> Morality as a complex self-developing system	57

CULTURAL TRANSFER

<i>Myslivets N. L.</i> Collective memory <i>versus</i> individual memory: on the question of the symphonic memory of the past	65
<i>Volotovskii I. D.</i> On one unsightly page in Soviet science history. A regular session of All-Union Lenin Academy of Agriculture Sciences of 1948	75
<i>Dudchik A. Y.</i> History of philosophy as foundation for the Soviet canon: the first lecture course in dialectical materialism in Belarus in the 1920s	82

DISCUSSION

<i>Kirvel Ch. S.</i> Modern education «in the clutches» of liberal market extremism	88
<i>Shamyakina T. I.</i> Science, parascience, art: mechanisms of convergence	97

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Surmach M. Y.</i> Quality of medical services as a subject of medical-sociological study	109
<i>Belski A. M.</i> Key challenges of the development of the Belarusian State in the focus of media and the level of social tension: sociological reconstruction	117

OPTION COURSE

<i>Mojeiko M. A.</i> Love as a reward for the feat: the interpretation of love in the North French knightly romance	126
---	-----

SYNOPSIS OF A SOCIOLOGIST

<i>Sheinov V. P.</i> Methodology of the investigation of adult-individual victimization	133
---	-----

JUBILEES

Vyacheslav Konstantinovich Shcherbin	143
--	-----

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

<i>Kizima S. A.</i> Geopolitics in the era of instability: sociological interpretation of modernity	145
<i>Kabiak A. V.</i> Social instability as a given: modern coordinates of socialization	147

TO THE MEMORY OF SCIENTISTS

<u>Galina Nilkolaevna Sokolova</u>	150
<u>Vyacheslav Semenovich Stepin</u>	151
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU	153

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 4. 2018**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редактор *С. Е. Богуш*
Технический редактор *Т. А. Караневич*
Корректор *Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 22.12.2018.
Тираж 170 экз. Заказ 444.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2018

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 4. 2018**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editor *S. J. Bohush*
Technical editor *T. A. Karanevich*
Proofreader *L. A. Merkul'*

Signed print 22.12.2018.
Edition 170 copies. Order number 444.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'variiskaya Str., Minsk 220004.

© BSU, 2018